РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. Бастрыкин,
Председатель Следственного комитета Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ

А.В. Федоров,
заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор

А.М. Багмет,
исполняющий обязанности ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

О.Ю. Антонов,
старший помощник руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике (по информационно-статистическому обеспечению), доктор юридических наук, доцент

Ю.П. Боруленков,
проректор Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

З.И. Брижак,
заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации — декан первого факультета повышения квалификации (г. Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук

В.В. Бычков,
ученый секретарь Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

И.В. Грошев,
проректор по научной работе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

А.И. Гук,
начальник Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук

А.В. Ендольцева,
заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе, доктор юридических наук, профессор

И.А. Калиниченко,
начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, генерал-майор полиции, кандидат педагогических наук

В.Н. Карагодин,
заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации – декан второго факультета повышения квалификации (г. Екатеринбург), заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

А.И. Комзолов,
начальник правового управления Управления делами Президента Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

А.А. Крымов,
начальник Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань), кандидат юридических наук, доцент

Е.А. Курнышева,
заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации — декан четвертого факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород), кандидат педагогических наук

Е.Л. Логинов,
заместитель директора Института проблем рынка РАН, доктор экономических наук, дважды лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

В.Б. Мантусов,
начальник Российской таможенной академии, доктор экономических наук, профессор

И.М. Мацкевич,
профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор

Г.Б. Мирзоев,
ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

С.Г. Симагина,
заместитель директора Научно-исследовательского института образования и науки, доктор экономических наук, доцент

А.В. Симоненко,
начальник Воронежского института МВД России, доктор юридических наук, профессор

Н.Д. Эриашвили,
главный редактор Объединенной редакции, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

А.Н. Яковлев,
заместитель руководителя отдела компьютерно-технических и инженерно-технических исследований управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. Bastrykin,
Chairman of the Investigative committee of the Russian Federation, Honored lawyer of Russia, doctor of law, professor

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,
deputy Chairman of Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, professor

A.M. Bagmet,
acting as the rector of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

O.Yu. Antonov,
senior assistant of head of Investigative management of the Investigative committee of Russia across the Udmurt Republic (on informational statistical providing), doctor of law, associate professor

Yu.P. Borulenkov,
vice-rector of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

Z.I. Brizhak,
deputy director of the Institute of professional development of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation — dean of the First faculty of increase qualifications (Rostov-on-Don), candidate of psychology

V.V. Bychkov,
scientific secretary of Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

I.V. Groshev,
prorector on scientific work of Tambov state university name of G.R. Derzhavin, doctor of psychology, doctor of economics, professor, Honored scientist of Russia

A.I. Guk,
chief of Ural Institute of Law of MIA of Russia, candidate of philosophy

A.V. Endoltseva,
deputy chief of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot on scientific work, doctor of law, professor

I.A. Kalinichenko,
head of the Moscow University of the MIA of Russia VY name Kikot, Police Major General, candidate of pedagogics

V.N. Karagodin,
deputy director of Institute for Advanced Studies of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation — dean of the Second faculty training (Ekaterinburg), Honored lawyer of Russia, doctor of law, professor

A.I. Komzolov,
chief of Law department of the Presidential Executive Office, doctor of law, associate professor

A.A. Krymov,
head of the Academy of law and management of the Federal penal service (Ryazan), candidate of law, associate professor

E.A. Kurnysheva,
deputy director of the Institute of professional development of Academy of the Investigative committee of the Russian Federation — the dean of the Fourth faculty training (Nizhny Novgorod), candidate of pedagogics

E.L. Loginov,
deputy director of Institute of market problems of the Russian Academy of Sciences doctor of economics, twice laureate of award of the Government of Russia in the field of science and technology

V.B. Mantusov,
the head of the Rassian customs Academy, doctor of economics, professor

I.M. Matskewich,
professor of department of criminology and criminal law enforcement of Moscow State Law University name O.E. Kutafin, Honored scientist of Russia, doctor of law, professor

G.B. Mirzoev,
rector of Russian Academy of Advocacy and Notaries, doctor of law, professor, Honored lawyer of Russia

S.G. Simagina,
deputy director of Scientific and Research Institute of Education and Science, doctor of economics

A.V. Simonenko,
chief of Voronezh Institute of MIA of Russia, doctor of law, professor

N.D. Eriashvili,
editor-in-chief of the Joined editorship, candidate of history, candidate of law, doctor of economics, professor, winner of the award of the Government of Russia in the field of science and technics

A.N. Yakovlev,
deputy head of department of the computer technical and engineer technical researches of management of the organization expert criminalistic activity of Head department of criminalistics of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

УЧРЕДИТЕЛЬ

Академия Следственного комитета Российской Федерации

Исполняющий обязанности ректора ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации» кандидат юридических наук, доцент
генерал-майор юстиции
А.М. Багмет

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор Объединенной редакции
Н.Д. Эриашвили,
д-р экон. наук, канд. юрид. и истор. наук, проф., лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

В подготовке номера участвовали:

А.Ж. Саркисян,
руководитель редакционно-издательского отдела Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук

Корректор
Л.П. Кравченко

Художник
А.П. Яковлев

Верстка номера
М.А. Бакаян

Сборник зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58716

Адрес редакции:
125080, Москва,
ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: ask_rf@mail.ru

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ № 1/2016

А.И. БАСТРЫКИН. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации экстремизму на Украине как защита Российского государства и общества 9

А.В. ФЕДОРОВ. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности за сбыт семян мака, засоренных наркотическими средствами 13

А.М. БАГМЕТ, Т.Н. ПЕТРОВА. Совершенствование уголовного законодательства о преступлениях, совершенных медицинскими работниками 19

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

В.В. БЫЧКОВ. Проблемные вопросы квалификации преступлений, связанных с применением оружия 25

Л.Е. ГИВЕЛЬ, Д.А. ХАУСТОВ. Влияние гражданско-правового статуса субъекта предпринимательской деятельности на ответственность за коррупционные правонарушения 30

Г.В. ДАШКОВ. Направления совершенствования научной составляющей в механизме противодействия коррупции 35

А.Л. ИВАНОВ, Я.Н. ЕРМОЛОВИЧ. Новое уголовное законодательство Республики Казахстан об уголовной ответственности за преступления против военной службы (начало) 39

Е.А. КОНДРАТЬЕВА, М.С. ШАЛЬНЕВА. Проблемы развития института консолидированной группы налогоплательщиков в России: риски злоупотребления в целях уклонения от уплаты налогов 44

А.А. КУЗНЕЦОВ. Критерий насильственного захвата власти 53

А.А. МИШЕНИНА, Ю.В. РОДИОНОВА. Отдельные аспекты противодействия коррупции в Следственном комитете Российской Федерации 59

В.И. МАЙОРОВ, П.В. МОЛЧАНОВ. Быть или не быть ДТП? (социальная и административно-правовая сущность) 63

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

■ Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.

■ Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

■ При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов сборника «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения» ссылка на сборник обязательна.

■ В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лиц, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 25,25
Печать офсетная

Отпечатано в **типографии «Буки Веди» ООО «Ваш полиграфический партнер»**
Москва, Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод – 1000 экз.

А.В. ПОЛУКАРОВ. Совершенствование уголовно-правовых мер обеспечения безопасности социальной сферы от коррупции **70**

А.Ж. САРКИСЯН. Криминологическое прогнозирование преступности на основе математических методов **77**

О.В. СИНЧУРИН. Предупреждение коррупционных преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок **85**

Ю.А. ЦВЕТКОВ. Преступность в сфере правосудия: современное состояние и тенденции **88**

Уголовный процесс

Ю.М. БОЙЦОВ. Алгоритм расследования преступлений в сфере ЖКХ **93**

А.В. БУРЫКО, А.Г. ХАРАТИШВИЛИ. Проблемы использования вероятных выводов в заключениях экспертов в качестве источника доказательств в уголовном процессе **99**

М.Р. ГЛУШКОВ. Доказательственное значение видеозаписи в уголовном процессе России и США: сравнительный анализ **103**

А.А. ИЛЬЮХОВ. Особенности осуществления процесса доказывания в суде присяжных по делам об убийствах, совершенных из экстремистских побуждений **109**

О.В. МИЧУРИНА, О.В. ХИМИЧЕВА. Проблемы оценки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме **112**

А.А. ХАЗИКОВ. Судебный контроль как средство обеспечения законности деятельности руководителя следственного органа **116**

В.В. ЦУРКАНУ. Суд с участием присяжных заседателей: особенности рассмотрения, проблемы **121**

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Л.А. ДМИТРИЕВА. Системный подход к формированию профессионально важных качеств следователей Следственного комитета Российской Федерации **126**

Е.А. КУРНЫШЕВА. Создание института следственных судей — глазами практиков **130**

И.В. МАСЛОВ. Уголовный процесс и управление **136**

Н.В. ОСМАНОВА, А.М. НОВИКОВ. Роль становления института подследственности в формировании современной модели организации следственного аппарата **139**

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

А.А. БЕССОНОВ. Перспективы формирования криминалистической характеристики преступлений на основе информационной системы «электронный паспорт уголовного дела» **145**

А.Е. БЕСХМЕЛЬНИЦЫН. Особенности расследования уголовных дел, связанных с хищением денежных средств заказчиком при выполнении строительных работ по государственным контрактам **149**

В.Б. ВЕХОВ. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств **155**

В.О. ЗАХАРОВА. О допросе эксперта на стадии досудебного производства: уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты **159**

Н.В. КАРЕПАНОВ. Типичные следы при расследовании преступлений коррупционной направленности **165**

К.И. КИТАЙКИН, М.А. ГУДКОВА. Использование полученных в результате исследования мобильных устройств сведений о местонахождениях абонентов на базе платформ Android и iOS в ходе раскрытия и расследования уголовных дел **168**

Р.А. КОКОРЕВ. К вопросу о применении медицинских знаний в расследовании преступлений против личности **172**

А.М. КУСТОВ. Типичная модель механизма преступлений коррупционной направленности **176**

И.В. МАКОГОН, Л.В. КОСАРЕВА. Некоторые особенности организации расследования преступлений коррупционной направленности **181**

И.В. МАТОЛЫГИН. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных в составе преступных сообществ **186**

Г.И. САФОНОВ. Классификация судебной автотехнической экспертизы **190**

А.А. СТРЕЛКОВ. Установление причин детской смерти методом виртуальной аутопсии **194**

А.Б. ЯНИШЕВСКИЙ. Фармацевтический рынок — объект повышенного оперативного внимания **197**

FOUNDER:

Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Acting rector of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation candidate of law major general of justice
A.M. Bagmet

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief
N.D. Eriashvili,
the winner of an award of the Government of the Russian Federation in the field of science and equipment, doctor of economic sciences, candidate of legal and historical sciences, professor
E-mail: professor60@mail.ru

In preparation numbers involved:

A.Zh. Sarkisyan,
director of editorial and Publishing Department Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, candidate of law

Proofreader
L.P. Kravchenko

Painter
A.P. Yakovlev

Imposition
M.A. Bakayn

The journal is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications.

The certificate of registration PI № FS 77-58716

Editorial staff adress:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: **ask_rf@mail.ru**

CRIMITAN INVESTIGATION: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

CONTENT № 1/2016

A.I. BASTRYKIN. Opposition to the investigative committee of the Russian Federation to extremism in Ukraine as the protection of the Russian state and society **9**

A.V. FEDOROV. Discussion questions of criminal liability for marketing poppy seeds clogging drug **13**

A.M. BAGMET, T.N. PETROVA. Perfection of criminal legislation the crimes committed by medical workers **19**

Criminal law and criminology; criminally-executive law

V.V. BYCHKOV. Issues of crimes involving the use of weapons **25**

L.E. GIVEL, D.A. KHAUSTOV. Civil-law status of subjects of entrepreneurial activity and responsibility for corruption **30**

G.V. DASHKOV. Aspects of development of scientific constituent in anticorruption mechanism **35**

A.L. IVANOV, Y.N. EERMOLOVICH. New criminal legislation of the republic of kazakhstan of criminal responsibility for crimes against military service (beginning) **39**

E.A. KONDRATIEVA, M.S. SHALNEVA. Problems of development of the institution of the consolidated group of taxpayers in Russia: the risk of abuse for the purpose of tax evasion **44**

A.A. KUZNETSOV. Criteria of the forcible takeover of the authority **53**

A.A. MISHENINA. Certain aspects of combating corruption in Investigative Committee of Russia **59**

V.I. MAYOROV, P.V. MOLCHANOV. To be or not to be a road traffic accident? (social and administrative legal gists) **63**

A.V. POLUKAROV. Improving the criminal law measures to ensure the security of the social sphere of corruption **70**

A.Zh. SARGSYAN. Criminological prediction crime based on mathematical methods **77**

O.V. SINCHURIN. Corruption-related crime prevention in the sphere of public procurement **85**

The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA»

■ The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The respon-sibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

■ Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.

■ At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.

■ In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8. Offset printing Circulation 500 copies «Buki Vedi» «Your Publishing Partner»
Moscow, Ilmensky pr-d, d. 1, bldg.6
Tel. 8 (495) 926-63-96

Yu.A. TSVETKOV. Crime in the justice sector: current state and trends **88**

Criminal process

Yu.M. BOITSOV. Algorithm for investigation of crimes in the sphere of housing and communal services **93**

A.V. BURYKO, A.G. KHARATISHVILI. To the question about the likely opinions of experts in the production of identification studies **99**

M.R. GLUSHKOV. Evidentiary value of videos in the criminal procedure of Russia and USA: comparative analysis **103**

A.A. ILYUKHOV. Especially the implementation of the process of proof in the trial by jury in cases of homicide committed by extremist motives **109**

O.V. MICHURINA, O.V. KHIMICHEVA. Problems of evaluation of evidence at the inquiry in an abbreviated form **112**

A.A. CHASIKOV. Judicial review as a means of ensuring the legality of the activities of the head of the investigative body **116**

V.V. TCURKANU. Court jury, especially considering, the problems **121**

Judicial activism, prosecutorial activities, human rights and law enforcement

L.A. DMITRIEVA. A systematic approach to the formation of professionally important qualities of the investigators of the investigative committee of the Russian Federation **126**

E.A. KURNYSHEVA. The creation of the investigating judges — through the eyes of practitioners **130**

I.V. MASLOV. Criminal process and management **136**

N.V. OSMANOVA, A.M. NOVIKOV. The role of the formation of the jurisdiction's institute in the formation of the modern model of organization of the investigative unit **139**

Forensics; forensic activities; operatively-search activity

A.A. BESSONOV. The prospects of forming criminalistic characteristics of crimes on the basis of information system «electronic passport of the criminal case» **145**

A.E. BESKHMELNITSYN. Criminal case investigation against commercial fraud in capital construction for budgetary funds **149**

V.B. VEKHOV. Concept, types and features of fixing electronic evidence **155**

CRIMINAL INVESTIGATION: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION
1/2016

CONTENTS

V.O. ZAKHAROVA. About the interrogation of an expert in the pretrial stage: criminal procedure, forensic and organizational aspects **159**

N.V. KAREPANOV. Typical traces in investigation of crimes of corruption character **165**

K.I. KITAYKIN, M.A. GUDKOVA. Use of information on the whereabouts of the subscriber, gained by the study of mobile devices based platforms android and ios, during detection and investigation of criminal cases **168**

R.A. KOKOREV. To the question of the application of medical knowledge in the investigation of crimes against the person **172**

A.M. KUSTOV. A typical model of the mechanism of corruption crimes **176**

I.V. MAKOGON, L.V. KOSAREVA. Some features of the organization of the investigation corruption **181**

I.V. MATOLYGIN. Investigation of crimes connected with illicit trafficking in narcotic drugs, committed as part of criminal organizations **186**

G.I. SAFONOV. Classification of the judicial examination autotechnical **190**

A.A. STRELKOV. Determination of the causes of child death by a «virtual» autopsy **194**

A.B. JANISZEWSKI. The pharmaceutical market — the object of increased attention to the operational **197**

УДК 34.07
ББК 67.7

Александр Иванович БАСТРЫКИН,
Председатель Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
генерал юстиции Российской Федерации

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМУ НА УКРАИНЕ КАК ЗАЩИТА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье раскрывается экстремистская деятельность на Украине, ее влияние на российской общество и государство, а также роль Следственного комитета Российской Федерации в противодействии проникновению национализма и фашизма в Россию. Формулируется правомерность уголовного преследования на территории России гражданки Украины Н.В. Савченко.

Ключевые слова: экстремизм, национализм, фашизм, Украина, Савченко, Следственный комитет, уголовное преследование, расследование преступлений

Alexander Ivanovich BASTRYKIN,
Chairman of the Investigative committee
Russian Federation, doctor of law, professor,
Russian Federation general of justice

OPPOSITION TO THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION TO EXTREMISM IN UKRAINE AS THE PROTECTION OF THE RUSSIAN STATE AND SOCIETY

Annotation. The article deals with extremist activity in Ukraine and its impact on Russian society and state, as well as the role of the Investigative committee of the Russian Federation to counter infiltration of nationalism and fascism in Russia. Formulated the legality of criminal prosecution on the territory of Russia of the citizen of Ukraine N.V. Savchenko.

Keywords: extremism, nationalism, fascism, Ukraine, Savchenko, the Investigating committee, prosecution, investigation of crimes

На Украине продолжается разгул национализма и фашизма. Продолжается вооруженное давление на Юго-Восток страны, несмотря на иллюзорное перемирие.

К настоящему моменту около 10 тыс. мирных граждан погибли и почти 20 тыс. получили ранения в результате боевых действий на Юго-Востоке Украины. Полностью либо частично разрушено и сожжено более 10 тыс. объектов жилой инфраструктуры, в том числе жилые кварталы, административные здания, больницы, школы и детские сады. Более 1 млн человек были вынуждены покинуть зону боевых действий. По данным ФМС России, более 1 млн русскоязычных жителей Луганской и Донецкой областей вынуждены были покинуть свои жилища, а более 110 тыс. из них уже обратились с заявлениями о предоставлении им гражданства Российской Федерации. В соответствии с полученными из субъектов РФ данными о затратах, произведенных в связи с размещением беженцев, России причинен ущерб на сумму более 4 млрд руб.[1]

Российская Федерация не может не обращать внимания на обстановку своего пограничного соседа, так как гражданская война в Украине затрагивает и ее жизненно важные интересы. Поэтому Россия не только оказывает благотворительную помощь пострадавшим гражданам Юго-Востока Украины, но воздействует на украинских экстремистов правовым путем.

В частности, Следственный комитет Российской Федерации, опираясь на национальную и международную нормативную базу, расследует преступления, затрагивающие интересы нашей страны, совершенные на территории Украины и украинскими гражданами.

[1] *Александр* Бастрыкин заслушал Юго-Восток: СКР отчитался о расследовании событий на Украине // URL: http://www.kommersant.ru

В июне 2014 г. в Следственном комитете Российской Федерации создано Специальное управление по расследованию преступлений, совершенных силовыми структурами Украины на Юго-Востоке этой страны. В настоящее время в деятельности Специального управления, помимо сотрудников управления и ряда прикомандированных к ним следователей, участвуют подразделения Следственного комитета Республики Крым, Севастополя, Воронежской, Белгородской, Волгоградской и Курской областей, на подведомственные территории которых прибывают беженцы с Юго-Востока Украины.

Всего в производстве следователей находится около 60 уголовных дел по фактам многочисленных убийств гражданского населения, применения запрещенных средств и методов ведения войны, геноцида русскоязычного населения в самопровозглашенных Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР) народных республиках, а также похищения людей, воспрепятствования профессиональной деятельности журналистов и их убийства.

В ходе следствия выявлены факты преступной деятельности лиц из числа высшего политического и военного руководства Украины, а также подконтрольных им вооруженных формирований, которые с апреля 2014 г. и по настоящее время организовали применение тяжелого наступательного вооружения неизбирательного действия при обстрелах населенных пунктов ДНР и ЛНР.

Кроме того, следствием установлено, что в ходе обстрелов применяются системы залпового огня «Град», «Смерч» и «Ураган», авиационные неуправляемые ракеты, имеющие кассетные боеголовки (С-8), тактические ракетные комплексы «Точка-У», зажигательные боеприпасы, а также другие виды тяжелого наступательного вооружения неизбирательного действия, имеющего высокие поражающие свойства.

Факты применения указанного вооружения подтверждены полученными вещественными доказательствами и проведенными по ним специальными исследованиями. В частности, согласно заключению химической судебной экспертизы, в образцах почвы, доставленных с мест боевых действий в поселке Семеновка, что у г. Славянска, содержатся продукты сгорания зажигательного пиротехнического состава советского производства марки Н-17. Данной зажигательной смесью снаряжается 120-мм зажигательные мины и зажигательные авиабомбы (так называемые «фосфорные бомбы»). Зажигательные боеприпасы предназначены для вызова обширных пожаров на территории противника, уничтожения деревянных построек и сооружений, складов провизии, горюче-смазочных материалов и боеприпасов.

Потерпевшими по уголовным делам о событиях на Юго-Востоке Украины признаны более 20 тыс. человек. Около 1 тыс. из них уже направили жалобы на действия властей Украины в ЕСПЧ. При этом более половины заявлений ЕСПЧ принял к производству.

Фигурантами расследования, которое проводит Следственный комитет, являются глава МВД Украины Арсен Аваков, бывший министр обороны этой страны Валерий Гелетей, начальник генштаба вооруженных сил Украины Виктор Муженко, председатель Службы безопасности Украины Валентин Наливайченко, украинский олигарх Игорь Коломойский, а также командиры подразделений ВС и националистических батальонов «Айдар», «Донбасс» и «Днепр».

Кроме того, следствие полагает, что с ведома Авакова, Коломойского и других известных следствию лиц из числа высших руководителей Министерства обороны Украины были организованы похищение журналистов телерадиокомпании «Звезда» Андрея Сушенкова и Антона Малышева, незаконный захват журналистов этой же телерадиокомпании Евгения Давыдова и Никиты Конашенкова, а также иные незаконные действия против представителей российских СМИ.

При этом господина Коломойского подозревают в организации финансирования батальона «Днепр» с использованием средств, полученных из России. Заочно обвиняемый Коломойский является соучредителем российского ЗАО «Элит-Холдинг», которому принадлежит офисное здание, расположенное в Москве (улица Поварская, д. 10, стр. 1), а полученная в результате сдачи в аренду помещений данного здания прибыль может использоваться «для финансирования карательной операции на Юго-Востоке Украины». Кроме того, Следственным комитетом получены сведения, что господин Коломойский «через ряд подконтрольных ему юридических лиц» владеет в Крыму и Севастополе административными зданиями, помещениями и АЗС. Вся эта недвижимость (71 объект) арестована судом, в который обратилось следствие.

В настоящее время Россия находится под дипломатическим давлением с требованием освобождения гражданки Украины Н.В. Савченко, находящейся под следствием.

Н.В. Савченко обвиняется в том, что, обладая военной подготовкой и боевым опытом, полученными в других «горячих точках», в том числе в боевых действиях в Ираке, с использованием топографической карты местности, рации и сотовых телефонов вела корректировку артиллерийского огня, ведущегося из орудий регулярных Вооруженных сил Украины, батарея которых располагалась в районе поселка Веселая гора. Указанным способом 17 июня 2014 г. она навела огонь на находившихся в поселке Металлист Славяносербского района Лу-

ганской области эвакуировавшихся оттуда мирных жителей, т.е. людей, заведомо для нее не вооруженных, не экипированных и не имеющих каких-либо иных опознавательных знаков, позволяющих отнести их к числу ополченцев самопровозглашенной ЛНР, среди которых находились три сотрудника ВГТРК — граждан России. В результате обстрела двое российских граждан погибли[2].

Следствием установлено, что данные действия Н.В. Савченко совершала совместно и согласованно с командиром батальона «Айдар» С. Мельничуком, а также иными соучастниками из числа военнослужащих регулярных подразделений Вооруженных сил Украины.

Кроме того, 23 июня 2014 г. Н.В. Савченко незаконно пересекла Государственную границу РФ в районе пункта пропуска Донецк-Северный, не имея при себе документов, удостоверяющих ее личность. Сделала она это в потоке беженцев, чтобы остаться незамеченной. На попутных автомобилях она пыталась добраться до ближайшего населенного пункта, где есть железнодорожный или автовокзал. Однако автомобиль, в котором она следовала, был остановлен сотрудниками ДПС по Воронежской области для проверки. Так как документов у нее не оказалось, она была задержана до установления личности.

Следует отметить, что заявление украинских правоохранительных органов о ее похищении на Украине и насильственной перевозке в Россию — в Воронежскую область опровергается обстоятельствами, установленными и доказанными в ходе следствия.

Установлено, что после пересечения украино-российской границы Н.В. Савченко еще три дня свободно перемещалась по Воронежской области и проживала в одной из гостиниц, куда ее без паспорта по договоренности с полицией поселили на время оформления документов, удостоверяющих личность, и получения статуса беженца. Случаев такого временного расселения беженцев без документов в прилегающих к Украине регионах много. И это понятно: не оставлять же этих людей до разрешения всех формальностей на улице. Осознав, что беспрепятственно пребывать на территории России без документов она не сможет, Н.В. Савченко 26 июня 2014 г. явилась в территориальное подразделение ФМС России и подала заявление с просьбой выдать ей справку, подтверждающую личность. Это заявление, написанное ею собственноручно, есть в распоряжении следствия. В нем она также указала, что временно проживает в упомянутой гостинице.

Лишь на четвертый день, т.е. 30 июня 2014 г., после получения российскими правоохранительными органами данных о ее причастности к преступлениям против наших граждан, она была задержана в качестве подозреваемой. Однако все эти три дня до момента задержания она свободно перемещалась в месте пребывания на российской территории, это также подтверждается собранными доказательствами, в том числе показаниями свидетелей и документами.

При этом следствием отрабатывается версия ее прибытия в Россию. С учетом того, что она обладала опытом и навыками диверсионной и разведывательной деятельности, можно предполагать, что нахождение ее в России могло быть связано с совершением в будущем каких-либо противоправных действий.

На Н.В. Савченко не могут распространяться гарантии военнопленной, предусмотренные третьей Женевской конвенцией, так как она не обладает таким статусом.

Женевские конвенции четко определяют два вида вооруженных конфликтов.

Первый вид – международный вооруженный конфликт, т.е. военное противостояние между государствами. К этой категории относятся, например, объявление войны одним государством другому или непосредственно состояние войны между государствами и так далее.

В этом случае конвенции допускают возможность возникновения у попавших в юрисдикцию государства-неприятеля статуса военнопленных. Но при наличии обязательных условий:

(1) конфликт должен предполагать наличие враждующих государств;
(2) пленение представителя одного государства другим.

Вторая категория конфликтов – вооруженные конфликты, не носящие международного характера и локализующиеся в рамках одного государства. Конвенции исходят из того, что пленение в таком локальном конфликте невозможно в силу объективных причин, так как отсутствует то самое, другое враждебное государство, которое могло бы это пленение осуществить.

Следует акцентировать, что Международный комитет Красного Креста признал ситуацию на Украине вооруженным конфликтом именно немеждународного характера.

Поэтому Н.В. Савченко априори не может обладать статусом военнопленной и никакого дополнительного решения какого-либо специализированного суда о ее правовом статусе в данном случае не требуется. К участникам подобного конфликта применяется ст. 3 Женевских конвенций, которая устанавливает гарантии неприкосновенности личности, защиты чести и достоинства. Эти

[2] См. подробно: *Козлова Н.* Главный следователь России рассказал об уголовных делах, связанных с Украиной // Российский следователь. 2015. 8 сентября.

гарантии ей были обеспечены в полном объеме изначально, что признал и Европейский суд по правам человека. 10 февраля 2014 г. он вынес решение, в котором отказал в удовлетворении ходатайства защиты Н.В. Савченко о принятии обеспечительной меры в виде указания российским правоохранительным органам на необходимость немедленного освобождения ее из-под стражи. В том же решении ЕСПЧ призвал ее прекратить голодовку и даже указал на то, что применение к ней принудительного кормления в случае угрозы голодовки ее жизни не будет противоречить ст. 3 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г., предусматривающей запрет пыток.

Объективная невозможность отнесения Н.В. Савченко в момент совершения преступления к категории военнослужащих подтверждается еще и тем обстоятельством, что в момент инкриминируемых ей деяний она не находилась при исполнении служебных обязанностей военнослужащей, а пребывала в отпуске. То есть действовала вне пределов своего официального правового статуса военнослужащей.

Это обстоятельство объективно подтверждается документами и показаниями самой Н.В. Савченко. Во время отпуска она отправилась на Юго-Восток Украины, где по собственной инициативе примкнула к карательному отряду «Айдар». Иными словами, действия по корректировке артиллерийского огня, из-за чего погибли мирные жители Луганска и российские журналисты, она совершала не во исполнение военного приказа командования, а руководствуясь личными мотивами, из личного неприязненного отношения к жителям Юго-Востока Украины.

Не обладает Н.В. Савченко и иммунитетом депутата Парламентской ассамблеи Совета Европы.

Во-первых, режим иммунитета членов ПАСЕ от уголовной юрисдикции государств — участников Совета Европы закреплен в ст. 40 Устава Совета Европы 1949 г. и в ст. 13, 14, 15 и 19 ратифицированного Россией Генерального соглашения о привилегиях и иммунитетах Совета Европы. В них говорится о том, что представители членов Совета Европы и его Секретариата пользуются на территории государств-членов такими привилегиями и иммунитетами, которые разумно необходимы для выполнения ими своих обязанностей.

В данных нормах говорится также о том, что указанные иммунитеты связаны исключительно с высказываниями и голосованием в ПАСЕ. То есть рассматриваемый иммунитет включает в себя обеспечение свободы слова, выражения мнения депутата путем голосования и других действий, связанных с работой в Евпропарламенте. Кроме того, для понимания правовой сути действия иммунитета важно и положение, закрепленное в ст. 19 Генерального соглашения 1949 г. По нему привилегии и иммунитеты предоставляются в интересах Совета Европы, а не для личной выгоды.

Очевидно, что вменяемые в вину Н.В. Савченко преступления были совершены ею не в связи с деятельностью в ПАСЕ, где, уместно будет напомнить, она ни разу даже не была. И наконец, вряд ли кто-то осмелится утверждать, что убийство мирных жителей и журналистов, и тем более оправдание этих преступлений, соответствует интересам Совета Европы.

Во-вторых, статус члена ПАСЕ Н.В. Савченко получила не до, а после совершения преступления, в котором она обвиняется. Однако, согласно ст. 15 указанного Генерального соглашения 1949 г., действие иммунитета депутата во времени распространяется на период проведения сессий Консультативной ассамблеи, а также поездки представителей членов ПАСЕ к месту заседания Консультативной ассамблеи и обратно. Никаких положений, позволяющих распространить иммунитет на другие периоды времени, тем более придать им обратную силу, эти международные правовые акты не содержат.

Тем самым на момент совершения преступления международно-правовым иммунитетом Н.В. Савченко не обладала, как и не обладает им и в настоящее время. А поспешное ее назначение в парламентскую делегацию Украины в ПАСЕ свидетельствует только лишь о желании тех, кто инициировал такое решение и голосовал за его принятие, любыми способами перевести совершенное ею уголовное деяние в политическую плоскость, с тем чтобы оказать давление на Россию.

Европейский парламент принял резолюцию по Н.В. Савченко, в которой потребовал от России незамедлительно и без каких-либо условий освободить ее, пригрозив в случае отказа новыми санкциями. Как видим, посредством этой резолюции были созданы очередные надуманные правовые предпосылки для введения в отношении России новых репрессалий. Кроме того, дело Н.В. Савченко используется как повод для того, чтобы еще раз упрекнуть Россию в нарушении прав и свобод человека и продолжить политические спекуляции вокруг темы о якобы неуважительном отношении России к Европарламенту.

Нельзя исключить, что в будущем по примеру других стран будет создан международный трибунал по Украине.

Таким образом, деятельность Следственного комитета Российской Федерации по расследованию преступлений украинского национализма и фашизма можно расценивать как защиту российского общества и государства от внешнего врага, как заслон от международного экстремизма и терроризма в соответствии с новой Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

УДК 34
ББК 67

Александр Вячеславович ФЕДОРОВ,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: 1956af@mail.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СБЫТ СЕМЯН МАКА, ЗАСОРЕННЫХ НАРКОТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ

Аннотация. Статья посвящена широко обсуждаемому вопросу об обоснованности привлечения к уголовной ответственности за деяния с семенами мака, засоренными частиками маковой соломы и свернувшегося млечного сока. В ней приводится анализ международных договоров и российских нормативных правовых актов, регулирующих оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также вопросы противодействия их незаконному обороту.

Ключевые слова: наркотические средства, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, семена мака, маковая солома, опий, смесь, препарат, незаконный оборот наркотических средств, псевдоправомерный оборот наркотических средств

Aleksandr Vyacheslavovich FEDOROV,
Deputy Chairman of the investigative Committee
the Russian Federation, Candidate of Lav, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation
E-mail: 1956af@mail.ru

DISCUSSION QUESTIONS OF CRIMINAL LIABILITY FOR MARKETING POPPY SEEDS CLOGGING DRUG

Annotation. The article is devoted to a wide discussion about the validity of criminal responsibility for the acts of a poppy seed, poppy straw Chastikov clogged and coagulated latex. It is an analysis of international agreements and Russian normative legal acts regulating the traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, as well as issues of combating trafficking.

Keywords: drugs; plants containing narcotic drugs or psychotropic substances; poppy seeds, poppy straw, opium, a mixture of the drug, drug trafficking, trafficking in narcotic drugs psevdopravomerny

В начале XXI в. в Российской Федерации получили распространение незаконная продажа семян мака, засоренных наркотическими средствами — частицами маковой соломы и свернувшегося млечного сока, изготовление на их основе наркотических препаратов и их незаконное потребление, что ведет к росту наркомании.

Уже в Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2004 г. было отражено, что Российская Федерация сообщила о случаях использования семян мака для незаконного изготовления алкалоидосодержащих экстрактов в целях последующего злоупотребления ими. Как показало проведенное расследование, использовавшиеся при незаконном изготовлении таких экстрактов семена мака были загрязнены маковой соломой, что является главной причиной относительно высокого уровня содержания алкалоидов в экстрактах. Эти семена мака были ввезены в Российскую Федерацию из нескольких стран для использования в кулинарии. В связи с этим Международный комитет по контролю над наркотиками призывал все правительства быть готовыми к тому, что наркоторговцы могут использовать семена мака, смешанные с маковой соломой, при незаконном изготовлении наркотиков, и не допускать экспорта и импорта таких грузов в соответствии со своими обязательствами по Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г.[1] (далее — Еди-

[1] Текст конвенции и списки наркотических средств, включенных в перечень наркотических средств этой конвенции, см.: *Международно-правовые* основы противодействия незаконному обороту наркотиков: Сб. док. / Сост. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. М.: Инфра-М, 2005. С. 8—81.

ная конвенция 1961 г.), касающимися международной торговли маковой соломой[2].

Имеют место многочисленные факты, когда из «засоренных» наркотическими средствами семян мака лица, злоупотребляющие наркотиками, изготавливают экстракционный опий (концентрат, экстракт маковой соломы), который либо непосредственно потребляют внутривенно, либо используют в качестве исходного материала для последующего использования ацетилированного опия, также потребляемого, как правило, внутривенно.

Продажа наркотических средств под видом семян мака по российскому законодательству признается преступлением и охватывается понятием «незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ». Такой оборот, когда наркотик сбывается с использованием маскировки под видом какого-то легального продукта, как это имело место в рассматриваемом случае, в специальной литературе именуется псевдоправомерным оборотом.

С криминалистической точки зрения это «фальсификация назначения» (создание ложной информации об объекте и его криминальное видоизменение или осознанное сокрытие информации), которая приводит к псевдоправомерному обороту наркотических средств, когда под видом пищевого продукта идет легальное распространение запрещенных к обороту наркотических средств (чаще всего — маковой соломы)[3].

Как справедливо отмечается в имеющихся исследованиях, под видом пищевого продукта — кондитерского мака идет легальное распространение запрещенных к обороту наркотических средств, в частности маковой соломы. При этом зачастую такая маскировка носит условный характер. Например, зафиксированы случаи продажи «кондитерского мака» в комплекте с химическими растворителями, используемыми для разбавления масляных красок и пригодных для переработки засоренных семян мака в готовый для потребления наркотический препарат (экстракт маковой соломы)[4].

Встречающиеся в средствах массовой информации публикации о признании семян мака наркотическими средствами и привлечении кого-либо к уголовной ответственности за деяния с такими семенами фактически вводят читателя в заблуждение. Привлечение к уголовной ответственности возможно только за деяния с конкретным наркотическим средством (например, за его сбыт), которое может находиться в смеси с любым другим ненаркотическим компонентом (мукой, сахарной пудрой, семенами мака и т.д.)[5]. При этом сами семена мака как таковые предметом наркопреступления не являются, ибо не признаются ни наркотическим средством, ни психотропным веществом. Предметом преступления признается смесь наркотического средства с семенами мака, но от этого сами семена не меняют своего правового статуса, оставаясь ненаркотическим компонентом (составляющей) соответствующей смеси.

Также следует учитывать, что в Российской Федерации сбыт наркотических средств является преступлением с прямым умыслом, т.е., чтобы признать наличие в деянии лица состава такого преступления, требуется доказать наличие у него прямого умысла на распространение наркотического средства, в рассматриваемом случае — замаскированного в пищевом маке (находящегося в смеси с ним). Если лицо не знало, что фактически продает наркотик, а не семена мака, то в его действиях отсутствует состав преступления, ибо имеет место обычная торговля семенами мака как пищевым продуктом[6].

Тем не менее не только на страницах периодических изданий часто оспаривается сама возможность привлечения к уголовной ответственности за распространение семян мака, засоренных наркотическими средствами. Появились экспертные документы общественных организаций, обосновывающие такую точку зрения.

Например, на сайте Общественной палаты Российской Федерации размещено подготовленное Институтом мониторинга эффективности правоприменения заключение о правовой неопределенности российского законодательства, обуслов-

[2] См.: *Report* of the International Narcotics Control Board for 2004. United Nations. N.Y., 2005. P. 16—17.

[3] *Владимиров В.Ю.* К вопросу о псевдоправомерном обороте наркотиков // Наркоконтроль. 2007. № 1. С. 43.

[4] См.: *Россинская Е.Р., Лазарева Л.В.* Некоторые правовые и криминалистические аспекты борьбы с псевдоправомерным оборотом наркотиков // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8. С. 47—48.

[5] Термину «смесь» в российском антинаркотическом законодательстве соответствует термин «препарат», используемый в Единой Конвенции, о наркотических средствах 1961 г. Согласно этой конвенции препарат означает смесь, твердую или жидкую, которая содержит какое-нибудь наркотическое средство.

[6] По представленным ФСКН России по запросу автора сведениям территориальными органами ФСКН России в связи с отсутствием состава преступления (субъективной стороны) вынесено в 2013 г. — 112, в 2014 г. – 67, а за первое полугодие 2015 г. – 10 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам о сбыте семян мака, засоренных маковой соломой. Причина вынесения такого рода постановлений — отсутствие данных, подтверждающих наличие прямого умысла на сбыт наркотических средств.

ленной разницей в трактовке термина «маковая солома» в российских нормативных правовых актах и в международных договорах, в результате чего, по мнению авторов заключения, имеют место ошибки в правоприменительной практике[7].

В заключении ставятся под сомнение решения, в соответствии с которыми «в российском законодательстве в понятие «маковая солома» вкладывается иной смысл по сравнению с его значением на международном уровне».

По мнению авторов заключения, исходя из положений Единой конвенции 1961 г., термин «маковая солома» означает только «все части (за исключением семян) скошенного опийного мака», тогда как в Российской Федерации маковой соломой, на которую распространяются меры контроля в соответствии с национальным антинаркотическим законодательством, признается солома и других сортов мака, в том числе «специально выделенных и разрешенных к возделыванию на территории России сортов растений масличного мака».

Основываясь на этом, в заключении делается вывод, что термин «маковая солома» в международном акте, ратифицированном Российской Федерацией, и тот же термин в редакции постановления Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»[8] «не только имеют разное значение, но и противоречат друг другу», и в силу указанного противоречия эксперты в ряде случаев признают маковой соломой не только части скошенного опийного мака, но и части других видов, подвидов и семенных групп растения мак, что, «в свою очередь, ведет к ошибочной диагностике наркотического средства».

На самом деле нет никакого сущностного противоречия в изложенной ситуации с определением маковой соломы как наркотического средства. Этот вопрос не только неоднократно рассмотрен в научных исследованиях, но и становился предметом судебного рассмотрения, в том числе Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ.

Так, например, ему посвящено решение Верховного Суда РФ от 16 января 2014 г. № АКПИ13-1137 по заявлению о признании частично недействующим Списка наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список I) Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»[9].

Обратившийся в Верховный Суд РФ заявитель (как и Е.А. Лукьянова, подписавшая рассматриваемое экспертное заключение) полагает, что, поскольку маковая солома не признана Единой конвенцией 1961 г. наркотическим средством как таковым, Российская Федерация не вправе ужесточать меры контроля относительно этого вещества.

Такое мнение ошибочно, что подтверждается вышеназванным судебным решением.

1. Из текста Единой конвенции 1961 г. не следует, что в целях охраны здоровья и благополучия населения государства-участники не имеют права осуществлять меры контроля за использованием иных наркотических средств и препаратов, нежели включенных в списки наркотических средств (списки I — IV), являющиеся приложением к этому международному договору.

---

[7] Этот документ без номера и даты имеет название «Заключение о соответствии Постановления Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681, п. «г» ч. 1 ст. 1 Единой конвенции «О наркотических средствах» 1961 года и части 4 статьи 2.1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»» и подписан директором Института мониторинга эффективности правоприменения, членом Общественной палаты Российской Федерации, доктором юридических наук Е.А. Лукьяновой.

[8] См.: *СЗ* РФ. 1998. № 27. Ст. 3198; 2004. № 8. Ст. 663, № 47. Ст. 4666; 2006. № 29. Ст. 3253; 2007. № 28. Ст. 3439; 2009. № 26. Ст. 3183, № 52. Ст. 6572; 2010. № 3. Ст. 314, № 17. Ст. 2100, № 24. Ст. 3035, № 28. Ст. 3703, № 31. Ст. 4271, № 45. Ст. 5864, № 50. Ст. 6696, 6720; 2011. № 10. Ст. 1390, № 12. Ст. 1635, № 29. Ст. 4466, 4473, № 42. Ст. 5921, № 51. Ст. 7534; 2012. № 10. Ст. 1232, № 11. Ст. 1295, № 19. Ст. 2400, № 22. Ст. 2864, № 37. Ст. 5002, № 41. Ст. 5625, № 48. Ст. 6686, № 49. Ст. 6861; 2013. № 6. Ст. 558, № 9. Ст. 953, № 25. Ст. 3159, № 29. Ст. 3962, № 37. Ст. 4706, № 46. Ст. 5943, № 51. Ст. 6869; 2014. № 14. Ст. 1626; № 23. Ст. 2987, № 27. Ст. 3763, № 44. Ст. 6068, № 51. Ст. 7430; 2015. № 11. Ст. 1593, № 16. Ст. 2368, № 20. Ст. 2914, № 28. Ст. 4232, № 42. Ст. 5805.

[9] Извлечение из этого решения опубликовано. См.: *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 11. С. 9. Текст решения приведен полностью в СПС «Консультант-Плюс».

2. В соответствии со ст. 39 Единой конвенции 1961 г. ничто не препятствует государствам — участникам этого международного договора принимать более строгие или более суровые меры контроля, чем те, которые предусматриваются Конвенцией. При этом, как справедливо указывается в имеющихся научных исследованиях, использование положений международных антинаркотических конвенций для целей национального законодательства сводится не к копированию списков соответствующих средств и веществ, а заключается в использовании всей совокупности фундаментальных положений этих конвенций[10].

3. Хотя маковая солома не признается Единой конвенцией 1961 г. наркотическим средством как таковым, она подлежит специальным мерам контроля, предусмотренным ст. 22, 24—28 этого международного договора. В перечень наркотических средств (Список 1) включен концентрат из маковой соломы (материал, получаемый, когда маковая солома начала подвергаться процессу концентрации содержащихся в ней алкалоидов, если этот материал становится предметом торговли).

4. В соответствии с Единой конвенцией 1961 г. государство-участник может запретить на своей территории оборот веществ, не признанных Единой конвенцией 1961 г., но которые могут быть использованы для незаконного изготовления наркотических средств. Так, например, подп. iii п. 3 ст. 3 Единой конвенции 1961 г. предусмотрена возможность признания наркотическим средством вещества, которое «может быть превращено в наркотическое средство».

Примером тому является включение как наркотического средства в Список I вещества орипавин[11]. Основанием для принятия такого решения Комиссией по наркотическим средствам (КНС) стала рекомендация Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), основанная на том, что орипавин является веществом, которое можно переработать в тебаин, а тебаин, в свою очередь, можно переработать в морфин[12]. В связи с тем что тебаин и морфин включены в Список I Конвенции 1961 г., ВОЗ рекомендовала включить орипавин в Список I Конвенции 1961 г., так же как тебаин и морфин.

Соответственно, согласно положениям Единой конвенции 1961 г., признание вещества наркотическим средством возможно, когда вещество может быть превращено в наркотическое средство[13].

Российская Федерация, ратифицировав Единую конвенцию 1961 г. (с поправками, внесенными в нее Протоколом 1972 г.), взяла на себя обязательство принимать в пределах своей территории любые специальные меры контроля за оборотом этих средств и веществ, в том числе вводить законодательные и административные меры, какие могут быть необходимы для того, чтобы выполнять принятые на себя обязательства (п. 5 ст. 2 и п. «а» ст. 4 Единой конвенции 1961 г.). Во исполнение этих обязательств в Российской Федерации проведена работа по приведению национальных перечней наркотических средств в соответствие с международными антинаркотическими конвенциями[14].

Более того, в соответствии с международными обязательствами, исходя из развития наркоситуации в стране, криминализованы деяния с аналогами и производными наркотических средств и психотропных веществ, а также деяния с новыми потенциально опасными психоактивными веществами. При этом такие производные включены в соответствующие списки и установлены подходы к определению аналогов наркотических средств и психотропных веществ, а также новых потенциально опасных пасихоактивных веществ[15].

---

[10] *Бабаян Э.А., Гаевский А.В., Бардин Е.В.* Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров: Нормативные документы. Методические материалы. Ответы на вопросы. М.: Междунар. центр финансово-экономического развития, 2000. С. 34.

[11] Орипавин (3-О-деметилтебаин, или 6, 7, 8, 14-тетрадегидро-4,5-альфа-эпокси-6-метокси-17-метилморфинан-3-ol) представляет собой алкалоид фенантрена, содержащийся в растениях вида Papaver. Является основным метаболитом тебаина.

[12] См.: *Всемирная* организация здравоохранения. Серия технических докладов. 942. Комитет экспертов ВОЗ по лекарственной зависимости. Тридцать четвертый доклад. Женева, 2007. С. 4—5.

[13] Подробнее см.: *Федоров А.В.* Определение наркотических средств и психотропных веществ в Конвенциях ООН и его значение для уголовного законодательства // Наркоконтроль. 2012. № 4. С. 2—22.

[14] Об этом см.: *Федоров А.В.* Приведение российских перечней наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ в соответствие с международными антинаркотическими конвенциями: история вопроса и современное состояние// Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 8—18.

[15] См.: *Федоров А.В.* Определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Наркоконтроль. 2012. № 3. С. 3—18; *Он же.* Комментарий к постановлению Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2012 г. № 1178 «О внесении изменений в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 2—3; *Он же.* Определение производных наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1 (29). С. 50—61; *Он же.* Уголовная ответственность за оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ // Наркоконтроль. 2015. № 2. С. 3—16.

Таким образом, маковая солома в Российской Федерации обоснованно отнесена к веществам (предметам материального мира), контролирующимся как наркотическое средство. При этом экспертная и судебная практика исходят из того, что маковая солома — это «все части (как целые, так и измельченные, как высушенные, так и не высушенные, за исключением зрелых семян) любого сорта мака, собранного любым способом, содержащие наркотически активные алкалоиды опия»[16].

Возвращаясь к упомянутому судебному решению, следует отметить, что обратившийся в Верховный Суд РФ заявитель (как и авторы рассматриваемого заключения Института мониторинга эффективности правоприменения) полагает, что имеет место правовая неопределенность, так как в российском законодательстве не раскрывается понятие «маковая солома». Так, в заключении утверждается, что постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «не разъясняет, что подразумевается под этим словосочетанием и какие части каких растений к нему относятся».

В данном случае, как совершенно обоснованно указано Верховным Судом Российской Федерации «отсутствие в названном постановлении понятия «маковая солома» не создает правовой неопределенности, поскольку понятие «маковая солома» дано в ст. 1 Единой конвенции 1961 г. и означает все части (за исключением семян) скошенного опийного мака».

Рассмотрение российского законодательства во взаимосвязи с положениями Единой конвенции 1961 г. позволяет сделать однозначный вывод об определенности соответствующего термина, которым в национальном законодательстве обозначаются все части растения мак (независимо от вида растения), если из них могут быть получены (изготовлены) наркотические средства.

Это нашло отражение и в постановления Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 934 «Об утверждении Перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры»[17], согласно которому в соответствующий перечень растений включены «мак снотворный (растение вида Papaver somniferum L) и другие виды мака рода Papaver, содержащие наркотические средства»[18].

Вышеизложенное не означает, что все вопросы, связанные с квалификацией деяний, предметом которых являются семена мака, засоренные наркотическими средствами, детально исследованы и не вызывают вопросов при расследовании наркопреступлений.

Например, хотя и имеются соответствующие нормативные установления[19] и научные исследования[20], касающиеся определения размера нарко-

[16] См.: *Комаров И.М.* Семена растения мак как объект правовой и экспертной оценки // Библиотека криминалиста. Науч. журн. 2015. № 2(19). С. 315; *Комаров И.М., Комарова Е.И.* Семена растения мак как объект правовой и экспертной оценки // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика // Сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Юго-Западный государственный университет. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 266; *Симонов Е.А., Найденова Л.Ф., Ворнаков С.А.* Наркотические средства и психотропные вещества, контролируемые на территории Российской Федерации / Под. ред. В.В. Рогозина. М.: InterLab, 2003. С. 144.

[17] *СЗ* РФ. 2010. № 50. Ст. 6696; 2012. № 41. Ст. 5624.

[18] Подробнее об этом*: Федоров А.В.* Наркосодержащие растения как предмет преступлений и ответственность за незаконное культивирование наркосодержащих растений // Наркоконтроль. 2011. № 1. С. 14—27.

[19] См.: Постановление Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей ст. 228, 228[1], 229 и 229[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 41. Ст. 5624, № 49. Ст. 6861; 2013. № 6. Ст. 558, № 25. Ст. 3159, № 29. Ст. 3962, № 37. Ст. 4706, № 46. Ст. 5943, № 51. Ст. 6869; 2014. № 14. Ст. 1626, № 27. Ст. 3763, № 44. Ст. 6068, № 51. Ст. 7430; 2015. № 11. Ст. 1593, № 20. Ст. 2914, № 28. Ст. 4232, № 42. Ст. 5805.

[20] *Гордеев Р.Н.* О квалификации незаконного оборота наркотических средств, находящихся в смеси // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей: Сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т ФСКН России, 2015. С. 302—306; *Иванова Е.В.* Вопросы квалификации незаконного оборота семян растения мак // Законность. 2011. № 2. С. 25—30; *Яковлев С.П.* Рекомендации по вопросу определения веса наркотического средства маковой соломы, обнаруживаемой в семенах пищевого мака // Наркоконтроль. 2007. № 4. С. 19—20; и др.

тических средств, находящихся в смеси с ненаркотическими компонентами (в том числе семенами мака), этот вопрос, на наш взгляд, урегулирован еще недостаточно.

Список литературы

1. *Бабаян Э.А., Гаевский А.В., Бардин Е.В.* Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров: Нормативные документы. Методические материалы. Ответы на вопросы. М.: Междунар. центр финансово-экономического развития, 2000.

2. *Владимиров В.Ю.* К вопросу о псевдоправомерном обороте наркотиков // Наркоконтроль. 2007. № 1.

3. *Гордеев Р.Н.* О квалификации незаконного оборота наркотических средств, находящихся в смеси // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей: Сб. материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т ФСКН России, 2015.

4. *Иванова Е.В.* Вопросы квалификации незаконного оборота семян растения мак // Законность. 2011. № 2.

5. *Комаров И.М.* Семена растения мак как объект правовой и экспертной оценки // Библиотека криминалиста: Науч. журн. 2015. № 2(19).

6. *Комаров И.М., Комарова Е.И.* Семена растения мак как объект правовой и экспертной оценки // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: Сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Юго-Западный государственный университет. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015.

7. *Международно-правовые* основы противодействия незаконному обороту наркотиков: Сб. док. / Сост. В.С. Овчинский, А.В. Федоров. М.: Инфра-М, 2005.

8. *Россинская Е.Р., Лазарева Л.В.* Некоторые правовые и криминалистические аспекты борьбы с псевдоправомерным оборотом наркотиков // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8.

9. *Симонов Е.А., Найденова Л.Ф., Ворнаков С.А.* Наркотические средства и психотропные вещества, контролируемые на территории Российской Федерации / Под. ред. В.В. Рогозина. М.: InterLab, 2003.

10. *Федоров А.В.* Комментарий к постановлению Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2012 г. № 1178 «О внесении изменений в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации // Наркоконтроль. 2013. № 1.

11. *Федоров А.В.* Наркосодержащие растения как предмет преступлений и ответственность за незаконное культивирование наркосодержащих растений // Наркоконтроль. 2011. № 1.

12. *Федоров А.В.* Определение аналогов наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Наркоконтроль. 2012. № 3.

13. *Федоров А.В.* Определение наркотических средств и психотропных веществ в Конвенциях ООН и его значение для уголовного законодательства // Наркоконтроль. 2012. № 4.

14. *Федоров А.В.* Определение производных наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1 (29).

15. *Федоров А.В.* Приведение российских перечней наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ в соответствие с международными антинаркотическими конвенциями: история вопроса и современное состояние // Наркоконтроль. 2013. № 2.

16. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность за оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ // Наркоконтроль. 2015. № 2.

17. *Яковлев С.П.* Рекомендации по вопросу определения веса наркотического средства маковой соломы, обнаруживаемой в семенах пищевого мака // Наркоконтроль. 2007. № 4.

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

Анатолий Михайлович БАГМЕТ,
и.о. ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации,
почетный сотрудник Следственного
комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: akskrf@yandex.ru

Татьяна Николаевна ПЕТРОВА,
преподаватель лаборатории по управлению
профессиональными знаниями следствия
Академии Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: petrova_st@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

Аннотация. В статье приводится обзор норм права зарубежных стран, предусматривающих уголовную ответственность медицинских работников за совершение ими профессиональных преступлений, проанализированы предложения ученых-юристов по корректировке ряда норм отечественного уголовного законодательства, а также выработаны предложения для внесения соответствующих изменений в Уголовный кодекс РФ.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, медицинские работники, уголовная ответственность, некачественное оказание медицинской помощи

Anatoliy Mikhailovich BAGMET,
Acting rector of the Academy
of the Investigative committee
of the Russian Federation,
Honorary member of the Investigative
committee of the Russian Federation,
candidate of legal sciences, associate professor
E-mail: akskrf@yandex.ru

Tatiana Nikolaevna PETROVA,
Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
teacher professional knowledge management lab
E-mail: petrova_st@mail.ru

PERFECTION OF CRIMINAL LEGISLATION THE CRIMES COMMITTED BY MEDICAL WORKERS

Annotation. This article gives an overview of the law of foreign countries, providing for criminal liability of medical workers for committing professional crimes, analyzed the proposals of legal scholars to adjust a number of norms of domestic criminal law, as well as proposals to amend the Penal Code of the Russian Federation.

Keywords: iatrogenic crimes, medical workers, criminal responsibility, poor medical care

Некачественное оказание медицинской помощи в Российской Федерации сегодня стало проблемой если не первостепенной, то однозначно требующей повышенного внимания не только со стороны Министерства здравоохранения и его контролирующих органов (Росздравнадзора и Роспотребнадзора), страховых организаций, но и правоохранительных органов. Резко выросло число криминальных происшествий в сфере здравоохранения. Только за после-

дний месяц 2015 г. и начало 2016 г. средства массовой информации регулярно сообщали о недобросовестном выполнении медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, обернувшихся трагическим исходом. Это смерть 24-летней роженицы и ее ребенка в Туапсинской районной больнице в конце декабря 2015 г., гибель восьми новорожденных в Орловском перинатальном центре за неполный январь нынешнего года, оставление хирургической простыни в брюшной полости женщины после проведения кесарева сечения в Первом Санкт-Петербургском государственном медицинском университете им. ак. И.П. Павлова, смерть 28-летней беременной женщины от разрыва сосуда селезенки в роддоме № 16 г. Санкт-Петербурга в начале января 2016 г., гибель полуторамесячного ребенка от недиагностированного инфекционного заболевания в Галичской окружной больнице Костромской области в начале января 2016 г. и еще масса менее известных случаев. Стоит отметить, что среди выявленных фактов некачественного оказания медицинской помощи значительную часть составляют дефекты в одной из самых ответственных и психологически напряженных отраслях медицины — родовспоможении, где цена «ошибки» может стоить не только здоровья матери и ее новорожденного ребенка (с учетом также возможных отдаленных негативных последствий), но и их жизней[1].

В последние годы отмечается стабильный рост количества обращений граждан по фактам некачественного оказания медицинской помощи как в правоохранительные органы, так и в суды в порядке гражданского судопроизводства, а также в Минздрав и Фонд обязательного медицинского страхования. Об этом же свидетельствуют данные экспертных медицинских учреждений (Бюро СМЭ), отмечающих на протяжении последнего десятилетия стабильно высокий и всевозрастающий объем проводимых комиссионных судебно-медицинских экспертиз по так называемым «врачебным» делам[2]. Основными потенциально опасными высокими профессиональными рисками профилями медицинской деятельности по-прежнему остаются акушерство и гинекология, неонатология, хирургия, анестезиология и реаниматология, педиатрия, травматология, стоматология, кардиология.

Анализ норм Особенной части Уголовного кодекса РФ показал, что на сегодняшний день у нас нет «специальных» медицинских составов, т.е. четко определяющих медицинского работника как субъекта преступления, а сферу его профессиональной деятельности — как элемента объективной стороны (место, обстоятельства). Судебно-следственная практика показала, что наиболее часто медицинские работники привлекаются к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности»; ч. 2 ст .124 «Неоказание помощи больному»; ч. 2, 3 ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»; ч. 2, 3 ст. 293 УК РФ «Халатность». Указанные статьи не содержат прямого указания на субъект преступления, в том числе медицинского работника (кроме ст. 293 УК РФ «халатность», где субъектом является должностное лицо, которое при этом может быть медицинским работником). Законодатель ограничился лишь формулировкой общего типа «ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей», что обязывает правоприменителя относить к данному составу не только профессиональные преступления вообще (медицинских, социальных работников, сотрудников образовательных и воспитательных учреждений, работников коммунальных служб и т.д.), но также и бытовые попустительства, приведшие к тяжким последствиям (отравление угарным газом при отоплении помещения печью, автомобильными выхлопами в гараже, случайные пожары с жертвами и пр.). По этой же причине нельзя объективно в количественных показателях оценить «распространенность» и динамику преступлений, совершенных медицинскими работниками, ни в учреждениях здравоохранения, ни на дому, сравнить частоту привлечения к уголовной ответственности по субъектам РФ и выяснить причины и условия совершения указанной группы преступлений не только по конкретному уголовному делу, но и в региональном аспекте, сформировать комплекс мер профилактики, дать общую криминалистическую оценку самим преступлениям и субъектам, их совершающим. Общеизвестно, что до суда доходит малое количество уголовных дел о профессиональных преступлениях медицинских работников, но сколько это в количественном выражении — никто не знает, сосчитать их системно (по имею-

[1] *Петрова Т.Н.* Особенности расследования преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи при родовспоможении: Учеб.-метод. пособие. М.: Академия СК России, 2015.

[2] *Клевно В.А., Веселкина О.В., Обухова Ю.Д.* Мониторинг дефектов оказания медицинской помощи по материалам Бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области в 2014 году: Ежег. док. М., 2015.

щимся статистическим учетам) в настоящее время невозможно[3].

Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что в ряде стран предусмотрены специальные нормы, рассматривающие преступления медицинских работников в тех случаях, когда профессиональная деятельность ставит под непосредственную угрозу жизнь, телесную неприкосновенность или здоровье пациента. В других странах, так же как и в Российской Федерации, законодатели не выделяют специальные медицинские составы, указывая тем не менее выполнение виновным лицом профессиональных обязанностей, или особо выделяя статус субъекта (медицинский, фармацевтический работник), или же перечисляя конкретные медицинские специальности (врач, акушерка, аптекарь).

Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит ст. 162 «Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником», также ссылки на род занятий имеются в текстах ст. 156 «Незаконное производство аборта врачом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля...» и ст. 161 «Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, занимающимся медицинской или фармацевтической практикой...»[4]. Уголовный кодекс Украины имеет целый ряд «медицинских» статей: ст. 139 «Неоказание помощи больному медицинским работником», ст. 140 «Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником», ст. 141 «Нарушение прав пациента», ст. 145 «Незаконное разглашение врачебной тайны»; ссылки на медицинских работников имеются в ст. 131 «Ненадлежащее исполнение медицинским, фармацевтическим или другим работник своих профессиональных обязанностей вследствие небрежного либо недобросовестного отношения к ним, повлекшее заражение лица вирусом иммунодефицита человека либо иной неизлечимой инфекционной болезни, опасной для жизни человека...», ст. 132 «Разглашение должностным лицом лечебного учреждения, вспомогательным работником, самовольно получившим информацию, или медицинским работником сведений о проведении медицинского обследования лица на выявление заражения вирусом иммунодефицита человека либо иной неизлечимой инфекционной болезни, опасной для жизни человека, или заболевания синдромом приобретенного иммунодефицита (СПИД) и его результатов, ставших им известными в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей...»[5]. В Уголовном кодексе Молдовы к «медицинским» можно отнести следующие преступления: ст. 213 «Нарушение по халатности правил и методов оказания медицинской помощи», ст. 214 «Незаконное врачевание или осуществление фармацевтической деятельности»[6].

Уголовный кодекс Японии (помимо общих причинение смерти по неосторожности и причинение телесного повреждения по неосторожности) содержит такие нормы, как ст. 211 «Убийство или телесное повреждение по неосторожности при осуществлении профессиональной деятельности или по грубой неосторожности», ст. 214 «Производство аборта лицом, занимающимся специальным видом деятельности и причинение в результате этого смерти или телесных повреждений женщине»[7]. Уголовный кодекс Голландии, помимо ст. 307, предусматривающей ответственность за причинение смерти по небрежности или неосторожности, и ст. 308, предусматривающей ответственность за телесные повреждения, причиненные по небрежности или неосторожности, содержит ст. 309, усиливающую уголовную ответственность за совершение вышеуказанных преступлений, совершенных «в силу должностного положения или профессии»[8]. Уголовный кодекс Польши под особую охрану помещает даже еще не родившегося ребенка — ст. 157а ч. 1: «кто причинил плоду телесное повреждение или расстройство здоровья, угрожающее его жизни, подлежит наказанию...»; ч. 2 имеет следующее содержание: «Не является преступлением, если врач причинил телесное повреждение или расстройство здоровья, угрожающее жизни плода, в результате врачебных действий, необходимых для устранения опасности, грозящей здоровью или жизни беременной женщины или плода»[9]. В уголовном кодексе Франции содержится общая норма, которая может

[3] См. подробно: *Багмет А.М., Черкасова Л.И.* Некоторые вопросы квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. 2014. № 6(210). С. 8—10; *Они же.* Врачебные ошибки при оказании медицинской помощи детям: уголовно-правовая оценка // Уголовный процесс. 2015. № 1. С. 44—47; *Они же.* Составы преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. 2014. № 12(216). С. 56—58; *Они же.* Профессиональные ошибки и дефекты при оказании медицинской помощи детям: уголовно-правовая оценка // Российский следователь. 2015. № 1. С. 15—17.

[4] *Уголовный* кодекс Республики Беларусь // URL: http://bel-kodeksy

[5] *Уголовный* кодекс Украины // URL: http://kodeksy.com

[6] *Уголовный* кодекс Молдовы // URL: http://base.spinform.ru

[7] *Уголовный* кодекс Японии // URL: http://law.edu.ru

[8] *Уголовный* кодекс Голландии // URL: http://law.edu.ru

[9] *Уголовный* кодекс Польши // URL: http://law.edu.ru

быть отнесена и к медицинским работникам — ст. 221-6 «Причинение смерти другому человеку в результате оплошности, неосторожности, невнимания, небрежности или неисполнения обязанности по безопасности или предосторожности, возложенной законом или регламентом, образует неумышленное убийство...»[10]. В Швейцарском уголовном кодексе содержатся такие составы, как «Неосторожное убийство» (ст. 117), «Неосторожные телесные повреждения» (ст. 125), «Оставление в опасности лица, находящегося в беспомощном состоянии» (ст. 127), «Неоказание помощи» (ст. 128), где медицинские работники прямо не указаны. Врач как субъект преступления упоминается лишь однажды — в ст. 121 «Неуведомление о прерывании беременности» («Врач который... не направляет уведомление о проведенном прерывании беременности компетентному органу, наказывается...»)[11].

Уголовный кодекс Республики Аргентина предусматривает ответственность за причинение смерти «...по неосторожности, небрежности, неопытности в своем ремесле или профессии либо вследствие несоблюдения правил или должностных обязанностей...» (ст. 84). Как субъекты преступления медицинские работники особо указаны в ст. 86 «...врачи, хирурги, акушерки или аптекари, которые злоупотребили своими знаниями или умением с целью произвести аборт или содействовать его производству...»[12].

Также обращает на себя внимание тот факт, что за совершение преступлений в медицинской сфере в некоторых странах предусмотрено безальтернативное и более суровое наказание, чем в Российской Федерации. Так, уголовный закон Японии и Аргентины не предусматривает иного, чем лишение свободы, наказания.

Проведенный анализ диссертационных и научных исследований по данной тематике выявил общую позицию ученых-юристов о необходимости современной коррекции норм уголовного законодательства с учетом изменившихся общественных отношений в формате «врач — пациент», научно-технического прогресса в медицине, требований международного, базового медицинского законодательства.

Так, В.В. Татаркин предлагает включить в УК РФ следующие составы: «Эвтаназия», «Клонирование и другие генетические манипуляции», «Незаконные проведение биомедицинских исследований человека или применение запрещенных методов диагностики и лечения», «Незаконное проведение искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона», «Незаконный оборот органов, тканей, эмбрионов человека», «Незаконное изъятие органов или тканей умершего человека для трансплантации или других целей», указав в качестве квалифицирующего признака совершение указанных деяний медицинским работником[13].

И.О. Никитина предлагает изменить редакцию действующей нормы ст. 124 УК РФ и уточнить «Неоказание медицинской помощи без уважительных причин медицинским работником...», а также дополнить УК РФ следующими нормами: «Медицинская халатность», «Получение медицинскими работниками незаконного вознаграждения», «Незаконное искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона человека», «Использование эмбриона человека в иных целях, кроме имплантации», «Незаконное медицинское экспериментирование», «Незаконный оборот органов и тканей человека», «Незаконное проведение медицинской стерилизации»[14].

Е.В. Червонных предлагает дополнить российское уголовное законодательство следующими составами преступлений: ст. 330.1 «Получение незаконного вознаграждения лицом, выполняющим свои профессиональные обязанности» и ст. 120.1 «Незаконное использование органов и клеточной ткани эмбриона человека»[15], а А.П. Соловьев предлагает такую редакцию ст. 120.1 — «Незаконные хранение, перевозка, пересылка в целях сбыта, сбыт, приобретение, пересадка органов и (или) тканей человека, а также трансплантация органов и (или) тканей, происхождение которых неизвестно»[16].

Н.А. Огнерубов в своей работе отмечает, что «необходимо создание базы данных на региональных и федеральном уровнях по дефектам, допущенным при оказании медицинской помощи, а также введение в учетные документы специальной графы, отражающей статистические данные о преступлениях, совершаемых медицинскими работ-

[10] *Уголовный* кодекс Франции // URL: http://law.edu.ru

[11] *Швейцарский* уголовный кодекс // URL: http://law.edu.ru

[12] *Уголовный* кодекс Республики Аргентина // URL: http://mosmediator. narod.ru

[13] *Татаркин В.В.* Преступления медицинских работников против жизни и здоровья: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

[14] *Никитина И.О.* Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

[15] *Червонных Е.В.* Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения и их предупреждение: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

[16] *Соловьев А.П.* Предупреждение преступлений в сфере здравоохранения: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

никами. Требованием времени является обобщение судебной и экспертной практики по уголовным делам данной категории и рассмотрение этого вопроса на Пленуме Верховного Суда РФ»[17].

Правоприменителями и учеными-юристами неоднократно указывалось (и мы снова обращаем на это внимание!), что назрела острая необходимость в общепризнанных разъяснениях по уголовным делам данной категории в виде постановления Пленума Верховного Суда РФ, что позволит избежать «разброса» в квалификации действий (бездействия) медработников в однотипных (схожих) следственных ситуациях; правильно оценивать действия группы лиц (нескольких медработников), причинение различных тяжких последствий нескольким лицам (смерти одному и вреда здоровью другому); разграничить, наконец, профессиональные и должностные обязанности работников медучреждений, упорядочить судебно-следственную практику в вопросах как сбора и оценки доказательств, так и назначения наказаний. Однако Верховный Суд РФ считает, что ввиду малочисленности доходящих до суда уголовных дел (что связано в том числе со сложившейся правовой неопределенностью в оценке действий медработников) и отсутствия выделенных «медицинских» составов порядок рассмотрения данной категории уголовных дел судами не нуждается в регламентации с его стороны, что, на наш взгляд, ошибочно. Сегодня ситуация изменилась: количество уголовных дел, направляемых в суды, увеличивается, учет и анализ оправдательных приговоров по данным делам не ведется, судебные и следственные ошибки не анализируются (в том числе ошибки квалификации). Это приводит к их многократному повторению и укоренению, что особенно заметно на региональных уровнях (влияние сложившейся судебной практики в конкретном регионе, отсутствие единого подхода к оценке деяния).

Как показывает судебно-следственная практика, наиболее часто ошибки в квалификации возникают при неправильном разграничении халатности с тяжкими последствиями (ч. 2 ст. 293 УК РФ) и причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ). Приведем наглядные примеры правильной и ошибочной квалификаций действий врачей.

[17] *Огнерубов Н.А.* Профессиональные преступления медицинских работников: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

П р и м е р ы

1. В середине апреля 2015 г. в г. К. врач — анестезиолог-реаниматолог М., исполняя обязанности заведующего отделением новорожденных родильного дома центральной городской больницы, приняла в свое отделение новорожденного в тяжелом состоянии. Врач (анестезиолог-реаниматолог) провела реанимационные мероприятия, однако оказала медицинскую помощь ненадлежащим образом, а именно неправильно произвела интубацию, вставив интубационную трубку не в трахею, а в пищевод новорожденного, что привело к раздутию желудка и кишечника с последующим смещением и сдавливанием органов грудной и брюшной полостей. В результате непрофессиональных действий обвиняемой наступила смерть новорожденного от механической асфиксии. В отношении врача анестезиолога-реаниматолога М. родильного дома возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей).

2. В акушерском отделении центральной районной больницы г. Т. у 41-летней роженицы П. после отхождения околоплодных вод начались самостоятельные роды, в первом периоде которых произошел гистопатический разрыв матки 3-й степени (вызванный патологическими изменениями стенки матки). После рождения живого доношенного ребенка и отхождения последа врачом — акушером-гинекологом З. с помощью зеркал были осмотрены родовые пути П. для исключения их разрыва, разрыв диагностирован не был. Во время послеродового наблюдения в родзале состояние родильницы П. резко ухудшилось. Акушер-гинеколог З. провела ручной контроль полости матки П. с диагностической целью, вновь не обнаружив разрыва. В результате возникшего маточного внутрибрюшинного кровотечения развилось угрожающее жизни П. состояние, реанимационные мероприятия оказались неэффективными, наступила смерть П. Основным дефектом оказания медицинской помощи П. явился неквалифицированный осмотр родовых путей в раннем послеродовом периоде, при котором своевременно не был диагностирован разрыв шейки матки 3-й степени, не проведен ручной контроль полости матки (для выявления разрыва тела матки). Действия акушера-гинеколога З. квалифицированы по ч. 2 ст. 293 УК РФ (халатность, повлекшая по неосторожности смерть человека).

В первом примере действия врача — анестезиолога-реаниматолога квалифицированы правильно, так как врач небрежно, ненадлежащим образом провела интубацию — медицинскую манипуляцию, техникой выполнения которой должен

владеть каждый профессиональный реаниматолог. Здесь налицо ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей, несмотря на должностное положение — и.о. заведующего отделением новорожденных. Во втором примере действия врача — акушера-гинеколога квалифицированы неверно, так как в данном случае врач выполняла свои непосредственные профессиональные обязанности по ведению родов, а должностным лицом при этом не являлась[18].

Учитывая изложенное, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о внесении в Уголовный кодекс РФ следующих изменений:

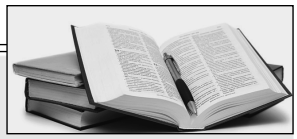
1) объединить ст. 109 и 118 УК РФ и изложить ст. 109 в следующей редакции «Причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности» (объединив тексты указанных статей);

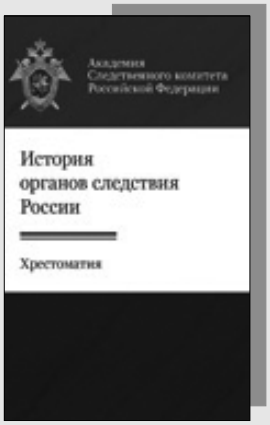
2) дополнить УК РФ ст. 109.1 «Причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности медицинским или фармацевтическим работником» (в тексте должна быть формулировка «вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником»);

3) уточнить ч. 1 ст. 124 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Неоказание помощи больному без уважительных причин медицинским работником или иным лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло...»

Помимо этого, заслуживают внимания и предложения по включению в УК РФ составов преступлений: «Медицинская халатность», «Получение медицинскими работниками незаконного вознаграждения».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ!





Аверченко А.К. и др. **История органов следствия России.** Хрестоматия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 223 с.

В хрестоматии представлена подборка нормативных актов, относящихся к организации следственной деятельности в России с XVIII в. по начало XXI в.

Для курсантов, слушателей и студентов в качестве дополнительного учебного материала. Представляет интерес для практических работников правоохранительных органов.

[18] *Петрова Т.Н.* Указ соч.

УДК 343
ББК 67.408

Василий Васильевич БЫЧКОВ,
ученый секретарь Академии Следственного комитета Российской Федерации,
почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: bychkov.vasilii@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ

Аннотация. В статье раскрываются классификация и проблемные вопросы квалификации преступлений, связанных с применением оружия, через призму судебной практики.

Ключевые слова: оружие, незаконный оборот оружия, криминальный оборот оружия, применение оружия, квалификация, судебная практика, постановление Пленума Верховного Суда РФ

Vasily Vasilevich BYCHKOV,
Scientific secretary of the Academy of the investigative Committee of the Russian Federation,
Honorary member of the Investigative committee of the Russian Federation,
candidate of legal sciences, assistant professor academic major
E-mail: bychkov.vasilii@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.08 — Criminal law and criminology; criminally-executive law

ISSUES OF CRIMES INVOLVING THE USE OF WEAPONS

Annotation. The article reveals the classification and qualification issues of crimes involving the use of weapons, through the lens of judicial practice.

Kaywords: weapons, arms trafficking, arms trafficking, criminal use of a weapon, qualifications, judicial practice, the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

Последние 10 лет динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия неоднозначна: с 2006 (30 055 фактов) по 2009 г. отмечался их рост — до 34 249; затем четыре года наблюдалось их снижение — до 26 477 фактов в 2012 г., а последние четыре года фиксируется их увеличение — до 27 320 в 2015 г. Причем последние пять лет количество преступлений, связанных с использованием огнестрельного оружия, стабильно растет — с 3818 фактов в 2011 г. до 5431 в 2015 г.[1]

Вооруженность преступников продолжает оставаться одним из существенных факторов, оказывающих негативное влияние на общее состояние криминальной обстановки в Российской Федерации[2].

Законодателем предусмотрена уголовная ответственность за ряд деяний, связанных с применением оружия. Однако на практике следователи

[1] URL: https://mvd.ru; см. подробно: *Бычков В.В.* Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, в Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сб. науч.-практ. тр. 2015. 1(7). С. 33—39.

[2] *Живаев Д.В.* Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 1. С. 103.

испытывают определенные трудности при квалификации данных преступлений[3].

Оружие как *составообразующий признак* предусмотрено в следующих составах преступлений:

1. *Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем* (ст. 208 УК РФ)

В п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»[4] (далее — ППВС № 1—2012) разъясняется, что под незаконным вооруженным формированием следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения целостности Российской Федерации).

Вооруженность как обязательный признак незаконного формирования предполагает наличие у его участников любого вида огнестрельного или иного оружия, боеприпасов.

При этом создание незаконного вооруженного формирования считается оконченным преступлением с момента фактического образования формирования, т.е. с момента объединения нескольких лиц в группу и приобретения хотя бы некоторыми из них оружия, боеприпасов (п. 24 ППВС № 1—2012).

2. *Бандитизм* (ст. 209 УК РФ)

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»[5] (далее — ППВС № 1—1997) разъясняется, что под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации.

Обязательным признаком банды является ее вооруженность, предполагающая наличие у участников банды следующих видов оружия: огнестрельного; холодного, в том числе метательного; газового и пневматического[6].

При этом использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности.

Банда признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды (п. 5 ППВС № 1—1997).

3. *Массовые беспорядки* (ч. 1—3 ст. 212 УК РФ)

Законодателем предусмотрена ответственность за организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся... применением оружия... а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти; подготовку лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них; участие в таких массовых беспорядках; призывы к таким массовым беспорядкам (ч. 1—3 ст. 212 УК РФ)[7].

4. *Хулиганство* (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ)

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»[8] (далее — ППВС № 45—2007) разъясняется, что уголовно наказуемым хулиганством может быть признано только такое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по моти-

---

[3] См. подробно: *Бычков В.В.* Понятие и структура преступлений, связанных с криминальным оборотом оружия в Российской Федерации // Вестн. Акад. Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 3. С. 56—60; *Он же.* Незаконный оборот оружия и боеприпасов // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 3(11). С. 109—122; *Он же.* Предметы вооружения как предметы преступлений, образующих криминальный оборот оружия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сб. науч.-практ. тр. 2015. 2(8). С. 37—42..

[4] *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

[5] Там же. 1997. № 3.

[6] См. подробно: *Бычков В.В.* Расследование бандитизма: Учеб. пособие. Челябинск: ЧЮИ МВД России, 2008; *Он же.* Проблемы квалификации бандитизма по признаку вооруженности // Адвокатская практика. 2007. № 1. С. 29—32; *Он же.* К вопросу о вооруженности банды // Российский следователь. 2013. № 22. С. 7—10; *Он же.* Вооруженность банды: совершенствование нормативной базы по противодействию бандитизму // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2013. №. 10. С. 67—70.

[7] См. подробно: *Багмет А.М.* Массовые беспорядки: криминологическое, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое противодействие: Монография. М., 2013; *Он же.* Расследование организации массовых беспорядков, участия в массовых беспорядках и призывов к массовым беспорядкам: Учеб. пособие. М., 2015; *Он же.* Применение огнестрельного оружия как признак массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 15. С. 23—25; *Он же.* Оказание вооруженного сопротивления представителям власти в ходе массовых беспорядков // Проблемы права. 2012. № 6(37). С. 15—20..

[8] *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

вам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Под применением оружия следует понимать умышленные действия, направленные на использование лицом оружия как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия (п. 2 ППВС № 45—2007).

Применение в ходе совершения хулиганства незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п. дает основание для квалификации содеянного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ УК РФ (п. 4 ППВС № 45—2007).

Законодателем предусмотрена уголовная ответственность за *подготовку к использованию и применению* оружия и боеприпасов:

1) вооружение лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ (ст. 205.1 УК РФ).

В п. 15 ППВС № 1—2012 разъясняется, что под вооружением в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ понимается снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой и т.п. в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в этой статье.

При этом подготовка лиц в целях совершения преступлений, указанных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, заключается в обучении правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, средствами связи, правилам ведения боевых действий, а также в проведении соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и т.п.;

2) прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, в том числе... при изучении... правил обращения с оружием (ст. 205.3 УК РФ);

3) прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них, в том числе ... при изучении ... правил обращения с оружием (ч. 4 ст. 212 УК РФ).

В российском уголовном законодательстве совершение преступления с использованием оружия и боеприпасов относится к *отягчающим обстоятельствам* (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Например:

- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ);
- изнасилование (ст. 131 УК РФ);
- насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ)[9].

В качестве отягчающего обстоятельства применение всех видов оружия предусмотрено при совершении следующих преступлений:

- умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ);
- умышленного причинения средней тяжести здоровью (п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ);
- умышленного причинения легкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ);
- похищения человека (п. «г» ч. 2 ст. 126 УК РФ);
- незаконного лишения свободы (п. «г» ч. 2 ст. 127 УК РФ);
- разбоя (ч. 2 ст. 162 УК РФ);
- превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей (ч. 2 ст. 203 УК РФ);
- захвата заложника (п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ);
- угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (п. «г» ч. 2 ст. 211 УК РФ);
- пиратства (ч. 2 ст. 227 УК РФ);
- превышения должностных полномочий (п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ);
- побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ч. 3 ст. 313 УК РФ);
- сопротивления начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (п. «б» ч. 2 ст. 333 УК РФ);
- насильственных действий в отношении начальника (п. «б» ч. 2 ст. 334 УК РФ);
- нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (п. «г» ч. 2 ст. 335 УК РФ).

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»[10] разъясняется, что по делам, связанным с оружием и боеприпасами, следует исходить из положений Федерального за-

[9] См., напр., п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации». См.: *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 2004. № 8.

[10] Там же. 2002. № 5.

кона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», устанавливающего основные правила регулирования отношений, возникающих в процессе оборота оружия и боеприпасов к нему, права и обязанности участников этих отношений.

При этом следует иметь в виду, что данный Закон регулирует только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в то время как уголовный закон предусматривает ответственность за противоправные действия как с указанными видами оружия, так и с иными видами боевого огнестрельного оружия, находящегося на вооружении в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба и на которые действие Закона об оружии не распространяется.

Все преступления, связанные с криминальным оборотом оружия, в том числе с его применением и использованием, квалифицируются в совокупности с деяниями, образующими криминальный оборот оружия, т.е. со ст. 222 или 223 УК РФ.

Так, в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29[11] указано, что в соответствии с Законом об оружии и на основании экспертного заключения требуется устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. При наличии к тому оснований, предусмотренных Законом, действия такого лица должны дополнительно квалифицироваться по ст. 222 УК РФ.

В п. 10 ППВС № 1—2012 разъясняется, что если в процессе совершения террористического акта были незаконно приобретенные, хранящиеся либо изготовленные огнестрельное оружие, боеприпасы, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и соответственно ст. 222 или 223 УК РФ.

В п. 3 ППВС № 45—2007 акцентировано, что при квалификации действий лица по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ УК РФ судам следует при необходимости на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при хулиганстве предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. При наличии к тому оснований действия лица, применившего при совершении хулиганства оружие, должны дополнительно квалифицироваться по ст. 222 УК РФ.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»[12] (далее — ППВС № 12—2010) говорится, что если организатор, руководитель (лидер) или иной участник преступного сообщества (преступной организации) незаконно владеет огнестрельным оружием, его действия в этой части надлежит квалифицировать по ст. 222 УК РФ, а также по соответствующей части ст. 210 УК РФ.

В заключение необходимо акцентировать, что изначально верная квалификация общественно опасного деяния будет способствовать более эффективному и скорейшему расследованию уголовного дела, а тем самым — неотвратимости наказания виновного.

Список литературы

1. *Багмет А.М.* Массовые беспорядки: криминологическое, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое противодействие: Монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

2. *Багмет А.М.* Расследование организации массовых беспорядков, участия в массовых беспорядках и призывов к массовым беспорядкам: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

3. *Багмет А.М.* Применение огнестрельного оружия как признак массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 15.

4. *Багмет А.М.* Оказание вооруженного сопротивления представителям власти в ходе массовых беспорядков // Проблемы права. 2012. № 6(37).

5. *Бражников Д.А., Бычков В.В.* Преступления, связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (уголовно-правовой и криминологический анализ): Учеб. пособие. Челябинск: Челябин. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2005.

6. *Бычков В.В.* Расследование бандитизма: Учеб. пособие. Челябинск: ЧЮИ МВД России, 2008.

7. *Бычков В.В.* Проблемы квалификации бандитизма по признаку вооруженности // Адвокатская практика. 2007. № 1.

8. *Бычков В.В.* К вопросу о вооруженности банды // Российский следователь. 2013. № 22.

[11] *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

[12] *Бюллетень* Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

9. Бычков В.В. Вооруженность банды: совершенствование нормативной базы по противодействию бандитизму // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2013. № 10.

10. *Бычков В.В.* Криминальный оборот оружия и боеприпасов: понятие, квалификация и расследование: Учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2015.

11. *Бычков В.В.* Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, в Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сб. науч.-практ. тр. 2015. 1(7).

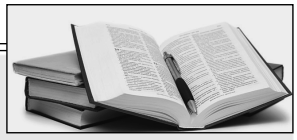
12. *Бычков В.В.* Предметы вооружения как предметы преступлений, образующих криминальный оборот оружия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сб. науч.-практ. тр. 2015. 2(8).

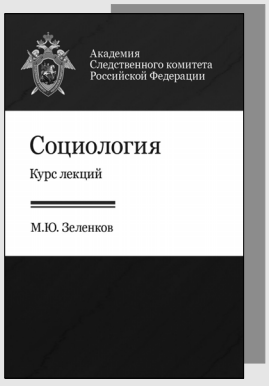
13. *Бычков В.В.* Понятие и структура преступлений, связанных с криминальным оборотом оружия в Российской Федерации // Вестн. Акад. Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 3. С. 56—60.

14. *Бычков В.В.* Незаконный оборот оружия и боеприпасов // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 3(11).

15. *Живаев Д.В.* Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России: уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 1.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ!





Зеленков М.Ю. **Социология.** Курс лекций: Учеб. пособие. М.: .ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 199 с.

В учебном пособии излагаются основные положения курса «Социология», изучаемого в Академии Следственного комитета Российской Федерации, на курсах повышения квалификации руководящих работников, государственных служащих и юристов.

Дается общее представление о современной социологии и проблемах ее развития. Освещаются важнейшие темы, имеющие интерес для современного общества и работника следственных органов: общество, социальные общности и группы, социальные институты и организации, личность, социальный контроль и девиантное поведение, социальная стратификация, социальное взаимодействие, социальный конфликт и др.

Работа базируется на учебно-методической и справочной литературе по социологии, материалах, раскрывающих мировой и отечественный опыт, на реалиях нынешнего этапа общественного развития.

Для студентов и преподавателей Академии Следственного комитета Российской Федерации, а также всех, кто интересуется жизнедеятельностью общества.

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

Лариса Евгеньевна ГИВЕЛЬ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО
«Академия Следственного комитета Российской Федерации»
E-mail: larisagivel@mail.ru

Даниил Анатольевич ХАУСТОВ,
заместитель руководителя отделения факультета подготовки специалистов
юридического факультета ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета
Российской Федерации», старший лейтенант юстиции
E-mail: Xayctoff1488@bk.ru

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. Анализ современного российского законодательства об ответственности за коррупционные правонарушения позволяет сделать вывод о необходимости единообразного похода к ответственности за коррупционные правонарушения различных субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: коррупционное правонарушение, субъект предпринимательской деятельности, административная ответственность, уголовная ответственность

Larisa E. GIVEL,
Ph.D., assistant professor of civil and legal disciplines
FGKOU IN «Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation»
E-mail: larisagivel@mail.ru

Daniil A. KHAUSTOV,
Deputy Head of the department of the Faculty of Law
of training specialists FGKOU IN «Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation»
Senior Lieutenant of Justice
E-mail: Xayctoff1488@bk.ru

CIVIL-LAW STATUS OF SUBJECTS OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AND RESPONSIBILITY FOR CORRUPTION

Annotation. Analysis of the current Russian legislation on liability for corruption offenses suggests the need for a uniform approach to liability for corruption offenses of various business entities.

Keywords: corruption offense, the subject of entrepreneurial activity, administrative responsibility, criminal responsibility

Вопросы снижения количества коррупционных правонарушений, эффективной правовой регламентации ответственности за них в современных экономических реалиях приобретают особенную актуальность.

Одним из проявлений регламентации ответственности субъектов предпринимательской деятельности за коррупционные правонарушения является ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), устанавливающая ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица.

Появление указанной статьи в КоАП РФ обусловлено ратификацией в 2006 г. большинства по-

ложений Конвенции Организации Объединенных наций против коррупции, принятой Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31.10.2003 (далее — Конвенция). В соответствии со ст. 26 каждое государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией. При условии соблюдения правовых принципов государствами-участниками ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления. Каждое государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции.

Таким образом, Конвенцией обоснованно предлагается идея ответственности, в том числе имущественной, за коррупционные правонарушения не только исполнителя, но и «владельца бизнеса».

В развитие положений Конвенции 25.12.2008 в Российской Федерации принят Федеральный Закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1], согласно ст. 1 коррупция определяется как:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение тех же деяний от имени или в интересах юридического лица.

Указанный Федеральный закон, к сожалению, не содержит общего понятия коррупционного правонарушения. При этом Национальным планом противодействия коррупции, утвержденным Указом Президента РФ от 31.07.2008 № Пр-156[2], изначально предполагалось принятие проекта федерального закона «О противодействии коррупции», предусматривающего, в частности, определение понятия коррупционного правонарушения как отдельного проявления коррупции, влекущего за собой дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность.

В настоящее время законодательство Российской Федерации и правовая система в целом не предусматривают уголовной ответственности юридических лиц, в качестве альтернативы такой ответственности для указанных субъектов правонарушения законодатель избрал административную ответственность, что соответствует требованиям ст. 26 Конвенции.

Статья 19.28 КоАП РФ за время своего существования претерпела изменения, связанные с расширением круга коррупционных правонарушений, подпадающих под ее действие. Так, Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции»[3] к коррупционному деянию отнесена не только незаконная передача, но и предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица денег, ценных бумаг, а также иного имущества. При этом формулировка ст. 19.28 КоАП РФ пересекается с определением коррупции, содержащимся в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции». В связи с изложенным следует согласиться с позицией, согласно которой указанное определение раскрывает понятие коррупции в том числе через административное правонарушение, ответственность за которое установлена ст. 19.28 КоАП РФ[4].

Итак, ст. 19.28 КоАП Российской Федерации предусматривает ответственность субъекта предпринимательской деятельности за коррупционное правонарушение — незаконные передачу, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранному должностному лицу или должностному лицу публичной международной организации денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное

[1] *СЗ* РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

[2] *Российская* газета. 2008. № 164. 5 августа.

[3] СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.

[4] О двухкомпонентном определении понятия коррупции см.: *Егоров Ю.В.* Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией – самостоятельная функция прокуратуры // Законность. № 2. 2015.

оказание ему услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав за совершение в его интересах действия (бездействия), связанного с занимаемым ими служебным положением. При этом в соответствии ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо.

Аналогичные положения содержатся в ст.14 Федерального закона «О противодействии коррупции» применительно к коррупционным правонарушениям.

Наличие одновременной ответственности физического и юридического лица за коррупционные правонарушения, безусловно, является оправданным. Совершение незаконных действий в интересах юридического лица с необходимостью должно влечь для него отрицательные имущественные последствия, наличие которых имеет также превентивную функцию.

Практическая реализация полномочий по привлечению юридических лиц к административной ответственности по указанному основанию возложена на органы прокуратуры, к компетенции которых в силу ст. 28.4 КоАП РФ отнесено возбуждение дел об административных правонарушениях по ст. 19.28 КоАП РФ[5].

С учетом изложенного и во исполнение Национального плана противодействия коррупции на 2014—2015 годы, утвержденного Указом Президента РФ от 11.04.2014 № 226[6] Генеральной прокуратурой РФ разработаны Методические рекомендации об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных ст. 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории[7].

Анализ указанных Методических рекомендаций показывает, что одной из особенностей привлечения к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП Российской Федерации является выявление административного правонарушения главным образом при производстве оперативно-розыскных действий и последующей их легализации. Кроме того, при привлечении юридического лица к административной ответственности по указанному основанию действующее законодательство не исключает возможности одновременного возбуждения уголовного дела в отношении физического лица (например, по ст. 291 УК РФ — дача взятки) и дела об административном правонарушении в отношении юридического лица по ст. 19.28 КоАП РФ, в интересах которого действовало это физическое лицо.

Таким образом, при рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном указанной статьей, возможность привлечения юридического лица к административной ответственности не должна ставиться в зависимость от наличия обвинительного приговора в отношении физического лица, несмотря на то что противоправные действия фактически совершаются физическим лицом от имени или в интересах юридического лица. Кроме того, факт незаконной передачи названного в этой статье имущества, а также факт оказания услуг имущественного характера, предоставления имущественных прав может быть отражен не только в обвинительном приговоре, но и в постановлении суда или следователя о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, которые, однако, не имеют заранее установленной силы и при рассмотрении дела об административном правонарушении, в связи с чем подлежат оценке в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами[8].

---

[5] О практике возбуждения дел об административных правонарушениях по ст. 19.28 КоАП Российской Федерации см.: *Алексеева Л.* Надзор за исполнением законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе, противодействии коррупции // Законность. № 2. 2015.

[6] *СЗ* РФ. 2014. № 15. Ст. 1729.

[7] *Письмо* Генпрокуратуры России от 16.02.2015 № 86-242-2014/Нд4167-15 // СПС «Гарант».

[8] См: *Письмо* Генпрокуратуры России от 16.02.2015 № 86-242-2014/Нд4167-15 «Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории» (вместе с «Методическими рекомендациями об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории») // СПС «Гарант».

Таким образом, регламентация ответственности за коррупционные правонарушения позволяет привлекать к ответственности за них не только физических лиц — исполнителей (например, работников по трудовому договору), но и юридическое лицо, в интересах которого правонарушение совершено.

Вместе с тем представляется, что целью законодателя является не привлечение к ответственности юридического лица как такового, а нанесение имущественного урона экономической (предпринимательской) деятельности, осуществляемой с помощью коррупционных правонарушений, субъектом которой является юридическое лицо.

Не случайно ранее упомянутая ст. 26 Конвенции прямо упоминает в связи с привлечением к ответственности денежные санкции. Указание же на принятие мер с учетом правовых принципов государства — участника Конвенции позволяет учесть особенности национального законодательства в указанной сфере.

Обращение к гражданскому законодательству позволяет сделать вывод, что субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, не исчерпываются юридическими лицами. В соответствии со ст. 23 ГК РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. При этом к предпринимательской деятельности таких лиц применяются правила ГК РФ, регулирующие деятельность коммерческих организаций. Таким образом, правовой статус индивидуального предпринимателя при осуществлении предпринимательской деятельности фактически приравнивается к правовому статусу юридического лица. Указанная позиция находит отражение и в судебной практике. Так, в соответствии с постановлением ФАС Восточно-Сибирского округа от 30.09.2003 № А74-779/03-К1-Ф02-3276/03-С1 отмечено, что физические лица, действуя в гражданских и земельных правоотношениях в правовом статусе индивидуального предпринимателя и осуществляя предпринимательскую деятельность, приравниваются к правовому статусу юридических лиц, являющихся коммерческими организациями. При этом правовой статус индивидуального предпринимателя является специальным по отношению к правовому статусу гражданина Российской Федерации (иностранного гражданина, лица без гражданства) и отличается от него как по содержанию, так и по основаниям возникновения и прекращения[9]. Согласно постановлению Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.02.2000 № Ф04/314-13/А03-2000 правоспособность индивидуального предпринимателя приравнена к правоспособности юридических лиц — коммерческих организаций[10].

Аналогичной позиции придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, который в постановлении от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»[11] со ссылкой на ст. 23 ГК РФ определяет необходимость учета по требованиям, связанным с предпринимательской деятельностью граждан, положений ст. 94 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[12], регламентирующей обращение взыскания на имущество должника-организации.

Помимо изложенного, осуществление государственного и муниципального контроля, проведение проверок и защита прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей осуществляются единообразно в соответствии с Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»[13].

Таким образом, субъектом предпринимательской деятельности являются не только юридические лица, но и индивидуальные предприниматели, правовая регламентация их предпринимательской деятельности осуществляется единообразно, и внешне их предпринимательская деятельность может выглядеть одинаково (например, работа магазина одежды).

В свете изложенного возникает вопрос о причинах различного подхода законодателя к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей как субъектов предпринимательской деятельности за коррупционные правонарушения, предусмотренные ст. 19.28 КоАП РФ. Ведь такое правонарушение может быть совершено и в интересах индивидуального предпринимателя. То есть риск неблагоприятных имущественных последствий для различных субъектов предпринимательской деятельнос-

[9] СПС «Гарант».

[10] СПС «Гарант».

[11] *Российская* газета. 2005. № 270. 30 ноября.

[12] *СЗ* РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

[13] *СЗ* РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

ти в случае коррупционных правонарушений в настоящее время не идентичен.

Пути решения указанной проблемы могут быть различны и заслуживают отдельного рассмотрения, однако могут быть намечены следующие.

1. Дополнение ст. 19.28 КоАП Российской Федерации положением, позволяющим привлечь индивидуального предпринимателя к ответственности за коррупционные правонарушения. Указанный вариант допускается при отсутствии в действиях предпринимателя состава преступления при совершении коррупционного правонарушения в его интересах (например, работником по трудовому договору без ведома работодателя). Возможность такой регламентации предопределена также тем, что составы преступлений и административных коррупционных правонарушений не дублируют друг друга.

2. Учет уголовным законодательством статуса физического лица как субъекта предпринимательской деятельности. С учетом специфики субъекта преступления, рассматриваемого в настоящей работе, — индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательской деятельности, в силу гражданского законодательства обладающего правовым статусом юридического лица, рассмотрение вопроса об обязательном назначении такого вида наказания, как лишение права заниматься определенным видом деятельности. Применительно исследуемому субъекту преступления речь идет о лишении права заниматься конкретным видом именно предпринимательской деятельности.

3. С учетом специфики индивидуального предпринимателя — дифференциация размера наказания в зависимости от совершения преступления субъектом предпринимательской деятельности.

При этом права таких субъектов в зависимости от вида коррупционного правонарушения обеспечиваются в том числе постановлением Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П[14], допускающим снижение административного штрафа, если наложение административного штрафа в установленных соответствующей административной санкцией пределах не отвечает целям административной ответственности и влечет избыточное ограничение прав, а также постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[15], ориентирующим суды на необходимость конкретизации вида деятельности, право на занятие которым лишается лицо.

Указанные меры позволяют обеспечить комплексный характер ответственности за коррупционные правонарушения, когда неблагоприятные последствия затрагивают субъекта предпринимательской деятельности, а также саму эту деятельность. В конечном итоге достигается цель единообразной ответственности за коррупционные правонарушения различных субъектов предпринимательской деятельности.

[14] *СЗ* РФ. 2014. № 10. Ст. 1087.
[15] *Российская* газета. 2015. № 295. 29 декабря.

УДК 343.9
ББК 76.51

Геннадий Владимирович ДАШКОВ,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина
E-mail: profdashkov@gmail.com

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАУЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Российская криминология и связанные с нею науки переживают не лучшие времена. Качественные подвижки вперед в отличие от сверхблагополучных количественных показателей здесь просматриваются далеко не всегда. Особенно это заметно в отношении криминологических оценок современной беловоротничковой преступности, включая в первую очередь такую важнейшую ее составляющую, как преступления коррупционной направленности.

Для устранения этого очевидного пробела в статье предлагаются семь первоочередных, по мнению автора, направлений исследований названной проблемы с указанием основных их составляющих.

Ключевые слова: понятие коррупционной преступности, равенство всех перед законом и судом, цена преступности, коррупция в органах власти, «польза» коррупции; зарубежный опыт, эффективность правовых запретов

Gennady Vladimirovich DASHKOV,
Professor of Criminology and Criminal
Executive Law Chair of the Federal State
Butget Educational Institution of the
Higher Professional Education «Moscow
State Jurisdical University by O.E. Kutafin
(MSIA)», Doctor of law, Professor
E-mail: profdashkov@gmail.com

Scientific specialty: 12.00.08 — Criminal law and criminology; criminally-executive law

ASPECTS OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC CONSTITUENT IN ANTICORRUPTION MECHANISM

Annotation. Russian criminology and other sciences related thereto are going through a complicated period. Despite crime rates are changing to be unusually attractive, there are only some sufficient changes which can have an effect on quality of science mentioned hereof. Especially it is demonstrated on the criminological definition of white-collar crime and as one of the most important parts thereof the corruption crime.

To fill this obvious gap, the author states in the article seven directions to investigate the problem mentioned above and their basic parts.

Keywords: definition of corruption crime, the principle of equality of all persons before law and court, cost of crime, governmental corruption; «advantage» of corruption; foreign experience; effectiveness of legal prohibitions

Тщательное научное исследование
конкретных социальных условий должно предшествовать
любой практической реализации их реформирования.

Питирим Сорокин

Периодически принимаемые широкомасштабные планы, программы, дополнения и изменения законодательства, ведомственные нормативные акты по вопросам противодействия преступлениям коррупционной направленности далеко не всегда приносят желаемые результаты. Причин тому великое множество, и они касаются практически всех сторон нашей жизнедеятельности, включая и вопросы современной организации и проведения соответствующих научных исследований и разработок, их тематики, заказчиков и исполнителей. Именно на последнее обстоятельство, руководствуясь вечно актуальным предписанием великого русского баснописца И.А. Крылова по поводу того, кто чем должен заниматься, на научную часть проблемы нам представляется обратить первостепенное внимание. В связи с этим следует заметить, что не все здесь одинаково печально и безнадежно. Вместе с тем при обилии и разнообразии разного рода исследований и разработок, касающихся коррупции, тут еще достаточно много «белых пятен» и «черных дыр», существенно затрудняющих поддержание коррупционной преступности на терпимом обществом уровне. В частности, в первоочередном научном осмыслении с позиций именно сегодняшнего дня нуждаются вопросы:

- о правовом понятии коррупции и содержании коррупционной преступности;
- о равенстве всех перед законом и судом;
- о цене коррупционной преступности;
- об особенностях коррупционной преступности в органах государственной власти и управления;
- о феномене так называемого положительного восприятия обществом взяточничества и других коррупционных преступлений;
- о зарубежном опыте борьбы с коррупцией;
- об эффективности правовых запретов, направленных на противодействие злоупотреблениям должностных лиц;
- об обеспечении конституционных прав граждан (ст. 30 Конституции РФ) в противодействии коррупции.

Из числа перечисленных, прежде всего, особое научное и практическое значение приобретают вопросы, касающиеся понятийного аппарата. Проблема состоит в том, что ни в криминологии, ни в уголовном праве, ни в криминалистике в отличие, скажем, от социологии, политологии, философии однозначного научно обоснованного понятия коррупции нет. В ряде соответствующих литературных источников авторы как на основной источник ориентируются в этой части на Национальный план противодействия коррупции и на ведомственные нормативные акты аналогичной направленности. Вполне очевидно, что подобный подход в данной конкретной ситуации одинаково непродуктивен и для правовой теории, и для практики противодействия коррупции. В самом деле, как можно реально противодействовать тому или иному негативному явлению, не определив точно его понятие, сущность, формы проявления и масштабы?

К числу первоочередных направлений научных исследований в области борьбы с преступностью коррупционной направленности также относится и проблема ненадлежащего практического исполнения требований ч. 1 ст. 19 Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом. Ни для кого не секрет, что VIP-правосудие является постоянной нашей головной болью (см., например, стенограмму проведенного 1 октября 2015 г. Президентом РФ В.В. Путиным заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека). Вроде бы все тут ясно. Но воз и ныне там, где был много лет назад. Рассчитывать на сдвиги к лучшему вряд ли возможно без всестороннего научного анализа этой проблемы, включающей как минимум такие вопросы, как:

- современное содержание правового и противоправного иммунитетов, их социологическая и правовая характеристика;
- политические, экономические, этнические, регионально-отраслевые, правовые иные причины, порождающие неравенство всех перед законом и судом;
- разработка правовых и иных мер по обеспечению равенства всех перед законом и судом.

Названные вопросы носят в основе своей многопрофильный характер, и их решение предполагает объединение научных усилий как мини-

мум в области теории государства и права, конституционного права, административного права, уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии. Но в практической плоскости продвижение вперед здесь четко не просматривается. В итоге в лучшем случае проблема равенства всех перед законом и судом упоминается представителями названных отраслей права лишь на уровне ссылок на Конституцию и другие правовые акты без надлежащей детализации и, что особенно важно, без элементов критического анализа.

В российской криминологической литературе проблема «цены» коррупционной преступности традиционно обходится, что вряд ли можно считать оправданным.

Хорошо известный среди ученых и практиков В.П. Илларионов однажды сказал по этому поводу, что среди многих причин, вследствие которых Россия оказывается на грани катастрофы, не последнее место занимает фатальное неумение считать деньги. К проблеме коррупции, к вопросам борьбы с «беловоротничковой» преступностью это утверждение относится в полной мере, но ни научного, ни практического продвижения в названном направлении не ощущается. Более того, без достаточных к тому оснований и не к месту многие годы, включая сегодняшний период активизации в России рыночных отношений, эксплуатируется красиво звучащее утверждение древних, что дешевая юстиция — плохая юстиция. Научные усилия изменить дело к лучшему носят эпизодический, в основном постановочный и точечный, характер (М.М. Бабаев, В.Е. Квашис, В.В. Лунеев).

В итоге наши знания о цене коррупционной преступности определяются в основном факторами субъективного свойства, мало связанными с реальной ситуацией в стране. На такой плавающей, зыбкой информации принимать сколь-нибудь значимые решения не представляется возможным.

Коррупционная преступность многолика. Есть тут и свои «горячие» точки. Одна из них — органы государственной власти и управления.

Проблема эта даже сейчас, в условиях демократизации нашего общества, огромных информационных возможностях для желающих разобраться в сути названных вопросов, остается без должного внимания со стороны криминологической, уголовно-правовой и криминалистической науки. Практика на этот счет, и довольно обширная, здесь есть, а ее научного осмысления нет. Что же тогда жаловаться и киснуть о недооценке юридической науки в решении конкретных практических задач борьбы с преступностью?

Живучесть коррупции в значительной мере объясняется эффектом ее положительного восприятия значительной частью российского общества.

В чем суть этой проблемы? По утверждению отцов-основателей крупнейших мафиозных группировок (Лаки Лучано, Меир Лански, Аль Капоне), безнаказанный, многолетний успех их криминального бизнеса основывался на удовлетворении мафией насущных, пусть даже неправомерных, потребностей преобладающей (значительной) части общества. Достигнув такого эффекта, мафия стала практически неуязвимой со стороны властных структур, ей противостоящих. По такой же примерно схеме построена и преуспевающая коррупционная преступность, когда имеющиеся в стране нерешенные вопросы, включая массу и искусственно созданных в преступных целях, служат благоприятной почвой для коррупции с ее огромной фактической и весьма значимой статистической составляющей. На уровне обыденного восприятия этого явления тут все ясно. Но для разработки системы мер, разрушающих тесное взаимодействие «сотрудничающих» сторон, этой ясности недостаточно, а наука и тут, как правило, отмалчивается.

Ни одну более-менее серьезную научную проблему современного российского общества невозможно решить с опорой только на собственные силы. Коррупция в этом отношении исключения не составляет.

Саму необходимость изучения и восприятия зарубежного опыта борьбы с коррупционной преступностью в России никогда не отрицали и не отрицают сейчас, в период вынужденного для нас процесса импортозамещения в ряде сфер нашей жизнедеятельности. Тем более во многих странах мирового сообщества, относительно недавно отличавшихся неблагоприятным уровнем распространенности коррупции, в последнее время наблюдаются устойчивые положительные изменения в этой части и достигнуты подобные результаты разными путями, что очень важно и с теоретических и с практических позиций.

Потребность в зарубежных исследованиях есть, информационные и иные возможности так же присутствуют, а соответствующих исследова-

ний не так уж много. Как правило, у нас на этот счет стало привычным ограничиваться приведением почерпнутых их журналистских источников примеров, что явно недостаточно. По нашему мнению, структура современного научного исследования, посвященного проблеме изучения преступлений коррупционной направленности в зарубежных странах, должна включать в себя как минимум уголовно-правовой анализ, правоприменительную практику, криминологическую характеристику этих преступлений, оценку зарубежной системы мер противодействия коррупционным преступлениям. При этом здесь необходимы дифференцированное рассмотрение этих вопросов в странах с высокоразвитой рыночной экономикой, в развивающихся странах, странах существенно различающихся по индексу восприятия коррупции, разработка теоретических предпосылок и практических мер по формированию механизмов использования зарубежного опыта борьбы с коррупцией в Российской Федерации.

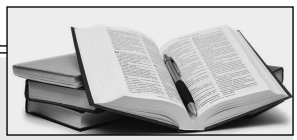
Наряду с этими проблемами вполне возможно и практически целесообразно криминологическое исследование проблем борьбы с коррупцией в отдельных странах, в конкретных сферах их хозяйственной и управленческой деятельности.

Достижение положительных результатов в борьбе с коррупцией объективно предполагает необходимость исследования проблемы эффективности правовых запретов, направленных на противодействие злоупотреблениям должностных лиц.

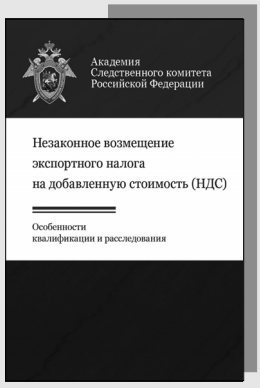
Не имея даже технических возможности в данном случае детализировать суть этой многопрофильной проблемы, отметим в качестве первого шага для ее решения, что социальный заказ на подобного рода масштабную научную разработку должен исходить от структур законодательной и исполнительной власти, полномочных избирать надлежащего исполнителя, наделяемого заказчиком соответствующими полномочиями.

Не менее важны и исследования проблемы обеспечения прав граждан, предусмотренных ст. 30 Конституции РФ.

Институт участия граждан в решении вопросов противодействия преступности для России не нов. Наши достижения в этой части стали основой для ряда международно-правовых документов, реализуются они и в законодательстве, и правоприменительной деятельности ряда стран мирового сообщества. Но прошлый опыт имеет не только свои плюсы, а нововведения в этой части не всегда базируются на результатах сегодняшних научных исследований, нередко по причине отсутствия таковых.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ!



Незаконное возмещение экспортного налога на добавленную стоимость (НДС). Особенности квалификации и расследования: Учеб. пособие / Под ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 159 с.

Проблема противодействия преступному возмещению налога на добавленную стоимость (НДС) в настоящее время сохраняет свою актуальность. Механизм уплаты и возмещения этого налога позволяет недобросовестным налогоплательщикам изымать из федерального бюджета значительные средства или уклоняться от выполнения обязанности по уплате НДС и иных федеральных налогов, а также погашению образовавшейся ранее задолженности по уплате налогов или сборов.

В пособии рассматриваются вопросы квалификации и предварительного расследования преступлений, связанных с незаконным возмещением экспортного НДС, раскрываются механизм совершения данных преступлений, характерные способы и схемы неправомерного возмещения НДС. Пособие содержит материалы судебной практики.

Пособие подготовлено с учетом изменений УК РФ, УПК РФ по состоянию на 19 декабря 2014 г.

Для студентов, преподавателей вузов юридического профиля, следователей, прокуроров, судей, повышающих свою квалификацию.

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

Андрей Львович ИВАНОВ,
заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии ФГКОУ ВО «Академия
Следственного комитета Российской
Федерации», кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ivanov5466@rambler.ru

Ярослав Николаевич ЕРМОЛОВИЧ,
докторант кафедры уголовного права
Военного университета Минобороны России,
кандидат юридических наук, майор юстиции
E-mail: Yaroslaverm@mail.ru

НОВОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

(*начало*)

Аннотация. В статье анализируется структура нового военно-уголовного законодательства Республики Казахстан, вступившего в силу в связи с принятием Уголовного кодекса 2014 г. В результате проведенного анализа автор выделяет ряд характерных черт и тенденций развития, присущих военно-уголовному законодательству Казахстана, проводит сравнение с ранее действовавшим законодательством, выделяет положительные и отрицательные стороны последних изменений военно-уголовного законодательства Республики Казахстан.

Ключевые слова: уголовная ответственность, военнослужащие, военно-уголовное законодательство, Республика Казахстан

Andrew Lvovich IVANOV,
The PhD in Law, Head of the Department
of Criminal Law and Criminology
Academy Investigative Committee
of the Russian Federation
E-mail: ivanov5466@rambler.ru

Yaroslav Nikolaevich EERMOLOVICH,
The PhD in Law, doctoral candidate in
criminal law of the Military University
E-mail: Yaroslaverm@mail.ru

NEW CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

(*beginning*)

Annotation. The article analyzes the structure of the new military criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, which entered into force in connection with the adoption of the Criminal Code in 2014. As a result of the analysis the author identifies a number of characteristics and trends inherent in military criminal law of Kazakhstan, makes a comparison with the previous legislation, highlights the positive and negative aspects of recent changes in the military penal legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: criminal liability, military personnel, military and criminal legislation, Republic of Kazakhstan

Структура военно-уголовного законодательства Республики Казахстан в целом повторяет структуру российского военно-уголовного законодательства[1]. В гл. 18 УК РК можно условно выделить: преступления против порядка воинских уставных взаимоотношений; уклонения от военной службы; преступления против порядка несения специальных видов военной службы; преступления против порядка сбережения военного имущества; преступления против порядка использования военно-технических средств. Как и в ранее действовавшем Уголовном кодексе 1997 г., в состав воинских преступлений в новом Кодексе были включены воинские должностные преступления, преступления против порядка несения службы в боевой обстановке и в районе военных действий, преступления, посягающие на порядок оборота секретных сведений военного характера. Казахстанский законодатель не изменил своей позиции в отношении воинских должностных преступлений и преступлений, совершаемых в военное время или в боевой обстановке, включив их в состав действующего военно-уголовного законодательства. Такой подход к структуре военно-уголовного законодательства представляет интерес как для российской науки уголовного права, так и для российского законодателя и правоприменителя, а также может быть использован для совершенствования российского военно-уголовного законодательства.

1. Анализируя *составы преступлений против порядка воинских уставных взаимоотношений*, следует отметить, что казахстанским уголовным законодательством предусмотрены те же составы преступлений, что и российским: неповиновение или иное неисполнение приказа, сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей, насильственные действия в отношении начальника, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. В Уголовном кодексе РК 2014 г. по сравнению с ранее действовавшим Кодексом был исключен только состав оскорбления военнослужащего.

Структура состава неисполнения приказа в целом соответствует взглядам, принятым в российской науке уголовного права. Так, выделяется неповиновение, т.е. открытый отказ от исполнения приказа начальника, иное умышленное неисполнение приказа и неисполнение приказа по неосторожности. Однако дифференциация состава в казахстанском законодательстве осуществляется иначе, в статье о неисполнении приказа выделяется шесть частей. Основной состав составляет умышленное деяние, причинившие существенный вред интересам службы; квалифицированный состав — деяние, совершенное группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, а равно повлекшее тяжкие последствия; особо квалифицированный состав — деяние, совершенное преступной группой (рус. — организованной группой) в боевой обстановке или условиях чрезвычайного положения; исключительно квалифицированный состав — деяние, совершенное в военное время. Две последние части статьи составляют дифференциацию привилегированного состава — неосторожного неисполнения приказа. Основной состав — неисполнение приказа вследствие небрежного либо недобросовестного отношения к службе, повлекшее тяжкие последствия; квалифицированный — то же деяние, совершенное в военное время, в боевой обстановке или условиях чрезвычайного положения. Непонятно, почему две последних части рассматриваемой статьи не были выделены в отдельный состав неисполнения приказа по неосторожности, хотя структура указанного состава подводит именно к такому решению. В целом состав неисполнения приказа не претерпел существенных изменений по сравнению с УК РК 1997 г., указанный состав подвергался редакции в последние несколько лет, поэтому в новый Уголовный кодекс была включена редакция статьи, которая уже была апробирована практикой.

Состав сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению служебных обязанностей в УК РК 2014 г. заметных изменений не претерпел, кроме санкции основного состава, которая была приведена в соответствие с существующей системой наказаний. В целом указанный состав соответствует российскому аналогу, за исключением того, что было добавлено две квалифицированные разновидности состава: деяние, совершенное преступной группой, в боевой обстановке или условиях чрезвычайного положения, а равно повлекшее смерть человека; деяние, совершенное в военное время. Основной состав указанного пре-

[1] См., напр.: *Лиховидов К.С.* Проблемы установления и реализации юридической ответственности военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2006. № 6; *Нафикова Г.А., Микерин В. А.* Комплекс мер по предупреждению воинских преступлений // Военно-юридический журнал. 2013. № 4. С. 8—12.

ступления является уголовным проступком и наказывается мягче, чем в российском законодательстве, квалифицированные разновидности наказываются более строго, чем по российскому законодательству, и являются тяжкими и особо тяжкими преступлениями. В указанном виде состав сопротивления начальнику был включен в последние редакции УК РК 1997 г., в новом УК РК 2014 г. были реализованы уже существующие наработки в этой области.

Аналогичным образом в казахстанском законодательстве сконструирован состав насильственных действий в отношении начальника. Однако в отличие от сопротивления начальнику применение насилия в отношении начальника без отягчающих обстоятельств наказывается в том числе и лишением свободы, поэтому является преступлением, а не проступком. По мнению казахстанского законодателя, применение насилия в отношении начальника является более общественно опасным преступлением, чем сопротивление начальнику. В данном случае, как и с предыдущим составом, были реализованы изменения ранее действующего законодательства.

Существенной редакции подвергся состав нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Деяние, совершенное неоднократно, было выделено в отдельный квалифицированный состав. В особо квалифицированный состав были добавлены признаки применения специальных средств, а также причинения тяжкого вреда здоровью, в связи с чем вдвое повышена санкция за это преступление. Исключительно квалифицированный состав был дополнен признаками совершения деяния преступной группой, а также совершения деяния, повлекшего смерть человека, наряду с ранее существовавшим признаком наступления тяжких последствий. Санкция за этот состав была существенно увеличена. Основной и квалифицированный составы нарушения уставных правил взаимоотношений являются уголовными проступками, остальные разновидности являются тяжкими преступлениями. Как и в других случаях, основной состав наказывается мягче, чем по российскому законодательству, квалифицированные составы, наоборот, наказываются строже.

2. *Система составов уклонений от военной службы* по УК РК 2014 г. не претерпела существенных изменений по сравнению с УК РК 1997 г. и в целом соответствует российскому законодательству. Уклонения от военной службы по УК РК 2014 г. включают в себя: самовольное оставление части или места службы, дезертирство и уклонение или отказ от несения воинской службы.

Состав самовольного оставления части или места службы подвергся наибольшим изменениям. Следует отметить, что в этот состав и ранее неоднократно вносились изменения в казахстанском законодательстве, что свидетельствует об отсутствии единой точки зрения по этому поводу у казахстанского законодателя. Ранее в последней редакции УК РК 1997 г. устанавливалась ответственность за самовольное оставление части или места службы продолжительностью свыше одного месяца. Квалифицированным составом являлось самовольное отсутствие в военное время свыше одних суток. Особо квалифицированным — самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке независимо от продолжительности. В новом УК РК 2014 г. основной состав был оставлен тем же, а квалифицированные разновидности были существенно переработаны. Были добавлены составы:

- самовольного оставления части или места службы, совершенного с оружием, вверенным по службе, либо группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, если самовольное отсутствие продолжалось свыше одних суток;
- самовольного оставления части или места службы, совершенного в боевой обстановке или условиях чрезвычайного положения, если самовольное отсутствие продолжалось свыше одних суток;
- самовольного оставления части или места службы в военное время независимо от продолжительности.

Кроме того, было добавлено в виде примечания к статье основание освобождения от уголовной ответственности: военнослужащий, совершивший деяние, предусмотренное ч. 1, 2 или 3 ст. 441, может быть освобожден от уголовной ответственности, если это деяние явилось следствием стечения тяжелых и иных обстоятельств. Соответственно основной состав самовольного оставления части наказывается мягче, чем в российском законодательстве, квалифицированные — существенно строже. По сравнению с ранее действовавшим УК РК 1997 г. была увеличена вдвое санкция преступления, совершаемого в военное время.

Состав дезертирства по казахстанскому законодательству не претерпел особых изменений.

Был исключен признак свершения преступления организованной группой, добавлен квалифицирующий признак совершения преступления в условиях чрезвычайного положения. Из примечания к статье было исключено одно из условий освобождения от уголовной ответственности — добровольная явка для дальнейшего прохождения воинской службы. Наказуемость дезертирства по казахстанскому законодательству не изменилась. В отличие от других составов основной и квалифицированный составы дезертирства наказываются по казахстанскому законодательству мягче, чем по российскому.

Существенным изменениям подвергся состав уклонения от воинской службы путем членовредительства или иным способом, в новой редакции УК РК он называется «уклонение или отказ от несения воинской службы». Как следует из названия, был добавлен, по сути, новый состав преступления — отказ от воинской службы, который был известен советскому уголовному законодательству, но был исключен из российского уголовного законодательства, также раньше отсутствовал в казахстанском законодательстве. Квалифицированный состав преступления, который предусматривал ответственность за деяние, совершенное в целях полного освобождения от исполнения обязанностей воинской службы, был исключен. Также был добавлен квалифицирующий признак совершения преступления в условиях чрезвычайного положения. В остальном состав не отличается от ранее действовавшего УК РК 1997 г. От российского аналога этот состав отличается наличием квалифицированных разновидностей, устанавливающих уголовную ответственность за деяния, совершаемые в боевой обстановке, в условиях чрезвычайного положения или в военное время. Наказуемость основного состава была несколько уменьшена, было исключено лишение свободы, поэтому по новой классификации этот состав относится к уголовным проступкам и наказывается мягче, чем в российском законодательстве.

3. *Система преступлений против порядка несения специальных видов военной службы* по законодательству Республики Казахстан включает в себя:

- нарушение правил несения боевого дежурства;
- нарушение правил охраны Государственной границы Республики Казахстан;
- нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы;
- нарушение уставных правил несения внутренней службы или патрулирования в гарнизоне;
- нарушение правил несения контролерской службы;
- нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В целом такая система повторяет положения российского законодательства. Типовой структурой, использованной в казахстанском законодательстве при конструировании составов преступлений против порядка несения специальных видов военной службы, является дифференциация уголовной ответственности следующим образом: основной состав — нарушение правил, если это деяние причинило вред или создало угрозу причинения вреда; квалифицированный состав — то же деяние, повлекшее тяжкие последствия. Указанная конструкция не претерпела изменений по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Признак совершения преступления в военное время был оставлен только в статье о нарушении правил боевого дежурства, как и в ранее действовавшем законодательстве, более того, эту статью дополнили признаком совершения преступления в боевой обстановке.

Составы нарушения правил охраны Государственной границы Республики Казахстан, нарушения уставных правил несения караульной (вахтенной) службы, нарушения уставных правил несения внутренней службы или патрулирования в гарнизоне наряду с признаком наступления тяжких последствий были дополнены признаком совершения преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору.

Существенной редакции подвергся состав нарушения правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Казахстанский законодатель вернулся, по сути, к старой редакции этой статьи, которая была очень сходна с российским аналогом. Если в последней редакции УК РК 1997 г. предусматривалась ответственность только за нарушение лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, правил несения службы, если это деяние повлекло тяжкие последствия, то в действующей редакции, подобно российскому законодательству, был выделен основной состав — нарушение специальных пра-

вил, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций, и квалифицированный состав — деяние, повлекшее тяжкие последствия либо совершенное группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. Кроме того, указанный состав был дополнен особо квалифицированным составом, предусматривающим ответственность за деяние, совершенное в условиях чрезвычайного положения.

Особенностью конструкции статей указанной группы, кроме нарушения правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, является наличие однотипных примечаний, в которых содержится основание для освобождения от уголовной ответственности: военнослужащий, впервые совершивший деяние, предусмотренное частью первой соответствующей статьи, при смягчающих обстоятельствах может быть освобожден от уголовной ответственности. Такие положения делают нормы казахстанского законодательства похожими на нормы советского военно-уголовного законодательства, которое в ряде случаев предусматривало дисциплинарную ответственность за совершение воинского преступления при смягчающих обстоятельствах.

Санкции основных составов преступлений против порядка несения специальных видов военной службы были приведены в соответствие с действующей системой наказаний: наказание в виде ограничения по воинской службе было заменено на исправительные работы, содержание на гауптвахте — на арест, были добавлены наказания в виде штрафа и ограничения свободы, наказание в виде лишения свободы было оставлено без изменений. В остальном санкции указанной группы составов были оставлены без изменений.

Новеллой казахстанского законодательства является состав преступления, ранее неизвестный в казахстанском законодательстве и отсутствующий в российском, — нарушение правил несения контролерской службы. Контролерская служба, по законодательству Республики Казахстан, организуется в учреждениях уголовно-исполнительной системы, основной задачей этой службы является обеспечение надзора за осужденными и осуществление охраны учреждения, производственных объектов, на которых трудоустроены осужденные, прилегающих к ним территорий, на которых установлены режимные требования. Структура вновь введенного состава преступления является типичной для подобных составов преступлений. Основной состав составляет нарушение правил несения контролерской службы военнослужащим, осуществляющим контрольные функции, если это деяние причинило существенный вред правам или законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Квалифицированный состав составляет деяние, повлекшее тяжкие последствия либо совершенное группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. Статья снабжена типовым примечанием, в котором содержится основание освобождения от уголовной ответственности. Основной состав является уголовным проступком, квалифицированный — преступлением средней тяжести.

Список литературы

1. *Лиховидов К.С.* Проблемы установления и реализации юридической ответственности военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2006. № 6.

2. *Нафикова Г.А., Микерин В.А.* Комплекс мер по предупреждению воинских преступлений // Военно-юридический журнал. 2013. № 4. С. 8—12.

УДК: 336.225
ББК: 65.261

Елена Александровна КОНДРАТЬЕВА,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Академии Следственного комитета РФ,
ведущий научный сотрудник НИИ Счетной палаты РФ,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: kondratieva.ea@niisp.ru
eakfa@mail.ru

Мария Сергеевна ШАЛЬНЕВА,
доцент кафедры «Корпоративные финансы»
Финансового университета при Правительстве РФ,
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: MShalneva@fa.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ГРУППЫ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В РОССИИ: РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам развития института консолидированной группы налогоплательщиков в России, его достоинствам и недостаткам и связанным с институтом КГН рискам уклонения от уплаты налогов крупными российскими компаниями.

Ключевые слова: консолидированная группа налогоплательщиков (КГН), плюсы и минусы КГН, налог на прибыль организаций, риски уклонения от уплаты налогов, ответственность за уклонение от уплаты налогов, методические подходы

Elena Aleksandrovnf KONDRATIEVA,
Leading Researcher Research Institute
of the Russian Audit Chamber
Associate Professor of humanitarian
and socio-economic disciplines Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation, PhD, associate professor
E-mail: kondratieva.ea@niisp.ru
eakfa@mail.ru

Maria Sergeevna SHALNEVA,
Associate Professor of «Corporate Finance»
Financial University under the Government
of the Russian Federation, PhD, associate professor
E-mail: MShalneva@fa.ru

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF THE CONSOLIDATED GROUP OF TAXPAYERS IN RUSSIA: THE RISK OF ABUSE FOR THE PURPOSE OF TAX EVASION

Annotation. The article is devoted to problems of development of the Institute of the consolidated group of taxpayers in Russia, its advantages and disadvantages, and the related institution KGN risk of tax evasion by large Russian companies.

Keywords: the consolidated group of taxpayers CTG), the pros and cons KGN, corporate income tax, the risk of tax evasion, the responsibility for tax evasion, methodical approaches

С 2015 г. начал действовать мораторий на создание новых консолидированных групп налогоплательщиков (КГН), введенный Федеральным законом № 366-ФЗ от 24.11.2014 г. В соответствии с ним договоры о создании КГН, зарегистрированные в 2014 г., должны были вступить в силу только с 1 января 2016 г. Но уже созданные КГН могут продолжить свою работу и во время действия моратория[1].

Правительство РФ может на пять лет продлить мораторий на создание новых КГН[2]. Очевидно, что временный мораторий стал необходим для устранения выявленных к 2015 г. недостатков в функционировании данной формы объединения компаний для целей уплаты налога на прибыль организаций. Дальнейшее развитие института КГН в России сложно спрогнозировать, очевидно, что КГН ждут серьезные перемены.

Бюджетным посланием Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 29 июня 2011 г. «О бюджетной политике в 2012—2014 годах» было поручено ввести в действие начиная с 2012 г. новации в налоговой политике государства, а именно новые правила регулирования трансфертного ценообразования в целях налогообложения, а также предусмотреть возможность крупным холдингам исчислять и уплачивать налог на прибыль организаций в целом по консолидированной налоговой базе холдинга, т.е. ввести в законодательство РФ институт консолидированной налоговой отчетности по налогу на прибыль организаций и институт КГН.

Консолидированная группа может быть создана между крупнейшими холдингами и финансово-промышленными группами, удовлетворяющими условиям вхождения в данную группу, согласно ст. 25 Закона № 321-ФЗ. Участниками консолидированной группы являются структуры, которые создали договор о консолидированной группе, прошли регистрацию в налоговых органах и получили право исчислять налогооблагаемую базу согласно финансово-хозяйственному результату деятельности[3].

Оценка целесообразности введения такого рода режимов должна основываться на анализе происходящих в стране экономических процессов, учитывать влияние режима на эффективность размещения финансовых ресурсов и на условия распределения прибыли. У института КГН есть как положительные, так и отрицательные стороны, проявление которых и надо учитывать при исследовании данного феномена оптимизации налогообложения групп компаний.

Среди плюсов введения института КГН выделяют следующие (см. табл. 1.*)*:

1) за счет использования консолидированной отчетности по налогу на прибыль организаций и уплаты налога, исходя из финансового результата по КГН, снижаются возможности использования схем по уклонению от уплаты налогов с применением трансфертного ценообразования, в результате чего отпадает необходимость осуществления сложного налогового контроля применения трансфертных цен между взаимозависимыми организациями;

2) уменьшаются негативные последствия, связанные с перемещением налоговой базы между субъектами РФ и муниципальными образованиями[4]. Распределение платежей по налогу на прибыль консолидированного налогоплательщика осуществляется пропорционально средней арифметической доле компании — участника КГН в совокупной стоимости основных фондов и фонда оплаты труда консолидированной группы[5];

3) создаются условия для объединения ряда процедур налогового администрирования по отношению к участникам КГН и снижения издержек путем переложения основных обязанностей по исчислению и уплате налога на прибыль организаций, уплате пеней и штрафов, а также по представлению в налоговый орган налоговой декларации на одно лицо — ответственного участника КГН;

4) создаются преференции для взаимозависимых организаций — участников КГН, выражающиеся в возможности суммировать прибыли и убыт-

[1] *Письмо* ФНС России от 19.12.2014 года № ГД43/26345 «О консолидированных группах налогоплательщиков» // http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=173685; dst=100001/

[2] http://www. klerk.ru/buh/news/432414/

[3] *Баннова К.А.* Проблемы налогообложения консолидированных групп за рубежом и в России // Проблемы учета и финансов. 2011. № 3. С. 39—41; *Баннова К.А., Гринкевич Л.С.* Систематизация особенностей объединения в форме консолидированной группы налогоплательщиков // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева, 2013, Выпуск № 4 (29).

[4] *Заключение* комитета Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности от 8.11.2011 № 3.16—07/80 по проекту Федерального закона № 392729-5 146 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков» // http://archiv. council.gov.ru/kom_home/kom_budg/legislation/opinion/item2240.html

[5] *Налоговая* политика. Теория и практика: Учебник для магистрантов / Под ред. И.А. Майбурова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010, С. 130.

ки различных участников группы при исчислении налога на прибыль организаций;

5) консолидация налоговых обязательств интегрированных структур способствует унификации налоговой системы и ее гармонизации с налоговыми системами других стран;

6) консолидированное налогообложение в условиях федеративного государства снижает налоговую конкуренцию регионов за счет льготных ставок по налогу на прибыль организаций;

7) институт консолидации стимулирует развитие интегрированных структур, что способствует конкурентоспособности взаимосвязанных производителей на внутреннем и международном рынках.

Однако институт КГН имеет свои *минусы и проблемы функционирования в России*:

1) завышенные требования к потенциальным участникам для вхождения в группу КГН;

2) ограниченная консолидация[6]. Отметим, что для государства расширение консолидации на другие налоги должно существенно упростить администрирование налогов, а также способствовать равномерному распределению налоговых поступлений;

3) занижение налогооблагаемой базы по другим налогам в связи с действующей ст. 105.14 НК РФ (о контролируемых сделках);

4) выпадение налоговых поступлений в бюджеты отдельных субъектов РФ;

5) предоставление единой декларации по КГН не освобождает участников группы от обязанностей сдачи декларации по налогу на прибыль организаций по доходам, не вошедшим в налоговую базу консолидированной группы.

6) Закон № 321-ФЗ определяет понятие «ответственный участник» как уполномоченный представитель всех участников консолидированной группы. Однако эта норма не согласуется с п. 1 ст. 27 НК РФ, согласно которому представитель, действующий на основании закона, признается законным представителем налогоплательщика, и это является единственным признаком, отличающим его от уполномоченного представителя[7]. Вследствие смешения этих понятий нарушается применяемый в НК РФ метод разграничения прав и обязанностей представителя, содержание которых определяется, в том числе, иными отраслевыми актами и зависит от вида представительства;

7) ответственный участник вправе представлять интересы участников КГН во всех тех случаях, когда по характеру совершаемых налоговым органом действий (бездействия) они непосредственно затрагивают права и обязанности организации, являющейся участником КГН. В то же время налоговые органы обязаны предоставлять ответственному участнику справки о состоянии расчетов консолидированной группы и ее участников только в пределах предоставленных ему полномочий. Вместе с тем определить с необходимой точностью пределы полномочий ответственного участника на основании положений НК РФ невозможно. Такое правовое регулирование не соответствует требованию формальной определенности изложения норм налогового законодательства;

8) КГН создается при условии, что одна организация непосредственно или косвенно участвует в уставном капитале других организаций и доля такого участия в каждой организации составляет не менее 90%[8]. Однако установленная доля участия нарушает принцип образования КГН[9];

9) узкий состав КГН. Расширение КГН за счет допуска к налоговой консолидации не только компаний-резидентов, но и обособленных подразделений зарубежных компаний, по мнению специа-

---

[6] Налоговая консолидация применяется только в отношении налога на прибыль организаций, однако можно консолидировать налоговые обязательства и по другим налогам. Так, в Великобритании консолидация применяется в отношении налога на прибыль, налога на доходы с капитала, государственной пошлины (в том числе по сделкам с недвижимым имуществом, совершаемым внутри консолидированной группы), а также НДС; в Германии и Норвегии — налога на прибыль и НДС; на Кипре — налога на прибыль, государственной пошлины и НДС.

[7] *Заключение* Правового управления Аппарата Совета Федерации РФ от 3.11.2011 № 5.4-2257 по проекту Федерального закона № 392729-5 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков» // http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc; base=PRJ; n=79224

[8] *Айвазян К.* Консолидированные группы налогоплательщиков // Корпоративный юрист. 2011. № 1. С. 6.

[9] Для решения проблемы завышенной доли участия одной компании в капитале другой обратимся к опыту зарубежных стран. Так, во Франции в консолидированную группу могут входить компании, доля владения в которых не ниже 95%, но при этом от участия в группе отсекаются те компании, владение которыми осуществляется посредством промежуточных компаний, не входящих в группу (несмотря на то что косвенная доля в конечной компании может превышать требуемый предел в 95%). В Германии, наоборот, промежуточная дочерняя компания, не входящая в группу, не прерывает налоговой консолидации материнской и внучатой компаний. См.: *Айвазян К.* Указ. соч. С. 7.

листов, может усилить позиции групп на международных рынках;

10) уменьшение налогооблагаемой базы в КГН за счет учета убытков участников КГН.

Создание российских КГН практически сразу привело к возникновению проблем корректного ведения бухгалтерского учета, начисления и уплаты налоговых платежей. Отсутствовали рекомендации по отражению расчетов между участниками группы в бухгалтерском учете. В План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности был введен дополнительный синтетический счет. Согласно разъяснениям Минфина, предназначение данного счета — учет специфических операций по расчетам между участниками в КГН; номер счета — 78 «Расчеты с участниками консолидированной группы налогоплательщиков»[10].

Налоговые органы, во многом, оказались не готовы к эффективному администрированию КГН, чем не замедлили воспользоваться недобросовестные налогоплательщики, которые любые пробелы в НК РФ обращают в собственный триумф и приращение чистой прибыли за счет уклонения от уплаты налогов.

Таблица 1. **Оценка положительных и отрицательных сторон от создания КГН в РФ**

Для участников КГН		*Для государства*	
Положительный эффект	*Отрицательный эффект*	*Положительный эффект*	*Отрицательный эффект*
Прибыль и убытки всех участников КГН суммируются при исчислении налога на прибыль организаций	Штраф за неуплату ответственным участником налога на прибыль организаций взимается со всех участников КГН	Налоговый учет возложен на ответственного участника группы, что упрощает механизм налогового администрирования	Срок выездных налоговых проверок зависит от количества участников КГН, т.е. значительно увеличивается
Упрощение процедуры уплаты налога на прибыль организаций	За нарушение налогового законодательства со стороны ответственного участника группы могут быть заблокированы счета и остальных участников	Уменьшение стимула к формированию трансфертного ценообразования	Возможность недополучения сумм налога на прибыль организаций, если в КГН убыточные предприятия

Стремительный рост масштабов уклонения от уплаты налогов — одна из характерных черт реформирования экономики России. По оценкам экономистов, за период 1991—2001 гг. удельный вес укрытых от налогов сумм более чем удвоился[11]. Уклонение от налогов возрастает по мере роста уровня налогового бремени.

Последствия уклонения от уплаты налогов носят сложный и противоречивый характер. Уклонение от уплаты налогов приводит к вынужденному сокращению государственных расходов (не хватает средств), к ужесточению тяжелого положения законопослушных налогоплательщиков, к формированию теневой экономики и искажению конкурентного механизма рынка. С другой стороны, часть скрытых налогов может идти на финансирование производственного процесса, который без уклонения в некоторых случаях был бы не возможен из-за непосильного налогового бремени. Отрицательные последствия уклонения от уплаты налогов тем не менее перекрывают собой имеющийся положительный эффект.

Выделяют традиционные методы, используемые государственными органами для сокращения уклонения от уплаты налогов в режиме прямого контроля, а также институциональные, направленные на формирование институциональной среды, сдерживающей уклонение[12].

[10] *О введении* в План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций дополнительного синтетического счета 78 «Расчеты с участниками консолидированной группы налогоплательщиков» для формирования в бухгалтерском учете и раскрытии в бухгалтерской отчетности информации о налоге на прибыль КГН: Письмо Минфина РФ от 16.03.2012 № 07-02-06/56 // https://www. referent.ru/1/196589

[11] Подробнее см.: *Острогорская Ж.В.* Деформализация налоговых правил в современной России: Дис. ... канд. экон. наук. 08.00.01. Волгоград, 2002. С.3.

Традиционные меры борьбы с уклонением от уплаты налогов не способны преодолеть институциональные слабости экономики. Самые защищенные от уклонения налоговые системы буксуют при ненадлежащей институциональной среде, а незащищенные, напротив, успешно справляются со своими функциями, если институциональная среда их функционирования благоприятна. К традиционным мерам относятся: снижение расходов налогоплательщика по уплате налогов; увеличение расходов налогоплательщика, связанных с уклонением от уплаты налогов; повышение налоговой культуры; ослабление мотивов к уклонению от уплаты налогов.

Традиционные меры основаны на следующей классификации факторов противодействия уклонению от уплаты налогов. К правовым относятся оптимизация состава налогов, устранение налоговых лазеек; к организационным — ужесточение контроля; к фискальным — снижение или оптимизация налогового бремени, снижение нерациональных трат государства; к регулятивным — сокращение налоговых льгот, ликвидация коррупции в налоговых органах; к моральным — повышение налоговой культуры.

Традиционные меры могут в определенной степени решить проблему уклонения от уплаты налогов. Анализ налоговых систем различных стран показывает ограниченное применение стандартных мер, возлагающих функции контроля за уплатой налогов исключительно на государство.

Институциональные способы борьбы с уклонением от налогов основаны на формировании вокруг налогоплательщика институциональной среды или «ближайшего окружения», которая взаимодействует с налогоплательщиком и не позволяет тому уклоняться от уплаты налогов. В качестве «ближайшего окружения» представлены: банки, работники, фирмы-партнеры и граждане-клиенты, заинтересованные акционеры и инвесторы.

Использование институциональных мер может принести больший эффект в борьбе с уклонением от уплаты налогов, так как за нерадивым налогоплательщиком следит уже не только государство, но и окружение самого налогоплательщика.

Институциональные меры основаны на создании в обществе таких условий деятельности субъектов экономики, когда сокрытие объектов налогообложения будет невыгодно налогоплательщику, а выгодно платить налоги в силу связанных с репутацией честного плательщика обстоятельств.

[12] См.: *Беккер Е.Г.* Микроэкономические аспекты проблемы уклонения от налогов: Дис. ... канд. экон. наук. 08.00.01. М., 2006.

К основным налогам с высокой вероятностью уклонения от их уплаты специалисты относят прямые налоги, прежде всего налог на прибыль организаций.

Проблемы ответственности КГН при неисполнении обязанности по уплате налога.

Выделим следующие типичные нарушения, выявляемые налоговыми и правоохранительными органами в ходе проверки групп крупных компаний[13]:

- вывод средств с помощью зарубежных компаний (офшоров);
- неправдоподобные сроки производства товаров, подпадающих под льготную ставку налогообложения;
- умышленные нарушения в документообороте между головной компанией и дочерними предприятиями, внесение в документы бухгалтерского и налогового учета недостоверных сведений;
- использование «хранителя активов», т.е. выделение отдельного юридического лица, в котором аккумулируется основная часть имущества (активов) компании. Компании, входящие в группу, ведут деятельность с использованием арендованных у хранителя активов объектов основных средств;
- неправильное заполнение документов, предоставляемых предприятиями по запросу налоговых органов;
- использование фальшивых договоров переработки давальческого сырья (толлинга)[14];
- применение вексельных схем с участием сомнительных фирм[15];
- использование фирм-однодневок;
- оказание консультационных и маркетинговых услуг, стоимость которых не соответствует их качеству.

В мировой практике характерной чертой применения режимов налоговой консолидации для целей исчисления налога на прибыль организаций является наличие солидарной ответственности всех участников по исполнению налоговых обязательств группы. При этом законодательство некоторых стран предусматривает возможность использования компаниями инструментов, позволя-

[13] *Куликов Л.А.* Типичные нарушения, выявляемые налоговыми и правоохранительными органами при проверке групп компаний // http://juristmoscow.ru/nalogovye-spory/stat_nal-sp/1732/

[14] http://www. nalogplan.ru/article/3281-kak-zashchititpravomernost-primeneniya-davalcheskoy-shemy-raboty

[15] http://www. ocenchik.ru/docs/129. html

ющих ограничивать размер ответственности каждого участника (Австралия, США).

С позиции налоговых органов необходима проверка правомерности образования группы и права каждого участника на вхождение в КГН (именно правомерности, поскольку обоснованность оценивает сам налогоплательщик). Это закрытая внутриведомственная процедура. Выявляется соответствие сведений, представленных каждым участником группы, заявившим право на вхождение в КГН, реальной ситуации (согласно условиям, предусмотренным НК РФ).

Рассмотрим, в чем заключаются риски использования недобросовестными налогоплательщиками института КГН для реализации намерений уклонения от налогообложения и каковы возможности их минимизации для государства. Поскольку создание КГН в России связано с уклонением от уплаты налога на прибыль организаций, то необходимо выявить особенности налоговых рисков по налогу на прибыль организаций.

Типичные налоговые риски по налогу на прибыль организаций таковы: доходы, которые налоговые органы могут доначислить в случае выявления нарушения условий договора, расходы, по которым проверяются их экономическая обоснованность и документальное подтверждение, нарушение сроков и порядка уплаты налога и, как следствие, возникновение еще одного налогового риска. Речь идет об инструментах налогового регулирования: амортизации основных средств (нелинейный метод начисления амортизации и применение повышающих коэффициентов к норме амортизации), применения амортизационной премии, формирования и использования резерва по сомнительным долгам.

В НК РФ в свое время были определены налоговые льготы как инструмент стимулирования предпринимательской деятельности: использование нелинейного метода начисления амортизации и применение повышающих коэффициентов к норме амортизации (ст.259.2 и 259.3 НК РФ). Новые положения НК РФ дают возможность значительно ускорить начисление амортизации, что особенно важно в условиях растущей инфляции.

Нелинейный метод амортизации позволил организациям в первые годы эксплуатации объекта основных средств перенести на затраты большую часть его стоимости, что тем не менее не всегда стимулирует организации к модернизации основных средств. Законодательством практически не предусмотрены благоприятные условия для предприятий, обновляющих свои мощности.

При комбинации нелинейного метода начисления амортизации и амортизационной премии по 3—7 амортизационным группам налогоплательщики получили возможность относить на расходы основную часть стоимости приобретаемых основных средств, что является существенной налоговой льготой.

Законодатель в гл. 25 НК РФ упразднил ряд налоговых льгот. В частности, была отменена переоценка основных средств, кроме тех, которые были приобретены (созданы) ранее для налогообложения прибыли организаций. Отсутствие поправки на инфляцию стоимости основных средств снижает реальную стоимость амортизационных отчислений. Введение переоценки основных средств снижает налоговые обязательства по налогу на прибыль организаций.

Переоценка основных средств для целей налогообложения позволяет скорректировать влияние инфляции на налоговые обязательства организаций, в то же время она может рассматриваться как налоговая льгота, особенно в той части, в которой дооценка актива превышает его удорожание в связи с инфляцией. Использование лишь фискальных мер не может обеспечить улучшения инвестиционного климата в стране.

Несмотря на налоговые риски, с которыми связано использование различных инструментов оптимизации налоговых платежей, налогоплательщики имеют возможность снизить налоговую нагрузку, не нарушая закон. Примером является создание резерва по сомнительным долгам. Законодательство позволяет использовать данный резерв, когда у компании есть потребность в безотлагательном использовании денежных средств и в максимальной отсрочке момента уплаты значительной части налога на прибыль организаций. Создание, ведение и контроль подобного резерва сопряжены с существенными трудозатратами. С учетом того, что размер резерва — величина изменяющаяся, отсутствие надлежащего контроля может обернуться для компании нарушением и повлечь доначисление пеней за использование бюджетных средств.

Покрытие убытков из резервов является одним из универсальных методов финансирования налоговых рисков за счет внутренних ресурсов организации в рамках налогообложения прибыли. Однако формирование и использование резервов неоднозначно. Требуется серьезная проработка методик расчета сумм резервов и алгоритмов их использования.

При формировании резерва в налоговом учете имеются ограничения по сроку возникновения долга, а также по сумме выручки за соответствую-

щий отчетный (налоговый) период — 10% выручки как предельная сумма отчислений в резерв[16].

При создании и функционировании консолидированной группы риски возникают как у налогоплательщиков, так и у государства. Некоторые из них пересекаются между собой. Российскими специалистами[17] была разработана *методика управления рисками системного взаимодействия участников КГН и государства.* Цель методики – выявление, систематизация и прогнозирование рисков, возникающих при создании и функционировании КГН, а также обнаружение наиболее сложных пороговых критериев[18].

В соответствии с поставленной целью к задачам данной методики относятся: выявление рисков на каждом этапе функционирования КГН; расчет периода, через который участники КГН могут перестать соответствовать условиям вхождения в группу; определение вероятности выхода из состава КГН через определенный период; предотвращение рисков, возникающих на каком-либо этапе работы КГН.

В методике предлагаются последовательные *этапы управления рисками системного взаимодействия участников КГН.*

1. *Оценка фактической целесообразности вхождения в КГН.*

Первый этап предполагает разработку и непосредственное внедрение системы мер управления рисками налогового контроля. Данный этап может состоять из нескольких шагов.

Сначала необходимо провести оценку целесообразности вхождения в консолидированную группу налогоплательщиков по следующим критериям.

1.1. Выявление плюсов и минусов вхождения в КГН, которые подробно были перечислены выше. Данный анализ направлен на устранение организационного риска и риска неинформирования.

В рамках анализа следует просчитать необходимость вхождения в КГН в связи с расчетом налога на прибыль организаций, исходя из прибылей и убытков компаний, входящих в группу. В данном случае плюсом консолидации можно считать высвободившиеся средства, которые группа организаций может направить на покупку нового оборудования или на разработку НИОКР для последующего развития отрасли.

1.2. Анализ участников на соответствие критериям вхождения в КГН. Данный анализ проводится согласно корректировке состава контрагентов, желающих войти в КГН по признакам соответствия критериям вхождения в КГН, а также из анализа деятельности каждой отдельной компании, желающей войти в КГН. Данный этап включает отказ от части контрагентов, корректировку состава контрагентов, изменение долей участия.

1.2.1. Отказ производится при несоответствии условиям вхождения в КГН, а также при выявлении случая соответствия каждой отдельной организации запрещенному перечню деятельности организаций, которые не могут войти в КГН.

1.2.2. Отслеживание установленных предельных размеров выручки, активов, налогов и т.д.

Данный шаг направлен на предупреждение риска выхода из состава КГН и соответственно риска возникновения проверки со стороны налоговых органов, включает в себя формирование доказательной информационно-документальной базы соответствия конкретного условия вхождения в КГН[19].

---

[16] Долг до 45 дней считается «свежим» и не вызывающим опасений, так как по такому критерию ничего не резервируется. Величина долга в 45—90 дней может быть «сигналом опасности», что предполагает резервирование 50% суммы долга. Период долга свыше 90 дней — сигнал тревоги и готовности к действию с резервированием суммы долга в полном объеме. В связи с этим ранжирование долгов по протяженности не видится логичным в силу того, что учитываются только пределы отчетного периода по налогу на прибыль организаций (90 дней). Но данные временные пределы не коррелируют с одним из ключевых критериев перехода сомнительного долга в ранг безнадежного — истечение срока давности (3 года), что рассматривается как аргумент в пользу отказа от подобных ограничений по схеме бухгалтерского учета. Это предполагает возможность резервирования средств на покрытие убытков от безнадежных долгов в сумме, полностью соответствующей выявленным в процессе инвентаризации задолженностей.

[17] *Баннова К.А.* Методика управления рисками системного взаимодействия участников консолидированной группы налогоплательщиков // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2013. № 4 (24). С. 116—124.

[18] Информационной базой могут выступать выписки из ЕГРЮЛ, различные справки, выписанные участниками КГН, копии платежных поручений на уплату налога на прибыль организаций, бухгалтерские балансы, отчеты о финансовых результатах за предшествующий календарный год для каждого из участников группы, нормативные правовые акты по бухгалтерскому учету.

[19] Для этого необходимо составить таблицы по каждому участнику, в которых будет отражаться размер выручки, активов, налогов, уплаченных в бюджет, подтверждение данных документов выписками из ЕГРЮЛ.

1.3. Рассмотрение требований заключения договора о создании КГН следующие этапы.

1.3.1. Анализ условий заключения договора при создании КГН.

Из-за несоответствия договора определенным условиям и требованиям, а также внесенным изменениям в договор и продления срока его деятельности налоговые органы могут отказать в регистрации.

Данный этап включает в себя отслеживание требований заключения договора о создании КГН, в котором должны быть указаны в том числе показатели, необходимые для определения налоговой базы и уплаты налога на прибыль организаций для каждого участника КГН с учетом особенностей, предусмотренных ст. 288 НК РФ.

1.3.2. Выявление причин нарушения сроков представления документов о регистрации договора о создании КГН.

Анализ причин и предотвращение непредставления (представления не в полном объеме) или нарушения срока представления в уполномоченный налоговый орган документов для регистрации договора о создании консолидированной группы налогоплательщиков.

Также необходимо отслеживать срок представления документов. Данный срок должен быть не позднее 30 октября года, предшествующего налоговому периоду, начиная с которого исчисляется и уплачивается налог на прибыль организаций по КГН.

Несоответствие договора требованиям, описанным выше, влечет риск отказа в регистрации договора налоговым ведомством.

2. *Выявление и анализ рисков, возникающих у участников КГН.*

Анализ позволяет выявить такие риски, как *организационный, риск неинформирования, недостаточности знаний в налоговой сфере, риск несоответствия участников группы всем требованиям вхождения в КГН, риск упущенной выгоды*. В данном случае возможно применение риск-ориентированного подхода[20].

2.1. Отслеживание установленных предельных размеров выручки, активов, налогов.

Оценивается динамика падения суммарной стоимости активов и суммарной выручки КГН на заданном временном интервале в целях определения вероятности расформирования консолидированной группы по причине несоответствия данных показателей регламенту. Методика не предусматривает рассмотрения динамики налоговых отчислений по причине сильной корреляции этого параметра с размером совокупной выручки. Модель предполагает прогнозирование указанных экономических показателей посредством определения линии тренда и его дальнейшей экстраполяции, оценка риски расформирования КГН[21].

2.2. Учет состава уплачиваемых налогов, в отношении которых может производиться проверка полноты их исчисления и уплаты на основе положений контроля за трансфертным ценообразованием. В соответствии со ст. 105.14 НК РФ это сделки, предметом которых является добытое полезное ископаемое, признаваемое объектом налогообложения на добычу полезных ископаемых, при добыче которого налогообложение производится по налоговой ставке, установленной в процентах.

2.3. Отслеживание правильности перечисления налога на прибыль организаций в бюджет ответственным участником.

2.3.1. Грамотное составление отчетности и недопущение ошибок.

2.3.2. Правильное перераспределение между бюджетами налога на прибыль организаций.

Доля каждой компании по налогу на прибыль организаций выделяется исходя из показателей среднесписочной численности и средней стоимости амортизируемого имущества, далее полученное число умножается на общую сумму налога и перечисляется в федеральный бюджет в размере 2%, а оставшаяся сумма — в бюджет каждого отдельного региона присутствия компании — участника КГН.

У государства существует налоговый риск в недополучении регионами отчислений по налогу на прибыль организаций в связи с несовершенством методики расчета распределения налоговых отчислений, получении штрафных санкций из-за неправильного расчета налогооблагаемой базы по налогу на прибыль организаций и соответственно перераспределении между бюджетами бюджетной системы РФ.

[20] О практическом применении риск-ориентированного подхода в деятельности Счетной палаты Российской Федерации см.: *Омельченко В.В.* Риск-ориентирование планирование контрольной и экспертно-аналитической деятельности: концептуальные положения // Вестн. АКСОР. 2015. № 2. С. 42—54; *Омельченко В.В.* Внешний государственный контроль управления национальными ресурсами: риск-ориентированный подход // Вестн. АКСОР. 2015. № 3.

[21] Подробнее: *Баннова К.А.* Становление системы налогообложения консолидированных групп налогоплательщиков в РФ: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Томск, 2013.

При внимательном отслеживании данной проблемы устраняются социальные риски, проявляющиеся в потере рабочих мест из-за недофинансирования регионов, которые недополучили платежи по налогу на прибыль организаций, соответственно недопущение сокращения бюджета регионов.

2.4. Выявление причин изменения договора о создании КГН и продление срока его действия. Данное обстоятельство связано со следующими факторами.

2.4.1. Невыполнение условий, предусмотренных ст. 25.2 НК РФ, в отношении хотя бы одного участника КГН.

2.4.2. Подписание документов не уполномоченными на это лицами.

2.4.3. Нарушение срока представления документов на изменение указанного договора.

2.4.4. Непредставление (представление не в полном объеме) документов для регистрации соглашения об изменении договора о создании КГН (решения о продлении срока действия указанного договора), которое представляется ответственным участником в налоговый орган.

2.5. Контроль изменения юрисдикции, места регистрации налогоплательщиков (перенос производства в офшорные зоны и т.д.). Достаточно сложно выявлять указанные риски.

2.6. Учет изменений организационно-экономических условий бизнеса. Это происходит в целях соответствия условиям, при соблюдении которых сделки признаются контролируемыми (несоответствие условиям вхождения в группу, смена регистрации, становление нерезидентом, имеющим льготу по налогу на прибыль организаций, переход на специальные налоговые режимы компаний, имеющих представительство в офшорных зонах).

2.7. Выявление причин приостановления операций по счетам в банках участников КГН.

Данный риск связан с непредставлением налоговых деклараций по налогу на прибыль организаций в налоговый орган. Участники КГН, за исключением ответственного участника данной группы, не представляют налоговые декларации в налоговые органы по месту своего учета, если они не получают доходы, не включаемые в консолидированную налоговую базу консолидированной группы согласно п. 7 ст. 289 НК РФ. Соответственно по отношению к участникам КГН при соблюдении вышеуказанного условия не подлежат применению положения НК РФ, предусматривающие право налогового органа на взыскание штрафа, а также на приостановление операций по счетам в банках в связи с непредставлением налоговой декларации по налогу на прибыль организациями в налоговый орган по месту постановки их на учет[22].

Предложенная методика позволяет потенциальным участникам КГН формировать состав групп компаний — участников КГН, устойчивый во времени, поможет компаниям сформировать необходимый уровень требуемых показателей, а также осуществлять прогнозирование. Использование данной методики даст возможность *сократить риски государства при создании группы*, усилить прозрачность деятельности КГН, сформировать отлаженный механизм управления рисками.

В заключение отметим: история развития института консолидированного налогообложения показывает, что налоговая политика при работе с корпоративными группами (группами компаний, холдингами) зависит от стратегических решений государства в отношении концентрации и объединения компаний.

[22] Необходимо отметить, что ранее Федеральной налоговой службой неоднократно (письма от 25.04.2012 № ЕД-4-3/7018@ и от 27.04.2012 № ЕД-4-/7143@) обращалось внимание территориальных налоговых органов на то, что участники КГН не представляют в налоговые органы по месту своего нахождения (месту учета в качестве крупных налогоплательщиков), а также по месту нахождения своих обособленных подразделений налоговые декларации, если они не получают доходов, не включаемых в консолидированную налоговую базу группы. Информация о регистрации договоров о создании КГН, об участниках этих групп доводилась до налоговых органов инспекциями, осуществлявшими регистрацию договоров, и ФНС России.

УДК 343.3
ББК 67.408

Александр Анатольевич КУЗНЕЦОВ,
следователь по особо важным
делам второго следственного отдела
управления по расследованию
особо важных дел о преступлениях
против личности и общественной безопасности
Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации,
подполковник юстиции
E-mail: onikudaki@inbox.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

КРИТЕРИЙ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЗАХВАТА ВЛАСТИ

Аннотация. Статья содержит материал об отграничении насильственного захвата власти от иных посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства. Раскрыто содержание критерия «суверенитет новой власти». Разработан проект статьи Уголовного кодекса «Вооруженное противодействие власти».

Ключевые слова: критерий насильственного захвата власти, суверенитет новой власти, вооруженное противодействие власти, насильственное изменение конституционного строя, государственные органы

Alexandr Anatolievich KUZNETSOV,
the investigator for particularly important cases of the investigation department
of the second control for investigation of particularly important cases of crimes against the person and
public security of the Main investigation department
of the Investigative committee of the Russian Federation,
Lieutenant Colonel of Justice

Scientific speciality: 12.00.08 — Criminal law and criminology; criminal-executive law

CRITERIA OF THE FORCIBLE TAKEOVER OF THE AUTHORITY

Annotation. This article contains the material about delimitation of forcible takeover of the authority from other encroachments on the bases of the constitutional order and safety of the government, it reveals the criteria for «Sovereignty of the new authority». The project of the article for the criminal code of Russian Federation was developed «Armed counteraction of the governance».

Keywords: Criteria of the forcible takeover of the authority, Sovereignty of the new authority, Armed contraction of the governance, Forcible alteration of the constitutional order, state authorities

Характер и степень новых угроз национальной безопасности Российской Федерации предопределяет необходимость научной выработки определения преступной деятельности по насильственному захвату власти, выявления ее качественных особенностей и значимых характеристик. Актуальность разработки этой темы выражается не только в теоретической значимости, но и в практическом применении, а соответственно и в результативности борьбы с угрозами национальной безопасности.

В научной литературе не выработано единого мнения о содержании признаков «насильственные действия», «захват власти», «насильственное удержание власти», «насильственное изменение конституционного строя».

По мнению Д.В. Царева, пожалуй, самым малоисследованным преступлением с точки зрения объективной стороны является насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 Уголовного кодекса РФ (да-

лее — УК)[1]. В связи с отсутствием к сегодняшнему дню научных работ, полно осмысливающих достоинства и недостатки этого состава, анализ этой нормы представляет уголовно-правовой интерес[2].

В диспозиции ст. 278 УК говорится о насильственном захвате власти или насильственном удержании власти в нарушение Конституции РФ, а равно действиях, направленных на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации.

Ключевая категория, используемая в тексте закона и определяющая направленность данного общественно опасного деяния, – *власть*.

Власть — это возможность и способность навязать свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки их сопротивлению[3].

Специфической разновидностью является *политическая власть* — способность определённой социальной группы или класса осуществлять свою волю, оказывать воздействие на деятельность других социальных групп или классов. В отличие от иных видов власти (семейной, общественной и др.) политическая власть оказывает свое влияние на большие группы людей, использует в этих целях специально созданный аппарат и специфические средства. Наиболее сильным элементом политической власти является государство и система государственных органов, реализующих государственную власть.

Легитимность государственной власти – это не только законность данной власти с формально-юридической точки зрения, но и социальное признание ее права на руководящую роль в обществе. Власть чрезвычайно необходима для достижения государственных целей, так как государственное функционирование вряд ли будет эффективным, если не соблюдаются соответствующие правила. Там, где легитимность власти не бесспорна, воцаряется беззаконие и возникает опасность революционных потрясений.

В русском языке власть означает право и возможность распоряжаться кем-нибудь или чем-нибудь, подчинять своей воле[4]. Понятия «власть» и «государственная власть» широко используются в литературе, а также в формулировках иных нормативных правовых актов.

Власть, по мнению А.В. Павлинова, нельзя отождествлять с государством. Предлагаемые в специальной литературе подходы к определению понятия государственной власти позволили выделить четыре ее понимания:

(1) как волевого отношения;

(2) как органа государства;

(3) как функции;

(4) как совокупности полномочий.

Наиболее простым вариантом может показаться формализация понятия «государственная власть» через отождествление ее с органами государства. Такой подход является распространенным. Однако очевидно: власть – это не органы, осуществляющие ее, а право этих органов реализовывать в пределах, предусмотренных законом, властные полномочия. Власть и система органов – взаимосвязанные элементы, но не тождественные. Изучение норм Конституции РФ (далее — Конституция) также позволяет прийти к выводу о преобладающем понимании государственной власти как совокупности полномочий, реализуемых специально учреждаемыми органами. Чтобы убедиться в справедливости данного вывода, достаточно обратиться к вышеупомянутой ст. 3 Конституции. В ч. 4 ст. 3 термин «присваивать власть» может быть понят только как присвоение полномочий. Данная конституционная формула предполагает два возможных варианта. Первый – захват власти, который происходит путем отстранения законно избранных или назначенных органов от осуществления власти нелегитимными способами. Второй — присвоение полномочий, которые, по Конституции, должны осуществляться иными органами[5].

На наш взгляд, власть заключается не в органе власти, тем более не в помещении, которое занимает этот орган, а речь может идти только о властных полномочиях, использование или применение которые заключает в себе власть. В случае с захватом власти мы считаем, что власть нельзя захватить путем блокирования входа в единственное здание какого-либо органа государственной власти или местного самоуправления, это является мерами противодействия исполнению властных полномочий, но не является лишением властных полномочий или их присвоением, это не захват власти.

С другой стороны, системные нападения на представителей власти и органы управления с разрушением их инфраструктуры, лишение их воз-

---

[1] *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

[2] *Царев Д.В.* Объективная сторона преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // http://superinf.ru/view_helpstud.php? id=3155

[3] *Вебер М.* Хозяйство и общество. Гл. 1. § 16.

[4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка // http://www. ozhegov.com/words/3528. shtml

[5] *Павлинов А.В.* Антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2008.

можности осуществлять свои функции, подавление возможного сопротивления сотрудников правоохранительных и иных государственных органов, масштабная парализация выполнения возложенных на них функций являются посягательством на основы конституционного строя и безопасность государства.

Согласимся, что органы власти находятся в зданиях, к которым подведены коммуникации, в первую очередь связь, посредством которой осуществляется руководство ведомствами, происходит координация работы и взаимодействие с другими государственными структурами.

Представляется, что захват помещений органов власти еще не говорит сам по себе о захвате властных полномочий этого органа или его представителей, а применение насилия к представителям государственной власти или местного самоуправления, безусловно, не влечет прекращения ими своих полномочий или перехода их правомочности к другим лицам.

Каким образом цель захвата власти должна проявиться объективно? Действия правонарушителей должны быть направлены на прекращение деятельности государственного органа или представителя власти, присвоение и использование властных полномочий по своему усмотрению.

Необходимо решить несколько проблем для квалификации захвата власти. На наш взгляд, существенным является вопрос о том, какого уровня орган власти подпадает под захват власти и какова граница достаточности этих действий для квалификации захвата власти.

С.В. Дьяков и другие ученые отмечают, что действия могут носить локальный характер, связанный с захватом позиций одной из ветвей власти (законодательной, исполнительной или судебной), либо широкомасштабный характер, направленный на все субъекты власти[6]. Они могут относиться к деятельности центральных органов власти либо к органам власти субъектов Федерации. По мнению Д.В. Царева[7], речь идет о захвате власти или удержании власти как на государственном уровне (Федерация или ее субъекты), так и на уровне органов местного самоуправления, осуществляемого в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных традиций для самостоятельного решения населением вопросов местного значения. Мы придерживаемся такого подхода и разделяем точку зрения А.С. Горелика, что захват или удержание власти возможны «не только во всей Российской Федерации, но и на территории ее субъектов, городов или других административно-территориальных единиц».

Согласно ст. 3 Конституции опосредованная власть народа осуществляется через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Государственные органы власти в России представлены как органами государственной власти Российской Федерации, так и органами государственной власти субъектов Федерации (ст. 11 Конституции). Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ч. 2 ст. 3, ст. 12 Конституции). Вместе с тем признание основ местного самоуправления в качестве одной из основ конституционного строя буквально следует из размещения ст. 12 в главе 1 «Основы конституционного строя» Конституции.

На наш взгляд, захват власти возможен на различных уровнях – федеральном, субъекта Федерации, муниципальном, и это согласуется с положениями Конституции РФ.

В то же время захват власти может быть не подкреплен силами и средствами, в связи с чем у правонарушителей не имеется потенциальной возможности захватить власть и контролировать ее удержание. Речь может идти об одиночном захвате здания какого-либо государственного органа или органа местного самоуправления, взятии в заложники представителя власти, формальном объявлении о присвоении властных полномочий. Также речь может идти о физическом насилии над представителями власти, воспрепятствовании им в осуществлении своих властных полномочий.

В таком случае речь должна идти о *вооруженном противодействии власти*, которое может иметь признаки вооруженности, организованности, направленности на общественные отношения, обеспечивающие функционирование политической системы России, препятствовать реализации государственных функций.

Вместе с тем в действиях преступников не будет одного ключевого свойства, которое придает этим действиям уровень или значение, квалификацию «захвата власти» — установление *«суверенитета новой власти»* на определенной территории и в определенное время над ее жителями, устранение иных властных органов. Преступники фактически должны установить или предпринять меры к установлению «суверенитета» своих требований, возможно, в пределах пусть небольшого населенного пункта и хотя бы на короткий срок,

[6] *Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М.П.* Ответственность за государственные преступления. М.: Юрид. лит., 1988.

[7] *Царев Д.В.* Указ. соч.

одновременно устранив возможность существования на этой территории и в то же время других органов власти или представителей власти. Без так называемого признака «суверенитета новой власти» захват власти не будет иметь принципиальных оснований для такой квалификации.

Представляется, что этот объективный критерий позволит отграничить захват власти от вооруженного противодействия власти.

Обращение к термину «суверенитет» связано с определением и характеристиками государства и самой государственной власти.

Государство — организация политической власти, осуществляющая управление обществом и обеспечивающая в нем порядок и стабильность. Основными признаками государства являются: наличие определенной территории, суверенитет, широкая социальная база, монополия на легитимное насилие, право сбора налогов, публичный характер власти, наличие государственной символики.

Государственная власть является властью публичной (официально управляет делами всего общества в целом) и политической, т.е. она регулирует отношения между большими и малыми социальными группами и, будучи относительно обособлена от общества (социально неоднородного в лице классов, этносов, наций, национальных меньшинств и т.п.), руководит им в интересах той его части, большей или меньшей, которая овладела этой властью (служит инструментом реализации воли политических сил, стоящих у власти).

Государственная власть является суверенной властью, т.е. в сфере государственных дел обладает верховенством, самостоятельностью и независимостью по отношению к какой-либо иной власти как внутри государства, так и за его пределами.

При захвате власти преступники ориентируются на нее как на объект, обладающий вышеперечисленными свойствами, а потому представляющий интерес в определенном плане – использовать ее как инструмент для изменения существующего положение дел и навязать свою волю другим лицам. Без признака суверенности власти, которую планируется захватить, и сохранении за ней признака суверенности не будет проведено захвата власти. Невозможно представить, чтобы, к примеру, в субъекте Федерации было захвачено правительство, однако работали независимые суды, законодательные и некоторые исполнительные органы власти. Варианты могут быть различные, но суть остается прежней – нет единства властных полномочий на определенной территории в определенное время, нет общего контроля ситуации, отсутствует «суверенитет новой власти». При отсутствии «суверенитета новой власти» возможно организовать ей сопротивление, могут быть приняты организационные, законодательные или судебные решения о незаконности предпринятых действий по захвату власти, осуществлены мероприятия по пресечению противоправной деятельности. Таким образом, не будет достигнута основная цель этого преступления.

Попытки захвата государственной власти не всегда реализуются, пресекаемые правоохранительными органами. Вывод о стремлении к достижению «суверенитета новой власти» необходимо делать исходя из планируемых действий преступников, их масштабности, фактической возможности осуществления, предпринятых мерах подготовки, привлеченных участниках.

При отсутствии возможности или желания нападающих осуществить полномасштабный захват государственной власти их деятельность по противодействию исполнения своих полномочий представителями власти и иными государственными служащими сводится к одиночным акциям, которые принимают характер системного уничтожение представителей власти и, таким образом, оказания сопротивления деятельности всего государственного аппарата, разрушения работы государственных органов и учреждений.

Данная ситуация является реальностью для Северо-Кавказского региона России, интенсивность, формы и методы этой борьбы развиваются.

Так, в ходе расследования уголовного дела установлено, что Т. совместно с Г. создал и возглавил организованную преступную группу – отряд незаконного вооруженного формирования (джамаат Малгобекского района) в целях дестабилизации обстановки в Республике Ингушетия и устрашения населения, изменения конституционного строя и нарушения территориальной целостности Российской Федерации, закрепленной ч. 1 ст. 65 Конституции РФ, путем совершения уголовно наказуемых деяний – посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, повреждения и уничтожения имущества граждан, организаций и представителей власти (сотрудников правоохранительных органов) путем совершения поджогов, взрывов, обстрелов из огнестрельного оружия[8].

[8] *Особенности* расследования преступлений экстремистской и террористической направленности: Материалы науч.-практ. семинара. Ростов н/Д, 24—25 мая 2012. М.: Ин-т повышения квалификации СК РФ, 2012.

Из материалов уголовного дела по обвинению Б. и иных лиц следует, что для оказания вооруженного сопротивления федеральным силам, отторжения Северо-Кавказского региона от Российской Федерации и создания на его территории единого исламского государства преступники на территории северокавказских республик, в том числе Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, создали и вместе с тем возглавили организованное преступное сообщество (преступную организацию)[9].

В приведенных примерах, которые не единичны, основными целями преступной деятельности является дестабилизация обстановки в республиках Северного Кавказа, устрашение населения, изменение конституционного строя, нарушение территориальной целостности Российской Федерации путем отторжения всего Северо-Кавказского региона от России и образование на его основе единого Исламского государства с шариатской формой правления.

Способом достижения указанных преступных целей были избраны нападения на граждан, сотрудников правоохранительных органов, представителей органов государственной власти, управления военнослужащих, государственных организаций и учреждений, массовое убийство граждан и представителей органов государственной власти, управления, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, захват заложников, акты терроризма.

Анализ показывает, что изменение конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации являются приоритетом деятельности преступных группировок на Северном Кавказе. Деятельность подобных организаций с аналогичными целями зафиксирована и в других регионах Российской Федерации[10]. Особо важно отметить, что способы и методы достижения этой цели основаны на ежедневном, мелкомасштабном, насильственном посягательстве на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, представителей органов государственной власти и управления, военнослужащих. Постоянные обстрелы нарядов полиции, воинских частей и отдельных военнослужащих, убийства судей, взрывы возле зданий органов власти являются звеньями одной цепи.

Именно системная организация этой подрывной деятельности ставит вопрос о её уголовно-правовой квалификации и выработке мер борьбы с ней. Решение этой задачи возможно на основе практического опыта и теоретических знаний. В рамках сложившихся социальных и геополитических условий имеющиеся уголовно-правовые средства ответственности за насильственный захват власти неудовлетворительны. Мы считаем, что появилась новая форма посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства — *вооруженное противодействие власти*. Это уничтожение системы государственных органов, внутренней организации государства, уничтожение представителей государственных и общественных организаций, органов местного самоуправления, военнослужащих, представителей власти. Данная форма посягательства имеет своей целью разрушение основ конституционного строя и государственного устройства Российской Федерации, нарушение территориальной целостности и обороноспособности Российской Федерации. Объективная сторона посягательства заключается в насильственных действиях с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, направленных на воспрепятствование деятельности государственных органов или государственных служащих, представителей органов местного самоуправления, представителей власти, военнослужащих. Отличие от насильственного захвата или удержания власти заключается в проведении единичных акций, которые не могут по отдельности привести к захвату власти, повлечь свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, нарушение территориальной целостности или обороноспособности Российской Федерации, однако они направлены на разрушение основ конституционного строя и безопасность государства. Для вооруженного противодействия власти не требуется наличия признака «суверенитет новой власти».

В связи с изложенным предлагаем ввести в УК новую статью.

Статья 277.1 Вооруженное противодействие власти.

1. Вооруженное противодействие власти – насильственные действия с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, направленные на воспрепятствование деятельности государственных органов или государственных служащих, представителей органов местного самоуправления, представителей власти, военнослужащих, в целях разрушения основ конституционно-

[9] Материалы уголовного дела № 25/16-06.

[10] https://rospravosudie.com/court-arxangelskij-rajonnyj-sud-respublika-bashkortostan-s/act-401619613/; https://rospravosudie.com/court-derbentskij-gorodskoj-sud-respublika-dagestan-s/act-496226548/; https://rospravosudie.com/court-sunzhenskij-rajonnyj-sud-respublika-ingushetiya-s/act-101294349/

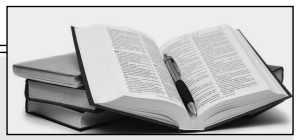
го строя и государственного устройства Российской Федерации, нарушения территориальной целостности и обороноспособности Российской Федерации — наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

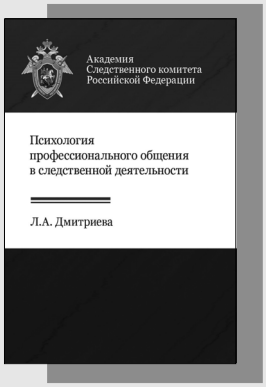
2. Те же действия, сопряженные с угрозой жизни, а равно убийством государственных служащих, представителей органов местного самоуправления, представителей власти, военнослужащих, их близких, в тех же целях – наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

В уголовно-правовой оценке насильственных форм захвата власти до сих пор остаются вопросы, требующие своего разрешения. Принятые попытки выделить существенные признаки этих посягательств, выработать единый подход их разграничения, на наш взгляд, привели к обоснованным выводам о наличии критерия «суверенитет новой власти» и с его помощью провели разграничение насильственного захвата власти и вооруженного противодействия власти. Захват власти возможен при наличии ключевого свойства — установлении «суверенитета новой власти» на определенной территории и на определенное время над ее жителями, устранение или изоляция иных властных органов.

Разработка новых мер уголовно-правового противодействия подрывной деятельности против основ государственного устройства Российской Федерации является необходимым элементом борьбы с данными посягательствами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ!





Дмитриева Л.А. **Психология профессионального общения в следственной деятельности**: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 191 с.

Пособие предназначено для углубленного изучения дисциплины «Юридическая психология» студентами высших учебных заведений, обучающихся по уголовно-правовой специализации.

Предложенные рекомендации имеют прикладную направленность и ценность для всех субъектов правоохранительной деятельности.

Материал может представлять научный и профессиональный интерес для специалистов смежных специальностей.

УДК 34
ББК 67

Алла Александровна МИШЕНИНА,
заведующая кафедрой уголовного процесса четвертого факультета (с дислокацией в г. Нижнем Новгороде) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», подполковник юстиции
E-mail: misheninaalla@mail.ru

Юлия Викторовна РОДИОНОВА,
доцент кафедры уголовного процесса четвертого факультета (с дислокацией в г. Нижнем Новгороде) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», майор юстиции, кандидат политических наук
E-mail: rodionova@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье освещаются отдельные вопросы противодействия коррупции в Следственном комитете Российской Федерации с учетом новых требований законодательства.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, сотрудник Следственного комитета РФ, дисциплинарное взыскание, утрата доверия

Alla Alexandrovna MISHENINA,
Head of the Department of criminal trial of the fourth faculty (with a dislocation in Nizhny Novgorod) Training Institute FGKOU IN "Academy of the Investigative Committee of Russian Federation," Lieutenant Colonel of Justice
E-mail: misheninaalla@mail.ru

Yulia Viktorovna RODIONOVA,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure of the fourth faculty (with a dislocation in Nizhny Novgorod) Training Institute FGKOU IN "Academy of the Investigative Committee of Russian Federation" Justice Major, PhD in Political Science
E-mail: rodionova@mail.ru

CERTAIN ASPECTS OF COMBATING CORRUPTION IN INVESTIGATIVE COMMITTEE OF RUSSIA

Annotation. In this article highlights some of the issues of combating corruption in the Russian Investigative Committee, taking into account the new requirements of the law.

Keywords: corruption, fight against corruption, a member of the Investigative Committee of the Russian Federation, disciplinary action, the loss of confidence

Коррупция является негативным фактором, влияющим на развитие общества. Коррупция способствует снижению авторитета власти, влияет на эффективность деятельности государственных и иных органов.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под *противодействием коррупции* понимается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

(а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);
(б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);
(в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений[1].

[1] *Федеральный* закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «Гарант».

Важную роль имеет противодействие коррупции в системе Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственный комитет).

Прежде всего, к гражданам, принимаемым на службу в Следственный комитет, и в дальнейшем к сотрудникам Следственного комитета предъявляется ряд требований, в том числе соблюдение ограничений и исполнение обязанностей, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» устанавливает требования о гражданстве, высшем юридическом образовании, профессиональных и моральных качествах, состоянии здоровья для исполнения служебных обязанностей, указывает на необходимость представления в полном объеме достоверных сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруга (супруги) и несовершеннолетних детей, а также недопустимость замещения должностей федеральной государственной службы или федеральной государственной гражданской службы при условии близкого родства или свойства с сотрудником или федеральным государственным гражданским служащим Следственного комитета, если это связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому (ст. 16)[2].

Запрет на совместную службу родственников в действующем законодательстве рассматривается как одна из мер по противодействию коррупции и является универсальным как для Следственного комитета, так и для всей системы государственной и муниципальной службы Российской Федерации, поскольку такая служба может повлиять на объективность принимаемых решений.

Обязанностью сотрудника Следственного комитета является уведомление представителя нанимателя (работодателя) обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционного правонарушения. Данная обязанность регламентируется ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции» и приказом Председателя Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 11 «О порядке уведомления сотрудниками и федеральными государственными гражданскими служащими Следственного комитета Российской Федерации представителя нанимателя (работодателя) обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений»[3]. Подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечении, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения от физических и юридических лиц в связи с исполнением должностных обязанностей сотрудникам Следственного комитета получать не разрешается, на что указывает п. 6 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[4].

Помимо этого, в соответствии со ст. 5 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» сотрудники Следственного комитета не вправе совмещать свою основную деятельность с иной деятельностью на возмездной основе, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности.

При этом педагогическая, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации.

Данные ограничения направлены на обеспечение безопасности страны и являются одной из мер борьбы с коррупцией в сфере государственной службы, недопущения возможности иностранного влияния.

Подразумевается, что педагогическая, научная и иная творческая деятельность, осуществляемая на возмездной основе, должна носить официальный характер с обязательным представлением сотрудником Следственного комитета сведений о своих доходах, полученных от этой деятельности.

Федеральными законами от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции», а также от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ и от 7 мая 2013 г. № 102-ФЗ скорректированы отдельные положения антикоррупционного законодательства.

Так, ст. 30.1 и 30.3 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федера-

[2] *Федеральный* закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[3] *Приказ* Председателя Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 11 «О порядке уведомления сотрудниками и федеральными государственными гражданскими служащими Следственного комитета Российской Федерации представителя нанимателя (работодателя) обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений» // СПС «Гарант».

[4] *Федеральный* закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «Гарант».

ции» предусматривают взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также порядок наложения взысканий за допущенные нарушения закона.

Федеральный закон от 5 октября 2015 г. № 285-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления обязанности лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов» изменил содержание понятий «конфликт интересов» и «личная заинтересованность».

Под *конфликтом интересов* в Федеральном законе «О противодействии коррупции» понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Личная заинтересованность в действующем законодательстве — это возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) лицом (в данном случае – сотрудником Следственного комитета) и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми лицо и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Предотвращение или урегулирование конфликта интересов может выражаться в изменении должностного положения сотрудника, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения обязанностей, в отказе его от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов, в отказе от участия в производстве по уголовному делу при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса РФ (отводе).

Наиболее часто применяемый вид ответственности к государственному служащему, в том числе к сотрудникам Следственного комитета — дисциплинарная ответственность.

Вопросы, касающиеся дисциплины и юридической ответственности государственных служащих, актуальны для нашего государства. Нельзя не согласиться с А.А. Гришковцом, который отмечает, что «одним из действенных средств, обеспечивающих режим законности в государственном аппарате, является дисциплинарная ответственность государственных служащих. К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время ее огромный стимулирующий потенциал пока явно недооценивается и, как следствие этого, в полную меру не используется»[5].

Статья 28 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» содержит перечень дисциплинарных взысканий, к которым относятся замечание, выговор, строгий выговор, понижение в специальном звании, лишение медалей Следственного комитета, лишение нагрудного знака «Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации», предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение из Следственного комитета по соответствующему основанию.

Помимо указанных взысканий, ст. 30.2 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» предусматривает дополнительный вид увольнения – увольнение в связи с утратой доверия.

Законодательство не содержит определения понятия утраты доверия. Этот вопрос решает работодатель самостоятельно, исходя из характера совершенного работником действия, его личных и деловых качеств[6].

И безусловно, утрата доверия сотрудника Следственного комитета предполагает наличие грубых нарушений антикоррупционного законодательства:

- непринятия сотрудником Следственного комитета мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является;
- непредставления сотрудником Следственного комитета сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей

[5] *Гришковец А.А.* Правовое регулирование дисциплинарной ответственности государственных служащих // Право и политика. 2001. № 9.

[6] *Гуринович А.Г.* Организационно-правовой механизм увольнения государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения // Право. Журн. Высш. школы экономики. 2013. № 3. Июль—сентябрь.

либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений;

- участия сотрудника Следственного комитета на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом;
- осуществления сотрудником Следственного комитета предпринимательской деятельности;
- вхождения сотрудника Следственного комитета в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;
- нарушения сотрудником Следственного комитета, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

За указанные грубые нарушения антикоррупционного законодательства сотрудник Следственного комитета может быть уволен в связи с утратой доверия на основании ст. 30.2 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации».

Руководителю следственного органа Следственного комитета отводится важная профилактическая роль недопущения и своевременного урегулирования ситуации, связанной с конфликтом интересов в своем коллективе. Законом предусмотрена дисциплинарная ответственность в виде увольнения в связи с утратой доверия в случае, если руководителю стало известно о возникновении у подчиненного сотрудника личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и меры по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого является подчиненный ему сотрудник, не были им приняты.

Для достижения целей борьбы с коррупцией, по мнению современных ученых, изучающих вопросы борьбы с коррупцией в системе государственной службы, должен использоваться комплекс научных, организационных, воспитательных, экономических и правовых мер[7]. В частности, должны быть усовершенствованы и развиты административно-правовые меры противодействия коррупции:

- в централизованном порядке повышать квалификацию федеральных государственных служащих, в должностные обязанности которых входит участие в противодействии коррупции, по утвержденной единой научно обоснованной образовательной программе;
- активизировать меры правового регулирования по созданию эффективной системы обратной связи, позволяющей государству корректировать проводимую антикоррупционную политику на основе информации о ее результативности;
- обеспечить организацию и проведение ротации государственных гражданских служащих в соответствии с Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. № 395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе»;
- решить вопрос о расширении практики применения ответственности лиц за совершение коррупционных правонарушений;

Бесспорно, несоблюдение этических стандартов служебного поведения со стороны государственных служащих является одним из наиболее серьезных препятствий на пути формирования правового механизма предупреждения и пресечения коррупции[8]. Следовательно, следует добиваться неукоснительного соблюдения правил служебного поведения со стороны служащих.

Важную роль в противодействии коррупции в Следственном комитете играет знание антикоррупционного законодательства, ведомственных актов, регламентирующих правила поведения на службе и в быту, порядок действий сотрудника Следственного комитета при возникновении коррупционной ситуации, ответственность за совершение коррупционных правонарушений. Своевременное ознакомление сотрудников с установленными нормами поведения позволит предотвратить нарушения законодательства о противодействии коррупции. И одновременно активное использование практики привлечения к ответственности за совершение коррупционных правонарушений будет являться превентивной мерой при решении вопросов борьбы с коррупцией в рядах государственных служащих.

---

[7] *Власенко Н.А., Грачева С.А., Рафалюк Е.Е.* Правовые средства противодействия коррупции: Науч.-практ. пособие. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013.

[8] *Шеметов М.Н.* Актуальные проблемы противодействия коррупции // Следователь. 2011. № 4 (156).

УДК 654.1308 + 351.811.12
ББК Х401.11

Владимир Иванович МАЙОРОВ,
профессор кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: 1955715@rambler.ru

Павел Витальевич МОЛЧАНОВ,
начальник отдела ФКУ НИЦ БДД МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: pavelmolchanov@mail.ru

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ДТП? (СОЦИАЛЬНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ)

Аннотация. Проблема обеспечения безопасности в сфере дорожного движения остается одной из актуальнейших социальных и экономических проблем государства. В статье рассматривается ретроспективная трансформация содержания понятия «ДТП». На основе анализа содержания нормативных правовых актов сформулированы основные признаки ДТП. Указывается на то, что нет четкой определенности административно-правовой сущности ДТП. Авторские выводы и рекомендации могут быть использованы в целях большей эффективности безопасности участников движения.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, правила дорожного движения, участники дорожного движения, безопасность в дорожном движении

Vladimir Ivanovich MAYOROV,
Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative and Financial Law Federal State Educational Institution of Higher Education «Tyumen State University»
E-mail: 1955715@rambler.ru

Pavel Vitalevihc MOLCHANOV,
Candidate of Law
head of department Federal Governmental Institution «Research Center for Road Safety Problems of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»
E-mail: pavelmolchanov@mail.ru

TO BE OR NOT TO BE A ROAD TRAFFIC ACCIDENT? (SOCIAL AND ADMINISTRATIVE LEGAL GISTS)

Annotation. Supporting of road traffic safety is one of the most topical state problems in social and economic sphere. The article presents a retrospective transformation of the concept content «road traffic accident». The basic features of the road traffic accident are defined which are based on analysis of regulatory legal acts content. The article indicates that there is no clear definition of administrative legal gist of road traffic accident. Author' conclusions and recommendations can be used for more effective safety of road users.

Keywords: road traffic accident; traffic code, road users, road traffic safety

Результаты реализации мероприятий Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006—2012 годах»[1] свидетельствовали о положительной тенденции в снижении уровня аварийности на автомобильном транспорте. В настоящее время в России осуществляется реализация Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—

[1] *Постановление* Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 г. № 100 «О Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006—2012 годах» // СЗ РФ. 2006. № 9. Ст. 1020 (с посл. изм. и доп.).

2020 годах»[2], целью которой является сокращение смертности от дорожно-транспортных происшествий к 2020 г. на 8 тыс. человек (28,82%) по сравнению с 2012 г. За период 2006—2014 гг. количество дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) на дорогах страны сократилось на 12,9%, число погибших в ДТП за этот период сократилось на 17,7%, раненых — на 12,8%.

Однако проблема обеспечения безопасности в сфере дорожного движения остается одной из актуальнейших социальных и экономических проблем государства. Подтверждением может служить тот факт, что за указанный период (2006—2014) в России зафиксировано 1 891 573 ДТП, в которых пострадало 2 635 348 участников движения, из которых 260 126 человек погибли.

Если взять только показатель тяжести последствий ДТП (количество погибших) за обозначенный период, то он соответствует населению таких городов как:

г. Нижневартовск (265 994 чел.);

г. Йошкар-Ола (260 352 чел.);

г. Новороссийск (256 580 чел.);

г. Комсомольск-на-Амуре (254 934 чел.);

г. Таганрог Ростовской области (253 587 чел.);

г. Балашиха Московской области (247 075 чел.)[3].

Следовательно, каждые девять-десять лет в следствие ДТП мы «теряем» на дорогах страны полностью население одного из перечисленных городов.

Социально-экономический ущерб, которым выражается общественная опасность и которым принято обосновывать принятие мер государственного принуждения, в сфере дорожного движения — это в значительной степени жизнь, здоровье и благополучие самих правонарушителей и их близких. Из этого следует, что обеспечение безопасности участников дорожного движения — в первую очередь защита их от их же собственных действий. То есть жертвами в большинстве ДТП становятся те, кто не соблюдает Правила дорожного движения (далее — ПДД).

Что же такое ДТП как физическое явление, вызванное действиями людей? Что такое нормы в области дорожного движения, невыполнение которых обусловливает возникновение ДТП? Какова его административно-правовая сущность? Ответить на эти вопросы попытаемся в настоящей статье.

Анализ исследований, посвященных проблемам борьбы с ДТП, показывает, что большинство правоведов в своих работах рассматривали их преимущественно через призму уголовного права, криминологии, криминалистики и психологии[4].

В нормативных правовых актах в области обеспечения безопасности дорожного движения времен СССР термин «ДТП» присутствовал наряду с аналогичными по смыслу терминами «авария» и «несчастный случай», при этом их определение не раскрывалось[5].

Понятие «ДТП» впервые было дано на нормативном уровне в 1993 г. — в Правилах дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД)[6]. В первоначальной редакции ПДД под термином «ДТП» понималось «событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, груз, сооружения»[7] (п. 1.2).

---

[2] *Постановление* Правительства РФ от 03.10.2013 № 864 «О Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013—2020 годах» // СЗ РФ. 2013. № 41. Ст.5883 (с посл. изм. и доп.).

[3] https://sites. google.com/site/ruregdatav1/largest_cities_russia

[4] См., напр.: *Андреев И.С.* Профилактическая деятельность следователя при расследовании дорожно-транспортных происшествий: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1982; *Перлов С.Н.* Доказывание при расследовании дел о дорожно-транспортных происшествиях: (Процессуальные и криминалистические аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997; *Мызников В.А.* Теоретические и практические проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996; *Чичерина М.П.* Виктимологический анализ и профилактика дорожно-транспортных происшествий, совершаемых водителями частных легковых автомобилей: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; *Чипурина Е.А.* Криминологическая характеристика и профилактика дорожно- транспортных происшествий в условиях крупного города, повлекших тяжкие последствия: (на материалах г. Москвы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 и др.

[5] См., напр.: *Правила* движения по дорогам и в городах Московской области. М.: Московский рабочий, 1947; *Правила* движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам СССР. М.: МООП РСФСР, 1965; *Правила* дорожного движения. Введ. в действие с 1 янв. 1973 г. (с изм. и доп. от 1/IV 1975 г. и 1/ I 1976 г.) М.: Транспорт, 1976; *Правила* дорожного движения. М.: Моск. правда, 1985; *Правила* дорожного движения: Введены в действие с 1 января 1987 г. М.: Транспорт, 1987; и др.

[6] *Комментарий* к Правилам дорожного движения Российской Федерации и Основным положениям по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностям должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения / Под ред. В.Н. Кирьянова. М.: ООО «Книжное издательство «За рулем»», 2011. С. 8, 26—28.

Также оно содержится в Правилах учета дорожно-транспортных происшествий (постановление Правительства РФ от 29 июня 1995 г. № 647 «Об утверждении Правил учета дорожно-транспортных происшествий»[8]).

В 1995 г. данный термин был закреплен законодательно — в ст. 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (притом его содержание отличалось от редакции ПДД) — «событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб»[9]. Только в 2001 г. данная конструкция «перекочевала» в ПДД в аналогичной редакции[10].

ДТП подразделяются на девять видов: столкновение, опрокидывание, наезд на стоящее транспортное средство, наезд на препятствие, наезд на пешехода, наезд на велосипедиста, наезд на гужевой транспорт, наезд на животное, иные виды ДТП (происшествия, не относящиеся к указанным выше видам).

В классификации видов ДТП выделяют также прочие: падение пассажира с транспортного средства или в транспортном средстве из-за резкого маневра, падение груза или какого-либо другого предмета на человека, животное, другое транспортное средство. Общее их число очень незначительно. Поскольку в самом определении ДТП указано еще два обязательных квалифицирующих признака, а именно:

(1) участие механического транспортного средства;

(2) его движение в момент времени, предшествующий возникновению одного из перечисленных состояний;

то можно сделать вывод, что физической причиной возникновения события, называемого ДТП, является нарушение устойчивости или/и автономности движения механического транспортного средства, перевозимых на нем людей и грузов.

Поскольку механические транспортные средства, находящиеся на нем люди и грузы обладают значительным запасом кинетической и потенциальной энергии, то возникающие, как следствие, ударные взаимодействия приводят к травмированию людей, повреждению материальных объектов. Рассмотрим связь этих физических процессов с действиями участников движения.

К механическим транспортным средствам, с участием которых событие квалифицируется как ДТП, относятся: автомобили, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, велосипеды с подвесными двигателями, трамваи, троллейбусы, тракторы, другие самоходные машины и механизмы. Имея различные технологические и конструктивные характеристики, все они обладают одним общим признаком. Их движение осуществляется благодаря механической энергии, которую вырабатывает расположенный на транспортном средстве двигатель внутреннего сгорания или электродвигатель. Управление этой энергией осуществляет водитель.

Основной характеристикой движения является, как известно, скорость. Манипулируя органами управления транспортного средства, водитель изменяет величину и направление вектора скорости движения таким образом, чтобы были выполнены условия безопасности: обеспечены устойчивость и автономность движения. А возникновение ДТП означает, что водитель по каким-либо причинам потерял возможность управлять энергией движущегося транспортного средства в соответствии со своей волей и желаниями. Это может быть связано:

- с неправильным управляющим воздействием водителя на транспортное средство, который не сумел скоординировать параметры движения транспортного средства с условиями окружающей среды;
- с неправильными действиями других участников движения, поставивших водителя в положение, когда он уже не в состоянии избежать ударного взаимодействия своего транспортного средства с другими объектами;
- отказом технических компонентов дорожного движения.

Таким образом, практически во всех случаях возникновение происшествия связывается с неправильными действиями участников дорожного движения. Рассмотрим факторы, определяющие вероятность наступления такого события.

[7] *Постановление* Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531 (с посл. изм. и доп.).

[8] *СЗ* РФ. 10.07.1995. № 28. Ст. 2681 (с посл. изм и доп.).

[9] *Федеральный* закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873 (с посл. изм и доп.).

[10] *Постановление* Правительства Российской Федерации от 24 января 2001 г. № 67 «О внесении изменений и дополнений в решения Правительства Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 2001. № 11. Ст. 1029.

Управление транспортным средством, равно как и пешее передвижение, может в технологическом плане быть представлено как работа оператора человеко-машинной системы. Отдельный цикл управленческого процесса включает последовательно выполняемые операции:

- восприятие информации о дорожно-транспортной ситуации;
- оценку информации по критерию ее полноты и достаточности для принятия правильного решения о режиме движения (выбору определенной величины и направления вектора скорости движения);
- прогнозирование развития ситуации на последующий период;
- принятие решения о коррекции режима движения;
- выполнение какого-либо маневра (в частном случае — сохранение прежнего режима);
- реализацию принятого решения путем манипулирования с органами управления.

Поскольку мы рассматриваем динамический процесс, то для осуществления управления требуются определенные пространство и время, причем потребность в них при прочих равных условиях тем больше, чем выше скорость движения.

Максимальная скорость механического транспортного средства определяется мощностью двигателя, для пешехода — его физическими кондициями. Имеет существенное значение и состояние опорных свойств поверхности, по которой осуществляется движение. Однако ограниченность площади территории, которая может быть использована для транспортного движения, конечная устойчивость транспортных средств против опрокидывания, различие в скоростных возможностях и желаемых направлениях движения отдельных участников, воздействие погодно-климатического фактора, а также ограниченные психофизиологические возможности участвующих в дорожном движении людей, недостаточный профессионализм большинства из них как операторов человеко-машинной системы предопределяют необходимость обеспечения устойчивости и автономности движения транспортных средств при имеющихся пространстве и времени. Они обусловливают наличие практически постоянных ограничений, накладываемых на потенциальные перевозочные свойства транспортного средства и желательное направление движения. Для предотвращения ДТП водитель, управляя транспортным средством, должен выявить имеющиеся в его распоряжении время и пространство, оценить их достаточность для выполнения маневра по изменению скорости или (и) направления для обеспечения устойчивости и автономности движения, вплоть до полного прекращения.

Принятие участниками движения решения о необходимых режимах движения управляемых ими транспортных средств, происходит в условиях высокого уровня неопределенности развития дорожно-транспортной ситуации. Она задается объективно чрезвычайным динамизмом самого процесса управления, многообразием сочетанной характеристик транспортных средств и улично-дорожной сети, погодно-климатических условий, а самое главное — необходимостью прогнозирования поведения людей. Эти обстоятельства диктуют необходимость специальной организации действий участников движения, основу которой составляет правовое регулирование их поведения. Система правового регулирования отражена в ПДД.

Поскольку действия участников дорожного движения являются тем фактором, от которого непосредственно зависит разрешение дилеммы «быть или не быть ДТП», то ПДД предписывают участникам выполнять только такие действия, которые не приведут к нарушению устойчивости или автономности движения транспортных средств: «...пешеходы могут выходить на проезжую часть после того, как они убедятся, оценят расстояние до приближающихся транспортных средств, их скорость и убедятся, что переход для них безопасен, ... не должны создавать помехи для движения транспортных средств» (п. 4.5), водитель «перед началом движения, перестроением, поворотом (разворотом) и остановкой обязан подавать сигналы... При этом маневр должен быть безопасен и не создавать помех другим участникам движения» (п. 8.1), «... должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенность и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять меры к снижению скорости до остановки транспортного средства» (п. 10.1).

Основное место в ПДД занимают нормы, регламентирующие действия участников движения в наиболее типичных дорожно-транспортных ситуациях (начало движения, обгон, остановка и стоянка, проезд перекрестков и т.п.). Кроме того, ПДД предусмотрено, что на отдельных участках улично-дорожной сети по отношению к отдельным категориям транспортных средств или участников движения может осуществляться дополнительная регламентация, информация о которой доводится до участников движения с помощью

технических средств регулирования дорожного движения — дорожных знаков, линий разметки, светофоров. В целом анализ ПДД показывает, что в них в основном содержатся требования по ограничению скорости и направления движения. Таким образом, нормирование дорожного движения официально закрепляет в правовом акте реально существующие ограничения на потенциальные возможности участвующих в движении людей. Эти ограничения объективны. Они производны от состояния компонентов, образующих сам процесс движения. Тем самым достигается, с одной стороны, информирование об этих ограничениях, что способствует повышению уровня подготовленности и надежности действий участников дорожного движения, а с другой стороны, включает такой мощный фактор, как государственное принуждение.

Анализ статистических данных о ДТП показывает, что из всех происшествий, вызванных нарушениями водителей, более 60% произошли из-за превышения скорости, нарушения правил обгона, выезда на полосу встречного движения, нарушения правил стоянки, остановки, маневрирования, проезда перекрестков, несоблюдения дистанции, неподчинения сигналам регулирования, требованиям дорожных знаков и разметки. Для пешеходов наиболее характерными нарушениями были переход через проезжую часть в неустановленном месте (45,5% всех ДТП по вине пешеходов), неожиданный выход из-за транспортных средств, сооружений, деревьев и т.п. (23,0%), неподчинение сигналам регулирования дорожного движения (5,5%). При совершении нарушений, ставших причиной ДТП, 23,9% водителей и 22,6% пешеходов находились в состоянии опьянения.

Обобщая сказанное, можно сделать следующий вывод: ДТП, фактически являясь следствием нарушения автономности или устойчивости движения механических транспортных средств, в абсолютном большинстве возникают из-за того, что водитель и пешеходы, будучи в нормальном психофизиологическом состоянии, не выполнили предписаний правовых норм, регламентирующих объективно существующие ограничения на скорость и (или) направление их движения.

Мотивация к «экономии времени» у участников дорожного движения и, как следствие, нарушение ПДД, следствием которого является ДТП, может иметь различную социальную окраску. Действующее в сфере дорожного движения законодательство нормативно закрепляет за его участником обязанность разрешать противоречие «время — безопасность» в пользу последней. Этот вывод однозначно следует из содержания приведенных выше норм в области дорожного движения. То есть законодатель однозначно предписывает не считаться со временем передвижения во имя безопасности. И это абсолютно оправданно, ибо жизнь и здоровье людей — высшая общественная ценность. Не может быть ситуации, когда бы участнику дорожного движения даже по неосторожности было разрешено совершать действия, приводящие к происшествию. Тем более что само ДТП прерывает, как правило, процесс движения, и, следовательно, им не достигается главная его цель — пространственное перемещение[11].

Но нормативное предписание обеспечивать при любых условиях безопасность участников дорожного движения далеко не устраняет причину анализируемого противоречия, хотя и делает его менее антагонистическим. По-прежнему чем больше расхождение между возможным, задаваемым физическими кондициями пешехода и тягово-динамическими качествами технических средств, и реальным, определяемым действием описанных выше факторов, тем в большей степени ограничена потенциальная свобода участников движения, тем более значительный дискомфорт они испытывают и тем более вероятно совершение ими действий, квалифицируемых как нарушения ПДД и причины ДТП[12]. Следующее за этим привлечение виновных к гражданской, административной, уголовной ответственности является, безусловно, серьезным превентивным фактором, но, как показывает статистика ДТП, не решающим проблему по существу[13]. Стремление к сбережению времени — главная побудительная причина, обусловливающая для большинства правонарушителей в дорожном движении невыполнение или нормативных предписаний о режимах движения, за что они в дальнейшем расплачиваются материально, свободой, здоровьем, жизнью.

Можно возразить, что полной свободы в дорожном движении для всех его участников нет и в принципе быть не может, поэтому и не может быть полной безопасности. Во всех странах мира существуют ДТП и травматизм. Однако масштабы его, соотнесенные с объемом выполненного перемещения людей и грузов, существенно различны. По

[11] *Майоров В.И.* Государственно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: теоретико-прикладные проблемы. М.: Юрлитинформ, 2010.

[12] *Майоров В.И.* Понятие дорожно-транспортных правонарушений и вопросы их классификации // Проблемы права. 2014. № 2. С. 173—178.

[13] *Молчанов П.В.* Возбуждение дела об административном правонарушении в области дорожного движения: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2008.

нашему мнению, они производны от степени обеспечения свободы передвижения, поскольку чем меньше реальных ограничений (именно реальных, а не только и не столько нормативно установленных) на скорость и направление движения, в том числе и определенных недостаточной подготовленностью участников движения, тем меньше риск совершения ими действий, не учитывающих или игнорирующих эти ограничения и приводящих к ДТП. Поэтому позволим себе высказать гипотезу, что основной путь повышения безопасности движения — в максимально возможном устранении факторов, ограничивающих свободу передвижения и определяющих необходимость увеличения временных затрат участия в дорожном движении сверх того, которые считаются оптимальными. Это путь, который позволяет, естественно, не устранить, но в значительной мере ослабить остроту имманентно присущего движению противоречия «время — безопасность».

В силу особой важности соблюдения ПДД и других административных норм в сфере дорожного движения полагаем необходимым осмыслить и оценить административно-правовую сущность ДТП ввиду того, что сама безопасность участников дорожного движения, прежде всего, является объектом административно-правовой охраны с учетом современных реалий административного права и состояния правоприменительной практики.

Исходя из содержания термина «ДТП» можно обозначить его *основные признаки*:

1. ДТП возникает только в процессе движения по дороге транспортного средства. Например, наезд автомобиля на стоящего пешехода является ДТП, но обратная ситуация, т.е. падение пешехода на стоящий автомобиль, не является таковым.

ДТП считается только событие, в котором участвует транспортное средство. Например, не является ДТП попадание в пешехода выброшенной из окна автомобиля бутылкой. Но в то же время упавший из кузова автомобиля на пешехода груз дает основание для квалификации данного события как дорожно-транспортного происшествия. Событие является ДТП, если в нем нанесен ущерб жизни и здоровью людей, транспортным средствам, сооружениям, грузам или иной материальный ущерб. Например, легкое столкновение автомобилей, при котором только лишь стерлась пыль на бампере и не появились трещины или иные повреждения, не считается ДТП. Следовательно, в этом случае не требуется вызывать сотрудников органов внутренних дел для его оформления и выполнять другие обязанности, связанные с ДТП. Также в этом случае не может быть назначено наказание за оставление места ДТП.

Таким образом, основными «составляющими» для квалификации события как ДТП являются движение, дорога и ущерб.

2. Факт участия в ДТП налагает на водителя дополнительные обязанности административно-принудительного характера, которые содержатся в п. 2.5 ПДД, а именно немедленно остановить (не трогать с места) транспортное средство, включить аварийную сигнализацию и выставить знак аварийной остановки в соответствии с требованиями п. 7.2 ПДД, не перемещать предметы, имеющие отношение к происшествию.

3. Невыполнение обязанностей в связи с ДТП влечет административную ответственность по ст. 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Вместе с тем КоАП РФ не предусмотрена административная ответственность за нарушение ПДД или правил эксплуатации транспортных средств, повлекшее причинение материального ущерба в результате ДТП. Вопросы возмещения вреда жизни, здоровью или имуществу, причиненного в результате ДТП, решаются в соответствии с Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»[14], а также в порядке гражданского судопроизводства[15]. При рассмотрении иска о возмещении ущерба в результате ДТП устанавливается причинная связь между нарушениями ПДД, участниками ДТП и наступившими последствиями в результате ДТП.

Ввиду не вполне четкой определенности административно-правовой сущности ДТП представляется необходимым сформулировать ряд выводов и предложений.

Понятие «дорога» содержится в ст. 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» и п. 1.2 ПДД — «обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения». Вместе с тем немалое количество инцидентов, связанных с движущимися транспортными средствами, происходят на пустырях, полях, лесных полянах и в других местах и, как представляется, справедливо квалифицируются по статьям УК РФ и КоАП РФ, отражаясь в государственной статистической отчетности как ДТП. На практике актуальность данного вопроса очевидна, особенно в сельской местности.

---

[14] *СЗ* РФ. 2002. № 18. Ст. 1720 (с посл. изм и доп.).

[15] *Гражданский* процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 (с посл. изм. и доп.).

Любое ДТП происходит по причине нарушения установленных норм и правил (в данном случае — ПДД) одним из его участников. Вместе с тем действующее определение термина ДТП не содержит такого положения. Данный пробел на практике может повлечь двоякое толкование, так как под эту формулировку могут подпадать и такие события в процессе движения, как, например, поломка автомагнитолы или прокол колеса.

С учетом данных обстоятельств определения терминов «дорога» и «дорожно-транспортное происшествие» нуждаются в соответствующей коррекции.

Полагаем термин «дорога» следует изложить в понятийном аппарате как «обустроенная или приспособленная и *регулярно* (выделено мной. — *Авт.*) используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения», а ДТП — как «событие, возникшее *в результате нарушения установленных норм и правил движения* (выделено мной. — *Авт.*) в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб».

В современных условиях нельзя признать корректными положения ПДД, которые определяют только обязанности водителей — участников ДТП (п. 2.5), несмотря на то что в более чем 40% подобных инцидентов прямо или косвенно участвуют пассажиры и пешеходы. Безусловно, отдельные положения ПДД должны твердо знать и выполнять пешеходы и пассажиры, например в части, касающейся характерных особенностей деятельности водителей и свойствах транспортных средств. Это должно способствовать уважительному отношению к водителям, от которых зависит безопасность людей на дорогах, в салоне или кузове автомобиля[16].

По нашему убеждению, рассмотренные в статье вопросы имеют как теоретическое, так и практическое значение. Их дальнейшая разработка, надеемся, позволит найти правильное решение в целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов участников движения.

[16] *Иларионов В.А.* и др. Правила дорожного движения и основы безопасного управления автомобилем. М.: Транспорт, 1998. С. 5.

УДК 34
ББК 67

Александр Викторович ПОЛУКАРОВ,
кандидат юридических наук, докторант Российского университета дружбы народов
Email: polukarov@mail.com

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
Научный консультант: Л.А. Букалерова, доктор юридических наук, профессор

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ОТ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Предметом статьи являются проблемы правового и организационного характера, связанные с обеспечением безопасности социальной сферы. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как совершенствование средств обеспечения безопасности социальной сферы от коррупции.
Ключевые слова: наказание, практика, социальная сфера, преступление, суд, коррупция, возмещение вреда

Alexander Viktorovich POLUKAROV,
PhD, doctoral candidate of the Russian Peoples' Friendship University
Email: polukarov@mail.com

Scientific specialty: 12.00.08 — Criminal law law criminology; criminal-executive law
Scientific consultant: L.A. Bukalerova, Doctor of Law, Professor

IMPROVING THE CRIMINAL LAW MEASURES TO ENSURE THE SECURITY OF THE SOCIAL SPHERE OF CORRUPTION

Annotation. The subject of the article is the problem of legal and organizational measures related to the security of the social sphere. The author examines in detail aspects such topics as improving security facilities of the social sphere of corruption.
Keywords: punishment, practice, social services, crime, court corruption, compensation for damage.

Совершенствование уголовно-правовых мер обеспечения безопасности как социальной, так и других сфер государственной (муниципальной) службы от коррупции должно в первую очередь идти по пути полной имплементации международно-правовых стандартов по борьбе с коррупцией, так как международное право в сфере борьбы с коррупцией делает ставку в борьбе с ней именно на уголовное право (криминализации коррупционных преступлений). Напомним, что если международно-правовые акты в сфере борьбы с коррупцией были в большой части имплементированы в российский правопорядок, то отдельные положения данных нормативных документов так и не были заимствованы российским уголовным правом. Среди них положения международно-правовых актов, устанавливающие уголовную ответственность юридических лиц за коррупционные, гражданскую ответственность за коррупционные преступления, а также необходимость создания такого состава коррупционных преступлений, как незаконное обогащение.

Несмотря на подписание и ратификацию как универсальных, так и региональных международно-правовых актов, направленных на борьбу с коррупцией, их полноценная имплементация в российский национальный правопорядок так и не смогла быть реализована в части введения уголовной ответственности юридических лиц. Камнем преткновения в данном процессе является отсутствие в российском уголовном праве уголовной ответственности юридических лиц[1]. Введение *уго-*

[1] См.: *Хабриева Т.Я.* Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4. С. 16.

ловной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления является тем более актуальным, так как в науке уголовного и административного права все больше обращается внимание на существование конфликта интересов, возникающего в связи с незаконным участием государственных и муниципальных служащих в предпринимательской деятельности[2]. В свою очередь, субъекты предпринимательской деятельности, причастные к коррупционным преступлениям, чаще всего представлены именно юридическими, а не физическими лицами, а потенциальная возможность применения уголовного наказания в отношении них позволяет сократить коррупционную аффилированность предпринимателей с представителями государственной власти. Говоря простым языком, в российском правопорядке отсутствует целый пласт юридической ответственности за коррупционные преступления наиболее заинтересованных в их совершении лиц – уголовной ответственности юридических лиц, что, конечно же, свидетельствует о несовершенстве уголовно-правовых методов борьбы с коррупцией и объясняет ее неэффективность.

Установление уголовной ответственности юридических лиц может стать одной из основных вех в развитии борьбы с коррупцией в России в целом. В то же время уголовная ответственность юридических лиц носит особый интерес в борьбе с коррупцией именно в социальной сфере. Действительно, если абстрагироваться от «низовых» коррупционных практик социальной сферы – коррупция в отношениях врача с пациентом и в отношениях обучающегося с преподавателем — и обратиться к практике коррупции в социальной сфере в целом, то станет очевидным, что именно юридические лица довольно часто являются «выгодоприобретателями» коррупционных практик в социальной сфере.

Речь идет как о коррупционных практиках частных учебных и медицинских учреждений – развитие собственного бизнеса за счет бюджетных медучреждений, так и о действиях фармацевтических компаний и предприятий, производящих медицинское оборудование, и даже издательствах, выпускающих учебную литературу. Распространены такие практики, как навязывание врачом пациенту медикаментов определенных фармацевтических компаний, с которыми у первых существует сговор по продвижению медицинских препаратов на фармацевтическом рынке; коррупционные практики при государственной закупке медицинского оборудования; коррупционные практики страховых медицинских компаний (начеты, штрафы с бюджетных учреждений здравоохранения, недоплаты и пр.); коррупционные практики при лицензировании и административных проверках деятельности частных медицинских (и образовательных) учреждений и т.п. Таким образом, коррупционные практики юридических лиц социальной сферы обширны, а введение уголовной ответственности юридических лиц является наиболее актуальным именно в отношении коррупции в социальной сфере[3].

Как в науке уголовного права[4], так в политических кругах[5] было уже не раз высказано мнение о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц. Более того, необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц обосновывалась в том числе и необходимостью как борьбы с коррупцией в целом[6], так и с коррупцией в социальной сфере в частности[7]. На наш взгляд, не стоит повторять уже высказанных по данному поводу идей, а скорее предложить – в ожидании введения уголовной ответственности юридических лиц – возможные пути совершенствования и паллиативные меры, направленные на борьбу с коррупцией юридических лиц в социальной сфере.

---

[2] См.: *Окусова С.А.* Конфликт интересов как внутренний источник развития коррупционных процессов // Государство и право. 2011. № 6. С. 109.

[3] Об этом, в частности, свидетельствует ряд зарубежных работ, где актуальность введения уголовной ответственности юридических лиц стала объектом отдельного исследования. См., например: *Vian T., Savedoff W.D., Mathisen H.* Anticorruption in the Health Sector: Strategies for Transparency and Accountability. Kumarian Press. 2010; *OECD.* Strengthening Integrity and Fighting Corruption in Education Serbia. OECD Publishing. 2012.

[4] См.: *Иванов Л.* Принцип вины и публичная ответственность юридического лица (к вопросу об уголовной ответственности юридических лиц) // Уголовное право. 2009. № 1. С. 34.

[5] По словам А. Бастрыкина, «этот вид ответственности станет мощным стимулом для принятия организациями мер, направленных на недопущение совершения преступлений подконтрольными ею физическими лицами (цит. по: *Козлова Н.* Александр Бастрыкин: конфискация как мера наказания является самой действенной для предупреждения коррупции // Российская газета. 2014. 21 января.

[6] См.: *Семыкина О.И., Лафитский В.И.* Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 18.

[7] См.: *Куракин А.В.* О необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупцию в сфере здравоохранения // Административное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 19.

Помимо сугубо уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией юридических лиц, в науке не раз обращалось внимание на необходимость их дополнения другими правовыми средствами (административно-правовыми, гражданско-правовыми и т.п.)[8]. Отдельные из них довольно часто являются непосредственным продолжением уголовных антикоррупционных процессов (административная ответственность юридических лиц), другие осуществляются непосредственно в рамках уголовного процесса (например, по инициативе гражданского истца). Именно комплексный подход в борьбе с коррупцией в социальной сфере – с применением гражданско-правовых и уголовно-правовых средств – повысит эффективность последней.

В отсутствие внесения соответствующих законодательных изменений основным направлением в такой работе может стать расширение использования *административно-правовой ответственности юридических лиц за коррупционные преступления*, которая, кстати говоря, может во многом послужить прообразом при создании отдельных аспектов уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления.

Практика привлечения юридических лиц к административной ответственности за коррупционные преступления (ст. 19.28 КоАП) – в сравнении с уголовными процессами по категории коррупционных дел – незначительна, что объясняется здесь несколькими факторами. Действительно, в отличие от коррупционных дел, рассмотренных в рамках уголовных процессов, количество которых исчисляется тысячами, привлечение юридических лиц к административной ответственности ограничивается лишь несколькими десятками, а рост их количества наблюдался лишь в последние годы, что вызвано активной антикоррупционной политикой.

На наш взгляд, совершенствование практики привлечения юридических лиц к административной ответственности – за неимением уголовной ответственности – должна идти по пути увеличения количества возбуждаемых в их отношении административных дел по ст. 19.28 КоАП. Действительно, лишь потенциальная возможность привлечения юридического лица к административной ответственности с перспективой наложения многомиллионного штрафа позволит снизить коррупционность юридических лиц.

На наш взгляд, ряд определенных – довольно несложных – мер и средств позволит увеличить количество возбуждаемых административно-правовых производств в отношении юридических лиц по составам ст. 19.28 КоАП. Основным направлением должно стать развитие возможности применения в отношении юридических лиц — коррупционеров, помимо штрафа и конфискации, других видов наказания, которые в перспективе введения уголовной ответственности юридических лиц в российском праве могут быть заимствованы и российским уголовным правом.

Так, например, наиболее эффективным средством борьбы с коррупцией юридических лиц в социальной сфере, на наш взгляд, может стать возможность применения за правонарушения, предусмотренные ст. 19.28 КоАП, такого вида наказания, как *лишение специального права*. Действительно, применение такого наказания в отношении юридических лиц, предоставляющих медицинские и образовательные услуги, может быть довольно эффективным, так как мы знаем, что их деятельность осуществляется на основе специальных прав — лицензий, а потенциальная возможность их потери — привести к фактической остановке их функционирования. Как следствие, несмотря на все сложности с применением такой административно-правовой санкции, как лишение специального права (ст. 3.8 КоАП), к юридическим лицам и необходимость внесения соответствующих законодательных изменений в КоАП для данной цели, данное решение может стать промежуточным этапом на пути введения уголовной ответственности юридических лиц, которая в принципе предполагает более сложные законодательные модификации.

Аналогичного эффекта в борьбе с коррупцией в социальной сфере, на наш взгляд, можно было бы добиться и посредством введения в список санкций, предусмотренных ст. 19.28 КоАП, и такого вида наказания, как *административное приостановление деятельности* (ст. 3.12 КоАП).

Иначе говоря, на наш взгляд, диверсификация административных санкций за правонарушения, предусмотренные ст. 19.28 КоАП, может стать эффективным предупреждающим, паллиативным антикоррупционным средством в борьбе с коррупционными правонарушениями юридических лиц. Более того, видоизменения административно-правовой ответственности юридических лиц посредством расширения списка санкций ст. 19.28 КоАП могут стать первым этапом на пути введения уголовной ответственности юридических лиц.

Гражданский иск в уголовных процессах по коррупционным составам УК РФ может также стать эффективным средством в борьбе с коррупцией в социальной сфере. Напомним, что, как и в случае

[8] См.: *Бакун В., Савинский А.* О межотраслевой методике пресечения коррупционных преступлений // Законность. 2009. № 7. С. 19.

с уголовной ответственностью юридических лиц, Российская Федерация до сих пор не ратифицировала международно-правовые акты, устанавливающие гражданскую ответственность за коррупцию, довольно критично принимая во внимание уровень коррупции в нашем государстве[9]. Разработанная в рамках Совета Европы Конвенция о гражданской ответственности за коррупцию[10] так и не была имплементирована в российский правопорядок, хотя на первый взгляд противоречий применению гражданского иска в уголовных процессах по коррупционным составам УК РФ не существует.

Напомним, что основной задачей данного документа стало установление средств правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, в целях предоставления им возможности защищать свои права и интересы посредством возмещения убытков в рамках (в том числе) уголовного процесса[11]. Действительно, в российском уголовном праве у любого физического или юридического лица существует возможность предъявить «требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением» (ст. 44 УК РФ), что вполне соответствует смыслу и букве указанного международно-правового акта. Проблема имплементации данного международно-правового акта скорее носит политический характер, так как «возмещение имущественного вреда», причиненного коррупционными действиями, вменяется в соответствии с данной Конвенцией (ст. 5) в обязанность государству.

Принимая во внимание нежелание законодателя и правоприменителя развивать институт гражданского иска в коррупционных уголовных процессах в связи с необходимостью возмещения ущерба пострадавшим за счет государства, стоит все же задуматься о необходимости его развития в рамках отдельных коррупционных составов УК РФ, что может стать первым этапом в развитии данного института в российском уголовном праве. Речь, в частности, идет об уголовных составах, касающихся коммерческого подкупа и незаконной передачи лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг и т.п. (ст. 204 УК РФ), в рамках которых «ответчиком» выступает физическое лицо, не являющееся должностным лицом, а жертвой – юридическое лицо, в котором оно выполняет управленческие функции. Действительно, более интенсивное использование гражданского иска в рамках уголовных процессов по данной категории дел может стать одним из направлений в борьбе с коррупцией, так как гипотетически здесь в качестве гражданского истца может выступить само юридическое лицо, в котором осужденный по данным составам УК РФ выполнял управленческие функции, а возможность возмещения убытков здесь осуществляется посредством их взыскания не с государства, а с осужденного физического лица.

Как следствие, необходимость разъяснений Верховного Суда РФ в отсутствие соответствующих законодательных актов и имплементации международно-правовых инструментов в целях интенсивного развития использования гражданского иска в уголовных процессах по указанным коррупционным составам очевидна. Действительно, последнему стоит сконцентрировать свое внимание на рассмотрении практики дел с участием в качестве гражданского истца именно юридических лиц, которые выступают в качестве жертвы преступления в уголовных процессах, квалифицируемых по ст. 204 УК РФ. Действительно, в уголовных процессах по данной категории дел как жертва преступления (организация), так и «ответчик» (лицо выполняющее управленческие функции) носят частноправовую природу. Как следствие, использование гражданского иска в уголовных процессах коррупционной направленности следует развивать в рамках коррупционных процессов по составам ст. 204 УК РФ и даже, возможно, заимствовать цивилистический подход к определению ущерба гражданского истца. К сожалению на сегодняшний день Верховный Суд РФ так и не дал подробных разъяснений по гражданскому иску в рамках дел, квалифицируемых по ст. 204 УК РФ, ограничившись в постановлении Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[12] лишь определением истца по гражданским искам в рамках уголовных процессов по данной категории дел. Также отсутствует и обзор практики по данной категории дел, что отчасти связано с незначительностью количества уголовных дел по данному составу УК РФ.

[9] См.: *Бочков С.О.* Составы коррупционных преступлений: имплементация международных норм в российское уголовное право // Право и безопасность. 2006. № 3/4. С. 14.

[10] *CETS* No.174.

[11] См.: *Сибгатуллина Л.И.* Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию: некоторые правовые аспекты // Вестн. ТИСБИ. 2008. № 3. С. 15.

[12] *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля.

Введение нового вида наказания за коррупционные преступления – конфискации имущества осужденного — стало сегодня одним из насущных вопросов как в науке уголовного права, так и в политических кругах[13]. Следует отметить, что чаще всего речь ведется о возврате существующей в советском уголовном праве мере наказания, исчезнувшей в связи с гуманизацией российского уголовного права, а не о мере уголовно-правового воздействия, существующей в УК РФ в настоящей форме[14]. Стоит отметить, что, несмотря на высказываемые – чаще всего политическими деятелями – мнения о соответствии конфискации имущества как меры наказания за коррупционные преступления международно-правовым стандартам, она не соответствует им. Действительно, в отличие от использования конфискации в той форме, в которой она используется в настоящее время, т.е. как мера уголовно-правового воздействия в виде изъятия денег, ценностей и иного имущества, *полученных в результате совершения преступлений* (ст. 104.1 УК РФ), возвращение ее в том виде, в котором она существовала ранее, т.е. в виде даже тех средств, которые не были получены осужденным в результате совершения преступлений, противоречит не только устоявшимся международно-правовым актам, но уголовно-правовым традициям большинства государств мира[15]. На наш взгляд, не стоит придерживаться настолько инвазивных для права собственности и презумпции невиновности уголовно-правовых средств, так как уже существующие (в международном и зарубежном праве) механизмы позволяют достичь довольно высоких результатов в борьбе с коррупцией. Речь в первую очередь идет об установлении уголовной ответственности за незаконное обогащение. Действительно, смещение акцента в антикоррупционной уголовной политике с уголовного преследования по собственно коррупционным составам УК РФ на *борьбу с незаконным обогащением* может стать эффективным профилактическим средством борьбы с ней, в том числе и в социальной сфере.

Предпосылки для эффективного использования такого состава преступления, как незаконное обогащение, уже были созданы, так как в последние годы был развит институт контроля имущественного положения госслужащих, в соответствии с которым гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, а также гражданский служащий, замещающий должность гражданской службы, обязаны ежегодно представлять представителю нанимателя сведения не только о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, но также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов своей семьи (супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Таким образом, информация об имущественном положении госслужащего сегодня позволяет провести анализ на соответствие его имущественного положения и имущественного положения его близких родственников уровню его (их) доходов.

В то же время в отсутствие такого состава преступления, как незаконное обогащение, единственная возможность уголовного преследования коррупционеров и их родственников возможна сегодня лишь посредством открытия уголовного производства по составу ст. 174 УК РФ («Легализация (отмывание) незаконно нажитых доходов»), который позволяет преследовать коррупционера лишь за действия по легализации незаконно нажитых доходов, а не за сам факт получения таковых. Более того, не все должностные и приравненные к ним лица социальной сферы относятся к категории лиц, обязанных предоставлять данную информацию, что сокращает эффективность института имущественного контроля лишь отдельными категориями последних. Как следствие, профилактический антикоррупционный потенциал института имущественного контроля ограничен в их отношении, а уголовное преследование последних по составу ст. 174 УК РФ тем более затруднено в связи с отсутствием информации об их доходах.

Таким образом, состав ст. 174 УК РФ не совсем адаптирован для эффективной борьбы с коррупцией государственных служащих и приравненных к ним лиц социального сектора. Как следствие, совершенствование уголовно-правовых мер обеспечения безопасности от коррупции в социальной сфере – за неэффективностью существующих коррупционных составов УК РФ — должно идти по пути имплементации ст. 20 Конвенции ООН, а именно посредством создания в УК РФ состава «незаконное обогащение». Действительно, последний так и не был имплементирован в российское уголовное право, несмотря на то что в целом текст данной Конвенции был ратифицирован,

---

[13] См.: *Козлова Н.* Бастрыкин просит вернуть радикальные меры против коррупции // Российская газета. 2014. 24 ноября.

[14] См.: *Мельников М.Г.* Конфискация имущества как мера уголовно-правового обременения: правовая природа и законодательная регламентация // Общество и право. 2010. № 4 (31).

[15] См.: *Додонов В.Н.* Сравнительное уголовное право. Общая часть / Под ред. С.П. Щербы. М., 2009. С. 318.

тогда как антикоррупционный потенциал именно последнего, а не состава ст. 174 УК РФ[16] является наиболее эффективным. Действительно, по составу ст. 174 УК РФ преступление имеет формальный состав и признается оконченным лишь в момент проведения операции (сделки) (например, перевод денег, приобретение валюты и т.п.)[17], тогда как при классическом определении незаконного обогащения преступление является оконченным при простом «увеличении активов публичного должностного лица, превышающих его законные доходы, которыми оно не может разумным образом обосновать» (ст. 20 Конвенции ООН), т.е. даже в отсутствие совершения действий по легализации таких доходов.

Таким образом, если совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией в целом должно, несомненно, идти по пути имплементации нового состава преступления (незаконное обогащение) в УК РФ, то в отношении мер по борьбе с коррупцией в социальной сфере – для большей эффективности – данное уголовно-правовое средство придется дополнить и уже указанным нами институтом имущественного контроля в отношении должностных лиц, распространив его действие на работников социальной сферы. Действительно, если имплементация нового состава в УК РФ будет, несомненно, иметь явный антикоррупционный потенциал, то в социальной сфере его наибольшая эффективность может быть достигнута лишь в совокупности с уже применяемыми сегодня в отношении других должностных лиц мерами имущественного контроля.

Более того, криминализация незаконного обогащения будет наиболее эффективным средством именно в борьбе с коррупцией в социальной сфере, так как здесь латентность коррупционных преступлений наиболее высока в сравнении с коррупцией в других сферах государственной службы. Действительно, проблемы с доказыванием незаконного обогащения минимальны по сравнению с любым коррупционным преступлением, так как оно основывается на оценке объективного материального состояния коррупционера и его родственников и разницей между ним и его (их) законными доходами, а не на доказывании факта совершения коррупционного деяния[18].

Следствием введения в российское уголовное право данного состава преступления и его практического использования для уголовного преследования коррупционеров станет перемещение антикоррупционной уголовной политики с собственно уголовного преследования коррупционных преступлений на уголовное преследование их последствий, а именно незаконного обогащения. Такое изменение порядка уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией потребует изменения не только уголовно-правовых норм, но и методов расследования коррупционных преступлений, так как органы прокуратуры смогут эффективно осуществлять уголовное преследование по составу незаконного обогащения только при участии соответствующих органов финансового контроля, налоговой инспекции и аудиторских организаций[19]. Несмотря на необходимость серьезных законодательных изменений, для эффективного использования данного состава преступления в том, что касается как материального, так и процессуального права, эффективность борьбы с коррупцией посредством данного уголовно-правового средства бесспорна, так как – по свидетельствам практики уголовного преследования преступлений незаконного обогащения за рубежом[20] – латентность незаконного обогащения, даже с использованием

[16] Действительно, в науке уже не раз обращалось внимание на то, что «легализация (отмывание) незаконно нажитых доходов» была задумана и используется как одно из средств борьбы с экономической, а не коррупционной преступностью, что свидетельствует, на наш взгляд, о ее неадекватности в качестве средства борьбы с коррупцией.

[17] *Комментарий* к Уголовному Кодексу Российской Федерации (с постатейными материалами) / Под ред. С.И. Никулина. М., 2000. С. 524.

[18] В науке уже обращалось внимание на эффективность борьбы с коррупцией помощью состава незаконного обогащения, так как коррупционные преступления являются высоколатентными. См.: *Борков В.Н.* Незаконное обогащение: преступление без деяния? // Правоведение. 2011. № 6. С. 41.

[19] На необходимость совершенствования организационной деятельности в борьбе с коррупцией посредством, в частности, развития взаимодействия органов государственной власти с аудиторскими организациями уже не раз обращалось внимание Совета по аудиторской деятельности Министерства финансов РФ. См., например: *Методические* указания по организации и осуществлению аудиторскими организациями и индивидуальными аудиторами противодействия коррупции. Одобрены Советом по аудиторской деятельности 23 сентября 2015 г. (протокол № 18) // http://www. minfin.ru/ru/perfomance/audit/standarts/anticorr/

[20] См., например: *Kofele-Kale N.* Combating Economic Crimes: Balancing Competing Rights and Interests in Prosecuting the Crime of Illicit Enrichment,. Routledge. 2013. На эффективность использования такого состава преступления, как незаконное обогащение, в борьбе с коррупцией обращал внимание и Всемирный банк. См.: *Muzila L., Morales M., Mathias M., Berger T.* Criminalizing Illicit Enrichment to Fight Corruption. World Bank Publications. 2012.

родственников коррупционера, намного ниже, чем латентность всех коррупционных преступлений. Более того, создание в российском уголовном праве данного состава преступления снимет с повестки дня необходимость введения нового вида санкции за коррупционные преступления – конфискации в виде наказания, т.е. конфискации даже тех средств которые не были получены осужденным в результате совершения преступлений, так как признание средств незаконно нажитыми позволит осуществить их конфискацию в той части, в которой они признаны незаконно нажитыми даже в рамках уже существующего института конфискации, закрепленного ст. 104.1 УК РФ, в которую достаточно будет добавить ссылку на соответствующую статью УК РФ, криминализирующую деяния незаконного обогащения.

Спорным, на наш взгляд, является и предложение о *приравнивании работников социальной сферы к категории должностных* по российскому уголовному законодательству как одной из мер совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией в социальной сфере. По данному поводу, в частности, высказывается: «...привлечение к уголовной ответственности врачей и преподавателей за совершение коррупционных деяний при выполнении последними сугубо профессиональных функций, поскольку в этом случае указанные лица не будут относиться к категории должностных по российскому уголовному законодательству» [21]. Действительно, несмотря на ряд существующих разногласий в науке уголовного права по поводу того, можно ли отнести работников сферы здравоохранения и образования[22] к должностным лицам, разъяснения Верховного Суда РФ однозначны по данному поводу, так как он недвусмысленно отнес деятельность медицинского работника, а также работников сферы образования к выполнению «организационно-распорядительных функций ... имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия»[23], т.е. подпадающих под действие соответствующих составов УК РФ. Как следствие, внесения соответствующих изменений в уголовный закон как посредством введения новых коррупционных составов в УК РФ, направленных исключительно на борьбу с коррупционными преступлениями в социальной сфере, так и посредством внесения изменений в существующие (в частности, в примечание 1 к ст. 285 УК РФ), на наш взгляд, не требуется.

Таким образом, совершенствование уголовно-правовых мер обеспечения безопасности социальной сферы от коррупции посредством ужесточения уголовно-правового закона, ужесточения уголовно-правовых средств борьбы с ней, а также введения новых изменений в существующие коррупционные составы УК РФ не является панацей. Действительно, анализ практики назначения наказаний показал, что проблема борьбы с коррупцией заключается не столько в несовершенстве существующих уголовно-правовых механизмов и средств, сколько в правоприменительной практике, а также неэффективности исполнения наказаний. Действительно, российский правопорядок располагает сегодня необходимым набором средств борьбы с коррупцией, а уголовно-правовые нормы, направленные на борьбу с ней, в целом соответствуют международно-правовым стандартам.

В то же время потенциал действующих уголовно-правовых средств и механизмов (например, состав УК РФ, криминализирующий отмывание (легализацию) незаконно нажитых доходов; гражданский иск в уголовном праве и административно-правовая ответственность юридических лиц) используется неэффективно для данных целей. Более того, предложенные международным правом уголовно-правовые средства борьбы с коррупцией так и не были имплементированы в российское уголовное право (состав незаконного обогащения, уголовная ответственность юридических лиц), что требует дальнейшего совершенствования уголовного закона, так как на практике именно они являются наиболее эффективными средствами борьбы с коррупцией, в том числе и в социальной сфере. Действительно, эффективность борьбы с коррупцией при наличии в уголовном законе такого состава преступления, как «незаконное обогащение», является, как показывает зарубежная практика, наиболее эффективным средством борьбы с ней, так как в рамках данного состава уголовное преследование смещается с конкретного коррупционного акта, обладающего в принципе высокой латентностью, на последствия коррупционных практик отдельного взятого лица – имущественное состояние, т.е. направлено на менее латентные виды деяний.

---

[21] См.: *Плохов С.В.* Противодействие коррупции в социальной сфере (на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 98.

[22] Так, например, в науке отмечается, что преподавателей нельзя отнести к должностным лицам и соответственно невозможно преследовать – по крайней мере, в отдельных обстоятельствах – по коррупционным составам УК РФ. См.: *Воронин В.В.* Педагог и врач как субъекты поучения взятки: взгляд против // Уголовный процесс. 2005. № 9. С. 15.

[23] Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». См.: *Российская* газета. 2009. 30 октября.

УДК 343
ББК 67.408

Армен Жораевич САРКИСЯН,
руководитель редакционно-издательского отдела
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
старший лейтенант юстиции
E-mail: 7700153@gmail.com

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НА ОСНОВЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Аннотация. В статье раскрываются методы прогнозирования преступности. Рассмотрены понятия, базовые положения и виды прогнозирования. Приведены фундаментальные методы математического прогнозирования преступности.

Ключевые слова: прогнозирование, преступность, экстраполяция, метод прогнозирования Брауна

Armen Zhoraevich SARKISYAN,
Head of the Editorial Department
Academy of the Investigative Committee
Russian Federation,
Candidate of Law,
Senior Lieutenant of Justice
E-mail: 7700153@gmail.com

Scientific specialty: 12.00.08 — Criminal law and criminology; criminally-executive law

CRIMINOLOGICAL PREDICTION CRIME BASED ON MATHEMATICAL METHODS

Annotation. The article describes methods for predicting crime. The concepts, the basic provisions and the types of forecasting. Presents the fundamental methods of mathematical prediction of crime.

Keywords: forecasting, crime, extrapolation method of Brown's prediction

В процессе изучения преступности возникает необходимость в научном предвидении изменения ее характеристик и параметров в будущем с максимально возможной степенью вероятности[1].

Преступность представляет собой сложное социальное явление, всецело определяющее противоречия взаимодействующих между собой социальных процессов и явлений криминогенного, антикриминогенного и социального характера, постоянно изменяющихся во времени и пространстве. В связи с этим криминологическая наука в познании закономерностей этого социального явления стремится представить и описать вероятностную картину ожидаемых событий в целях установления наиболее общих тенденций этого явления в будущем, закономерных связей между факторами, ее определяющими, на уровне как всей

[1] *Кириллов М.А.* Прогнозирование преступности. М., 2000. С. 3.

преступности, так и отдельных ее категорий и видов. Прогнозирование позволяет высветить наиболее значимые обстоятельства, воздействуя на которые возможно добиться положительных результатов этого социального недуга. Чем надежнее и точнее прогноз, тем больше оснований для разработки наиболее эффективного предупредительного варианта[2].

Прогнозирование предполагает не высказывание о будущем, а систематическое исследование перспектив развития того или иного явления или процессов с помощью средств современной науки. Прогноз выступает как модель будущего, построенного на материалах прошлого и настоящего, как некий образец, который в зависимости от социальных потребностей следует посредством человеческой деятельности либо приблизить, либо предотвратить. Разумеется, прогнозы выявляют вероятностную картину ожидаемых событий. Но их ценность состоит в том, что они обладают необходимой достоверностью, которая обеспечивается выбором правильных методов прогнозирования и надежной исходной первичной информацией.

Степень вероятности прогноза преступности в значительной мере зависит от числа различного рода факторов, используемых при прогнозировании. Как справедливо указывали в своих трудах Г.А. Аванесов и С.Е. Вицин, «нужно учитывать и изучать не только данные о преступности, но и данные, характеризующие развитие (изменение) других социальных явлений, так или иначе влияющих на преступность: социально-политические явления, организационно-правовые, экономические, демографические и т.д.»[3].

Конечно, сложно добиться абсолютно точного прогноза в данной области, да и вряд ли это будет возможно в будущем. Однако это не означает нецелесообразности составления прогнозов преступности. Даже прогноз, который лишь частично оправдывается, полезен и нужен.

Прогноз преступности должен опираться на учет общих причин преступности и причин, обусловливавших отдельные виды преступлений. К ним, в частности, относятся демографические данные об изменении населения, его численности, состава по полу, возрасту, образованию и др., миграции, в которой следует различать как внешнюю, так и внутреннюю. Во внутренней миграции необходимо выяснение соотношения механического и маятникового (сезонного) прироста населения. Важным обстоятельством, влияющим на прогноз, выступает также латентная преступность, характерной чертой которой является увеличение доли скрытых преступлений. Нельзя не учитывать и изменения, вносимые в уголовное законодательство. Так, в истекшем десятилетии имела место интенсивная законодательная деятельность в области совершенствования борьбы с преступностью. На основе новых законодательных актов активизировалась борьба с многими видами преступлений, что повлекло увеличение числа регистрируемых преступлений.

При прогнозе преступности следует обращать внимание и на преступность, ее характер и виды в зарубежных странах, которые в определенной мере могут оказывать свое влияние на преступность и ее характер в нашей стране в целом и в отдельных регионах в частности.

Но из всех методов прогнозирования преступности в настоящей главе раскрываются содержание и сущность криминологического прогнозирования математическими методами. Но прежде следует дать понятие, задачи, цели и методы криминологического прогнозирования в общем.

Криминологическое прогнозирование — это предсказание будущего состояния преступности на основе, связанной с существованием криминогенных и антикриминогенных факторов, а также выявление основных тенденций их развития[4].

Криминологическое прогнозирование осуществляется на основе имеющихся в криминологии научных представлений о преступности с использованием статистических, экспериментальных методов математического моделирования. Для того чтобы результат прогноза можно было использовать в практической деятельности, он должен иметь научный характер, обладать свойством проверяемости.

Объектами криминологического прогнозирования являются:

- состояние и показатели преступности в определенный исторический период, ее отдельных разновидностей (например, организованной преступности);
- тенденции, наиболее вероятные пути развития преступности и связанных с ней явлений;
- тенденции личности преступника, ее социально-демографических, социально-ролевых и уголовно-правовых характеристик;
- виктимологические тенденции: появление и исчезновение новых категорий лиц, обла-

[2] *Кириллов М.А.* Указ. соч.

[3] *Аванесов Г.А., Вицин С.Е.* Прогнозирование и организация борьбы с преступностью. М., 1972. С. 12.

[4] https://ru.wikipedia.org/wiki

дающих повышенной виктимностью, социальная характеристика жертв преступления;
- тенденции развития криминологической науки, выявление наиболее перспективных направлений исследования;
- преступное поведение отдельной личности (индивидуальное криминологическое прогнозирование).

Виды криминологического прогнозирования классифицируются по следующим основаниям.

По *цели* прогнозирования выделяются:
- поисковое прогнозирование, основывающееся на текущих тенденциях преступности и имеющее целью установление ее будущего состояния при сохранении этих тенденций;
- нормативное прогнозирование, направленное на установление возможности привести преступность в определенное состояние в некий будущий момент и выработку необходимых для этого мер противодействия ей.

По *задачам* прогнозов выделяются:
- оперативное (направленное на решение текущих задач);
- тактическое;
- стратегическое прогнозирование.

По *срокам* выделяются:
- краткосрочное (до 1 года);
- среднесрочное (1—5 лет);
- долгосрочное (5—10 лет);
- дальнесрочное прогнозирование (10—15 лет).

По *масштабности* выделяются:
- локальное (на уровне ограниченной территории или отдельного ведомства);
- региональное;
- глобальное прогнозирование.

По *назначению* выделяются:
- общее (касающееся всех видов преступности и субъектов борьбы с ней);
- специальное (относящееся к отдельной разновидности преступности или отдельному органу);
- индивидуальное (направленное на конкретный объект) прогнозирование.

По *сложности* объекта предвидения выделяются:
- сингулярное (однообъектное);
- мультиплетное (факторное);
- системное;
- метасистемное (относящееся к проектируемой системе) прогнозирование.

По *субъекту* выделяются:
- официальное (выполняемое субъектами, на которые возложена соответствующая служебная обязанность);
- неофициальное прогнозирование.

Методы прогнозирования. При осуществлении прогнозирования используются следующие методы прогнозирования: анализа документов, опроса, экспертных оценок, эксперимент и квазиэксперимент, экстраполяция и другие статистические методы, методы математического моделирования (линейной и нелинейной регрессии, метод прогнозирования Брауна, метод прогнозирования случайных процессов).

Экстраполяция (от лат. extra — вне, сверх + polire — делать гладким) представляет собой распространение выводов, полученных при изучении прошлой и настоящей преступности, на ее будущие тенденции. А поскольку преступность и связанные с ней явления имеют динамические и структурные показатели, выраженные в абсолютных и относительных величинах, то и на будущее они могут предсказываться путем продолжения имеющихся тенденций в тех же количественных единицах. Прогностические выводы могут быть дифференцированы по видам, группам преступлений и их причинным обстоятельствам.

В целях выявления основных тенденций и закономерностей при экстраполяции уровня преступности и ее причинной базы пользуются статистическими методами сглаживания и выравнивания статистических рядов экстраполируемых явлений путем усреднения и укрупнения интервалов, выравнивания динамических рядов способом скользящей средней, выравнивания уровня ряда по прямой и другим функциям, которые изучались в юридической статистике[5].

Методом экстраполяции можно получить вероятностные прогностические выводы не только о динамике, но и о структуре преступности и связанных с ней явлений. Причем эти выводы могут быть дифференцированы по группам деяний и их отдельным видам, а также по содержанию криминогенных или антикриминогенных факторов. Прогнозирование возможных тенденций причин и условий преступности делает прогнозирование преступности более надежным. Они корректируют экстраполяционную линию преступности.

Точность прогноза преступности, рассчитанного методом экстраполяции динамических рядов преступных проявлений и их причин, относительна. При выработке экстраполяционного прогноза обычно исходят из того, что социальные, экономические, демографические, а также иные сугубо криминологические явления и процессы в основе своей сохранятся более или менее неизменными в прогнозируемом будущем. Частные отклонения могут не приниматься в расчет,

[5] См.: *Лунеев В.В.* Юридическая статистика. М., 1999. С. 287—301.

так как они не изменяют общих глобальных тенденций. Но общество — система открытая, и его будущее не только продолжение прошлого и настоящего. Социальные мутации могут быть почти неожиданными. Человечество, например, создало достаточно гарантий для предотвращения третьей мировой войны, но они не являются абсолютными. Случайности возможны. Они могут радикально изменить криминологическую обстановку в мире.

Войны, революции и другие социальные потрясения или умышленные искажения данных регистрируемой преступности могут сделать эти выводы совсем ненадежными. Приведем конкретный пример. Если статистический ряд преступности за 1965—1985 гг. (20 лет — очень серьезная временная база для прогноза) экстраполировать на ближайшие три года, то в 1988 г. уровень преступности мог бы достигнуть 2,5 млн учтенных деяний. Фактически было зарегистрировано 1,9 млн.

Расхождения существенны, но объяснимы: начало горбачевской перестройки, появление у народа надежды на положительные изменения, абсурдная, но «результативная» борьба с пьянством и др. И, хотя упомянутые события имели много сомнительного, уровень преступности «отреагировал» на них большим снижением. Правда, как только фикция этих событий стала очевидной, он «вернулся» на свои объективные позиции: в 1989 г. было зафиксировано 2,5 млн преступлений, в 1990 — 2,8 млн, в 1991 — 3,2 млн. И если бы прогноз преступности рассчитывался не на три, а на пять лет, то он бы полностью оправдался.

Другой пример. В прогнозе преступности по России на 1993— 1994 гг. предполагался ее рост в 1993 г. на 17—22% (до 3,2—3,4 млн, в 1994 г. — на 16—20% (до 3,8—4,4 млн). Это предположение исходило из реальных тенденций преступности предшествующего пятилетия и объективной оценки вероятного развития ее причинной базы. В нем не были учтены лишь возможности МВД по реальному и «бумажному» регулированию преступности, необходимость в котором возникла после жесткой критики властями деятельности органов внутренних дел в середине 1992 г.

В итоге, несмотря на очевидное ухудшение криминологической обстановки, в 1993 г. было зарегистрировано только 2,8 млн преступлений, а в 1994 г. — 2,6 млн. Расхождения существенны. Объяснить их можно трояко:

(1) прогноз глубоко ошибочен;

(2) правоохранительные органы целенаправленно и реально «разрушили» прогноз эффективной работой;

(3) правоохранительные органы, боясь ответственности за прогнозируемый рост преступности и не имея возможности сбить ее волну, разрушили прогностические выводы на бумаге.

Доминировал последний вариант с вплетением некоторых элементов первых двух. *Экстраполяция применима при кратковременных прогнозах. Чем меньше срок прогноза, тем может быть выше его точность, так как изменения в обществе при небольших сроках прогноза точнее просчитаются.*

Метод ***экспертных оценок*** в криминологическом прогнозировании дополняет экстраполяцию. Он представляет собой специфическую форму опроса (анкетирования) высококвалифицированных и опытных специалистов (криминологов, социологов, экономистов, психологов и др.) для установления возможных тенденций преступности в прогнозируемый период. Этот метод пригоден для среднесрочного и долгосрочного прогнозирования при отсутствии необходимой основы использования других, более точных прогностических методик. Его недостатками является субъективный и неформализованный характер прогностических оценок.

Повысить их надежность и перевести в количественные показатели помогает ряд способов:

(а) правильный подбор экспертов;

(б) всесторонняя оценка их компетентности;

(в) продуманная и обоснованная методика опроса;

(г) применение статистико-математических приемов обобщений экспертных оценок;

(д) расчет степени согласованности (конкордации) мнений экспертов;

(е) сопоставление экспертных оценок с результатами объективных методов прогнозирования преступности и др.

Метод моделирования преступности в прогностических целях предполагает построение моделей преступности, анализ которых в различных обстоятельствах может заменить в известных пределах изучение будущей преступности. Под моделью в широком понимании подразумевается реальный или мысленный образ (изображение, описание, схема, чертеж, график и т.п.) или прообраз каких-либо объектов (явлений), используемый при определенных условиях в качестве их «заместителя». Создание удовлетворительной модели преступности в целях ее изучения и прогнозирования весьма перспективно. Ее функции могут выполнять лишь модели идеальные, построенные в виде схем, формул, матриц. В настоящее время выделяются два направления математического моделирования преступности: (а) моделирование преступности в виде уравнения множественной регрессии, (б) матричное моделирование преступности. На основе обширной статистической отчетности в России, охватывающей тысячи показателей, и широкого применения компьютера при их анализе применение математического модели-

рования в целях прогнозирования преступности вполне реально.

Модели преступности в виде уравнений множественной регрессии представляют собой многофакторные образования, которые в качестве примера условно можно описать комплексом относительно простых уравнений:

$$y = a_1x_1 + a_2x_2 + a_3x_3 ... + a_nx_n,$$

где y — условное (прогнозируемое) число преступлений;

$a_1, a_2, a_3 ... a_n$ — постоянные коэффициенты связи между криминогенными факторами и преступностью;

$x_1, x_2, x_3 ... x_n$ — криминогенные факторы.

Приведенное уравнение не более чем иллюстрация, ибо реальное использование метода моделирования преступности весьма сложно и его практическое осуществление требует серьезной математической подготовки, надежного эмпирического (статистического и социологического) материала и применения быстродействующих компьютеров.

Попытки прогнозирования преступности в СССР и в России предпринимались с начала 1970-х годов. Первый прогноз был составлен в 1970—1971 гг. в МВД СССР на 1971—1975 гг. на основе экспертного опроса 100 ученых и практиков[6]. Однако это важное начинание, продержавшееся несколько лет, не переросло в системное прогнозирование преступности. В конце 1980-х годов в СССР, а затем в России МВД вернулось к этой проблематике, и она развивается до настоящего времени. При всех недостатках ведомственного прогноза он выполняет определенную функцию в организации борьбы с преступностью и в развитии методов прогнозирования[7].

Результатом прогнозирования является сценарий развития криминологической ситуации. Как правило, рассматривается несколько возможных сценариев: сценарий, отражающий существующие тенденции развития явлений, не учитывающий возможное направленное воздействие на них в будущем; сценарий, предусматривающий наилучший из возможных вариантов развития событий под действием предлагаемых мер; сценарий, предусматривающий наихудший из возможных вариантов развития событий.

Необходимо отметить, что для прогнозирования нужны количественные данные и их математическая обработка.

Все многообразие влияющих на поведение факторов надо определенным образом классифицировать. Из бесконечного числа таких факторов придется ограничиться конечным числом факторов:

(а) легко учитываемых;

(б) наименее субъективных;

(в) наиболее взаимонезависимых;

(г) наиболее значимых, т.е. сильно влияющих на преступность[8].

Необходимо, далее, уточнять это грубое приближение к действительности путем вычисления коэффициентов взаимодействия различных факторов. Например, такие факторы, как безработица и алкоголизм, могут находиться в причинной связи между собой и одновременно с преступным поведением. В качестве коэффициента для сведения взаимозависимых факторов к независимым можно использовать процент встречаемости первого фактора во втором или разность между встречаемостью в преступной группе обоих признаков.

В общей картине признаков (факторов), говорящих о вероятности антиобщественного поведения, выделяются признаки экономические, социальные, психологические, юридические. Влияние этих факторов можно установить при криминологических исследованиях групп с разной степенью отрицательного поведения. Методика прогнозирования преступности должна использовать результаты всех ведущихся исследований.

Отобрав подлежащие учету факторы, можно определить статистическими методами степень влияния каждого из них на результат, обозначаемую соответствующим числом очков, сумма которых будет говорить о степени вероятности ожидаемого от субъекта поведения. В каждом показателе учитывают степень ошибки (среднее квадратичное отклонение или более жесткие критерии).

Так как в научной литературе уже не раз описывались уже давно разработанные методы прогноза, такие как эксперимент и квазиэксперимент, метод прогнозов на основе анализа документов и опроса общественного мнения, то в данной работе следует остановиться подробнее на мало изученных математических методах криминологического прогнозирования, таких как метод Брауна, метод прогнозирования случайных процессов и метод прогноза путем расчета нелинейной регрессии.

Метод прогнозирования Брауна. Метод прогнозирования Брауна был основан на экспоненциальном сглаживании. Прогнозирующая мо-

[6] См.: *Аванесов Г.А., Вицин С.Е.* Указ. соч. С. 24—25.

[7] См.: *Методология* и методика прогнозирования в сфере борьбы с преступностью // Тр. Акад. МВД СССР. М., 1989. С. 144—167; *Модель* регионального криминологического и уголовно-правового прогноза. М., 1994.

[8] *Креймер Д.Х.* Вопросы научного прогнозирования М., 1969.

дель для процесса Z_t в случае метода прогнозирования Брауна задается выражением

$$\hat{Z}_t(k) = a_o(t) + a_1(t)\,k + \ldots + a_p(t)\,k^p.$$

Коэффициенты $a_o(t)$, ..., $a_p(t)$ определяются с помощью взвешенного метода наименьших квадратов, т.е. из условия минимума величины

$$\Delta_{j=o}(Z_{t-j} - \hat{Z}(-j))^2\,\beta^j.$$

Значение β здесь называется константой сглаживания. Использование этой константы в случае $|\beta| < 1$ позволяет при прогнозировании придавать большой вес последним значениям наблюдаемого процесса и уменьшать значение отдаленных наблюдений. Пересчет коэффициентов при переходе от $\hat{Z}_t(k)$ к $\hat{Z}_{t+1}(k)$ производится рекуррентно. Например, прир = 1 для $a_o(t+1)$ и $a_1(t+1)$ верны формулы

$$a_o(t+1) = (1-\beta^2)\,Z_{t+1} + \beta^2\,a_o(t) + \beta^2\,a_1(t),$$
$$a_1(t) = (1-\beta^2)\,Z_{t+1} - (1-\beta^2)\,a_1(t) - (1-\beta^2)\,a_o(t) + a_1(t).$$

Напоминаем при этом, что сами коэффициенты используются из формулы линейной регрессии, предложенной еще С.Е. Вициным и Г.А. Аванесовым при изучении ими рецидивной преступности.

Метод прогнозирования случайных процессов. Что мы понимаем под «прогнозированием случайных процессов»?

Прогнозирование, экстраполяция (forecasting/ exstrapolation ofaran-domprocess) — задача об оценке значений *процесса* $X(t)$ *случайного* в будущем $t > s$ по его наблюдаемым значениям до текущего момента времени s. Обычно имеют в виду экстраполяционную оценку $\hat{X}(t)$, $t > s$, для которой среднеквадратичная ошибка $E|X(t) - \hat{X}(t)|^2$ является минимальной в сравнении со всеми другими оценками, составленными по значениям рассматриваемого процесса в прошлом до момента s (прогнозирование называется линейным, если ограничиваются линейными оценками).

Одной из первых была поставлена и решена задача линейного прогнозирования стационарной последовательности, имеющая следующий аналог: в пространстве L^2 интегрируемых в квадрате функций на отрезке $-\pi \le \lambda \le \pi$ найти проекцию функции $\varphi(\lambda) \varepsilon L^2$ на подпространство, порожденное функциями $e^{i\lambda r}\varphi(\lambda)$, $r = 0, -1, -2, \ldots$; эта задача получила широкое обобщение в теории *стационарных случайных процессов*. Примером для приложений может служить задача прогнозирования случайного процесса, возникающего в системе $LX(t) = Y(t)$, $t > t_0$, с линейным дифференциальным оператором L порядка l и белым шумом $Y(t)$, $t > t_0$ в правой части; здесь наилучший прогноз $\hat{X}(t)$, $t > s$, по значению с момента $t_0 \le t \ge s$ при независимых от белого шума начальных значениях $X^r(t_0)$, $r = 0, \ldots, l-1$, может быть дан с помощью решения соответствующего уравнения $L\hat{X}(t) = 0$, $t > S$ с начальными условиями $\hat{X}^{(r)}(s) = X^{(r)}(s)$, $r = 0, \ldots, l-1$. Для систем стохастических дифференциальных уравнений задача прогнозирования одних компонентов по значениям других наблюдаемых компонентов приводит к соответствующим стохастическим уравнениям экстраполяции.

Метод нелинейной регрессии. Рассмотрим данный метод на конкретном примере.

Этот метод был разработан доктором физико-математических наук Г.О. Крыловым и посвящен малоисследованной, но весьма актуальной проблеме правовой науки «Криминологический прогноз». Проблема была поставлена и предложена автору для решения более десяти лет назад одним из ведущих криминологов — С.М. Иншаковым. Ее частное решение получило подтверждение на примере прогноза информационных угроз, таких как заведомо ложные сообщения об актах терроризма, предусмотренные ст. 207 УК РФ. Решение этой проблемы[9], полученное автором совместно Г.Л. Куликовой[10], было оценено криминологами как *принципиально новое*. Актуальность проблемы обусловлена тем, что, с одной стороны, по оценке В.В. Лунеева, латентная преступность ежегодно приближается к 80% реальной преступности (в европейских странах — к 50%), с другой стороны, несмотря на комплекс предпринимаемых мер по предупреждению заведомо ложных сообщений об акте терроризма, рост количества этих преступлений в России продолжается, причем охватываются регионы, ранее не знавшие такого преступления. Так, если в 2009 г. в России было зарегистрировано 1386 преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, то в 2010 г. — 7811. Решение проблем было получено следующим образом. В результате применения методики, основу которой составили комплекс приемов статистического наблюдения, вы-

[9] *Крылов Г.О., Куликова Г.Л.* Криминологический анализ взаимосвязи актов терроризма и заведомо ложных сообщений о них: Метод. пособие. М.: РПА МЮ РФ, 2004.

[10] *Куликова Г.Л.* Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

борочный анкетный опрос экспертов всех категорий, сотрудников правоохранительных органов, установлено, что латентная преступность заведомо ложных сообщений об акте терроризма в 2010 г. составила 7426 преступлений (зарегистрированная преступность — 7811 преступлений), т.е. фактическое количество преступлений достигает 15 237. Таким образом, коэффициент латентности составил 1,95.

Сложнее дело обстояло с прогнозом преступлений этого состава. Главная задача исследования заключалась в установлении взаимозависимости заведомо ложных сообщений об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и терроризма (ст. 205 УК РФ). Сложность решения этой задачи обусловлена тем, что накопленный объем статистического наблюдения недостаточен для получения состоятельных статистических оценок, поскольку не выполняется закон больших чисел. Вместе с тем задача заключается в аналитическом описании тенденции (тренда) роста заведомо ложных сообщений об акте терроризма в зависимости от террористических актов. Аналитическое решение этой задачи выходит за рамки правового исследования, однако представляет интерес в криминологическом плане. Отметим, что впервые в правовой науке применяемый метод заимствован из теоретической физики и экономики (так называемый «биржевой прогноз»). В этих областях также решаются задачи открытия естественных законов на основе прогнозирования и ретроспекции. Последняя особенно характерна для фондовых бирж, где результаты прогнозов проверяются немедленно и неотвратимо, в силу чего методика работы с ними непрерывно совершенствуется.

Итак, для примера рассмотрим следующую криминологическую задачу. К примеру возьмем статистические данные по ст. 205, 207 УК РФ за 2006—2010 гг., которые имеют следующий вид (табл. 1.1).

Необходимо найти количественные *неслучайные* характеристики зависимости преступлений, предусмотренных по ст. 207 УК РФ, в связи с преступлениями, предусмотренными по ст. 205 УК РФ.

Поскольку малый объем выборки ($N = 5$) ограничивает выбор метода, будем искать зависимость в виде прямой линии $y = b + ax$ по методу наименьших квадратов (уравнение линейной регрессии).

Таблица 1.1

Год	*Ст. 205 УК РФ* x_i	*Ст. 207 УК РФ* y_i
N	20	3462
$N + 1$	135	4035
$N + 2$	324	5323
$N + 3$	360	6762
$N + 4$	561	7811

Задача сводится к исследованию следующего функционала:

$$\sum_{i=1}^{i=n}\left[y_i - (ax_i + b)\right]^2 = \min,$$

где a и b — искомые величины.

Необходимо в общем случае аналитически найти значения характеристик a и b такие, при которых функционал принимает минимальное (экстремальное) значение.

Взяв частные производные по a и b и приравняв их (частные производные) нулю (необходимое условие экстремума функции) в целях нахождения минимума, получим два уравнения с двумя искомыми неизвестными a и b:

$$\begin{cases} a\sum_{i=1}^{n} x_i^2 + b\sum_{i=1}^{n} x_i - \sum_{i=1}^{n} x_i y_i = 0; \\ a\sum x_i + bn - \sum_{i=1}^{n} y_i = 0. \end{cases}$$

Решение этой системы в общем случае имеет вид

$$a = \frac{n\sum_{i=1}^{n} x_i y \; - \sum_{i=1}^{n} x_i \sum_{i=1}^{n} y_i}{n\sum_{i=1}^{n} x_i^2 - (\sum_{i=1}^{n} x_i)^2};$$

$$b = \frac{\sum_{i=1}^{n} x_i^2 \sum_{i=1}^{n} y_i - \sum_{i=1}^{n} x_i \sum_{i=1}^{n} x_i y_i}{n\sum_{i=1}^{n} x_i^2 - (\sum_{i=1}^{n} x_i)^2}.$$

Таким образом, неслучайные параметры a и b прямой (тренда преступности) вычисляются исключительно через статистические данные.

В нашем случае получим параметры a и b по числовым данным таблицы:

$$\sum_{i=1}^{5} x_i = 1,4 \cdot 10^3; \qquad \left(\sum_{i=1}^{5} x_i\right)^2 = 1,96 \cdot 10^6;$$

$$\sum_{i=1}^{5} x_i^2 = 5,679 \cdot 10^5; \qquad \sum_{i=1}^{5} y_i = 2,739 \cdot 10^4;$$

$$\sum_{i=1}^{5} x_i \sum_{i=1}^{5} y_i = 383,5 \cdot 10^5; \qquad \sum_{i=1}^{5} x_i \cdot y_i = 91.$$

$$\sum_{i=1}^{5} x_i \cdot y_i = 91,533 \cdot 10^5;$$

$$a = \frac{5 \cdot 91,533 \cdot 10^5 - 383,5 \cdot 10^5}{5 \cdot 5,679 \cdot 10^5 - 19,6 \cdot 10^5} = \frac{74,165 \cdot 10^5}{8,795 \cdot 10^5} = 8,433;$$

$$b = 3117.$$

Итак, искомая зависимость (естественный локальный закон) имеет вид

$$y = 3117 + 8,433x.$$

Это уравнение, как аналитическая запись локального естественного закона, позволяет как прогнозировать количество преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, в связи с количеством преступлений, предусмотренных ст. 205, так и проводить ретроспективный анализ. Так, согласно статистическим данным (см. табл.) в *N*-м году было зарегистрировано 20 террористических актов (*x*). Расчет с использованием указанной формулы показал, что количество заведомо ложных сообщений в данный период должно было составлять 3286 преступлений. Погрешность при этом равна 5,0%. В $N + 1$ году зарегистрировано 135 актов терроризма, соответственно аналогичный расчет показал, что количество рассматриваемых преступлений должно было составлять 4255, погрешность равна 5,4% и т.д.

Общая картина расчетов представляется следующим образом:

$(x = 20) \rightarrow y = 3286\ (+176) = 3462;\ \ 5,0\%$

$(x = 135) \rightarrow y = 4255\ (-220) = 4035;\ 5,4\%$

$(x = 324) \rightarrow y = 5849\ (-526) = 5323;\ 9,8\%$

$(x = 360) \rightarrow y = 6152\ (+610) = 6762;\ 9,0\%$

$(x = 561) \rightarrow y = 7848\ (-037) = 7811;\ 0,4\%$

$(x = 700) \rightarrow y = 9020;$ $<10\%$

$(x = 800) \rightarrow y = 9863;$ $<10\%$

$(x = 0) \rightarrow y = 3117$ (фоновый уровень заведомо ложных сообщений);

$(x = -317) \rightarrow y \approx 0$ (уровень антитеррористических операций).

Учитывая рост террористических актов, можно определить, какое количество заведомо ложных сообщений об акте терроризма можно ожидать. Так, например, если количество террористических актов достигнет 700, то следует ожидать более 9020 заведомо ложных сообщений об акте терроризма. При дальнейшем росте — при 800 актах терроризма — количество рассматриваемых преступлений может достигнуть 9863. Описываемый естественный локальный закон позволяет решать задачи интерполяции и экстраполяции и сравнивать теоретически полученные результаты со статистическими данными о заведомо ложных сообщениях об акте терроризма. Особый интерес представляет исследование области определения и области допустимых значений естественного локального закона. Под областью определения понимается временной период, в пределах которого этот закон с приемлемой для практики точностью позволяет установить зависимость заведомо ложных сообщений об акте терроризма от количества террористических актов. Применительно к периоду 2006—2010 гг. этот закон является линейным и определяет линейную тенденцию (тренд) роста числа заведомо ложных сообщений об акте терроризма. Однако неясно, будет ли сохраняться линейность, например, до 2020 г., или статистические данные следует описывать с помощью нелинейных законов. Кроме того, дополнительного исследования требует определение области допустимых значений прогнозных и ретроспективных оценок. Заслуживает внимания оценка ожидаемого количества заведомо ложных сообщений об акте терроризма при отсутствии террористических актов (фоновый уровень заведомо ложных сообщений об акте терроризма). Практика показывает, что такие явления имеют место. В нашем случае этот фоновый уровень следует из естественного локального закона взаимосвязи терроризма и заведомо ложных сообщений об акте терроризма. При $x = 0$, где x — количество террористических актов, он равен 3117 преступлениям, предусмотренным ст. 207 УК РФ; подставляя данные в детерминанту x, мы будем получать соответствующие изменения значений y.

Данный метод нелинейной регрессии можно использовать при построении многофакторной модели криминологического прогноза любого вида преступности.

Конечно, в данной статье полностью осветить математические методы криминологического прогнозирования невозможно, однако фундаментальные методы, понятия и базовые положения в указанной статье приведены.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в деятельности правоохранительных органов прогнозирование преступности приобретает все большее практическое значение прежде всего для подготовки информации о будущем состоянии преступности, которая используется в перспективном планировании, а также при разработке и принятии управленческих решений в области противодействия любому криминальному феномену.

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

Олег Витальевич СИНЧУРИН,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции
E-mail: osinchurin@mail.ru

Научный руководитель: В.Ю. Дроздов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования законодательного регулирования деятельности государства, направленного на предупреждение коррупционных преступлений в сфере государственных закупок.

Ключевые слова: бюджетные средства, повышение эффективности предупреждения нарушений в сфере государственных закупок

Oleg Vitalievich SINCHURIN,
Applicant, Department of criminal law
Russian legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation
E-mail: sinchurin. oleg@yandex.ru

Scientific advisor: V.Yu. Drozdov, associate professor, PhD in Law, associate professor in the chair of Penal law and Crime science

CORRUPTION-RELATED CRIME PREVENTION IN THE SPHERE OF PUBLIC PROCUREMENT

Annotation. The article considers the issue of improving the legislative regulation of state activity, aimed to prevent corruption-related crimes in the sphere of public procurement.

Keywords: budgetary funds, efficiency improvement in crime prevention in the sphere of public procurement

Реальное достижение деятельности правоохранительных и контрольно-проверяющих органов по ослаблению влияния криминалитета на экономику страны в настоящее время, в период несправедливой санкционной политики, падения цен на нефть, гиперинфляции, имеет важное значение, в том числе на предупреждение преступных проявлений в сфере государственных закупок. Данная проблема продолжает быть актуальной, несмотря на громкие коррупционные дела с участием высших должностных лиц, в том числе нецелевое использование средств бюджета в сфере государственных закупок. Последствиями их совершения являются убытки, которые во много раз превосходят ущерб, оказанный общеуголовными преступлениями, по причине того, что такие противозаконные деяния обладают достаточно высокой степенью латентности и организованности.

Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок, приобрело характер приоритетного направления в сфере противодействия экономической и коррупционной преступности.

Управление в сфере государственных закупок, осуществляемое государством, подразумевает отсутствие злоупотребления своими служебными полномочиями или их превышения должностными лицами, а также выполнение своих обязанностей надлежащим образом.

Созданные правовые механизмы повышения престижа государственной службы и ряд админи-

стративных реформ не позволяют в полной мере осуществлять управление в различных сферах общественной жизни, в том числе в сфере государственных закупок.

Как показывают статистические данные, несмотря на все усилия государства, некоторые должностные лица, пренебрегая нормами закона и нравственности, переходят к материальному повышению личного благосостояния, используя денежные средства большинства граждан.

Особую тревогу вызывает ситуация, сложившаяся на особо важных объектах государственного строительства с миллиардными бюджетами, где в результате вседозволенности и попустительства бизнесмены и чиновники любого ранга незаконно извлекают выгоду в результате особенных между собой отношений. При этом подрывается авторитет государства, и, как показывает практика применения наказания по данной категории дел, предпринимая исключительно репрессивные меры, невозможно предупреждать данные социально опасные проявления. Следовательно, кроме мер уголовного наказания должна реализовываться социальная ответственность и она должна стать основой деятельности как чиновников, так и представителей бизнеса, основываясь на эффективных и справедливых законах, а также на их неукоснительном исполнении.

При реализации мер социальной ответственности должностных лиц за нарушения бюджетной дисциплины в сфере государственных закупок в соответствии с нормами УК РФ, КоАП РФ Бюджетного кодекса РФ установлены меры принуждения. Но принятых мер на таких уровнях, как федеральный и региональный, регламентирующих разнообразные вопросы деятельности, связанной с финансами, которые играют роль в поддержании финансовой и бюджетной дисциплины, явно недостаточно, поэтому требуются корректировка действующих и принятие новых правовых мер.

Необходимо вместе с совершенствованием правовых мер улучшать и деятельность контрольно-счетных органов, чья роль — это противодействие по отношению к нарушениям законодательства в области бюджета в сфере государственных закупок.

Помимо созданного специализированного подразделения ОРБ в составе ДЭБ МВД России в противодействие особо опасным нарушениям бюджетной дисциплины, необходимо создавать при необходимости территориальные комиссии. Эти комиссии служат для выявления хищений и должностных преступлений в таких сферах экономики, как бюджетная и социальная. Также они выявляют коррупционные правонарушения со стороны должностных лиц федерального и регионального уровней.

Повышение эффективности деятельности правоохранительной и контрольно-проверочной деятельности в бюджетной сфере позволило выявить следующие разновидности коррупционной и служебной преступности, где субъектами являются пользователи и распорядители средств бюджета, и как следствие ее проявления — служебные преступления и противозаконные действия в деятельности сферы экономики, а также расходование не по назначению средств бюджета.

Эффективность применения законодательства ограничивается отсутствием четкого оценочного критерия понятия должностного преступления, проявляющегося в форме нарушения бюджетной дисциплины в сфере государственных закупок.

Разработка понятия «должностная преступность в сфере государственных закупок» позволит определить причины и условия преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок.

Для повышения эффективности предупреждения уголовно наказуемых нарушений в сфере государственных закупок, совершаемых должностными лицами, необходимо обусловить такую категорию, как «должностное преступление в сфере государственных закупок»; выявить факторы, детерминирующие должностную преступность в сфере государственных закупок; определить основные причины преступлений, совершаемых должностными лицами в сфере государственных закупок; выяснить возможности предупреждающего воздействия уголовного закона в отношении должностных лиц в сфере государственных закупок; на основе этого предложить проекты в целях совершенствования правовых норм, которые устанавливают уголовную ответственность за нарушения, опасные для общества, в сфере государственных закупок; детерминировать роль контрольно-счетных органов в отношении предупреждения нарушений в законодательстве бюджета и служебных преступлений в сфере бюджета; привести теоретические доводы концепции совместной деятельности контрольно-проверяющих и правоохранительных органов в противодействии нарушениям, опасным для общества, бюджетного законодательства с помощью правоохранительных органов.

Реализация данных направлений предполагает следующие аспекты.

1. Раскрытие понятия «должностное преступление» в сфере государственных закупок как умышленного деяния, сочетающего в себе действительные характерные черты беззаконного распоряжения властью или должностным положением, противоправное поведение как след-

ствие превышения власти или должностных полномочий, чем могут являться растраты средств бюджета на цели не по назначению либо использование негосударственных внебюджетных доходов не по целевому назначению противоречащему условиям законодательства РФ, и бюджетами определенных фондов, за которые Бюджетный кодекс РФ устанавливает наказание. Должностное преступление в сфере государственных закупок имеет собственную специфику, что обусловливается бюджетными средствами, выступающими его предметом; должностное лицо здесь — это субъект. Оно обладает определенными правами в распоряжении средствами бюджета, а должная квалификация совершенного может быть основана на нормах бюджетного и уголовного законодательства РФ. В качестве критерия разграничения в бюджетной сфере служебного проступка и преступления служат последствия содеянного.

2. Квалификация нарушений бюджетной дисциплины в сфере государственных закупок, выявленных путем внешнего финансового контроля в виде системы правонарушений, имеет разнообразную уголовно-правовую форму. Эти преступления являются корыстными и квалифицируются как беззаконные посягательства на собственность, отдельные правонарушения в экономической сфере деятельности, а также служебные преступления, которые посягают на отношения в обществе по обеспечению деятельности, нормальной и законной, органов государственной власти, государственного аппарата по управлению либо на отношения в обществе, способствующие обеспечению нормальной деятельности коммерческих и прочих организаций негосударственной структуры, занимающихся деятельностью в области предпринимательства. В условиях современности должностная преступность проявляется в сфере государственных закупок, а ее компонентами являются несоблюдения бюджетной дисциплины, опасные для общества, перечисленные выше. Криминологическая характеристика данной преступности указывает на негативные тенденции ее развития.

3. Латентность этого вида противозаконной деятельности, оказывающей колоссальное негативное влияние на бюджетную систему РФ, проявляется в том, что отдельные должностные лица, занимающие руководящие должности, в том числе иные управленцы в государственном аппарате федерального и регионального уровней, в коммерческих организациях, в органах местного самоуправления и других организациях, разработали четкую стратегию организации своей деятельности, что играет значительную роль в обращении значительных объемов бюджетных средств в своих корыстных целях. Высокая степень латентности данной преступной деятельности предполагает планирование, организацию, согласование с правоохранительными органами, препятствие контрольно-проверяющим и правоохранительным органам, а также маскировку содеянного.

Для предупреждения особо опасных нарушений в сфере государственных закупок необходимо обеспечить специально предназначенными уголовными нормами, которые устанавливают ответственность за совершение отдельных видов злоупотреблений в сфере государственных закупок, внесение специальной главы в УК РФ, где потребуется сконцентрировать последующие составы преступлений: нарушения в законодательстве в системе государственных закупок в РФ; принятие нормативных, распорядительных или правовых актов, что изменяют расходы и доходы бюджета, несмотря на установленный законом порядок; прямое участие в государственных или муниципальных закупках, нарушая умышленно установленный порядок; мошенничество в сфере государственных закупок.

Организационно-правовой механизм предупреждения нарушений в сфере государственных закупок должен включать деятельность правоохранительных и контрольно-проверяющих органов, которые взаимодействуют друг с другом на базисе соглашений с обеих сторон в условиях регулирования органами прокуратуры такого взаимодействия.

Список литературы

1. *Конституция* Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

2. *Федеральный* закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

3. *Федеральный* закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 13.07.2015) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. 20 ноября. Ст. 4472.

4. *Федеральный* закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

УДК 343.9
ББК 67.408

Юрий Анатольевич ЦВЕТКОВ,
заведующий кафедрой управления следственными органами
и организации правоохранительной деятельности
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье на основании данных единого учета преступлений, данных о привлеченных к уголовной ответственности и прочих статистических данных автор исследует уровень, состояние и динамику преступности, направленной против правосудия, и выявляет тенденции, подчеркивающие криминологические особенности данного вида преступности.

Ключевые слова: преступления против правосудия, уровень, состояние и динамика преступности

Yuri Anatolyevich TSVETKOV,
head of the Chair of management of the investigative bodes
and law enforcement organization
of the Academy of Investigative Committee of the Russian Federation,
PhD in Law

Scientific specialty: 12.00.08 — Criminal law and criminology; criminally-executive law

CRIME IN THE JUSTICE SECTOR: CURRENT STATE AND TRENDS

Annotation: the article on the basis of data of the uniform account of crimes, criminal responsibility and other statistical data the author explores the level, status and dynamics of crime, against justice, and identifies trends, emphasizing criminological characteristics of this type of crime.

Keywords: crimes against justice, level, status and dynamics of crime

Интересы правосудия, а также связанная с его осуществлением деятельность органов и лиц, оказывающих содействие правосудию, являются объектами уголовно-правовой охраны. Ответственность за посягательства на эти объекты установлена нормами главы 31 «Преступления против правосудия» раздела X «Преступления против государственной власти» УК РФ.

Впервые в отечественной истории нормы об ответственности за посягательства на интересы правосудия были выделены в самостоятельную главу «О неправосудии» в первом в России кодифицированном своде уголовных законов — Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В советском уголовном законодательстве вплоть до 1960 г. самостоятельная глава о преступлениях против правосудия отсутствовала, а нормы, традиционно относящиеся к этой категории преступлений, были рассредоточены в главах о преступлениях против личности, должностных преступлениях и преступлениях против порядка управления. Только с принятием УК РСФСР 1960 г. возникла самостоятельная глава о преступлениях против правосудия, которая насчитывала 15 статей, а впоследствии была дополнена еще семью статьями. УК РФ 1996 г. воспроизвел данную традицию.

В главе о преступлениях против правосудия содержатся 24 статьи, из которых 6 — новые (ст. 295 «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», ст. 298.1 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава», ст. 300 «Незаконное освобождение от уголовной ответственности», ст. 303 «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности», ст. 304 «Провокация взятки либо коммерческого подкупа» и ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора и неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений».

С момента введения в действие УК РФ произошел двукратный абсолютный и относительный рост регистрируемой преступности в сфере правосудия: с 6566 (0,3 %)* в 1997 г. до 12 686 (0,6%) в 2014 г. (табл. 1).

Таблица 1. **Количество и удельный вес преступлений против правосудия и лиц, осужденных за их совершение**

Год	*Количество преступлений*	*Удельный вес в общем числе преступлений (%)*	*Число осужденных*	*Удельный вес в общем числе осужденных (%)*
1997	6 566	0,3	**	
1998	6 579	0,3		
1999	6 654	0,2		
2000	5 794	0,2		
2001	5 801	0,2		
2002	5 713	0,2		
2003	6 423	0,2	2 696	0,3
2004	8 284	0,3	3 874	0,5
2005	11 781	0,3	5 655	0,6
2006	15 661	0,4	7 658	0,8
2007	16 083	0,5	8 527	0,9
2008	12 786	0,4	8 120	0,9
2009	13 192	0,4	8 222	0,9
2010	11 849	0,5	7 627	0,9
2011	11 356	0,5	6 539	0,8
2012	11 786	0,5	6 270	0,8
2013	11 932	0,5	7 206	1,0
2014	12 686	0,6	7 651	1,1

* В процентах указан удельный вес преступлений против правосудия в общей массе всех зарегистрированных за год преступлений. Здесь и далее, если это специально не оговорено, статистические данные приводятся на основании федерального статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (форма № 1-Г, с 2001 г. – форма № 1 – ЕГС) и ведомственного статистического наблюдения Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Основные статистические показатели состояния судимости за 2003 – 2014 гг.».

** Данные о числе осужденных за 1997—2002 гг. отсутствуют.

Отмеченный рост произошел на фоне того, что уровень всей регистрируемой преступности остался практически неизменным и даже немного сократился: с 2 млн 397 тыс. преступлений в 1997 г. до 2 млн 190 тыс. преступлений в 2014 г.

Рост абсолютных показателей преступности против правосудия наметился с 2004 г. и достиг своей наивысшей точки в 2007 г. (рис. 1). Такая же картина наблюдалась и в динамике числа осужденных за эти преступления, достигшей пика в том же, 2007 г. Однако данный рост на указанном отрезке времени происходил на фоне увеличения общего количества регистрируемых преступлений, в то время как удельный вес этих преступлений в общей массе регистрируемой преступности оставался почти неизменным. Однако с 2008 г. при снижении абсолютных показателей преступлений против правосудия их доля в общей структуре преступности увеличилась.

Выявленный тренд может быть объяснен тем, что порог «насыщения» общества преступлениями против правосудия еще далеко не преодолен. О возросшем «социальном заказе» на выявление и регистрацию данного вида преступлений и в целом на усиление уголовно-правовой репрессии за их совершение указывают публикации в юридической прессе.

Так, главный редактор авторитетного журнала «Уголовный процесс», оказавшись вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве потерпевшего, дает весьма точную оценку правоприменительной политике в сфере уголовной охраны интересов правосудия: «Соприкасаясь на практике с судопроизводством, можно констатировать, что ложь в российском суде встречается практически всегда... Свидетелю или обвиняемому можно солгать о месте работы, и суд ему поверит и не проверит... Можно покупать больничные листы и оправдывать неявки участника судопроизводства. При этом какой-либо адекватной реакции на ложь не следует, что порождает дальнейшее ее поощрение... Сейчас российское право имеет все необходимое для того, чтобы заняться этой проблемой: есть и статьи УК РФ, и новые возможности получения доказательств и их проверки. Но суды и следствие бездействуют, поскольку это долго, хлопотно, и не хочется тратить ограниченные время и ресурсы»[1].

Таким образом, тренд абсолютного и относительного роста регистрируемой преступности в сфере правосудия является косвенным свидетельством того, что как судебная система, так и отношение общества к судопроизводству становятся в нашей стране более зрелыми.

[1] *Рамазанов И.Р.* Смертная казнь за лжесвидетельство? // Уголовный процесс. 2015. № 10. С. 1.

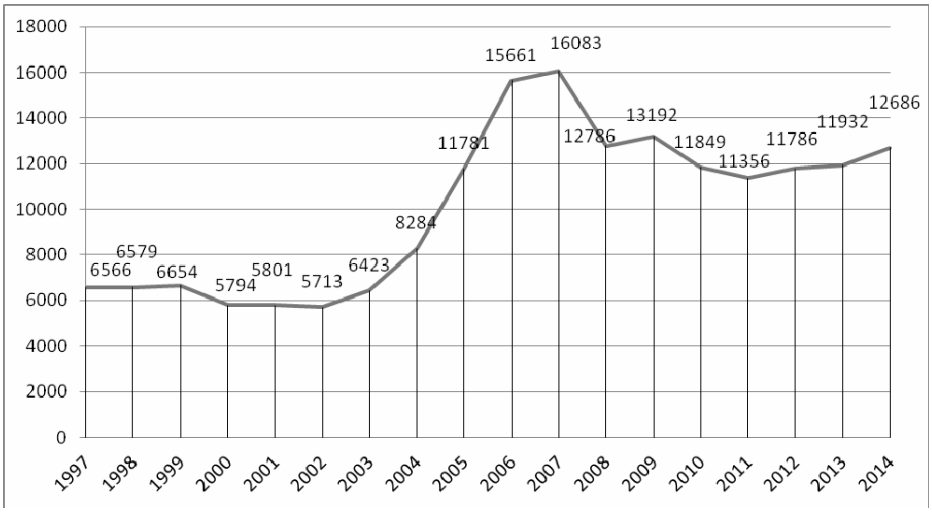


Рис. 1. **Динамика преступности против правосудия**

Приведенное высказывание свидетельствует также и о том, что специалистами в области судебной и правоохранительной деятельности преступность в этой сфере оценивается как высоколатентная. Доля преступлений против правосудия в структуре всей регистрируемой преступности невелика и колеблется от 0,2 до 0,6%, а в среднем за все 18 лет статистического наблюдения составила 0,36% (рис. 1).

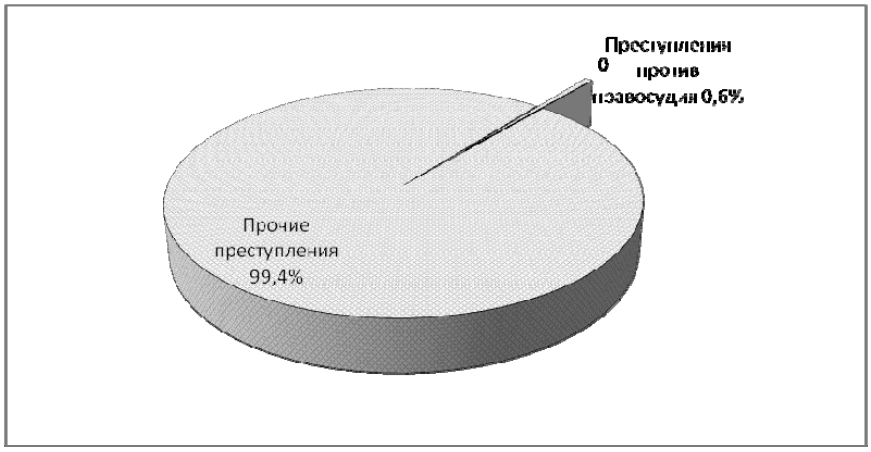


Рис. 2. **Доля преступлений против правосудия в общей массе зарегистрированных в 2014 г. преступлений**

Вместе с тем общественная опасность этих преступлений весьма существенна и заключается в том, что они способны парализовать или, по крайней мере, ослабить саму борьбу с преступностью. Если правоохранительная и судебная система — это аналог иммунитету, уничтожающему угрозу здоровью общества и государства, то преступления против правосудия — это вирусы, внедренные в сам иммунитет и разрушающие его изнутри.

Наименее латентными в силу особенностей механизма их совершения и очевидности последствий являются посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308), побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313), уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера (ст. 314) и уклонение от административного надзора и неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1). В отношении прочих преступлений против правосудия такого сказать нельзя. Хотя специальных исследований по этому вопросу не проводилось, для каждого из этих преступлений, тем не менее, может быть свойственна высокая степень латентности.

Характерной криминологической особенностью преступности в сфере правосудия является резко выраженный дисбаланс ее структуры.

На протяжении всего периода статистического наблюдения в структуре преступлений против правосудия доминирует пятерка «лидеров»: заведомо ложный донос (ст. 306), заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307), неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315), незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312), и криминализированное в 2011 г. уклонение от административного надзора и неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1). Их совокупная доля в структуре преступлений против правосудия составила более 80%.

Наименьший удельный вес занимают деяния, предусмотренные десятью статьями главы: воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1), привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300), незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301), принуждение к даче показаний (ст. 302), провокация взятки либо коммерческого подкупа (ст. 304), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305), разглашение данных предварительного расследования (ст. 310). Таких преступлений по всей стране регистрируются лишь единицы, а их совокупная доля в структуре преступлений против правосудия составляет менее 1% (рис. 3).

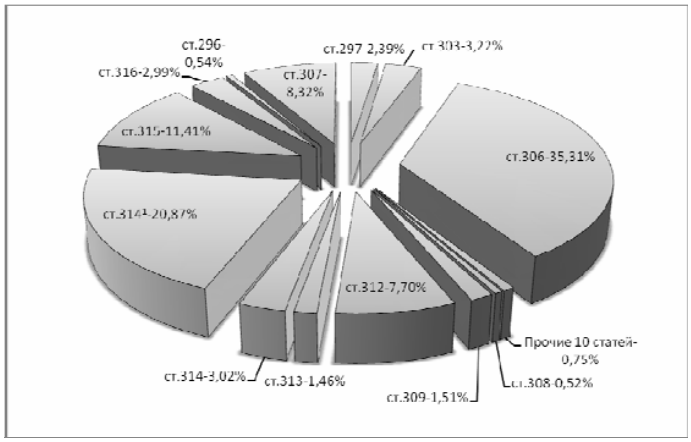


Рис. 3. **Структура преступности в сфере правосудия в 2014 г.**

Одна норма — ст. 311 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса» УК РФ — является «мертвой»: таких преступлений зарегистрировано не было.

Репрессивность судебной практики при назначении наказаний за преступления против правосудия на протяжении всего периода статистических наблюдений ниже среднего показателя репрессивности[2]. Так, за 2014 г. к реальному лишению свободы приговорено 21,45% числа лиц, осужденных за совершение

[2] Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания (Ф № 10.1) и Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) (Ф. № 10.3).

преступлений против правосудия, в то время как общероссийский показатель репрессивности составляет 29,12% всех осужденных. По большинству уголовных дел о преступлениях против правосудия осужденные приговариваются к штрафу (рис. 4). Данные особенности объясняются тем, что в целом в структуре таких преступлений преобладают деяния небольшой и средней тяжести, за совершение которых наказание в виде лишения свободы вообще не предусмотрено.

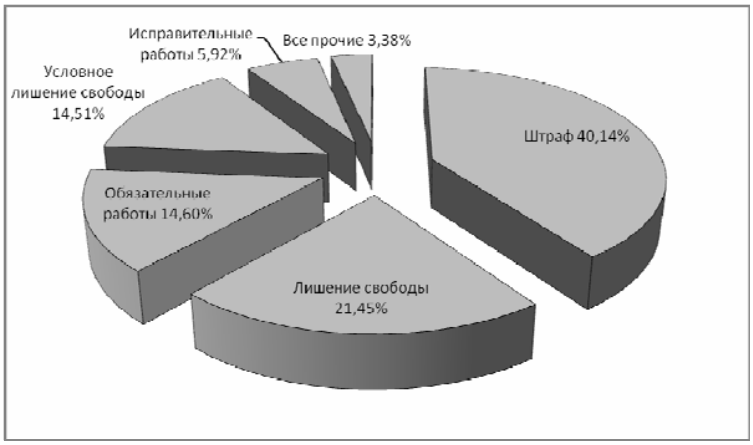


Рис. 4. **Структура наказаний за преступления против правосудия (2014 г.)**

При этом подавляющее число приговоренных к реальному лишению свободы за совершение преступлений против правосудия осуждены по одной из четырех статей УК: ст. 314.1 «Уклонение от административного надзора и неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений», ст. 314 «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера», ст. 306 «Заведомо ложный донос» или ст. 313 «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи».

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие научные выводы:

(1) за 17-летний период с момента введения в действие УК РФ произошел двукратный абсолютный и относительный рост регистрируемых преступлений против правосудия на фоне того, что уровень всей регистрируемой преступности остался практически неизменным и даже немного сократился, что, как мы полагаем, является специфическим проявлением закона «насыщения» преступностью, сформулированного в 1883 г. итальянским криминологом Энрико Ферри[3];

(2) структура преступности в сфере правосудия характеризуется резким дисбалансом, выражающемся в том, что из 24 статей более 80% преступлений регистрируется только по пяти статьям, в то время как доля регистрируемой преступности по другим 10 статьям составляет менее 1%, что может объясняться как естественными факторами, так и различиями в степени латентности того или иного преступления против правосудия;

(3) более низкая степень репрессивности судебной практики, выражающаяся в том, что доля лиц, осужденных к реальному лишению свободы за преступления против правосудия, меньше среднего показателя назначения данного вида наказания по всем рассматриваемым судами делам, может объясняться преобладанием преступлений небольшой и средней тяжести в структуре данного вида преступности.

[3] *Ферри Э.* Уголовная социология: Пер. О.В. Познышева. М.: Изд-во Саблина, 1908. С. 210–213.

УДК 34
ББК 67

Юрий Михайлович БОЙЦОВ,
соискатель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
старший инспектор по исполнению поручений факультета подготовки
комендантского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: uboitsov@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

Научный руководитель: С.Д. Шестакова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

АЛГОРИТМ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖКХ

Аннотация. Статья раскрывает основные вопросы расследования преступлений, связанных с неправомерным использованием финансовых ресурсов в системе жилищно-коммунального комплекса и алгоритм действий для разрешения возникающих в следственной практике спорных ситуаций. Изложенная в статье информация позволяет решать вопросы квалификации, анализа доказательств и обеспечивать принятие законных и обоснованных решений по уголовным делам, а также по материалам доследственных проверок, сформировать успешную практику расследования преступлений в сфере ЖКХ.

Ключевые слова: расследование хищений в сфере ЖКХ, алгоритм расследования, вопросы квалификации преступлений, анализ доказательств, принятие законных и обоснованных решений

Yuri Mikhailovich BOITSOV,
senior inspector of curfew depatment of the Department of preliminary investigation of St. Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: uboitsov@yandex.ru

Scientific specialty: 12.00.09 — Criminal process

Supervisor: **S.D. Shestakova**, Doctor of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure of St. Petersburg University of the MOI of Russia

ALGORITHM FOR INVESTIGATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Annotation. The article deals with the main issues of crime investigation related to misuse of financial resources in the system of housing and communal complex and the algorithm of actions to resolve controversial situations emerging in the investigative practice.

Information which is given in the article makes it possible to solve the problems of qualification, to analyze evidence, to ensure the adoption of lawful and reasonable decisions in criminal cases and also according to the materials of pre-investigation checks, to form a successful practice of criminal investigations in the sphere of housing and communal services.

Keywords: investigation of embezzlements in housing and communal services, algorithm of investigation, analysis of evidence, adoption of lawful and reasonable decisions

Основанием для разработки данной темы послужили возникающие в ходе расследования уголовных дел сложности в правильной оценке признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 159, 165, 201, 285 УК РФ, в установлении размера ущерба и доказывании умысла. Ни в УК РФ, ни в практике Пленума Верховного Суда РФ выработанного

понятия обмана нет[1]. И законодатель в ст. 159, 165 УК РФ, и Пленум Верховного Суда РФ не определяют понятие обмана исходя из его основных признаков, а лишь перечисляют некоторые его формы[2]. Данное обстоятельство вызывает значительные сложности при расследовании обманных преступлений, что является причиной недостаточной эффективности борьбы с ними.

Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, предусмотренные ст. 201 УК РФ, относятся к разряду «коррупционных». В ходе расследования дел об этих преступлениях возникают трудности, вызванные объективными причинами. Так, в соответствии с п. 2 примечания к ст. 201 УК РФ для возбуждения уголовного дела необходимо наличие заявления коммерческой организации либо ее согласие на возбуждение уголовного дела. Как правило, к уголовной ответственности по данной статье привлекаются руководители коммерческих предприятий и организаций и иные служащие руководящего звена, в связи с чем получение согласия организации, представляемой указанными лицами, подчас весьма затруднительно. Кроме того, находящиеся от них в служебной и материальной зависимости подчиненные, как правило, не желают вступать в конфликт с руководством, терять свои рабочие места, зарплату. В связи с чем довольно часто сотрудники коммерческих предприятий отказываются от дачи показаний, изменяют ранее данные показания либо открыто препятствуют расследованию. Также диспозиция данной статьи предусматривает обязательное наступление последствий в виде существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Понятия «существенный вред», «тяжкие последствия» относятся к оценочной категории, четко не конкретизированы, что дает возможность их широкого толкования.

Согласно п. 3 примечания к ст. 201 УК РФ, если деяние, предусмотренное настоящей статьей, причинило вред интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, уголовное преследование осуществляется на общих основаниях.

В настоящее время в соответствии с ФЗ от 02.11.2013 г. № 302 п. 2 и 3 примечания к ст. 201 УК РФ утратили силу. Следовательно, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, необходимо учитывать требования ст. 10 УК РФ.

Кроме того, способы совершения данного преступления (обман, злоупотребление доверием) могут быть аналогичны способам, используемым при совершении преступлений, предусмотренных ст. 159, 165, 285 УК РФ.

Разграничение данных преступлений дается в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»[3] и от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[4].

Причем согласно п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие производится следователями ОВД РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 2—4 ст. 159, ч. 2 ст. 165, ст. 201 УК РФ. Дела о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ, подследственны следователям СК РФ (п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ). По преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 159, 165 УК РФ, производится дознание дознавателями ОВД РФ (п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Согласно ч. 5 ст. 151 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 2—4 ст. 159, ст. 201, 285 УК РФ, предварительное следствие может производится также следователями органа, выявившего эти преступления.

Преступления, предусмотренные ст. 159, 165, 201, 285 УК РФ, признаются оконченными с момента причинения имущественного ущерба. При этом ст. 201 УК РФ предусмотрен существенный вред, а в ст. 285 УК РФ — существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемым законом интересов общества.

[1] *Зеленин А.А.* Ответственность за обман по российскому уголовному праву // Науч. портал МВД России. 2009. № 4. 2009. С. 37—38.

[2] *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2008. № 4561. 12 января.

[3] *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http //www. consultant.ru/propular/obob#top (дата обращения: 02.11.2015).

[4] *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http //www. consultant.ru/propular/obob#top (дата обращения: 02.11.2015).

Субъектами данных преступлений могут быть должностные лица, достигшие 16 лет (ч. 3 ст. 159 УК РФ). При совершении подобных действий должностными лицами с использованием ими своих должностных полномочий ответственность может наступать по ст. 159, 165, 201, 285 УК РФ. Ответственность разграничивается по статусу должностных лиц.

Субъективная сторона этих преступлений характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Квалифицирующие признаки, указанные в п. «а», «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, аналогичны квалифицирующим признакам мошенничества. Квалифицирующие признаки, указанные в ч. 2 ст. 201 УК РФ, аналогичны признакам ч. 3 ст. 285 УК РФ.

В соответствии с п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» вопрос о наличии в действиях виновных квалифицирующего признака совершения мошенничества, присвоения или растраты в крупном или особо крупном размере должен решаться в соответствии с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ, в то время как квалифицирующий признак «тяжкие последствия» — оценочный[5].

Еще одно важное обстоятельство необходимо учитывать при расследовании данных преступлений в сфере ЖКХ: все взаимоотношения в этой сфере основываются на очень большой нормативно-правовой базе, включающей нормы Конституции, ЖК, ГК, постановления Правительства РФ, УК и нормативные акты различных ведомств. При планировании расследования дел данной категории главное — правильно определить, какие законы и подзаконные акты подлежат применению в данном деле[6].

Практика свидетельствует, что хищение в данной сфере невозможно без предварительной подготовки, изучения и оценки обстановки, создания определенных условий, облегчающих доступ к чужому имуществу, обеспечения возможности сокрытия преступления и реализации похищенного. Общими способами для большинства хищений в сфере ЖКХ являются: заключение фиктивных договоров на выполнение работ или оказание услуг с последующим изъятием денежных средств, перечисленных в оплату за невыполненные работы, за неоказанные услуги; оформление подложных документов, служащих основанием для получения или выдачи наличных денег; неполное оприходование поступающих материальных ценностей; оформление бестоварных накладных, счетов-фактур, товарных чеков и др.[7]

Для успешного расследования хищений в сфере ЖКХ необходимо органам предварительного расследования и органам дознания иметь отдельные, но всесторонне согласованные между собой планы проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Данный подход позволит избежать дублирования следственных действий и ОРМ.

План должен намечать максимально быстрое проведение как следственных действий, так и ОРМ, равномерно распределять рабочее время, с тем чтобы создать реальную возможность для своевременной проверки всех намеченных версий и установления обстоятельств, относящихся к предмету доказывания.

Кроме того, планом должен быть предусмотрен резерв времени, который необходим для проверки непредвиденных обстоятельств и проведения действий, не предусмотренных планом[8].

Планирование расследования должно сфокусировать свои ресурсы с учетом оперативной обстановки на наиболее важных делах и, таким образом, эффективно использовать свои ресурсы[9]. Кроме того, ОРД и расследование должны быть

---

[5] *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с изм. и доп.).

[6] *Орлов Ю.К.* Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: ИПК РФЦСЭ при Минюсте России, 2005. С. 20.

[7] http: www. police-rf.ru/index.php?= feScb70372609150cee6e0408

[8] *Бойцов Ю.М.* К вопросу о совершенствовании деятельности по расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: Материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Октябрь 2012 г. «Совершенствование деятельности по расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты». Ленинградская область: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2012 г. С. 7—9.

[9] *Бакин А.А., Кутина В.П., Липский Н.А.* Согласованное планирование как обязательное условие успешности взаимодействия оперативно-розыскных подразделений и следователей ОВД при раскрытии и расследовании преступлений: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 15—16 декабря 2010 г. «Деятельность правоохранительных органов и специальных служб в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: вопросы организации, координации, взаимодействия и международного сотрудничества». Ч. 2. Ленинградская область: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России. С. 17—20.

обеспечены специалистами, обладающими знаниями судебной бухгалтерии, аудита, банковского дела, информационных технологий, закупки, инжиниринга. Данные специалисты помогут произвести анализ конкретного платежа, анализ доходов и расходов, анализ мошеннических сделок.

На стадии возбуждения уголовного должна быть получена необходимая информация для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Для принятия законного и обоснованного решения необходимо ответить на главный вопрос, какие законы и подзаконные акты подлежат применению в данном деле. Специалисты помогут решить его, проанализировав действия (бездействия), решения и сделки, заключаемые лицами, выполняющими управленческие функции в определенных следователем организациях. В случае когда документы, имеющиеся у следователя, недостаточно отражают деятельность подозреваемых лиц, возникает необходимость в организации ревизии хозяйственно-финансовой деятельности. Для ее проведения необходимо определить, какой участок хозяйственной деятельности подлежит ревизии, в каком объеме, за какой период, относительно каких должностных лиц. Между следователем и ревизором должен быть тесный контакт. Они должны обсуждать план ревизии, согласовывать очередность и сроки проведения отдельных действий ревизором, намечать общие меры по сохранению изъятых в ходе ревизии документов, получать взаимную информацию.

От преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, следует отличать преступления, предусмотренные ст. 159, 165, 285 УК РФ.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, – служащие коммерческих организаций.

Ответственность по ст. 285 УК РФ наступает для должностных лиц, перечисленных в примечании к этой статье.

Ответственность по ст. 165 УК РФ предусмотрена только для частных лиц.

Кроме того, следует разграничивать преступления, предусмотренные ст. 165, 201 УК РФ, от хищения путем мошенничества.

От мошенничества следует отличать причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием частными лицами, извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесение вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда и совершено служащими коммерческих организаций.

При решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, предусмотренный ст. 165 УК РФ, необходимо установить наличие реального материального ущерба или ущерба в виде упущенной выгоды, т.е. недополученных доходов, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота при отсутствии признаков хищения.

Мошенничество – это форма хищения. Преступник приобретает право на чужое имущество, имеет возможность распорядиться чужим имуществом, как своим собственным. Разъяснение содержится в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Из разъяснений высшего судебного органа страны следует, что при совершении преступлений, предусмотренных ст. 165, 201 УК РФ, отсутствуют в своей совокупности или отдельно такие обязательные признаки мошенничества, как противоправное, совершенное с корыстной целью безвозмездное окончательное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или пользу других лиц.

На первоначальном этапе расследования в целях предотвращения возможного сокрытия следов преступления целесообразно по делам данной категории незамедлительно произвести:

- обыск офиса и обыск места жительства в целях изъятия документов, касающихся деятельности подозреваемого;
- выемку документов;
- допрос подозреваемого (если он даст показания, то это позволит следователю проверить его версию, которая будет или подтверждена, или опровергнута);
- допросы потерпевших и свидетелей;
- экономическую экспертизу;
- контроль и запись переговоров.

По делам данной категории важное значение имеет изъятие и осмотр черновых записей. В них можно найти расхождение с данными официальной бухгалтерской отчетности либо обнаружить повлекшие причинение вреда сомнительные хозяйственные или финансовые операции.

Целью выемки и обыска являются следующие документы:

- правоустанавливающие документы юридического лица (устав, учредительный договор);
- бухгалтерские документы, отражающие финансовое состояние организации (величина ее активов, ликвидность, рыночная и балансовая стоимость);

- приказ о назначении на должность; должностные инструкции; все заключенные за расследуемый период сделки и связанные с ними управленческие решения.

При допросе подозреваемого необходимо выяснить следующие обстоятельства общего характера:

- правовой статус и организационно-правовую форму организации, в которой он работает;
- характер взаимоотношений с вышестоящей организацией, если таковая имеется;
- фактически выполняемую организацией деятельность (соответствует ли она учредительным документам);
- сколько времени работает в данной организации, какую должность занимает;
- какие выполнял управленческие функции;
- какая деятельность должна осуществляться и как она выполнялась фактически, какие нарушения при этом были допущены, чем они были обусловлены, какие последствия повлекли;
- имело ли место в отношении него какое-либо принуждение, в чем оно выражалось;
- изменилось ли за расследуемый период времени финансовое состояние организации в целом и на вверенном ему участке работы, в чем причина этих изменений;
- кто и при каких обстоятельствах вышел с инициативой заключения невыгодных, по версии следствия, для предприятия сделок, кто непосредственно заключал сделки, кто осуществлял юридическое сопровождение;
- имели ли место какие-либо нарушения учредительных документов, практики делового оборота. Если да, то в чем это выражалось и при каких обстоятельствах происходило, в каких документах нашло отражение, какие последствия повлекло и чем было обусловлено;
- почему в интересующий следствие период у подозреваемого реально вырос доход (об этом свидетельствует анализ его доходов и расходов, стиль его жизни);
- выяснить обстоятельства взаимоотношений подозреваемого с потенциальными соучастниками из числа его коллег, а также с третьими лицами, в чьих интересах совершалось преступление или которым выгодно причинение вреда данной организации (использовать анализ конкретного платежа и анализ конкретной сделки).

При допросах потерпевших и свидетелей необходимо по возможности установить те же обстоятельства, что и в ходе допроса подозреваемого.

При этом необходимо учитывать, что свидетели и потерпевшие, которые находятся в служебной, материальной или иной зависимости от подозреваемого и его соучастников, даже первоначально дав изобличающие показания, впоследствии могут их изменить или отказаться от дачи показаний в суде. В данном случае рекомендуется в ходе допроса осуществлять видео- или аудиозапись и сразу после допроса проводить с ним все возможные очные ставки, которые являются самостоятельным видом доказательства.

Выемка производится в организациях, располагающих документами, могущими иметь значение для дела (регистрационном органе, налоговой инспекции, банковских учреждениях, у физических лиц, в других местах и организациях). Такими документами являются:

- учредительные и регистрационные документы организации;
- должностные инструкции, трудовые контракты и другие документы, определяющие полномочия лица и круг выполняемых им управленческих функций;
- юридические, банковские и другие документы.

Экономическая экспертиза необходима: для проверки достоверности и обоснованности выводов, сделанных специалистами в ходе ревизии, исследований, положенных в основу возбуждения уголовного дела; для оценки фактической стоимости предметов проверяемых сделок; для анализа действия (бездействия), решений, сделок, заключенных лицами, выполняющими в указанных организациях управленческие функции, на предмет их экономической целесообразности с точки зрения интересов этой организации, а в ряде случаев и интересов государства, общества, граждан, установив те из них, которые повлекли ухудшение финансового состояния, снижение платежеспособности организации и другие отрицательные экономические либо социальные последствия.

Контроль и запись переговоров очень важное для расследования и для доказывания уголовных дел данной категории следственное действие.

Последующий этап расследования заключается в проверке и закреплении доказательств, добытых ранее, в выявлении и исследовании новых обстоятельств преступления, в установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Последующий этап характеризуется тем, что преступники и окружающие их лица знают о ведущемся расследовании, им известны результаты некоторых следственных действий (обыска, допроса свидетеля). Поэтому следователю приходится работать в обстановке противодействия.

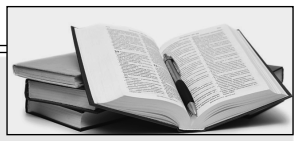
Указанные обстоятельства предопределяют следственные ситуации, обусловливают деятельность органов следствия и дознания.

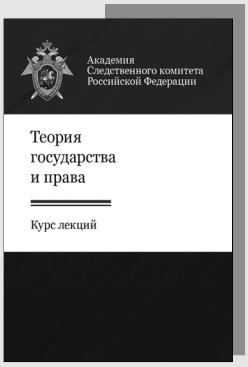
Следственные действия, которые планируются на этом этапе, направлены на исследование и закрепление ранее установленных обстоятельств преступления. Чаще других следственных действий проводится осмотр документов, поступающих в распоряжение следователя на протяжении всего процесса расследования. Их необходимо отобрать и систематизировать в том порядке, в каком целесообразно предъявлять в целях выяснения определенных обстоятельств преступления или изобличения обвиняемого. Показания следует зафиксировать с помощью видео- или аудиозаписи.

При расследовании данного преступления, как правило, назначаться следующие судебные экспертизы:

- судебно-криминалистическая — для исследования подчисток, травления записей, оттисков штампов и печатей, восстановления удаленного текста или залитого красящим веществом;
- судебно-почерковедческая — для установления исполнителя рукописного текста, цифровых записей или подписей в оспариваемых документах;
- судебно-бухгалтерская — для устранения противоречий между данными ревизии и материалами дела; если возникают сомнения в правильности использования ревизорами методов и сделанных ими выводов; при спорных вопросах бухгалтерского учета и отчетности.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ!





Теория государства и права: Курс лекций: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 327 с.

Рассматриваются традиционные для науки и учебной дисциплины теории государства и права вопросы, раскрывающие основные дефиниции, признаки, содержание, систему и структуру государственно-правовых явлений.

Для курсантов, слушателей и студентов юридических вузов, а также для всех интересующихся проблемами теории государства и права.

УДК 343.1
ББК 67.411

Александр Васильевич БУРЫКО,
заведующей криминалистической лабораторией шестого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», полковник юстиции
E-mail: 79119185187@yandex.ru

Антон Георгиевич ХАРАТИШВИЛИ,
кандидат юридических наук, заведующей кафедрой уголовного процесса шестого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», подполковник юстиции
E-mail: Dashuta2003@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕРОЯТНЫХ ВЫВОДОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЯХ ЭКСПЕРТОВ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы допустимости использования в доказывании заключений экспертов в вероятной форме и их юридическое значение.

Ключевые слова: судебная экспертиза, тождество, вероятность, экспертная ошибка, методика исследования, специалист, следователь

Alexander Vasilyevich BURYKO,
head of the forensic laboratory of the sixth faculty professional development (with its location in the city of St. Petersburg) Institute for advanced studies of the Federal state educational institution of higher education «Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation», Colonel of justice
E-mail: 79119185187@yandex.ru

Anton Georgievich KHARATISHVILI,
candidate of legal Sciences, head of the Department of criminal proceedings of the sixth faculty professional development (with its location in the city of St. Petersburg) Institute for advanced studies of the Federal state educational institution of higher education «Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation»
E-mail: Dashuta2003@yandex.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE LIKELY OPINIONS OF EXPERTS IN THE PRODUCTION OF IDENTIFICATION STUDIES

Annotation. The article discusses the features of the expert opinions in the likely form of identity and their legal significance.

Keywords: forensics, identity, error expert, research methodology, specialist and investigator

Экспертная идентификация в методологическом плане является не методом или задачей, а процессом и целью исследования. Этот процесс, протекающий в практической экспертной деятельности, осуществляется путем применения ряда методов, как общенаучных, так и специальных, например описания, измерения, сравнения и других, и преследует цель установления тождества индивидуально-определенного объекта[1].

Решение этой задачи предполагает целенаправленную познавательную деятельность следователя, специалиста, эксперта, суда, применение ими технических и тактических приемов расслe-

[1] *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза: Курс общей теории. М.: Норма, 2006. С. 416.

дования, оценку полученных результатов в системе собранных доказательств. Разработка принципов, приемов и средств разрешения данной задачи и составляет содержание специальной методики и теории криминалистической идентификации[2].

В зависимости от природы сравниваемых объектов избирают тот или иной технический прием сравнения признаков: измерения, пространственное совмещение с помощью оптических средств, фотографическое линейное совмещение и т.п.

Современная криминалистика уделяет много внимания разработке новых технических средств и способов сравнения применительно к объектам и условиям сравнения. К этим приемам и средствам предъявляют требования возможно большей объективности, точности и полноты.

Завершающей стадией процесса криминалистического идентификационного исследования, является оценка его результатов.

Чтобы сделать окончательный вывод о тождестве или об отсутствии такового, нужно сопоставить все добытые исследованием данные: общую характеристику состояния объектов, полученную при раздельном анализе, и оценку отдельных признаков; степень совпадения отдельных признаков и их значение, взаимосвязь совпадающих и различающихся признаков и т.д.[3]

При категорической форме ответа эксперт дает совершенно определенные, однозначно трактуемые и обоснованные ответы на поставленные вопросы, а выводы, к которым пришла экспертиза, можно проверить, или они вытекают логически из описания и хода рассуждений. Однако не всегда в ходе экспертизы эксперт приходит к однозначному толкованию имеющихся фактов или может утверждать о чем-либо со 100%-ной вероятностью.

В ряде случаев эксперт, произведя исследование в целях индивидуальной идентификации, не обнаруживает комплекса совпадающих признаков, позволяющего сделать категорический вывод. Если совокупность совпадающих признаков не может быть признана индивидуальной, но в то же время существенные различия идентификационных признаков отсутствуют, эксперт формулирует свой вывод в форме предположительного (вероятного) суждения.

Согласно «Толковому словарю» русского языка Ожегова слово «вероятный (-ая, -ое; -тен, -тна)» означает:

1) *возможный, допустимый. Вполне в. случай. Очень вероятно (очень может быть);*

2) *вероятно, вводн. сл. По-видимому, по всей вероятности. Он, вероятно, не придет;*

3) *вероятно, частица. Выражает подтверждение с нек-рым оттенком сомнения, по-видимому, возможно. Лекция состоится? — Вероятно*[4].

Один из аргументов, которым оперируют некоторые противники вероятных выводов в заключениях экспертов, сводится к утверждению, что вероятные выводы не исключают ошибки. Но это высказывание можно с полным основанием адресовать и к категорическим выводам, которые нельзя отождествлять с истинными мнениями. Не каждое категорическое суждение эксперта оказывается истинным. Среди них встречаются и ошибочные, которые, правда, сравнительно редки. То же самое можно утверждать и в отношении вероятных выводов, в большинстве случаев соответствующих действительности. Вероятные заключения не могут противопоставляться истинным. Следует иметь в виду, что истинными или ложными являются не только достоверные, но и так называемые проблематические (недостоверные) суждения. Последние отличаются от первых только тем, что их истинность или ложность еще не доказана. Заблуждение насчет соотношения понятий вероятности и истинности проистекает в известной мере от смешивания терминов «достоверный» и «истинный». Необходимо подчеркнуть, что указанные термины имеют разное значение. Истинность суждения означает его соответствие действительности, а достоверность — обоснованную уверенность в истинности.

Запрещение экспертам делать вероятные выводы означало бы произвольное решение вопроса, не претендующее на научность.

Высказывание каких-либо мнений в предположительной (вероятной) форме — одно из допустимых средств познания, вполне согласное с логикой. Ориентировать эксперта на заключение о невозможности решения вопроса, когда он в состоянии сделать обоснованное предположение, значит сознательно идти на вуалирование действительных результатов исследования.

Любой вероятный вывод должен строиться в полном соответствии с правилами, касающими-

[2] *Колдин И.Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969. С. 7.

[3] *Бастрыкин А.И.* Криминалистика. Современные методы криминалистического исследования: Учеб. пособие. СПб.: ООО «Ольга». 2003. С. 33—34.

[4] *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского язык. 4-е изд., М., 1997.

ся аргументов доказательства, каждый из них должен быть обоснован объективными фактическими данными.

В практике иногда имеют место необоснованные вероятные заключения. Так, в рамках расследования уголовного дела понадобилось выяснить: не одновременно ли выполнены две расписки, датированные 6 мая 2006 г. и 3 июня 2007 г. Эксперты, произведя исследование, отметили в заключении, что ими применялись методы поляризационной микроскопии, газовой хроматографии и рентгеноструктурного анализа. Изучение степени кристаллизации красителя сравниваемых штрихов показало, что кристалличность красителя в штрихах первой расписки выражена в большей степени. В заключении эксперта об этом говорится следующее: «Однако оценить это различие не представляется возможным, так как вопрос о закономерностях изменения кристалличности во времени в зависимости от концентрации красителя в настоящее время не изучен». Не отметив никаких других различающихся признаков, эксперты сделали вывод, что расписка от 6 мая 2006 г., вероятно, написана раньше. Не надо доказывать, что указанный вывод неприемлем, как всякое необоснованное, голословное заключение. Однако не следует думать, что этим пороком страдает большинство вероятных заключений.

Высказывается мнение, что одной из основных причин дачи вероятных заключений является некомпетентность эксперта[5].

Данное утверждение представляется неточным. Подобные случаи в практике редки. Если эксперт некомпетентен решить тот или иной вопрос, он не вправе решать его ни в какой форме, в том числе и в предположительной. Вероятные заключения допустимы лишь в двух случаях: когда недостаточен объем исследуемого материала и пополнить его не представляется возможным и при недостаточных возможностях методики исследования.

В судебно-следственной практике некоторые правоприменители полагают, что вероятные выводы в заключениях экспертов являются недопустимыми.

На наш взгляд, эта точка зрения представляется ошибочной.

Предположительные суждения в уголовном процессе играют весьма важную роль. Нет никаких оснований отрицать всякую пользу вероятных выводов экспертов, которые помогают сузить круг подозреваемых и способствуют отысканию судебной истины.

В определении Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 566-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 14, 75, 302, 335, 336, 340 и 350 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» осужденный судом присяжных за совершение убийства из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) Шейченко В.И. в своей жалобе в Конституционный Суд РФ оспаривает конституционность ч. 4 ст. 14, ст. 75, ч. 4 ст. 302, ст. 335, 336, 340 и 350 УПК РФ.

По мнению заявителя, эти нормы позволяют стороне обвинения в процессе доказывания при производстве в суде с участием присяжных заседателей использовать экспертные заключения, выводы которых носят вероятностный или предположительный характер.

Однако Конституционный Суд РФ, изучив представленные В.И. Шейченко материалы, не выявил нарушение конституционных прав заявителя оспариваемыми положениями ст. 14, 75, 302, 335, 336, 340 и 350 УПК РФ, поскольку таковые в их системном взаимодействии с другими нормами уголовно-процессуального закона, предоставляя суду и присяжным заседателям возможность оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью, не освобождают от обязанности осуществлять это объективно и беспристрастно. Требование же о недопустимости основывать обвинительный приговор на предположениях, к которому апеллирует заявитель, обосновывая свою позицию, не тождественно запрету на использование в процессе доказывания отдельных доказательств, имеющих вероятностный характер. Кроме того, в соответствии с закрепленным в ч. 1 ст. 88 УПК РФ правилом каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Тем самым Конституционный Суд РФ отметил, что вероятные выводы, содержащиеся в заключении эксперта, могут быть использованы для обоснования приговора, что не составляет нарушения презумпции невиновности.

[5] *Притузов В.А.* Оценка заключения криминалистической экспертизы вышестоящим судом. М., 1960. С. 33.

Эксперт не может ограничиваться простым перечислением совпадающих или различающихся признаков. Он обязан объяснить значение всех совпадений и различий. Если эксперт не в состоянии сделать этого, он приходит к выводу о невозможности решения поставленного вопроса. В противном случае он оценивает совпадения и различия признаков, выражая свою оценку в виде положительного или отрицательного суждения, которое может быть либо категорическим, либо вероятным. При отсутствии экспертной оценки выявленных признаков, недостаточных для категорического вывода, без формулирования экспертом предположительного суждения о наличии или отсутствии определенного факта уяснить значение для дела этих признаков практически невозможно, и поэтому всякие рассуждения на тему о их доказательственном значении оказываются беспочвенными.

Предположение сведущего лица, основанное на объективных данных, является источником сведений о доказательственном факте, пусть неполных и ограниченных, но реально существующих, которые можно использовать для установления искомого факта наряду с другими фактическими данными.

Если, например, эксперт в почерковедческой судебной экспертизе приходит к выводу, что «текст спорного документа написан, вероятно, подозреваемым», то этот факт можно будет считать доказательством только при условии, если удастся обнаружить достаточное количество других косвенных доказательств данного факта (подозреваемый говорил кому-либо о намерении написать такой текст, просил для этой цели соответствующие материалы и т.д.).

Отсюда следует, что вероятные выводы экспертов требуют особенно тщательной оценки и проверки с помощью других доказательств.

В случае когда экспертом выявляется совокупность признаков, достаточная для категорического суждения о тождестве определенной группы, вместо предположительного заключения об индивидуальном тождестве целесообразно дать категорическое заключение о групповом тождестве. Однако отсутствие подобных научно обоснованных классификаций некоторых объектов криминалистического исследования вынуждает экспертов высказывать свое мнение в форме предположительного суждения об индивидуальном тождестве.

Список литературы

1. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза: Курс общей теории. М.: Норма, 2006.

2. *Колдин И.Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969.

3. *Бастрыкин А.И.* Криминалистика. Современные методы криминалистического исследования: Учеб. пособие. СПб.: ООО «Ольга», 2003.

4. *Притузов В.А.* Оценка заключения криминалистической экспертизы вышестоящим судом. М., 1960. С. 33.

5. *Михеенкова М.А.* Доказательства и доказывание: позиции высших судов РФ и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3.

УДК 343.98
ББК 65.52

Максим Рудольфович ГЛУШКОВ,
заведующий кафедрой криминалистики шестого факультета
повышения квалификации (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге)
Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия СК России».
E-mail: factasunt@mail.ru

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВИДЕОЗАПИСИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье показано место видеозаписи в системе доказательств в уголовном процессе Соединенных Штатов Америки. На предварительном следствии она не имеет доказательственного значения — таково общее правило для всех материалов, собранных в этот период. В суде видеозапись становится доказательством, как и фотографии, подвидом которых она считается. Вводятся в процесс видеоматериалы через показания лица, которое их предоставляет. Для видеозаписей следственных процедур таким свидетелем является полицейский.

Отличительной чертой американского судопроизводства является отсутствие жестких требований к процедуре получения и форме доказательств и самое пристальное внимание к их содержанию. Видеозапись не является исключением. Ее оценка по содержанию осуществляется в соответствии с Федеральными правилами о доказательствах, а процесс получения не должен нарушать права граждан.

Основные особенности процессуального статуса видеозаписи в США рассмотрены в сравнении с его российским аналогом. В качестве недостатка отечественного опыта отмечено отсутствие доказательственного значения у видеозаписи следственных действий. В целях решения проблемы предложено внести незначительные изменения в УПК РФ.

Ключевые слова: видеозапись, уголовный процесс, досудебное производство, США, Российская Федерация, доказательственное значение, сравнительный анализ, документирование следственного действия, допустимость доказательства, относимость доказательства, англосаксонская правовая система, Федеральные правила о доказательствах, прецедент

Maksim Rudolfovich GLUSHKOV,
head of the department of criminalistics
in the sixth faculty of Professional
Development Institute of Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation
E-mail: factasunt@mail.ru

EVIDENTIARY VALUE OF VIDEOS IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA AND USA: COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation. The article shows the place of the video evidence in criminal proceedings of the United States. During the preliminary investigation it has no evidentiary value — this is the general rule for all materials collected in this period. In court, the video becomes evidence, as a subspecies of photographs. Video introduce into the process by a testimony of a person who provides them. For videos of investigative procedures such witness is a police officer.

A distinctive feature of American justice is the lack of strict requirements for the form and the procedure for obtaining evidence and the utmost attention to their contents. The video is no exception. An assessment of its content is carried out in accordance with the Federal Rules of Evidence, and the process of obtaining should not violate the rights of citizens.

The main features of the procedural status of the video in the United States are discussed in comparison with his Russian counterpart. As the lack of domestic experience noted the absence of evidentiary value at the video investigation. In order to solve the problem proposed to make minor changes to the Code of Criminal Procedure.

Keywords: video recording, criminal procedure, pre-trial proceedings, the United States, the Russian Federation, the evidentiary value, comparative analysis, documentation of investigative techniques, the admissibility of evidence, the relevance of evidence, the Anglo-Saxon legal system, Federal Rules of Evidence, a precedent

Достоинства видеозаписи в уголовном процессе, особенно в наши дни, трудно переоценить. Вместе с тем отечественную практику применения этого технического средства вряд ли можно назвать эффективной. Одной из причин такого положения вещей видится нормативное регулирование вопроса, неадекватное нынешним реалиям. В связи с этим представляет интерес зарубежный опыт. В порядке сравнения рассмотрим использование видеозаписи в доказывании по уголовным делам в американской правовой системе, где она широко применяется в таком качестве в течение многих лет.

Начнем с видеозаписи, выполняемой в ходе следственных действий. Стоит сразу оговориться, что их в том виде, который привычен нашим правоприменителям, в США не существует. В широком спектре полицейских процедур[1] расследование преступлений соседствует с административным производством, причем четкой границы между ними нет. Кроме того, часть мероприятий, на которые уполномочена полиция в ходе следствия, можно отнести к оперативно-розыскным (например, негласное наблюдение или опрос с применением гипноза).

В отсутствие единой установленной процедуры расследования полиция руководствуется общими принципами, которые закреплены законодательно и в решениях судов (подробнее об этом речь пойдет ниже). Что же касается документирования следствия, то ему посвящены ведомственные приказы нормативного характера и методические руководства.

Ход и содержание полицейских процедур фиксируются сотрудниками путем ведения записей, составления отчетов, фотографирования, видеозаписи (иногда ее рассматривают как разновидность фотосъемки), вычерчивания планов и схем. Эти способы равноправны, составляют единый процесс документирования, в котором участвуют, не подменяя друг друга. Такое комбинирование связано с тем, что каждый из способов обладает как достоинствами, так недостатками. Так, записи не всегда способны обеспечить наглядность описания; фотосъемка с этим справляется лучше, но подчас требует многочисленных пояснений; видеозапись может «оживить» место происшествия, но для целей последующего криминалистического исследования в отличие от фотографий непригодна[2].

В российском предварительном расследовании, как известно, сложилась иная практика применения видеозаписи. Она исходит из того, что фиксация посредством видеотехнологий вторична по отношению к протоколу, который считается единственным процессуальным актом, удостоверяющим ход и результаты следственного действия[3].

Объясняется такое различие, надо полагать, в первую очередь именно различным статусом видеоматериалов.

Согласно п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательства допускается, помимо прочих, протокол следственного действия. А видеозапись, на каком бы носителе она ни была представлена (кассета или электронный носитель информации), — это, согласно ч. 8 ст. 166 УПК РФ, лишь приложение к нему, и никак не составная часть, как нередко принято считать[4]. Действительно, текст ч. 8 ст. 166 УПК РФ начинаясь словами «К протоколу прилагаются...», не оставляет сомнений — негативы, слепки, киноленты и т.п. *приложены* к протоколу, т.е. не тождественны ни ему, ни его частям и существуют отдельно, хотя и в тесной связи.

Придавать видеозаписи силу доказательства по признаку *иного документа* (ст. 84 УПК РФ) также недопустимо. Полемика вокруг процессуального статуса иных документов ведется давно и закончится, видимо, не скоро — по крайней мере, до тех пор, пока этот статус не будет явно определен в УПК РФ. Не занимая в этой дискуссии ни одну из сторон и рассматривая проблему исключительно в рамках заявленной темы, отметим одно, на наш взгляд, очевидное обстоятельство.

---

[1] Расследование преступлений в США осуществляется органами самой различной ведомственной принадлежности, но основным из них, по крайней мере по количеству дел, остается полиция. Рассмотренные здесь основные черты полицейского расследования характеризуют все американское досудебное производство в целом.

[2] *Aric W. Dutell.* An introduction to crime scene investigation: Jones & Bartlett Learning, 2014. P.113.

[3] См., например: *Баев О.Я.* Тактика следственных действий: Учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 53.

[4] Такая точка зрения, помимо того что характерна для многих практических работников, разделяется и некоторыми исследователями: «Носители видеозаписи как приложения к доказательствам не могут быть самостоятельными доказательствами, но являются составной *частью* (здесь и ниже выделено мной. — *М.Г.*) протоколов и используются в доказывании как *приложения* к ним». См.: *Криминалистическая* видеозапись: Учеб. пособие: Курс лекций / Под общ. ред. Р.Ю. Трубицина и О.А. Щеглова. М.: Щит-М, 2004. С. 134. Здесь упоминание о видеозаписи как о части протокола находится в явном противоречии с последующим текстом, а кроме того, порождает неясный термин «самостоятельное доказательство». Представляется, что доказательство таковым либо является, либо нет и никакими дополнительными статусами (наподобие «несамостоятельности») наделяться не должно.

Каждому виду доказательств соответствует свой строго предназначенный способ собирания[5]. Поэтому нельзя подменять обыск осмотром, выемку — получением образцов для сравнительного исследования, а допрос — документом, поскольку при этом как минимум теряет смысл разработанная отечественными юристами и закрепленная в УПК РФ система следственных действий. При этом для фиксации хода и результатов следственного действия существует только одно средство — протокол. Допросы участвующих лиц, практикуемые для уточнения деталей, не вошедших в него, этому общему правилу не противоречат хотя бы по той причине, что проводятся post factum, когда следственное действие уже завершено, и, кроме того, могут свидетельствовать о том, что протокол был составлен с нарушением ч. 4 ст. 166 УПК РФ, т.е. не содержал описания процессуальных действий, выявленных существенных обстоятельств и заявлений участников.

Таким образом, средством доказывания видеозапись следственного действия не будет, стало быть, не может претендовать и на равную с протоколом роль в документировании. Поэтому протоколирование — основной способ фиксации хода и результатов следственного действия, а видеозапись (как, впрочем, и остальные способы — фотографирование, составление планов и схем) — вспомогательный.

В США видеозапись полицейских процедур также поначалу не имеет доказательственного значения, как не имеют его никакие материалы досудебного производства. В последующем, на судебных стадиях, видеозапись приобретает статус доказательства[6]. Федеральные правила о доказательствах[7] относят ее к фотографиям[8]. Это отдельный вид доказательств, существующий наряду со свидетельскими показаниями, вещественными доказательствами и документами (подвидом последних являются записи).

Нужно отметить, что свидетельские показания — это абсолютно преобладающий вид доказательств в американском уголовном процессе, как, впрочем, и во всей англосаксонской правовой системе. Так, подсудимый, согласившийся дать показания, допрашивается по правилам допроса свидетеля — со всеми вытекающими отсюда последствиями, в виде, например, ответственности за дачу заведомо ложных показаний[9]. Имеющий специальные знания эксперт допрашивается как свидетель[10]. Письменные и вещественные доказательства исследуются также устно — через свидетельские показания[11]. Посредством допроса в суде свидетелей-полицейских вводятся в уголовный процесс результаты проведенных ими мероприятий — обыска, опознания, допроса и т.д.

Видеозапись, как и другие собранные в ходе расследования материалы (улики, отчеты, фотографии), получает процессуальный статус таким же образом — через допрос.

Столь пристальное внимание к свидетельским показаниям диктуется состязательностью процесса, а она предполагает противоборство сторон, наделенных равными полномочиями[12], в присутствии суда. Одним из ключевых элементов этого противоборства, возводимого американской правовой системой едва ли не в разряд абсолютных ценностей[13], является перекрестный допрос. Эта процедура отработана юристами до совершенства и предполагает возможность допрашивать свидетеля не только стороне, которая ссылается на его показания, но и ее оппоненту. При этом в целях дискредитации свидетеля и представляемых им улик практикуются наводящие и провокационные вопросы, имеет место агрессивность адвокатов, театральность и другие партизанские[14] методы, лишь отчасти сдерживаемые судом и кодексами этики.

Ничего подобного в отечественном судопроизводстве, как известно, нет, показания свидете-

---

[5] *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009. С. 77.

[6] *Henry C.* Lee, Timothy M. Palmbach, Marilyn T. Miller. Henry Lee's Crime Scene Handbook: Elsevier Academic Press, 2001. P.79; *Aric W. Dutell.* Op. cit. P. 122.

[7] *Federal* Rules of Evidence // Официальный сайт Палаты представителей Сената США. URL: https://judiciary.house.gov/_cache/files/cc5b3164-caa9-49d9-bed4-c5a86a6f8419/ evidence 2014.pdf (дата обращения: 25.11.2015), далее — Федеральные правила.

[8] Поправкой к п. «С» Правила 1001 Комитет Сената США по судоустройству термин «фотография», изначально понимаемый как фотографическое изображение или его аналог в любой форме, распространил и на видеозапись.

[9] *Калиновский К.Б.* Уголовный процесс современных зарубежных государств: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С.32.

[10] Правило 701 Федеральных правил.

[11] *Решетникова И.В.* Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. С. 27. Дача показаний свидетелем, подписавшим документ, однако, не требуется — Правило 903 Федеральных правил.

[12] Надо полагать, что досудебные стадии не носят в США процессуального характера еще и по этой причине — равенство сторон на них недостижимо, учитывая тот арсенал мер принуждения, которым в отличие от стороны защиты располагает обвинение.

[13] Считается, что коль скоро интересы сторон противоречат друг другу, то они, сами собирая доказательства, соберут *все* доказательства. См.: *Решетникова И.В.* Указ. соч. С. 23.

[14] В судах США этот термин понимают в его первоначальном значении: партизан (от итал. partigiano) — это сторонник той или иной партии, группы.

ля — лишь один из видов доказательств (п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), не имеющий ни приоритета перед другими, ни заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Российский уголовный процесс тоже провозглашает одним из принципов устность разбирательства, но в отличие от американского не заходит в следовании ему так далеко.

Что же касается иных видеозаписей — тех, что создаются вне рамок следственных процедур (например, записи с видеорегистраторов, камер видеонаблюдения, сделанные очевидцами на камеру мобильного телефона и т.п.), то они точно так же приобретают статус доказательств по аналогии с фотографиями (Правило 1001 Федеральных правил). Каких-либо специальных требований, предъявляемых к порядку получения таких материалов, не имеется, поскольку доказательственное значение видеозаписи, как правило, не зависит от способа, которым она получена.

Известно, что доказывание как таковое в американской правовой системе начинается лишь в суде, а задачей досудебных стадий является сбор сведений, который какими-либо формальными требованиями не связан — в отличие от Российской Федерации, где доказательства формируются уже в ходе предварительного следствия.

Поэтому в США для суда доказательство является допустимым не на основании соблюдения закона и иных предписаний, а в случае его способности доказывать обстоятельства, подлежащие установлению по делу. Иными словами, если доказательство, пусть даже полученное с нарушением закона, не вызывает сомнений и способно выполнить свою процессуальную миссию, связанную с установлением обстоятельств дела, то нет никаких причин отказываться от этого доказательства[15].

Федеральные правила о доказательствах так фиксируют этот приоритет относимости доказательств перед их допустимостью — любое относимое доказательство по общему правилу допустимо[16].

Тем не менее ошибочно было бы полагать, что сбор доказательств осуществляется правоохранительными органами стихийно и вообще никак не урегулирован. Цитируемое подчас изречение судьи Кромптона («Каким бы образом вы ни получили доказательство — даже, если вы его украли, — оно будет признано допустимым»)[17] вряд ли стоит воспринимать буквально, это, скорее, афоризм, призванный проиллюстрировать особенности англосаксонского доказательственного права[18].

Нормативные акты правоохранительных ведомств весьма подробно регламентируют деятельность сотрудников, в том числе и при расследовании преступлений. Но это как раз те предписания, некритичные к нарушению, о которых только что шла речь. Допустимость доказательств, которая в американском праве тоже фигурирует, пусть и в ином значении, нежели у нас, зиждется на другом.

Общее правило допустимости относимых доказательств (см. выше) имеет исключения. Если быть точным, то Правило 402 звучит так: «Все относимые доказательства являются допустимыми, *если иное не предусмотрено* Конституцией США, актами Конгресса, настоящими правилами или предписаниями Верховного Суда США, вынесенными в соответствии с его нормотворческой компетенцией». Такие же положения можно найти и в Правилах о доказательствах, разработанных уровнем ниже — верховными судами штатов.

Именно конституции, акты легислатур (это Конгресс и его аналоги в штатах), правила о доказательствах и решения верховных судов устанавливают те принципы, которые нельзя нарушать в ходе расследования — иначе полученные сведения лишатся доказательственного значения.

Эти принципы не касаются получения доказательств напрямую, но прецедентами судов в целях защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве создана система запретов на неправомерные действия полиции, проводящей расследование. Она работает под названием «правила об исключении» (exclu-sionary rule). Под ним понимают исключение доказательств, полученных с нарушением конституционных, статутных, а также судебных правил[19].

Прецеденты касаются практически всех аспектов предварительного расследования, в том числе применения технических средств[20]. Что касается

---

[15] *Верещагина М.А.* Институт допустимости доказательств по английскому и американскому уголовному доказательственному праву // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. «Право». 2008. № 18 (118). С. 37.

[16] Правило 402, устанавливающее эту норму, называется General Admissibility of Relevant Evidence, т.е. «Общая допустимость относимых доказательств».

[17] Цит. по: *Верещагина М.А.* Указ. соч. С. 37.

[18] Особенно если учитывать, что позиция была высказана по конкретному делу полторы сотни лет назад (уголовное дело 1861 г. о взятках на парламентских выборах) и в последующем была смягчена. См.: *Будылин С.Л.* Допустимость доказательств в английском гражданском процессе // Сайт юридического института «М-Логос». http://www.m-logos.ru /img/Tezicy_Budylin_ 280514.pdf (дата обращения: 27.11.2015).

[19] *Dallin H.* Oakes. Studying the Exclusionary Rule in Search and Seizure // The University of Chicago Law Review, 1970. Vol. 37. № 4. P. 665.

[20] Наиболее известно из них решение Верховного Суда США по делу Katz v. United States (1967) — этим прецедентом применение подслушивающих устройств было приравнено к обыску с вытекающей отсюда необходимостью обеспечить такое мероприятие ордером.

видеозаписи, то, например, Верховный Суд Северной Каролины установил критерии ее допустимости в решениях по делам *North Carolina v. Cannon (1988)* и *North Carolina v. Mason (2001)*. Суть их сводится к тому, что для признания видеозаписи допустимой суду необходимо проверить:

(1) была ли видеокамера исправна и работала ли она в момент записи;
(2) точно ли видеозапись отразила происходившие события;
(3) имела ли место «неразрывная цепь хранения» (unbroken chain of custody) записи, т.е. было ли обеспечено ее изначальное состояние от момента записи до рассмотрения в суде[21].

Критерии, как видим, вполне логичные и определенные. Вместе с тем практика их применения не отличается единообразием. Так, в одном случае (*North Carolina v. Snead (2014)* — фигурант обвинялся в краже рубашек из магазина) суд не признал запись с камер видеонаблюдения допустимой, так как, во-первых, ответственный за ее работу менеджер в день кражи не находился в магазине; во-вторых, отсутствовала «цепь хранения» записи от момента, как она была выполнена на CD, до момента предъявления в суд. И хотя менеджер заверил, что система записи работала надлежащим образом, а видео, показанное в суде, было тем же, что он просмотрел сразу после происшествия, этого оказалось недостаточно[22].

В другой сходной ситуации (*North Carolina v. Cook (2012))*, напротив, было признано, что подлинность видеозаписи надлежащим образом удостоверена. Это было сделано через показания менеджера, который, мало того, что отсутствовал на работе в день происшествия, также заявил, что понятия не имеет, как работает система видеозаписи, поскольку обслуживает ее сторонняя организация[23].

Так или иначе, во всех этих случаях суд, который, как правило, мало интересуется способом получения доказательств, обращая в первую очередь внимание на их внутренние качества, подверг процедуру и получения, и даже формирования доказательства скрупулезному анализу, поскольку именно она в данном случае и определяет те самые внутренние качества.

Что касается подобных видеозаписей в российском уголовном процессе, то они признаются иными документами в силу положений ч. 2 ст. 84 УПК РФ. Процедура их изъятия, как и в США, не формализована — такое изъятие может осуществляться в ходе осмотра, обыска, но чаще реализуется выемкой. По поводу содержания документа или обстоятельств его подготовки могут быть допрошены автор или иные осведомленные лица.

Эти доказательства — документ и показания — будут оценены и проверены следователем и судом в порядке ст. 87, 88 УПК РФ. Формальных правил для этих оценки и проверки у нас не существует, в то время как в американской правовой системе они стали предметом целой отрасли — доказательственного права.

Оно посвящено не форме доказательств и не процедуре их сбора, а исключительно содержанию. Например, характеристика лица или сведения о чертах характера — недопустимые доказательства поведения лица в соответствии с ними в конкретном случае[24]. Доказательство оплаты лечения недопустимо для доказывания виновности лица в причинении вреда здоровью; по делам о половых преступлениях недопустимы доказательства сексуального предрасположения потерпевшего, но в то же время допускаются данные об аналогичных преступлениях, совершенных обвиняемым[25], и т.д.

Что касается видеозаписи, то наряду с фотографиями она чаще всего исследуется через призму Правила 403, которое позволяет исключить допустимое доказательство, если его доказательственная ценность существенно снижается из-за опасности предубеждения. Нередко исключаются фото- и видеоматериалы, запечатлевшие обширные раны, лужи крови, процедуру вскрытия и т.п.[26]

Так, по делу *Lewis v. Mississippi (2004)* подсудимый просил исключить фотографии огнестрельных повреждений на трупе, а также снимок с места происшествия, фиксирующий расположение убитого, — эти кадры будто бы настраивали против него присяжных. Верховный Суд штата на это указал, что по делу об убийстве фотографии имеют доказательственную ценность, если они:

(а) помогают описать обстановку и сформулировать состав преступления;

[21] J*eff Welty*. Recent Case on Authentication of Surveillance Video // A University of North Carolina School of Government Blog. URL: http://nccriminallaw.sog.unc.edu/recent-case-on-authentication-of-surveillance-video/ (дата обращения: 30.11.2015).

[22] Таково было мнение апелляционного суда, в первой инстанции запись сочли удостоверенной надлежащим образом. См. решение на правовом портале Justia. URL: http://law. justia.com/cases/north-carolina/court-of-appeals/2015/14—940. html (дата обращения: 03.12.2015).

[23] *Jeff Welty*. Op.cit.

[24] Это правило (№ 404 в Федеральных правилах), впрочем, имеет ряд исключений. Здесь и далее недопустимость следует понимать как прямое следствие или даже синоним неотносимости, ибо, согласно Правилу 402 неотносимое доказательство является недопустимым.

[25] Правила 409, 412 и 413 соответственно. Для второго из них тоже предусмотрены исключения.

[26] *Thomas Buckles*. Crime Scene Investigation, Criminalistics and the Law: Thomson Delmar Learning, 2007. P. 47.

(б) иллюстрируют положение тела и причину смерти[27];
(в) дополняют или проясняют показания свидетелей. Поскольку все эти признаки по делу имелись, в ходатайстве было отказано[28].

Такая детализация оценки доказательств необычна для России, где установлены лишь самые общие принципы этой оценки. Им уделены две статьи УПК РФ (ст. 88 и ч. 1 ст. 17), в то время как процедурной стороне вопроса — почти весь остальной текст Кодекса.

Это различие, впрочем, вполне объяснимо. Не создав четкой системы правил, по которым доказательства должны быть получены (как это сделано у нас и во многом гарантирует качество доказательств), американские юристы вынуждены тщательно разрабатывать критерии оценки доказательств, полученных принятым у них способом — без соблюдения процедуры.

Судить о достоинствах или недостатках такого подхода вряд ли стоит — он является продуктом принципиально иной правовой системы, которая складывалась на протяжении нескольких веков и претерпела влияние определенных исторических процессов. Нецелесообразно вести речь и о заимствовании тех или иных правовых институтов — они сформировались и развиваются во взаимодействии с другими элементами своей системы, и в результате заимствования окажутся на чуждой почве.

Тем не менее, рассматривая уголовное судопроизводство США в рамках затронутой темы, нельзя не отметить его рациональность. Отдавая должное достоинствам видеозаписи, американские юристы признают за ней статус самостоятельного источника доказательств — не делая различий между материалами, полученными в ходе следственных процедур или за их пределами. Российский же уголовно-процессуальный закон, как уже отмечалось, произведенную в ходе следственного действия видеозапись таким качеством не наделяет.

Таким образом, функции видеозаписи следственного действия сводятся, по большому счету, к сугубо иллюстративным[29]. Причем то же самое можно сказать и про иные способы фиксации — фотографирование, составление планов и схем. Подобное положение вещей представляется нелогичным, поскольку не дает в полной мере использовать информативные возможности этих способов.

Не стоит забывать также, что видеозапись следственных действий оказывается в неоправданно проигрышном положении по отношению к другим видеоматериалам. Так, выполненная по всем правилам криминалистической тактики запись осмотра, которая упакована, опечатана и гарантированно не подвергалась изменениям, имеет значительно меньшее доказательственное значение (строго говоря, не имеет никакого), нежели представленная стороной пленка сомнительного происхождения и такого же качества. Понятно, что эта последняя будет проверяться следственным путем, в том числе экспертным. Но формально такая запись сразу становится доказательством как иной документ, причем не исключено, что поддельный, и неизвестно еще, удастся ли это выявить.

Представляется, что устранить сложившееся недоразумение было бы несложно, для этого не потребуется пересмотр отечественных правовых институтов и отраслей. Необходимо:

- либо внести в ч. 8 ст. 166 УПК РФ изменения, указав, что «фотографические негативы и снимки, киноленты...» и далее по тексту — это не приложения к протоколу, а его неотъемлемая часть;
- либо п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, допускающую протоколы в качестве доказательств, дополнить словами «и приложения к ним».

Следствием таких поправок неизбежно станут коллизии между одним из способов фиксации и другим, например теми же протоколом и видеозаписью[30]. Вернее, коллизии-то по факту имелись всегда, проблема была и остается в том, что разрешаться они должны в пользу протокола — по указанным выше причинам.

Установив же паритет иных средств фиксации с протоколом, законодатель предоставит следователю и суду возможность оценивать и то и другое на равных — как доказательства, т.е. по правилам ч. 1 ст. 17, ст. 88 УПК РФ. При этом видеозапись, не имеющая признаков монтажа, надо полагать, будет оценена правоприменителем как более весомое доказательство — в силу своей объективности.

Несложно при этом спрогнозировать снижение роли протокола в доказывании и преобладание технических средств фиксации, но вряд ли кого-то будет удручать такая перспектива. Скорее, наоборот, странно смотрится в XXI в. процедура расследования, в которой главными средствами документирования остаются авторучка и бланк.

---

[27] Она нужна, чтобы определиться — имело место умышленное убийство (murder) или непредумышленное (manslaughter).

[28] *Thomas Buckles.* Op. cit. P. 48—49.

[29] Не секрет, что и следователи, и суды подчас апеллируют к фототаблицам или видеофайлам как к источникам доказательственной информации. Такие формы доказывания представляются вполне разумными, но на законе тем не менее не основаны и практикуются, скорее, от безысходности.

[30] Имеются в виду ситуации, когда видеозапись не совпадает с текстом протокола, фиксируя какое-то обстоятельство, о котором тот «умолчал». Сюда же относятся редкие, но теоретически возможные обратные варианты: в протоколе объект отражен, а на видео — нет (в смысле — видно, что он отсутствует, а не упущен из виду). Наконец, одно и то же обстоятельство два средства фиксации могут отображать по-разному.

УДК 343.1
ББК 67.411

Алексей Александрович ИЛЬЮХОВ,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
шестого факультета (с дислокацией в г. Санкт-Петербурге)
Института повышения квалификации ФГКОУ ВО
«Академии Следственного комитета Российской Федерации»,
подполковник юстиции, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alexsmol96@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ ИЗ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

Аннотация. Анализ российского законодательства позволяет сделать вывод, что преступления экстремистской направленности, посягающие на жизнь и здоровье граждан, являются наиболее общественно опасными преступными проявлениями. В статье автор в рамках исследуемого вопроса, затрагивает вопросы осуществления процесса доказывания по указанной категории дел, исходя не только из квалификации деяния, но и состава суда (присяжные заседатели). Автором даются предложения совершенствования, как процесса доказывания, так и поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных заседателей, преступления экстремистской направленности, причинение смерти

Alexey Alexandrovitch ILYUKHOV,
senior lecturer of the Department of criminal process
the sixth faculty (with a dislocation in the city of St. Petersburg)
Institute for advanced studies of FGCO IN
«Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation»
E-mail: alexsmol96@yandex.ru

Scientific specialty: 12.00.09 — Criminal process

ESPECIALLY THE IMPLEMENTATION OF THE PROCESS OF PROOF IN THE TRIAL BY JURY IN CASES OF HOMICIDE COMMITTED BY EXTREMIST MOTIVES

Annotation. Analysis of Russian legislation allows to conclude that crimes of an extremist nature, encroaching on the lives and health of citizens, are the most socially dangerous criminal manifestations. The author, in the framework of the research question, affects the implementation of the process of proof in these cases on the basis of the training actions, but also the composition of the court (jurors). The author gives suggestions of improvement, as the process of proof, and the maintenance of prosecution in court with participation of jurors.

Keywords: criminal process, the court of jurors, crimes of an extremist orientation, causing death

Одним из распространенных проявлений преступной деятельности против конституционного строя и безопасности государства выступают преступления экстремистской направленности. Так, в период с января по декабрь 2011 г., по данным МВД России, было зарегистрировано 622 преступления экстремистской направленности (что на 5,2% больше, чем за отчетный период 2010 г.). В период с января по декабрь 2012 г. зарегистрировано 696 преступлений экстремистской направленности (и это прирост еще на 11,9%). В 2013 г. зарегистрировано 896 преступлений экстремистской направленности (прирост на 28,7%). Аналогично в 2014 г. зарегистрировано 946 преступлений экстремистской направленности (прирост на 31,2%). Представленные статистические данные отмечают определенный рост преступлений указанной категории, что

указывает на непрекращающиеся угрозы основам конституционного строя нашего государства, а их определенный процент связан с умышленным причинением смерти другому человеку.

Значительный интерес в рамках исследуемого вопроса представляют убийства, совершенные по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной или этнической группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Как правило, такого рода преступные деяния совершаются «скинхедами» либо же указанные преступные проявления экстремистской направленности совершаются по мотивам национальной вражды или ненависти со стороны организованных этнических преступных групп. В силу этого их следует отнести к такому виду преступных действий, как *этническая преступность,* хотя, безусловно, экстремизм как негативное явление может вытекать и пересекаться с другими видами преступности, в том числе и причинением смерти другому лицу. Довольно часто указанная категория преступлений резонансна, так как они совершаются в организованной группе, нацеленной на нападение и причинение смерти гражданам другой, как правило, не славянской внешности, этнической группы и в большинстве своем такие дела рассматриваются присяжными заседателями.

Учитывая данную особенность, особое внимание при осуществлении процесса доказывания необходимо уделять выяснению обстоятельств, оказывающих определенное влияние на формирование мотива преступления — побуждения лица, которым оно руководствовалось при причинении смерти по мотивам расовой или религиозной ненависти или вражды.

Сложность в расследовании данных дел вызвана большим количеством и сложностью экспертных исследований, значительным числом свидетелей, необходимостью установления роли каждого из участников преступной группы.

Данные обстоятельства превращают уголовные дела об экстремистских преступлениях в громоздкие конструкции, сложность которых заключается в качественном донесении до коллегии присяжных заседателей сути всех обстоятельств исследуемого события преступления, что требует не только от стороны обвинения предельного внимания при осуществлении процесса доказывания, но и суда.

Попытаемся определить методы осуществления процесса доказывания в суде присяжных заседателей по уголовным делам, связанным с причинением смерти по мотивам ненависти или вражды к какой-либо этнической или социальной группе, которые должны отвечать требованиям всесторонности, полноты и объективности предварительного следствия.

Говоря об особенностях доказывания указанной категории преступлений, рассматриваемых судом присяжных заседателей, следует указать, что полученные в ходе производства предварительного следствия доказательства в обвинительном заключении группируются «по блокам» таким образом, чтобы в первую очередь в суде присяжных исследовались обстоятельства, входящие в предмет доказывания присяжными заседателями (время, место, способ, орудия, средства, обстановка совершения преступления).

Последующий блок формируется обстоятельствами не входящими в предмет доказывания коллегии присяжных заседателей (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, сведения о наличии судимостей, обстоятельства, смягчающие или отягчающие уголовную ответственность и наказание, и т.д.). В ходе процесса доказывания следует активно применять технические средства фиксации полученных сведений, что позволит создать присяжным заседателям необходимые условия для лучшего восприятия ими всех обстоятельств, что также поможет воссоздать и восстановить в памяти свидетелей, потерпевших, в какой обстановке, при каких обстоятельствах, как именно и в какое время происходили те или иные исследуемые события.

Сам предмет доказывания основывается на характере познавательной деятельности присяжных заседателей, включающей в себя определенный перечень необходимых для процесса познания обстоятельств, входящих в их круг исследования, и должен отвечать определенным требованиям.

Доступность представленных доказательств с позиции понимания их непрофессиональными судьями предполагает применение технических средств, позволяющих применять элементы наглядности при предоставлении присяжным заседателям доказательств исследуемого события.

Присяжные скорее поверят словам подсудимого о непричастности его к преступлению, чем его показаниям, отраженным в протоколах следственных действий, где вина признавалась и признательные показания обвиняемого не только давались, но и соответствовали иным имеющимся доказательствам по уголовному делу. При отсутствии таких приемов, необходимых органам уголовного преследования, вероятность того, что присяжные заседатели поверят протоколам явки с повинной, зафиксированной соответствующим протоколом, будет мала, нежели показаниям, данным в суде.

К числу технических средств, отвечающих требованиям доступности, можно отнести демонстрацию вещественных доказательств, фотографий и видеофильмов, предъявление участникам процесса документов, но с соблюдением правил о том, что указанные сведения не должны содержать сцены насилия, способные вызвать предубеждение со стороны коллегии присяжных заседателей.

Также следует записывать показания участников процесса не только посредством стенографирования, но и с помощью средств технической фиксации (аудиозапись, видеозапись), так как это способствует исключению какого-либо искажения или двоякого понимания содержания свидетельских показаний в суде, иначе может создастся угроза утраты доказательственного значения указанным сведениям. Дешифровка таких материалов поможет как качественно составить протокол, содержащий информацию, аутентичную показаниям участников процесса, так и объективно рассмотреть замечания на протокол судебного заседания.

Также порой в целях искажения истины защита, делая замечания на протокол судебного заседания, пытается по-своему интерпретировать показания, данные в ходе судебного следствия участниками процесса. В таких условиях наличие 100%-ной видеозаписи позволит оперативно выявить элементы фальсификации материалов уголовного дела, подготовить судье на подпись проект соответствующего постановления об отклонении замечаний на протокол судебного заседания. Судебная практика показывает, что применение технических средств препятствует злоупотреблению правами как со стороны суда, аппарата суда, так и со стороны иных участников процесса.

Помимо прочего, стороне обвинения следует активно использовать в ходе предоставления доказательств в суде различного рода презентации в виде схем, раскрывающих способ совершения преступления, слайдов, дублирующих фототаблицы. Сама же информация должна быть необходимо достаточной и представляться только в том ее объеме, который позволит присяжным не только уяснить суть исследуемого обстоятельства, но и не устать от ее количества. Наоборот, значительный объем предоставляемой информации утомляет присяжных заседателей, а значит, сохраняется угроза утраты у них интереса к ходу процесса и самой сути исследуемого события.

Осуществление следователем процесса доказывания по уголовному делу в соответствии с принципами всесторонности, полноты и объективности предварительного следствия. Следователь является стороной обвинения, поэтому он стремится всеми доступными средствами установить причастность лица к совершенному преступлению, в связи с этим вполне обоснованно, что сегодня в юридической литературе все настойчивей звучат призывы об его освобождении от функции обвинения[1]. Следователь не должен выступать в указанной роли. Задачи, которые он призван решать, значительно шире: «полное всестороннее, беспристрастное исследование всех обстоятельств уголовного дела»[2]. Следователь должен в равной степени устанавливать как уличающие, так и оправдывающие обстоятельства, что дает основание предложить ввести институт судебного следователя, который не будет относиться ни к стороне обвинения, ни к защите, о чем уже не раз отмечалось в научной литературе.

Основой же его процессуальной самостоятельности будет выступать процессуальная деятельность, связанная с процессуальным оформлением материалов дела в отношении конкретно установленного органами дознания лица. Для положительно разрешения указанного вопроса следует ввести институт судебных следователей, правомочных единолично принимать процессуальные решения, ограничивающие конституционные права граждан, а также производить следственные и процессуальные действия. При этом он не будет относиться ни к одной из сторон процесса, что позволит избежать односторонности и неполноты в ходе предварительного расследования и реализует принцип состязательности и равноправия сторон процесса, тем самым исключит розыскной тип в уголовном процессе. Такого рода изменения в статусе следователя возможны и при условии создания единого следственного аппарата в рамках Следственного комитета РФ. В настоящее время присутствие в различных правоохранительных органах следственных подразделений из-за их ведомственной разобщенности не способствует всестороннему, объективному и полному расследованию преступлений.

Кроме того, если оставить за прокуратурой функцию поддержания государственного обвинения в суде присяжных заседателей, что также вызывает определенные научные споры, то на государственного обвинителя следует возложить обязанность по подготовке обвинительного заключения, что позволит ему лучше ознакомиться с материалами уголовного дела и качественнее поддержать обвинение в суде присяжных.

[1] *Александров А.С.* Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород, 1997. С. 84.

[2] *Володина Л.М.* Задачи органов предварительного расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Ч. 2. Красноярск: СЮИ МВД России, 2004. С. 118—124.

УДК 343.1
ББК 67.411

Оксана Валерьевна МИЧУРИНА,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: okmich@inbox.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

Ольга Викторовна ХИМИЧЕВА,
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор;
E-mail: olga-him@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Аннотация. Производство дознания в сокращенной форме должно осуществляться быстрее и с меньшими затратами сил и средств, нежели доказывание в ходе обычного дознания и тем более предварительного следствия. Но если при оценке доказательств дознаватель придет к выводу, что имеющихся доказательств по уголовному делу недостаточно и есть необходимость в собирании дополнительных доказательств, то укороченные сроки расследования вряд ли ему позволят это сделать. Надо будет получать доказательства уже в рамках иного процессуального режима — дознания в общем порядке. В этом и кроются основные проблемы оценки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова: предварительное расследование, дознание в сокращенной форме, доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, оценка доказательств, достаточность доказательств

Oxana Valerievna MICHURINA,
Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Procedure Moscow University,
Russian Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot
E-mail: okmich@inbox.ru

Scientific specialty: 12.00.09 — Criminal process

Olga Viktorovna KHIMICHEVA,
Doctor of Law, Professor, Head of the Criminal Procedure Moscow University,
Russian Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikot
E-mail: olga-him@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.09 — Criminal process

PROBLEMS OF EVALUATION OF EVIDENCE AT THE INQUIRY IN AN ABBREVIATED FORM

Annotation. Production inquiry in abbreviated form should be carried out more quickly and with less effort and resources than the proof in the ordinary course of inquiry and, moreover, the preliminary investigation. But if in the assessment of the evidence the investigator comes to the conclusion that the available evidence on the Hugo-case conventionally enough, and there is a need in gathering additional evidence, the shortened time of the investigation is unlikely he would be allowed to do it. It will be necessary to obtain evidence in the framework of other procedural mode — inquiry in the general order. Therein lie the main problem of assessing the evidence in the inquiry in an abbreviated form.

Keywords: preliminary investigation, inquiry in an abbreviated form, evidence at the inquiry in an abbreviated form, evaluation of the evidence, the sufficiency of the evidence

Оценка доказательств всегда тесно связана с их собиранием и проверкой. При этом следует отметить, что она производится как в отношении каждого из представленных доказательств, так и относительно всей совокупности. Кроме того, если проверка доказательств это в основном практическая деятельность, то оценка доказательств – полностью и целиком мыслительная деятельность, не предполагающая практических действий для исследования доказательств.

На основе принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) этот процесс в ходе производства дознания в сокращенной форме характеризуется следующими чертами/

1. Оценка доказательств производится дознавателем по внутреннему убеждению. Перед составлением обвинительного постановления он обязан оценить полноту собранных доказательств на предмет установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Оценка доказательств будет отвечать требованиям закона только в том случае, когда дознаватель придет к выводу, что каждое доказательство относимо, допустимо или достоверно. Это убеждение должно сформироваться у него само, оно не должно быть навязанным извне.

Внутреннее убеждение рассматривается двояко. С одной стороны, это метод оценки доказательств, с другой — результат такой оценки. Как метод внутреннее убеждение представляет собой право лица без какого-либо вмешательства извне самостоятельно оценивать доказательства. Как результат — это тот вывод, к которому лицо приходит на основе оценки совокупности собранных доказательств, убеждение в наличии (отсутствии) каких-либо фактических обстоятельств.

Вместе с тем оценка доказательств и, как ее результат, внутреннее убеждение — это не безотчетное чувство. Не может быть результатом оценки доказательств предположение, интуитивная догадка.

2. Оценка доказательств должна быть основана на рассмотрении совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств. В системе всех доказательств по уголовному делу значение каждого отдельного взятого доказательства возрастает, а совокупность всех доказательств усиливает значение каждого из них. Именно на этой совокупности и обосновывается конечный вывод по уголовному делу. Признав, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснования вывода о совершении преступления подозреваемым, дознаватель составляет обвинительное постановление (ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ).

3. При оценке доказательств дознаватель руководствуется законом и совестью. Закон служит непосредственным основанием для признания доказательства недопустимым, например, если фактические данные получены из не указанного в законе источника или с нарушением установленного порядка получения доказательств. Требование руководствоваться совестью отражает внутренний критерий соблюдения правил, обеспечивающих свободу при выражении своего убеждения, зависит от конкретного человека, качеств и свойств личности. Мы не ставим под сомнение необходимость упоминания в законе совести при оценке доказательств, но это понятие должно получить более четкое правовое оформление, понятное для правоприменителя.

4. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Закон не предписывает, какими доказательствами должны быть установлены те или иные обстоятельства, не устанавливает заранее силы доказательств**,** преимущественного значения видов доказательств, количественных показателей достаточности доказательств для того или иного решения по делу. При оценке доказательств при производстве дознания в сокращенной форме дознаватель не связан формально ни с содержанием сведений, ни с тем, в какую процессуальную оболочку они облачены.

Статья 88 УПК РФ содержит общую процессуальную схему оценки доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

Относимость доказательств – признак, указывающий на наличие искомой связи между доказательственной информацией и обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Оценка доказательства на предмет относимости производится посредством мысленного анализа дознавателя каждого представленного доказательства. Кроме того, оценка относимости доказательств имеет место и при вынесении решения об исключении доказательств. Ведь доказательства могут быть исключены и по причине того, что они не имеют отношения к обстоятельствам совершения преступления. Иными словами, такое свойство доказательств, как относимость, непосредственно связано с предметом доказывания.

Дознаватель оценивает каждое доказательство еще и с точки зрения их допустимости. *Допустимость* – признак, относящийся к форме доказательств и свидетельствующий о соблюдении всех

требований закона, связанных с их получением и фиксацией. Этот термин не новый для теории и практики уголовного процесса, но тем не менее в УПК РФ нет определения допустимых доказательств. Их содержание раскрывается косвенно в ст. 74 УПК РФ, в которой определяются доказательства и дается перечень возможных доказательств по уголовному делу, и в ст. 75 УПК РФ через содержание понятия «недопустимые доказательства». К ним относятся доказательства, которые получены с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса и поэтому не имеющие юридической силы, которые не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Следовательно, к допустимым доказательствам относятся те, которые получены в соответствии с требованиями закона, имеют юридическую силу и могут быть положены в основу обвинения и приговора.

В законе содержание термина «*достоверность доказательств*» не раскрывается, данное свойство упоминается только в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, содержащей правила оценки доказательств. В научной литературе наиболее часто достоверность характеризуется как соответствие доказательств объективной действительности[1]. Если свойство допустимости доказательства говорит о соблюдении формально-процессуальных требований, то свойство достоверности доказательства характеризует его содержательную сторону.

В результате анализа доказательства с точки зрения достоверности у дознавателя появляется знание того, что оно согласуются с системой доказательств по рассматриваемому уголовному делу; не противоречит другим достоверным доказательствам; подтверждается другими доказательствами.

Оценка доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности производится относительно каждого исследуемого доказательства и в итоге создает целостное его восприятие. Когда каждое из представленных доказательств непосредственно исследовано и дознаватель оценил каждое из них в соответствии с требованием закона, возникает необходимость оценить всю представленную совокупность доказательств с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. Именно на этапе окончания дознания в сокращенной форме появляется реальная возможность оценить все собранные по делу доказательства, определить тот объем доказательств, который будет положен в основу обвинительного постановления.

Важность правильного определения совокупности доказательств на этом этапе подчеркивается отрицательными последствиями, которые неминуемо наступают как при необоснованном сужении их объема, так и при чрезмерном расширении. При неправомерном расширении предмета доказывания усложняется оценка собранных данных, порождается волокита в расследовании, участники уголовного судопроизводства с опозданием получают возможность реализовать свои права и законные интересы. При сужении круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, когда остаются за пределами доказывания обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, возникают сомнения в обоснованности и справедливости приговора суда. Лицо, заявляющее ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, признавая свою вину в совершении деяния, может не знать о наличии обстоятельств, которые исключают преступность и наказуемость деяния либо которые влекут освобождение от уголовной ответственности и наказания. Если обязанность доказывания вышеуказанных обстоятельств не возложить на дознавателя, то они могут так и остаться без внимания.

Кроме того, нельзя считать законным и обоснованным решение, принятое по уголовному делу, при наличии в действиях лица признаков необходимой обороны, крайней необходимости, иных обстоятельств, исключающих преступность либо наказуемость деяния, либо при наличии обстоятельств, могущих повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, если они не были установлены.

Какой же объем доказательств является достаточным при их оценке в ходе дознания в сокращенной форме? На это вопрос нет однозначного ответа. С одной стороны, в ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ законодатель установил, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. В подп. «в» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ подчеркивается необходимость доказывания именно этих обстоятельств, поскольку прокурор уполномочен направлять уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке лишь тогда, когда собранных доказательств в совокупности недостаточно для обоснованного вывода о событии преступле-

[1] См.: *Карнеева Л.М.* Доказательства в советском уголовном процессе: Учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1988. С. 47.

ния, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности лица в совершении преступления.

Но с другой стороны, ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ обязывает дознавателя указать в обвинительном постановлении обстоятельства, перечисленные в п. 1—8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, т.е. такие же сведения, что и в обвинительном акте. Чтобы выполнить это требование, дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме должен установить весь круг обстоятельств, предписанный ст. 73 УПК РФ, — аналогичный тому, что и при производстве дознания в общем порядке:

- данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и данные о потерпевшем.

По справедливому мнению А.А. Сумина, оценка объема (достаточности) доказательств – категория достаточно субъективная («по внутреннему убеждению», руководствуясь при этом законом и не вполне содержательной с точки зрения права категорией «совесть» — ст. 17 УПК); кому-то собранных доказательств достаточно для вывода о виновности лица в совершении данного преступления, кому-то – нет, о чем красноречиво свидетельствуют и многочисленные факты возвращения прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования, и оправдательные приговоры судов, и прекращение судами уголовных дел по реабилитирующим основаниям. Поэтому, если дознаватель и в условиях «дореформенного» регулирования дознания, а вслед за ним – начальник органа дознания и прокурор приходили к выводу о достаточности собранных доказательств, не существовало никаких правовых препятствий для направления уголовного дела с обвинительным актом в суд, а тот уже давал окончательную оценку доказательствам[2].

По существу, достаточность как свойство собранных и представленных по делу доказательств часто отождествляется с предметом доказывания, а следовательно, с теми обстоятельствами, о которых говорится в ст. 73 УПК РФ. Однако нужно учитывать, что доказательствами устанавливаются еще и «иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела». Таким образом, при определении достаточности доказательств дознаватель должен исходить из наличия такой совокупности, которая обеспечивают законность, обоснованность и мотивированность итогового решения.

В законе нет четкого требования, которое освобождало бы дознавателя от обязанности устанавливать все элементы предмета доказывания. Но если в процессе оценки доказательств он придет к выводу, что имеющихся доказательств по уголовному делу недостаточно, то возникнет необходимость в собирании дополнительных доказательств, а укороченные сроки этой формы дознания вряд ли позволят это сделать. Надо будет обращаться к прокурору за продлением срока расследования либо получать доказательства в рамках иного процессуального режима — дознания в общем порядке. Что уже достаточно проблематично в силу хотя бы того, что продление срока предварительного расследования или переход от дознания сокращенного к обычному рассматривается на практике как негативная тенденция.

Список литературы

1. *Конституция* Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с поправками, внесенными законами Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в последующих редакциях) // ССЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

3. *Карнеева Л.М.* Доказательства в советском уголовном процессе: Учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1988.

4. *Сумин А.А.* Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 6.

[2] *Сумин А.А.* Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат, 2013. № 6. С. 6.

УДК 343.1
ББК 67.73

Арсланг Анатольевич ХАЗИКОВ,
аспирант кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета,
руководитель второго отдела следственного управления
Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю
E-mail: icenter.pro@icloud

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс
Научный руководитель: В.А. Семенцов, доктор юридических наук, профессор

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

Аннотация. Обосновывается, что деятельность руководителя следственного органа должна составлять один из объектов судебного контроля. Предлагается предусмотреть возможность обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ указания, решения или действия руководителя следственного органа, ограничивающие конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства. Предметом судебного контроля при обжаловании должно служить также согласие руководителя следственного органа, данное следователю на принятие процессуального решения либо производство процессуального действия.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, судебный контроль, права и свободы участников

Arslan Anatolyevich CHASIKOV,
graduate student of criminal process Kuban state University,
the head of the second Departmentof the investigation Department
the investigative Committee of the Russian Federation across Krasnodar territory
E-mail: icenter.pro@icloud

Scientific specialty: 12.00.09 — Criminal process
Supervisor: **V.A. Sementsov,** Doctor of Law, Professor

JUDICIAL REVIEW AS A MEANS OF ENSURING THE LEGALITY OF THE ACTIVITIES OF THE HEAD OF THE INVESTIGATIVE BODY

Annotation. It is argued that the activities of the head of the investigative body must be an object of judicial control. It is proposed to introduce the possibility to appeal in accordance with article 125 of the CPC of the Russian Federation Directive, decision or action of the investigating agency head, restricting constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings. The subject of judicial scrutiny in appeals shall serve as the consent of the head of the investigative body, the investigator of the procedural decision or procedural actions.

Keywords: head of the investigative body, judicial control, the rights and freedoms of participants

Процессуальное положение руководителя следственного органа в уголовном судопроизводстве с учетом его компетенции, сопряжено с возможностью реализации двух процессуальных статусов: руководителя и следователя. Как следователь руководитель следственного органа уполномочен самостоятельно проводить предварительное следствие в полном объеме, в том числе принимать решения и осуществлять следственные и иные процессуальные.

Тот факт, что руководитель следственного органа осуществляет полномочия по обеспечению законности и обоснованности деятельности следователя, не только не исключает, но и предпола-

гает установление определенных форм контроля за законностью деятельности самого руководителя. Это обстоятельство представляется тем более актуальным, что в совокупности полномочий руководителя следственного органа как участника досудебного производства имеются такие, ненадлежащее использование которых вполне способно причинить ущерб конституционным правам и свободам участников.

Кроме того, процессуальное руководство реализуется в условиях процессуальной самостоятельности следователя, неправомерное ограничение которой сопровождается негативными последствиями. Вместе с тем «именно процессуальная самостоятельность, – как справедливо отмечает В.А. Семенцов, – обеспечивает следователю возможность в пределах компетенции самостоятельно формулировать выводы в ходе досудебного производства, а не действовать вопреки своему убеждению и совести. Без свободы выбора при производстве процессуальных действий и принятии решений следователь не может осуществлять свои уголовно-процессуальные обязанности»[1]. В этой сфере науки уголовного процесса за последние годы накопилось немало вопросов, требующих своего разрешения, но это тема отдельного исследования.

Базируясь на указанных положениях, можно утверждать, что законность и обоснованность процессуальной деятельности руководителя следственного органа должны обеспечиваться как минимум по двум направлениям (с позиций содержания и характера реализуемых полномочий и пределов вторжения в процессуальную деятельность следователя).

Когда руководитель следственного органа принимает на себя процессуальные полномочия следователя или руководителя следственной группы, то законность и обоснованность его деятельности обеспечиваются в обычном режиме предварительного следствия средствами прокурорского надзора и судебного контроля, а также процессуального контроля со стороны вышестоящего руководителя следственного органа.

А вот результаты деятельности руководителя следственного органа при осуществлении контроля за процессуальной деятельностью следователей правомерно и традиционно рассматриваются в литературе как уголовно-процессуальные гарантии законности[2]. В то же время изучение вопроса обеспечения законности деятельности самого руководителя следственного органа проводится в науке уголовного процесса недостаточно активно, хотя в этой сфере существует множество проблем.

В частности, содержание уголовно-процессуального закона не дает ответа на следующие вопросы.

1. Какова ответственность руководителя следственного органа за незаконные указания следователю?

2. Если следователь, выполнив указания руководителя, провел незаконное или необоснованное следственное действие, то подлежит ли он (следователь) ответственности? Если да, то какой именно?

3. Могут ли участники уголовного судопроизводства (потерпевший, обвиняемый, защитник и др.) подать жалобу на указания руководителя следственного органа, обязывающего следователя предпринять неправомерные процессуальные действия? Если да, то каков механизм их реализации?

4. Если руководитель следственного органа отменяет незаконное или необоснованное, по его мнению, постановление следователя, то может ли тот, а также другие участники уголовного судопроизводства обжаловать это решение в части неправомерности отмены?

5. Каково процессуальное положение руководителя следственного органа при принятии процессуальных решений?

Например, ч. 1 ст. 148 УПК РФ предусматривает право руководителя следственного органа отказать в возбуждении уголовного дела. Но не ясно, в каком статусе — следователя или руководителя — принимается это решение. Как руководитель этот участник уголовного судопроизводства уполномочен контролировать и управлять процессуальной деятельностью следователя в досудебном производстве. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, равно как и иные решения (например, о прекращении уголовного дела, уголовного преследования), может

[1] *Семенцов В.А.* О соотношении надзорных полномочий прокурора и процессуальной самостоятельности следователя // Юридическое образование на юге России: вчера, сегодня, завтра: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию юрид. фак. ГРУ–ЮФУ. Ростов н/Д: Южный федер. ун-т, 2013. С. 494.

[2] См., например: *Минаева С.А.* Актуальные направления процессуальной деятельности руководителя следственного органа по обеспечению законности при производстве предварительного следствия // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2014. Вып. 2-2. С. 173—179; *Шабунин В.А.* Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013; и др.

принять лишь то лицо, которое проводило проверку сообщения о преступлении или предварительное расследование, т.е. для принятия указанных решений руководитель должен находиться в статусе следователя.

В.В. Горюнов считает, что «по смыслу изменений в УПК РФ, вступивших в силу в сентябре 2007 г., усиление роли и статуса руководителя следственного органа нацелено на формирование эффективной системы ведомственного процессуального контроля, призванного не только аннулировать незаконные процессуальные решения следователей (последующий процессуальный контроль), но и предотвращать их (так называемый упреждающий процессуальный контроль). Тем самым излишне широкий прокурорский надзор на досудебной стадии уголовного судопроизводства должен был быть существенно оттеснен новой системой контроля, осуществляемого руководителем следственного органа. Соответственно по смыслу реформы прокурор должен был «подключаться» лишь в тех случаях, когда не срабатывала система ведомственного контроля»[3].

Как представляется, основными идеями в приведенной позиции В.В. Горюнова являются:

(1) процессуальный контроль со стороны руководителя следственного органа рассматривается как определенная система;

(2) эта система, в свою очередь, выступает частью другой, более объемной системы обеспечения законности в уголовном судопроизводстве в его досудебных стадиях наряду с другими элементами, включая прокурорский надзор;

(3) создается видимость конкуренции между отдельными элементами системы обеспечения законности, в частности между процессуальным (ведомственным) контролем и прокурорским надзором;

(4) прокурорский надзор предлагается рассматривать как некую «скорую помощь» в обеспечении законности досудебных стадий уголовного судопроизводства;

(5) контрольная деятельность руководителя следственного органа не является предметом прокурорского надзора.

Не со всеми этими идеями можно согласиться полностью. В частности, вызывает сомнение отрицание возможности распространения прокурорского надзора на деятельность руководителя следственного органа. По нашему мнению, контрольная деятельность, равно как и процессуальное руководство, должна находиться под контролем уполномоченных лиц.

Вопросы возникают о направлении и пределах этого контроля, а также о средствах воздействия на процессуальное поведение руководителя следственного органа. Это направление в науке уголовного процесса еще недостаточно разработано. Можно отметить практически единственное направление, выделяемое в науке в качестве обеспечивающего законность деятельности руководителя следственного органа, – деятельность руководителя вышестоящего следственного органа[4].

Но, как представляется, руководитель вышестоящего следственного органа не является единственным участником уголовно-процессуальных правоотношений, способным обеспечить законность деятельности нижестоящего руководителя следственного органа. В соответствии с положениями УПК РФ к числу лиц, наделенных полномочиями по обеспечению законности в той или иной части процессуальной деятельности и в отношении отдельного круга участников, относятся суд, прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания.

Каждый из указанных лиц в пределах установленных уголовно-процессуальным законом полномочий и в определенных формах способен оказать влияние на результаты деятельности подконтрольных и поднадзорных участников уголовного судопроизводства. Учитывая, что обеспечение законности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства носит системный характер, деятельность всех субъектов контрольных правоотношений должна выступать во взаимосвязи, не дублировать и взаимно дополнять деятельность друг друга.

Далее остановимся на таком процессуальном средстве обеспечения законности деятельности руководителя следственного органа, как судебный контроль, отвечающий критериям объективности и беспристрастности и обеспечивающий соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, ограждающий их (права и свободы) от нарушений, а в необходимых случаях обеспечивающий охрану и восстановление.

Е.В. Рябцева рассматривает судебную деятельность в досудебном производстве как судебное санкционирование[5]. В то же время есть и другое мне-

[3] *Горюнов В.В.* Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата // Российский следователь. 2012. № 19. С. 13—16.

[4] См., например: *Батин В.А.* Классификация полномочий руководителя следственного органа в уголовном судопроизводстве // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Право. 2011. Вып. № 19 (236). С. 19—23.

[5] *Рябцева Е.В.* Судебное санкционирование в уголовном процессе России: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010.

ние, высказанное В.А. Семенцовым и О.О. Аваковым, – о комплексной сущности судебной деятельности в досудебных стадиях, с обоснованием контрольного и разрешительного направлений, совершенствование которых возможно на основе соблюдения принципов уголовного судопроизводства и общих условий судебного разбирательства, расширения процессуальных полномочий суда[6].

Учитывая нормативно определенные пределы осуществления судебного контроля в досудебных стадиях (только конституционные права и свободы), представляется важным определить его распространение на деятельность руководителя следственного органа.

Думается, что процессуальная деятельность руководителя следственного органа, а также ее результаты могут стать объектом судебного контроля в следующих случаях:

- реализуемые руководителем следственного органа полномочия непосредственно затрагивают, ограничивают конституционные права участников уголовного судопроизводства;
- полномочия руководителя следственного органа опосредованно ограничивают конституционные права участников уголовного судопроизводства.

Непосредственное действие или решение руководителя следственного органа может затрагивать конституционные права участников уголовного судопроизводства в ситуации, когда не отменяется незаконное или необоснованное постановление следователем:

- о возбуждении уголовного дела, когда возникает угроза неправомерного привлечения в уголовной ответственности и уголовного преследования;
- об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела, что служит препятствием для реализации права на доступ к правосудию.

Опосредованное влияние руководителя следственного органа на конституционные права участников уголовного судопроизводства гораздо многообразнее. Руководитель следственного органа дает согласия (или отказывает в таковом) следователю на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, на продление срока проверки сообщения о преступлении, предварительного следствия. В таких случаях руководитель следственного органа опосредованно влияет на соблюдение конституционных прав участников уголовного судопроизводства, так как, давая соответствующее согласие, принимает на себя долю ответственности за законность решения следователя.

Например, в случае когда руководитель следственного органа соглашается с мотивированным ходатайством следователя о продлении срока проверки сообщения о преступлении, это может противоречить с позиции разумного срока уголовного судопроизводства интересам участников проверки, которые должны быть вправе предпринять определенные шаги по их защите.

Ситуации, требующие вмешательства суда в досудебное производство, свидетельствуют о том, что негативные последствия, связанные с нарушением уголовно-процессуального закона, наступают в отношении следователя, который может действовать не только самостоятельно, но и по указанию руководителя следственного органа либо с его согласия.

По действующему закону (ч. 3 ст. 39 УПК РФ) письменные указания руководителя следственного органа могут быть обжалованы только руководителю вышестоящего следственного органа, да и то не все, а лишь те, что затрагивают его процессуальную самостоятельность. Если эти указания касаются ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства, а следователь обязан их исполнить, то, как представляется, претензии должны предъявляться не к следователю, а к его руководителю.

Наряду с этим руководитель следственного органа уполномочен принимать ряд самостоятельных решений по уголовному делу, находящемуся в производстве у следователя, а именно:

(1) о соединении уголовных дел (ч. 3 ст. 153 УПК РФ);

(2) о восстановлении утраченного уголовного дела либо его материалов (ч. 1 ст. 158.1 УПК РФ);

(3) об отводе следователя при наличии обстоятельств, исключающих его участие в производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 67 УПК РФ)[7].

Ни одно из названных решений, которые руководитель следственного органа принимает самостоятельно, не требует уведомления заинтересованных лиц об этом, что негативно влияет на соблюдение их конституционных прав и свобод, доступ к правосудию.

[6] *Семенцов В.А., Аваков О.О.* Направления судебной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Монография. М.: Юрилитинформ, 2013. С. 155.

[7] См. об этом: *Семенцов В.А.* О соотношении полномочий прокурора и руководителя следственного органа с процессуальной самостоятельностью следователя // Правовые и гуманитарные проблемы защиты прав участников уголовного процесса: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2013. С. 190—191.

Так, 25 августа 2015 г. суд апелляционной инстанции Московского городского суда рассмотрел апелляционную жалобу адвоката в защиту обвиняемого Т. в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 26 июня 2015 г., которым отказано в принятии жалобы на бездействие следователя, выразившееся в непередаче соединенного уголовного дела № 396406 руководителю следственного органа для направления по подследственности. Тем самым, по мнению заявителя, нарушаются права обвиняемого, так как уголовное дело расследует ненадлежащий орган. Суд апелляционной инстанции отменил постановление Дорогомиловского районного суда г. Москвы, а материалы по жалобе заявителя направил в тот же суд на новое судебное рассмотрение в ином составе суда[8].

Полагаем, что при законодательном расширении полномочий руководителя следственного органа 5 июня 2007 г. и в последующем в части дополнения его процессуального статуса новыми правами был допущен определенный «перекос» в нормативном регулировании, когда права придаются, а соответствующие им обязанности отсутствуют, равно как не предусмотрены и формы контроля за реализацией прав.

По нашему мнению, при обеспечении законности деятельности руководителя следственного органа необходимо исходить из следующих требований:

- в уголовном судопроизводстве процессуальная деятельность властных его участников должна находиться под контролем уполномоченных лиц;
- обеспечение законности в уголовного судопроизводстве составляет единую систему;
- судебный контроль нацелен на обеспечение законности ограничений конституционных прав участников уголовного судопроизводства, в том числе в деятельности руководителя следственного органа. Причем судебному контролю должны подлежать любые решения руководителя следственного органа, ограничивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства как непосредственно, так и в опосредованной форме.

Для установления действенного судебного контроля за ограничением конституционных прав участников уголовного судопроизводства в деятельности руководителя следственного органа необходимо законодательно предусмотреть право заинтересованных лиц:

(1) получать уведомление о принятых руководителем следственного органа решениях по уголовному делу, находящемуся в производстве у следователя, если они ограничивают конституционные права и свободы;

(2) обжаловать в суд в порядке ст. 125 УПК РФ указание руководителя следственного органа, данное следователю, и решение, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Деятельность руководителя следственного органа должна составлять один из объектов судебного контроля в досудебном производстве.

2. Пределы судебного контроля определяются исходя из процессуальных возможностей руководителя следственного органа повлиять на ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, что вызывает необходимость предусмотреть возможность обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ:

- указания руководителя следственного органа, данного следователю и направленного на ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства;
- самостоятельного решения или действия руководителя следственного органа, ограничивающих конституционные прав и свободы участников уголовного судопроизводства.

3. Предметом судебного контроля при обжаловании должно служить согласие руководителя следственного органа, данное следователю на принятие процессуального решения либо производство процессуального действия с признанием его законности и обоснованности. В случае если судья признает согласие руководителя следственного органа на принятие процессуального решения либо производство процессуального действия незаконным или необоснованным, вышестоящий руководитель следственного органа обязан устранить допущенное нарушение.

[8] Архив Московского городского суда. Апелляционное постановление от 25 августа 2015 г. № 10-11632.

УДК 343.1
ББК 67.410

Владимир Васильевич ЦУРКАНУ,
следователь по особо важным делам
первого следственного отдела первого управления
по расследованию особо важных дел
Главного следственного управления
Следственного комитета РФ по г. Санкт-Петербургу,
капитан юстиции

СУД С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Анализ судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей показывает, что в последние годы увеличилось количество оправдательных вердиктов, оглашенных присяжными заседателями. В статье выделены особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, а также проблематика, связанная с рассмотрением таких дел.

Ключевые слова: присяжные заседатели, оправдательный вердикт, список кандидатов в присяжные заседатели

Vladimir Vasilyevich TCURKANU,
An investigator for particularly important cases
first investigative division first department
for investigation of particularly important cases
of the Main Investigation Department
of the Investigative Committee of the Russian Federation
for the city of St. Petersburg justice captain

COURT JURY, ESPECIALLY CONSIDERING, THE PROBLEMS

Annotation. Analysis of judicial practice in criminal cases with a jury shows that in recent years has increased the number of acquittals, jurors catechumens. The article highlights the features of consideration of criminal cases by jury, as well as issues related to the consideration of such cases.

Keywords: jurors, the acquittal, list of jurors

Деятельность присяжных заседателей регламентирована уголовно-процессуальным законодательством (раздел 7 глава 42 УПК РФ), Федеральным законом № ПЗ-ФЗ от 20.08.2004 «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Суды при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей руководствуются в том числе и постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 22.11.2005 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

В соответствии с ч. 2 ст. 325 УПК РФ уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе при отсутствии возражений со стороны остальных подсудимых. Если один или несколько подсудимых отказываются от суда с участием присяжных заседателей, суд решает вопрос о выделении уголовного дела в отношении этих подсудимых в отдельное производство. При этом судом должно быть установлено, что выделение уголовного дела в отдельное производство не будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения уголовного дела, выделенного в отдельное производство, и уголовного дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей. При невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

После назначения судебного заседания по распоряжению председательствующего секретарь судебного заседания или помощник судьи производит отбор кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде общего и запасного списков

путем случайной выборки. При этом одно и то же лицо не может участвовать в течение года в судебных заседаниях в качестве присяжного заседателя более одного раза. Включенным в предварительный список кандидатам в присяжные заседатели не позднее чем за семь суток до начала судебного разбирательства вручаются извещения с указанием даты и времени прибытия в суд.

Согласно ст. 3 Федерального закона № 113-ФЗ от 20.08.2004 «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» присяжными заседателями могут быть граждане, включенные в списки кандидатов в присяжные заседатели и призванные в установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ порядке к участию в рассмотрении судом уголовного дела.

В городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе списки кандидатов в присяжные заседатели составляются высшим исполнительным органом государственной власти соответствующего города федерального значения и (или) уполномоченным им исполнительным органом государственной власти соответствующего города федерального значения. Общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели, формируемые в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе изменения и дополнения, внесенные в них, публикуются в средствах массовой информации соответствующего города федерального значения и содержат только фамилии, имена и отчества кандидатов в присяжные заседатели.

Присяжными заседателями и кандидатами в присяжные заседатели не могут быть лица: не достигшие к моменту составления списков кандидатов в присяжные заседатели возраста 25 лет; имеющие непогашенную или неснятую судимость; признанные судом недееспособными или ограниченные судом в дееспособности; состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств. К участию в рассмотрении судом конкретного уголовного дела в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, в качестве присяжных заседателей не допускаются также лица: подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений; не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство; имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела.

Судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника. Во вступительном заявлении государственный обвинитель излагает существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных им доказательств. Защитник высказывает согласованную с подсудимым позицию по предъявленному обвинению и мнение о порядке исследования представленных им доказательств. Присяжные заседатели через председательствующего вправе после допроса сторонами подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта задать им вопросы. Вопросы излагаются присяжными заседателями в письменном виде и подаются председательствующему через старшину. Эти вопросы формулируются председательствующим и могут быть им отведены как не относящиеся к предъявленному обвинению. Судья по собственной инициативе, а также по ходатайству сторон исключает из уголовного дела доказательства, недопустимость которых выявилась в ходе судебного разбирательства. Если в ходе судебного разбирательства возникает вопрос о недопустимости доказательств, то он рассматривается в отсутствие присяжных заседателей. Выслушав мнение сторон, судья принимает решение об исключении доказательства, признанного им недопустимым. В ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями. Данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого.

Судья с учетом результатов судебного следствия, прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, зачитывает их и передает сторонам. Стороны вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов. При этом судья не вправе отказать подсудимому или его защитнику в постановке вопросов о наличии по уголовному делу фактических обстоятельств, исключающих ответственность подсудимого за содеянное или влекущих за собой его ответственность за менее тяжкое преступление. На время обсуждения и формулирования вопросов

присяжные заседатели удаляются из зала судебного заседания. С учетом замечаний и предложений сторон судья в совещательной комнате окончательно формулирует вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, и вносит их в вопросный лист, который подписывается им. Вопросный лист оглашается в присутствии присяжных заседателей и передается старшине присяжных. Перед удалением в совещательную комнату присяжные заседатели вправе получить от председательствующего разъяснения по возникшим у них неясностям в связи с поставленными вопросами, не касаясь при этом существа возможных ответов на эти вопросы. По каждому из деяний, в совершении которых обвиняется подсудимый, ставятся три основных вопроса: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. В случае признания подсудимого виновным ставится вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения. Вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, ставятся в отношении каждого подсудимого отдельно.

Перед удалением коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта председательствующий обращается к присяжным заседателям с напутственным словом. В напутственном слове председательствующий: приводит содержание обвинения; сообщает содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение деяния, в котором обвиняется подсудимый; напоминает об исследованных в суде доказательствах, как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его, не выражая при этом своего отношения к этим доказательствам и не делая выводов из них; излагает позиции государственного обвинителя и защиты; разъясняет присяжным основные правила оценки доказательств в их совокупности; сущность принципа презумпции невиновности; положение о толковании неустраненных сомнений в пользу подсудимого; положение о том, что их вердикт может быть основан лишь на тех доказательствах, которые непосредственно исследованы в судебном заседании, никакие доказательства для них не имеют заранее установленной силы, их выводы не могут основываться на предположениях, а также на доказательствах, признанных судом недопустимыми; обращает внимание коллегии присяжных заседателей на то, что отказ подсудимого от дачи показаний или его молчание в суде не имеют юридического значения и не могут быть истолкованы как свидетельство виновности подсудимого; разъясняет порядок совещания присяжных заседателей, подготовки ответов на поставленные вопросы, голосования по ответам и вынесения вердикта. После напутственного слова председательствующего коллегия присяжных заседателей удаляется в совещательную комнату для вынесения вердикта. Присутствие в совещательной комнате иных лиц, за исключением коллегии присяжных заседателей, не допускается.

Присяжные заседатели при обсуждении поставленных перед ними вопросов должны стремиться к принятию единодушных решений. Если присяжным заседателям при обсуждении в течение трех часов не удалось достигнуть единодушия, то решение принимается голосованием. Обвинительный вердикт считается принятым, если за утвердительные ответы на каждый из трех вопросов проголосовало большинство присяжных заседателей. Оправдательный вердикт считается принятым, если за отрицательный ответ на любой из поставленных в вопросном листе основных вопросов проголосовало не менее шести присяжных заседателей.

После провозглашения вердикта присяжных заседателей судебное разбирательство продолжается с участием сторон. При вынесении коллегией присяжных заседателей вердикта о невиновности подсудимого председательствующий объявляет его оправданным. При этом подсудимый, находящийся под стражей, немедленно освобождается из-под нее в зале судебного заседания. В случае вынесения обвинительного вердикта производится исследование обстоятельств, связанных с квалификацией содеянного подсудимым, назначением ему наказания, разрешением гражданского иска и другими вопросами, разрешаемыми судом при постановлении обвинительного приговора. По окончании исследования указанных обстоятельств проводятся прения сторон, во время которых последними выступают защитник и подсудимый. По окончании прений сторон в случае вынесения обвинительного вердикта подсудимому предоставляется последнее слово, после чего судья удаляется для вынесения решения по уголовному делу[1].

Такие особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей повышают уровень требований к качеству предварительного следствия.

Не могу не согласиться с заместителем директора Федерального государственного казенного образовательного учреждения «Академия Следственного комитета Российской Федера-

[1] *Уголовно-процессуальный* кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

ции» З.И. Брижак, что следователи, осуществляющие предварительное расследование, должны понимать и четко осознавать, что институт присяжных заседателей — крайне сложный, процессуально-противоречивый механизм. Надо признать, что введение института суда присяжных является стимулирующим фактором улучшения качества предварительного следствия, который повысит ответственность и профессионализм как стороны обвинения, так и стороны защиты. Но, несмотря на это, взгляд присяжных — это как бы взгляд со стороны. В действительности присяжные заседатели руководствуются в своих решениях не сухой буквой закона, а своим эмоционально-оценочным отношением к самому преступлению, к подсудимому, к потерпевшему, к стороне обвинения и стороне защиты и, наконец, к председательствующему судье.

Как правило, суд присяжных упрекают за то, что он поступил не в соответствии с законом и истиной, а вынес решение вопреки очевидной доказанности деяния. Во многом это объясняется тем, что система доказательств, добываемых в ходе расследования уголовного дела, будет анализироваться профессионально — судьей и непрофессионально, в первую очередь эмоционально, — присяжными заседателями. Таким образом, следователь должен знать, что суд присяжных подразделяется на две части: одну составляют судьи-профессионалы, а другую — непрофессионалы (присяжные). При рассмотрении уголовных дел первые правомочны решать вопросы права (вопросы, требующие юридических познаний), в том числе о юридической квалификации содеянного подсудимым и мере наказания, а вторые — вопросы факта (об установлении или неустановлении виновности подсудимого в совершении преступления). Присяжные заседатели принимают решение по делу самостоятельно и независимо от профессионального судьи. Судья выступает в качестве организатора судебного разбирательства, он разъясняет положения закона, сущность принципа презумпции невиновности, разницу между фактами и доказательствами по делу. Однако принятие решения по делу — прерогатива присяжных[2].

Ежегодно растет количество уголовных дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей, что во многом объяснимо большей вероятностью быть оправданным при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, чем при рассмотрении судьей единолично или коллегией из трех судей. Различие количества оправдательных приговоров в суде присяжных и в профессиональном суде заключается в разном порядке и объеме предоставляемой им информации. Судебное следствие в суде присяжных заседателей ведется на основе принципа состязательности и равноправия сторон. Большую роль в суде присяжных играет, конечно же, государственный обвинитель, который на основании совокупности доказательств, как прямых, так и косвенных, изобличающих виновное лицо в совершении преступления, сможет полно и правильно изложить доказательства, отраженные следователем в обвинительном заключении.

За 2014 г. Санкт-Петербургским городским судом с участием присяжных заседателей было вынесено четыре правдательных вердикта (оправдано девять лиц) из 16 рассматриваемых уголовных дел в отношении 60 лиц[3].

Среди вышеуказанных оправдательных вердиктов в том числе было уголовное дело по обвинению: Исаева Замина Шадулла оглы — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 33, ч. 3, ст. 105, ч. 2 п. «а, з» (в ред. Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ), ст. 222, ч. 2, ст. 222 ч. 2 УК РФ; Алиева Алибалы Гайюм оглы — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 105, ч. 2 п. «а, з» (в ред. Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ), ст. 222, ч. 2, ст. 222, ч. 2 УК РФ; Гурбанова Камиля Исмихан оглы — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 33, ч. 5, ст. 105, ч. 2 п. «з» (в ред. Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ), ст. 222, ч. 2 УК РФ, направленное в ноябре 2013 г. в Санкт-Петербургский городской суд для рассмотрения по существу.

Преступление, по которому обвинялись Исаев З.Ш.о., Алиев А.Г.о., Гурбанов К.И.о., было совершено ими в апреле 2009 г. и было раскрыто только в 2012 г. благодаря грамотно спланированным оперативно-розыскным мероприятиям и проведенным следственным действиям. Так, были установлены организатор — Исаев З.Ш.о., исполнитель — Алиев А.Г.о. и пособник — Гурбанов К.И.о. В ходе предварительного следствия следователем были собраны достаточные доказательства вины всех обвиняемых, проведен большой объем следственных действий, направленный на закрепление доказательственной базы, исполнитель Алиев А.Г.о. под весом собранных улик дал признательные показания по обстоятельствам совершенных преступлений, в том числе с применением технических средств. Исаев З.Ш.о. и Гурба-

[2] *Брижак З.И.* Психологические основы доказывания в суде с участием присяжных заседателей // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Документ для служебного пользования — Докладная записка прокуратуры г. Санкт-Петербурга за 2014 г.

нов К.И.о. первоначально также дали признательные показания, однако в дальнейшем в ходе предварительного следствия изменили свои показания, отказавшись от ранее данных признательных показаний.

После выполнения требований ст. 215—217 УПК РФ обвиняемым Исаевым З.Ш.о. было заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, обвиняемые Алиев А.Г.о. и Гурбанов К.И.о. никакие ходатайства не заявляли.

В ходе рассмотрения данного уголовного дела в Санкт-Петербургском городском суде с участием присяжных заседателей, несмотря на то что исполнитель — Алиев А.Г.о. давал признательные показания по обстоятельствам совершенного преступления, присяжные большинством голосов вынесли оправдательный вердикт всем обвиняемым по делу: организатору — Исаеву З.Ш.о., пособнику — Гурбанову К.И.о. и исполнителю — Алиеву А.Г.о. Со слов государственного обвинителя, присяжные посчитали, что Алиев А.Г.о. оговорил себя и других обвиняемых, а у организатора и пособника не было умысла на совершение данных преступлений. Однако все показания Алиева А.Г.о., непосредственно совершившего преступления, полностью подтверждались показаниями свидетелей, протоколами телефонных соединений обвиняемого на месте преступления, проведенными по делу судебными экспертизами. Кроме того, вменяемость Алиева А.Г.о. была проверена в ходе судебно-психиатрической экспертизы, только неадекватный человек, не понимающий, что он может сесть на длительный срок, может оговаривать себя в совершении преступления, которого по сути не совершал, при этом в его показаниях были бы такие пробелы и нестыковки с материалами уголовного дела, что сам следователь не направил бы такое уголовное дело в суд для рассмотрения по существу. Да, данное уголовное дело не было образцовым, но по нему был проведен комплекс следственных действий, в ходе которых была установлена полная причастность всех обвиняемых к совершению данных преступлений. Я уверен, что если бы данное уголовное дело рассматривалось судьей единолично или коллегией из трех судей, так называемым профессиональным судом, а не эмоциональными людьми со своими проблемами и непонятным мировоззрением, пониманием права и закона, которых пригласили участвовать в качестве присяжных заседателей, все обвиняемые были бы осуждены к длительным срокам содержания в местах лишения свободы. В настоящее время данное решение присяжных заседателей обжалуется прокуратурой Санкт-Петербурга.

Учитывая вышеизложенное, полностью поддерживаю точку зрения руководителя Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Санкт-Петербургу генерал-майора юстиции А.В. Клауса, высказанную 15.01.2014 в интервью «Российской газете». На вопрос: «Насколько суд присяжных, по-вашему, вообще приемлем для России?» — Александр Владимирович ответил: «Если говорить о восстановлении доверия народа к правоохранительным органам — это правильно. Но у нас действует американская модель судов присяжных, где все они — обычные граждане. Однако есть и германская модель, где 2 из 12 — профессиональные судьи. При этом никто не скажет, что Германия — недемократическая страна»[4].

Я считаю, что если из 12 присяжных заседателей, которые в настоящее время отбираются в соответствии с Федеральным законом № ПЗ-ФЗ от 20.08.2004 «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», хотя бы два будут профессиональными судьями, которые смогут что-то разъяснить коллегии присяжных заседателей с правовой точки зрения (со стороны закона), участвовать в дебатах на полных правах с иными присяжными заседателями, аргументируя свою позицию по тому или иному вопросу, возникшему в ходе рассмотрения дела, с учетом доказательств и иных материалов уголовного дела, представленных в суд, а также усмирить ту эмоциональную нестабильность, которая порой охватывает того или иного присяжного заседателя, вспомнившего похожую ситуацию или историю, которая случилась с его другом, знакомым или родственником, где, как он посчитал, правоохранительные органы повели себя неправильно и осудили невиновного за схожее преступление, при рассмотрении которого в настоящее время он участвует в качестве присяжного заседателя, необоснованно ставя себя (своего друга, знакомого, родственника) на место одного из обвиняемых, то институт присяжных заседателей не пострадает и сильно не изменится, просто поменяется взгляд, так сказать, со стороны, и просто иногда эмоции, способные повернуть вроде уже принятое решение в другое русло, будут сдерживаться тем юридически выработанным механизмом оценки доказательств, которым обладают профессиональные судьи. Таким образом, необоснованных оправдательных вердиктов станет меньше и действительно виновные лица получат то наказание, которое они заслужили.

[4] Официальный сайт «Российская газета». [Электронный ресурс]. Режим доступа www.rg.ru/2014/01/15/reg-szfo/klaus. html

УДК 343.95
ББК 88.4

Лилия Алексеевна ДМИТРИЕВА,
доцент кафедры управления следственными органами
и организации правоохранительной деятельности
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат психологических наук доцент
E-mail: dmitriewaliya@yandex.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье раскрыт тезаурус профессионально важных качеств следователей, представлен системный подход к обоснованию актуальности развития их профессионально-психологической устойчивости, обозначены основные направления формирования профессионализма у субъектов следственной деятельности.

Ключевые слова: профессионально важные качества, следственное мышление, виды деятельности следователей, стрессогенные факторы следственной деятельности, профессионально-психологическая устойчивость, профессиональная Я-концепция, профессиональная деформация личности

Lilia A. DMITRIEVA,
associate Professor of management
Department investigative agencies and law enforcement initiatives
Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
candidate of psychological Sciences associate Professor
E-mail: dmitriewaliya@yandex.ru

A SYSTEMATIC APPROACH TO THE FORMATION OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF THE INVESTIGATORS OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In the article the thesaurus of professionally important qualities of the investigators presented a systematic approach to the justification of the relevance of the development of their professional and psychological stability, the main directions of formation of professionalism of the subjects of the investigation.

Keywords: professionally important qualities, investigative thinking, the activities of investigators, stressors investigative activity, professional psychological stability, professional I-Concept, professional deformation of the personality

Профессия следователя предъявляет строгий ряд требований к личности и профессиональной подготовке специалистов, которые конкретизируются в системе профессионально важных качеств следователя.

Вместе с тем к проблеме психологических особенностей деятельности следователя психологи в основном подходят с позиции изучения ее деятельностной структуры, а профессионально важным качествам, которые необходимы для наиболее успешного осуществления этой деятельности, уделяется мало внимания[1].

[1] *Кругова Н.В.* Психологические особенности профессиональной деятельности следователя как субъекта труда в ходе производства следственных действий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2010.

Осуществляя свою профессиональную деятельность, следователь как субъект уголовного процесса одновременно является субъектом труда, так как в рамках своей профессии он применяет и совершенствует свои трудовые навыки, опираясь при этом на присущие ему профессионально важные качества. Г.Г. Шиханцов и Д.П. Котов[2] выделяют группы профессионально важных психологических качеств, необходимых следователю для осуществления его деятельности:

- морально-психологические (моральное мужество, чувство долга);
- интеллектуальные (память, мышление, воображение, внимание);
- характерологические (целеустремленность, принципиальность);
- волевые (решительность, настойчивость);
- психофизиологические (эмоциональная уравновешенность, внимание, психическая выносливость).

При этом профессиональная деятельность следователя обладает специфическими, присущими только ей психологическими особенностями, проявляющимися в особой структуре, условиях и способах реализации и необходимых для ее успешного осуществления психологических качествах и умениях специалистов.

По мнению Б.З. Зельдовича[3], при проведении следственных действий проявляется феномен *следственного мышления*, которое основывается на следующих интеллектуальных качествах:

- глубине (способности проникнуть за поверхность видимого, в сущность фактов, понять смысл происходящего);
- широте (умении охватить мыслью большой круг вопросов и фактов);
- мобильности (развитии продуктивного мышления, мобилизации и использования знаний в сложных условиях);
- скорости (способности решать задачи в минимальное время);
- целеустремленности (волевой направленности мышления на решение определенной задачи, возможности длительное время удерживать ее в сознании и последовательно думать над ее разрешением);
- самостоятельности при постановке целей и задач и умении находить их решение без посторонней помощи;
- критичности (умении оценивать сообщения, факты и предположения, отыскивая ошибки и раскрывая причины их возникновения);
- гибкости (умении подойти к явлению с различных точек зрения).

Обобщая результаты психологических исследований, необходимо выделить также следующие профессионально важные качества следователя:

- настойчивость, энергичность, самоорганизованность, заключающиеся в быстрой ориентации в создавшейся обстановке и людях, формулировании задачи, расчленении ее на этапы и планировании своей деятельности;
- находчивость, ответственность, требовательность, умение хранить тайну, организационные способности, обеспечивающие руководство различными группами людей в ходе расследования уголовного дела;
- выдержка, дисциплинированность, самокритичность, чувство собственного достоинства в отношениях с коллегами и руководством.

Профессионально важные качества, необходимые для достижения наиболее высокого уровня производства следственных действий, можно отнести к психологическим особенностям деятельности следователя, так как их влияние на успешность проведения следственных действий неоспоримо.

Юрист-профессионал также должен иметь необходимый набор профессионально важных психологических качеств:

- профессиональное ощущение (повышенная чувствительность к профессионально важным звукам, запахам, чувствительность бокового поля зрения, ночного зрения и др.);
- профессиональное восприятие (зрительное, слуховое, обонятельное и др.);
- профессиональную наблюдательность, внимательность, память (способность к запоминанию фамилий, адресов и др.);
- профессиональное представление (способность хорошо представлять в уме план города, планируемую ситуацию и др.);
- профессиональное мышление (юридическое, оперативное, следственное и др.);
- профессиональный артистизм (способность к перевоплощению, ролевому поведению и др.);
- профессиональную бдительность, готовность к неожиданности.

Исследованиями выявлено, что определяющим компонентом психологической структуры профессиональной деятельности следователя является его познавательная деятельность по сбору

[2] *Котов Д.П., Шиханцов Г.Г.* Психология следователя / Под ред. Г.Ф. Горского. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.

[3] *Зельдович Б.З.* Психология и педагогика в профессиональной деятельности юриста. М.: Экзамен, 2003.

информации о событии преступления, на основании которой полностью восстанавливается картина совершенного деяния, изобличается и познается личность субъекта, его совершившего[4].

Для достижения требуемого высокого уровня при проведении следственных действий познавательная деятельность реализуется в сочетании с другими видами деятельности, дополняющими и развивающими ее:

- коммуникативной, заключающейся в получении необходимой информации посредством общения при проведении таких следственных действий, как допрос, очная ставка;
- реконструктивной — для сбора информации и выдвижения определенных версий, объясняющих случившееся событие;
- организаторской, включающей волевые действия, направленные на реализацию и проверку версий и планов, проявляющуюся в самоорганизации и организации людей для коллективного решения профессиональной задачи;
- удостоверительной, представляющей собой фиксирование добытой информации в документе.

Все вышеуказанные профессионально значимые компоненты психологической структуры следственной деятельности взаимодополняемы.

Каждому из перечисленных видов деятельности следователя свойственны особенности компонентов ее психологической структуры: наличие властных полномочий, сохранение служебной тайны и широкая социальная коммуникативность, своеобразие психологической атмосферы расследования, оперативность и конспиративность действий, направленных на преодоление возможного противостояния заинтересованных лиц, разнообразие и творческий характер деятельности, сочетание коллегиальных и индивидуальных начал при ее организации, процессуальная регламентированность сроков следствия, психофизиологические перегрузки, а также процессуальная самостоятельность и повышенная ответственность за принимаемые решения.

Кроме того, от правильно спланированного начала проведения следственного действия зависит его дальнейшее развитие и результат. Поэтому следователю важно предвидеть все возможные направления следствия и планировать вариативный ход действий в каждом из них, что требует от него высокого уровня прогностичности.

В связи с изложенным становится очевидной необходимость формирования у следователей *профессионально-психологической устойчивости* к стрессогенным факторам профессиональной деятельности: воздействие на организм высоких нервно-эмоциональных нагрузок, негативная информация служебного характера, неудовлетворенность, вызванная последствиями социально-экономических трудностей в обществе, нерешенность социальных и правовых вопросов и т.д. При отсутствии продуманной системы психологической подготовки все это может привести к психологическим срывам в служебной деятельности[5].

Профессионально-психологическая подготовка следователей должна отвечать современным требованиям по формированию профессионализма в ведении ими процессуальной деятельности, в том числе и в выполнении отдельных следственных действий.

Формирование профессионализма имеет три основных направления:

(1) изменение всей системы деятельности, ее функций и иерархического строения. В ходе выработки трудовых навыков происходит движение личности следователя по ступеням профессионального мастерства, развивается специфическая система способов выполнения деятельности;

(2) изменение личности следователя, проявляющееся как во внешних характеристиках (моторике, речи, эмоциональности, формах общения), так и в формировании соответствующих элементов профессионального сознания (профессионального внимания, памяти, эмоционально-волевой сферы и др.), что в более широком плане может рассматриваться как становление профессионального мировоззрения;

(3) изменение соответствующих компонентов установки следователей по отношению к процессу расследования преступлений и выполнения отдельных следственных действий, что проявляется:

- в когнитивной (мыслительной) сфере — уровне информированности по расследуемым уголовным делам, степени осознания

[4] *Кругова Н.В.* Указ. соч.

[5] *Акентьев П.В., Скрыпников А.И., Зубрилова И.С., Корнева Л.С.* Прикладная психология в расследовании преступлений и производстве следственных действий // Психологическая служба в правоохранительных органах: Хрестоматия. Особенная часть. М., 2002. С. 11—18.

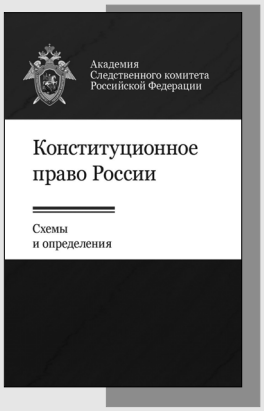
всех деталей процесса расследования конкретных преступлений;

- в эмоциональной сфере — в интересе, склонности и удовлетворенности от взаимодействия с участниками уголовного процесса;
- в практической сфере — в осознании своих реальных возможностей влияния на процесс расследования преступлений[6].

Проявление профессионализма имеет широкий спектр градаций, начиная от дилетантства (поверхностных профессиональных знаний, умений и навыков) и заканчивая формированием жестких профессиональных стереотипов (гипертрофированное развитие профессиональной Я-концепции). В тех случаях, когда личность следователя не способна преодолеть профессиональные стереотипы в других социальных ролях, не перестраивает свое поведение сообразно меняющимся условиям и ожиданиям окружающих, профессионализм перерастает в профессиональную деформацию личности.

В связи с этим проблематика формирования и развития профессионально-психологической устойчивости следователей имеет в настоящий момент максимально высокую актуальность и перспективную социальную значимость.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ!



Багмет А.М., Бычкова Е.И., Сунцова Е.А. **Конституционное право России: Схемы и определения**: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 208 с.

Раскрываются традиционные для учебной дисциплины, науки и отрасли конституционного права вопросы, представленные в виде схем и основных определений.

Для курсантов, слушателей и студентов юридических вузов и специальностей, а также для всех интересующихся проблемами конституционного права России.

[6] *Акентьев П.В., Скрыпников А.И., Зубрилова И.С., Корнева Л.С.* Указ соч.

УДК 343.1
ББК 67

Елена Александровна КУРНЫШЕВА,
заместитель директора Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», декан четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижнем Новгороде), почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат педагогических наук
E-mail: kurnysheva@yandex.ru

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ — ГЛАЗАМИ ПРАКТИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются предполагаемые новеллы российского уголовного процесса, связанные с институтом следственных судей, приводятся разные точки зрения и делается вывод о преждевременности введения указанных должностей в судебную систему страны.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, судья, следственный судья, судебный следователь

Elena Alexandrovna KURNYSHEVA,
Deputy Director of the Institute of Advanced FGKOU IN «Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation», the dean of the faculty of the fourth training (with a dislocation in the city of Nizhny Novgorod), Fellow Russian Investigative Committee, Ph D. ped. sciences
E-mail: kurnysheva @ yandex.ru

THE CREATION OF THE INVESTIGATING JUDGES – THROUGH THE EYES OF PRACTITIONERS

Annotation. The article deals with the alleged novelty of the Russian criminal proceedings connected with the institution of the investigating judges, are different points of view and concluded that it was premature introduction of these posts in the judicial system of the country.

Keywords: criminal trial, the investigator, the judge, the investigating judge, the coroner

Реформирование уголовного судопроизводства, начавшееся более 10 лет назад, продолжает оставаться актуальным и сегодня.

На современном этапе, предлагаемые новеллы российского уголовно-процессуального законодательства по созданию института следственных судей стали предметом бурных дискуссий.

Следует заметить, что идея необходимости введения в уголовное судопроизводство России института специализированных следственных судей достаточно известна российской уголовно-процессуальной доктрине[1]. Поддерживая мнение Н.Н. Ковтун[2], полагаем, что научный интерес к обсуждению этой проблемы действительно резко активизируется лишь в контексте известных заявлений высших руководителей Российского государства[3].

[1] См.: *Смирнов А.В.* Предисловие // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2003. С 21—22; *Муратова Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань, 2004; *Мельников В.Ю.* Судебная реформа — некоторые вопросы судебного контроля // Российский судья. 2008. № 1.

[2] Режим доступа: www. iuaj.net (дата обращения: 15.09.2015).

[3] Например, в 2003 г. эта идея была озвучена на встрече В.В. Путина с представителями правозащитных организаций и правоохранительных органов. См.: *Российская* газета. 2003. 10 декабря. В 2005 г. она дважды обсуждалась в рамках круглого стола «Правовые механизмы противодействия пыткам, насилию и другим злоупотреблениям властью на досудебной стадии уголовного производства» (Государственная Дума РФ, 16 мая 2005 г.) и в ходе общественных слушаний «Гражданское общество и судебная реформа», проводимых Советом при Президенте РФ по содействию и развитию институтов гражданского общества и правам человека 11—12 февраля 2005 г.

Сегодняшняя дискуссия не является исключением. 14 октября 2014 г. Президент России по итогам заседания Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека рекомендовал Верховному Суду РФ изучить вопрос о возможности введения института следственных судей. Вновь началось оживленное обсуждение предполагаемого реформирования уголовного судопроизводства.

По данному вопросу уже разработана концепция, и даже проект федерального закона[4].

Тем не менее о необходимости и целесообразности введения данного института среди ученых не затихают споры. В основном позиции расходятся в вопросе получения тех результатов, которые предсказывают авторы выдвинутой идеи.

Противоположную позицию занимают А.В. Головко[5], Никонов М.А.[6], Боруленков Ю.П.[7]

По мнению М.Л. Позднякова, введение института следственных судей не приведет к кардинальному изменению в уголовном судопроизводстве[8], при этом же он отмечает, «что среди всех высказанных позиций явно доминируют положительные оценки»[9].

Данную точку зрения подтверждает и А.В. Смирнов, указывая, что «в поддержку идеи высказались многие видные юристы и общественные деятели. Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин, намечая направления развития правосудия, уже не в первый раз говорит о том, что воссоздание корпуса следственных судей может помочь решить ряд системных проблем уголовного процесса. (См.: Конституция живет в законах // РГ. 2014. 17 декабря.) За введение этого института высказались члены совета экспертов в «Российской газете», авторитетные правоведы: судья и экс-заместитель Председателя Конституционного Суда РФ в отставке Т.Г. Морщакова, проректор МГУ С.М. Шахрай и полномочный представитель Правительства Российской Федерации в высших судебных инстанциях М.Ю. Барщевский. (См.: Главный по арестам. Следственные судьи защитят от незаконных дел // РГ.) В числе десяти радикальных шагов, призванных обеспечить независимость судей, назвали учреждение института следственных судей как гарантию состязательности процесса и реальной возможности для защиты обвиняемых такие видные юристы, как председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Андрей Клишас, советник Президента Российской Федерации и председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Михаил Федотов и др. (См.: Суд идет. Сам. Именитые юристы предложили десять радикальных перемен для гарантии полной независимости судей // РГ.) Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б.Ю. Титов выразил надежду на скорейшую реализацию этого института»[10].

Изучение публикаций о введении следственных судей позволяет говорить, что в поддержку новеллы российского уголовного процесса выступают в основном представители Конституционного Суда и адвокаты, ученые и бизнесмены, политики.

Отрицательную позицию относительно следственных судей заняли Генеральная прокуратура РФ, Верховный Суд РФ, МВД России[11], т.е. те, кто непосредственно связаны с уголовным судопроизводством в повседневной практической деятельности.

Предлагаемые нововведения вплотную касаются и органов предварительного следствия, поэтому полагаем, что их точка зрения в обсуждении такого важного вопроса также интересна.

По нашему мнению, практические работники, или, как их именует А.В. Смирнов, «правоведы в погонах»[12], должны активнее включиться в дискуссию по обсуждаемому вопросу. В противном случае можно оказаться перед фактом необходимос-

[4] См.: *Морщакова Т.Г.* О компетенции и порядке формирования института следственных судей в РФ; концепция А.В. Смирнова «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе»; проект ФЗ «О следственных судьях в РФ» профессора Н.Г. Муратовой.

[5] Режим доступа: http://rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

[6] *Никонов М.А.* Модели института следственного судьи: особенности построения, выгоды и издержки // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 30—37.

[7] Режим доступа: www. advgazeta.ru (дата обращения: 15.09.2015).

[8] *Поздняков М.Л.* Перспективы института следственных судей // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 25.

[9] Там же. С. 22.

[10] Режим доступа: http://rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

[11] Режим доступа: http://gulagu.net_(дата обращения: 15.09.2015).

[12] Режим доступа: http://rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

ти исполнения закона с множеством проблем его применения, как это было, например, при принятии Уголовно-процессуального кодекса РФ[13].

Следуя этой мысли, в рамках настоящей статьи попытаемся обосновать точку зрения преждевременности введения в российское уголовное судопроизводство спорного института.

Первое, на что, полагаем, необходимо обратить внимание, — исторические аспекты должности «следственный судья».

Сторонники введения этого процессуального лица опираются на российский и зарубежный опыт, указывая, что «похожий институт существовал в дореволюционной России»[14], «следственные судьи с теми или иными особенностями существуют в настоящее время во Франции, Бельгии, Испании, Нидерландах, Швейцарии, Германии. Этот институт на постсоветском пространстве действует в Латвии, Литве, Молдове, Казахстане. В 2012 г. на Украине был принят новый УПК, в котором также была регламентирована деятельность следственного судьи»[15].

Представляется необходимым рассмотреть указанную позицию.

По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. второй стадией уголовного процесса было предварительное следствие, которое производилось особым лицом — судебным следователем. Судебный следователь учреждался при окружных судах, следователи должны были под надзором прокуратуры вести предварительное расследование преступлений на участках, которые были закреплены за ними. Закон предусматривал очевидный набор следственных действий: допрос обвиняемых и свидетелей, личный осмотр, осмотр места происшествия, обыск, выемка, судебно-медицинское освидетельствование, получение заключения эксперта (сведущего лица).

Таким образом, история российского уголовного судопроизводства не знает института следственного судьи, основная функция которого, по мнению сторонников нововведений в современный уголовный процесс, должна сводиться к контролю предварительного следствия, следовательно, в том виде, в каком этот институт предлагается, он исторических оснований не имеет.

Что же касается зарубежного опыта, то обратимся к исследованию ученых-юристов.

Н.Н. Ковтун: «...Франция не только постепенно отказывается от соединения в статусе одного и того же публичного субъекта процесса одновременно функций предварительного следствия и судебного контроля за применением мер процессуального принуждения, прямо апеллируя в последнем вопросе к полномочиям «судьи за свободами и заключением», но и все явней ставит вопросы о необходимости ликвидации фигуры самого следственного судьи. Германия, реформируя в 1974 году досудебное производство по уголовным делам, вообще отказалась от следствия и от фигуры следственного судьи (по функции — следователя), не считая, видимо, подобную форму и субъекта расследований достаточно отвечающими принципу raison d'être на современном этапе развития государства. В указанном направлении явно реформируется и уголовное судопроизводство Швейцарии и Бельгии, а также уголовно-процессуальное законодательство ряда стран на постсоветском пространстве»[16].

Ю. Счастливцева отмечает: «При оценке эффективности института следственного судьи выделяют серьезные проблемы, с которыми сталкивается французский уголовный процесс. ... Однако дискуссия о возможной ликвидации института следственного судьи вызвала резкую реакцию Совета Европы, который в Резолюции 2009 г. «О политически мотивированных злоупотреблениях в системе уголовного правосудия государств — членов Совета Европы» написал: «...предлагаемая ликвидация института следственных судей во Франции и передача большей части их полномочий стороне обвинения многими рассматриваются как попытка политических властей усилить свое влияние на рассмотрение наиболее деликатных дел»»[17].

По мнению И.Е. Идирова, «опыт Украины в данной сфере не является уникальным и безукоризненным и имеет свои недостатки... но украинский законодатель, создав впервые среди стран СНГ должность следственного судьи и наделив его реальными судебно-контрольными полномочиями на основе европейского опыта, показал свою

---

[13] Еще до вступления УПК РФ в силу (01.07.2002 г.) в 60 статей 29 мая 2002 г. были внесены изменения. В первый год действия УПК РФ принято пять федеральных законов о внесении изменений, а за 13 лет таких законов принято более 100, практически изменение претерпела каждая норма. Постановлениями Конституционного Суда РФ не соответствующими Конституции РФ признаны положения более 30 статей УПК РФ.

[14] *Интервью* Т.Г. Морщаковой «В праве лозунги и декларации не работают» // Уголовный процесс. 2015. № 6. С. 14.

[15] *Ивер Гаспарян.* Нужен ли нам следственный судья? // АГ. 2015. № 4.

[16] Режим доступа: www. iuaj.net (дата обращения: 15.09.2015).

[17] Режим доступа: http://www. kaktam. info (дата обращения: 15.09.2015).

принципиальную позицию относительно ключевого места и роли суда в досудебном судопроизводстве по уголовным делам, призванного защищать права и свободы человека»[18].

Трехлетний опыт работы следственных судей на Украине показывает разные отношения к их деятельности, в том числе и по защите прав и интересов гражданина и человека[19].

Оценивая введение в российский уголовный процесс следственного судьи через призму опыта других государств, следует обратить внимание на неоднозначность мнений о его эффективности. Поэтому полагаем, что по данному вопросу требуется более глубокое изучение опыта зарубежных стран.

Изучить, по нашему мнению, — значит провести такое научное исследование, основанное на практике, которое бы позволило понять сущность возникшей проблемы и убедило через ее познание в том, что именно институт следственных судей сможет искоренить многие проблемы российского уголовного процесса, и в первую очередь по защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства: потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Первым назван потерпевший не случайно. Несмотря на то что ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ пронизан нормами, защищающими права и свободы подозреваемого и обвиняемого, не следует забывать, что таковыми они становятся при условии несоблюдения самими правил поведения в обществе, нарушение которых государством установлено как преступления.

Общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания, всегда совершается при нарушении прав, свобод и интересов других. Диспозиции норм УК РФ, определяя то или иное деяние преступным, указывают, на что оно посягает. Отсюда вытекает, что главной фигурой уголовного права является лицо, в отношении которого совершено противоправное деяние.

Правовой же статус «потерпевшего» это лицо приобретает в уголовном процессе, а здесь его роль отходит на второй план.

Рассматривая же потерпевшего во взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права, полагаем, что именно это лицо является тем, чьи права и интересы должны не только охраняться уголовным законом, но и в первую очередь соблюдаться и защищаться в полном объеме и в уголовном процессе.

По этой причине трудно воспринимается позиция отдельных сторонников введения института следственных судей.

Например [20], на вопрос одного из приверженцев концепции о реализации прав потерпевших ответ опирался на конституционную обязанность государства по защите прав этой категории субъекта уголовного процесса, но так и не показал роли следственного судьи в защите прав и интересов потерпевшего — важного участника уголовного судопроизводства.

Неубедительной, по нашему мнению, является и точка зрения автора концепции, особенно когда речь идет о том, что «следственный судья по ходатайству сторон назначает следующие судейские следственные действия: допросы, очные ставки, проверки показаний на месте, производство судебных экспертиз». Комментируя это положение, автор указал: «...такой выбор обусловлен, прежде всего, интересами обеспечения принципа непосредственности исследования доказательств, или «права на очную ставку», ибо обе стороны, как правило, лично участвуют в ходе судейских следственных действий в допросе свидетелей и потерпевших»[21].

Заинтересованность обвиняемого в «допросе» потерпевшего очевидна. А как быть с охраной прав и интересов потерпевшего (ч. 3 ст. 11 УПК РФ)? Не нарушает ли предлагаемое нововведение «право на очную ставку» уже действующих уголовно-процессуальных норм в целях обеспечения безопасности потерпевшего? Так, ч. 5 ст. 278 УПК РФ предусмотрен допрос потерпевшего в условиях, исключающих визуальное наблюдение его другими участниками судебного разбирательства, ч. 5 ст. 280 УПК РФ допускается допрос несовершеннолетнего потерпевшего в отсутствие подсудимого.

Нет ответа и на вопрос о применении следственным судьей в ходе следственных действий аудио- и видеозаписи, киносъемки, фотографирования.

[18] Режим доступа: http://lexandbusiness.ru (дата обращения: 15.09.2015).

[19] См.: *Ковтун Н.Н.* Следственный судья Украины: анализ юрисдикционных и следственных функций в контексте российских процессуальных аналогов // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 26—32; С.М. Шамшинурова — источник: http://oaji.net; А. Банчук — источник www. pravo.org.ua; Ю. Стаценко — источник: ut. kiev.ua. На Украине создан прецедент, когда следственный судья делает вывод о невиновности подозреваемого, Источник: Ukranews.com

[20] *Интервью* Морщаковой Т.Г. «В праве лозунги и декларации не работают». С. 17.

[21] Режим доступа: http://rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

Кроме того, уголовно-процессуальный закон (ст.194 УПК РФ) не допускает одновременной проверки на месте показаний нескольких лиц. В противном случае данное следственное действие теряет свое смысловое значение, а что касается проверки показаний потерпевшего на месте, например, по половым преступлениям, так просто трудно вообразить, когда в присутствии обвиняемого потерпевшая будет воспроизводить события совершенного в отношении нее, например, изнасилования.

Исходя из позиции сторонников реформирования уголовного судопроизводства, понимается следующее: права и интересы потерпевшего в ходе судебного разбирательства как соблюдались, так и будут соблюдаться и защищаться, а вот в ходе предварительного следствия в процессе проведения следственных действий следственным судьей возможно их ограничение.

По нашему мнению, вопрос о защите прав и законных интересов потерпевшего авторами предлагаемых нововведений рассмотрен не до конца и требует более подробного изучения в контексте всех норм уголовно-процессуального законодательства.

Коренное реформирование уголовного судопроизводства, а именно такое предлагается сторонниками института следственных судей, должно быть вызвано назревшей необходимостью, которую осознают все юристы, связанные с уголовным процессом.

На сегодняшний же день, как отмечено в публикации Генеральной прокуратуры РФ, «повода к столь радикальным выводам действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не дает»[22].

Сторонниками реформы приводятся данные, которые, по нашему мнению, можно толковать поразному, а это не придает убедительности в правильности выдвинутой идеи.

По мнению ряда юристов, в том числе и автора концепции, «в российских судах сейчас царит обвинительный уклон, так как более 99% дел заканчиваются осуждением подсудимых»[23]. Эта статистика, как нам кажется, является положительной, так как говорит о добросовестности следственных органов по сбору доказательств виновности обвиняемых и убежденности суда в виновности подсудимых. Высказывая свою точку зрения, автор при такой ситуации не приводит данных о нарушении прав и интересов осужденных, например, сколько обвинительных приговоров отменено, а осужденных оправдано и т.п. Поэтому возникает вопрос: если 99% уголовных дел, рассмотренных судом оканчивается обвинительным приговором, почему это следует расценивать как негативную позицию судебных органов, связанную с обвинительным уклоном?

Далее автор концепции утверждает: «...здравый смысл подсказывает, что положение может быть исправлено лишь в одном случае — если между противоборствующими сторонами будет поставлен нейтральный и независимый арбитр — следственный судья»[24].

То есть при создании института следственного судьи осуждением подсудимых будут заканчиваться, по мнению автора, не 99% дел, а гораздо меньше. Тогда зачем нужен следственный судья? По нашему мнению, при судебном контроле предварительного следствия в судебном заседании обвинительными приговорами должны заканчиваться 100% уголовных дел.

Поднятый вопрос действительно актуален, но он нуждается, как и отмечал Президент страны, в изучении, которое необходимо провести всесторонне, с привлечением к обсуждению всех сторон — участников уголовного судопроизводства в целях поиска как научно обоснованных предложений разрешения наиболее явно обозначивших себя проблем и вопросов российского уголовного процесса, так и анализа судебно-следственной практики.

Список литературы

1. *Смирнов А.В.* Предисловие // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2003.

2. *Муратова Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань, 2004.

3. *Мельников В.Ю.* Судебная реформа — некоторые вопросы судебного контроля// Российский судья. 2008. № 1.

4. *Ковтун Н.Н.* Судебный следователь и следственный судья — разные субъекты правовых отношений // www. iuaj.net (дата обращения: 15.09.2015).

5. *Головко А.В.* Институт следственных судей: американизация путем манипуляции // РАПСИ. Режим доступа: http://rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

[22] Режим доступа: http://genproc.gov.ru (дата обращения: 15.09.2015).

[23] Режим доступа: http://rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

[24] Режим доступа: http://rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

6. *Никонов М.А.* Модели института следственного судьи: особенности построения, выгоды и издержки // Уголовный процесс. 2015. № 6.

7. *О формировании* института следственных судей // www. advgazeta.ru (дата обращения: 15.09.2015).

8. *Поздняков М.Л.* Перспективы института следственных судей // Уголовный процесс. 2015. № 6.

9. *Смирнов А.В.* Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // http://rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

10. *Смирнов А.В.* Институт следственных судей: манипуляции с «американизацией» и «объективной истиной // РАПСИ. Режим доступа: http:// rapsinews.ru (дата обращения: 15.09.2015).

11. *Интервью* Т.Г. Морщаковой «В праве лозунги и декларации не работают» // Уголовный процесс. 2015. № 6.

12. *Нвер Гаспарян.* Нужен ли нам следственный судья? // АГ. 2015. № 4.

13. *Корня А.* Генпрокуратура отвергла идею правозащитников о создании института следственных судей // http://gulagu.net_(дата обращения: 15.09.2015).

14. *Счастливцева Ю.* «Следственный судья»: возвращение института? // http://www. kaktam. info (дата обращения: 15.09.2015).

15. *Индиров Е.И.* Становление института следственного судьи: некоторые особенности казахстанского уголовного процесса // http://lexandbusiness.ru (дата обращения: 15.09.2015).

16. *Ковтун Н.Н.* Следственный судья Украины: анализ юрисдикционных и следственных функций в контексте российских процессуальных аналогов // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3.

17. *Шамшинурова С.М.* // http://oaji.net (дата обращения: 15.09.2015).

18. *Банчук А.* Следственный судья в новом УПК Украины 2012» // www. pravo.org.ua; (дата обращения: 15.09.2015).

19. *Стаценко Ю.* Следственный судья судьи не ровня // Режим доступа: ut. kiev.ua. (дата обращения: 15.09.2015).

20. *В Украине* создан прецедент, когда следственный судья делает вывод о невиновности подозреваемого // Ukranews.com. (дата обращения: 15.09.2015).

21. *Официальный* сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // http://genproc.gov.ru (дата обращения: 15.04.2015).

УДК 343.1
ББК 67.411

Игорь Викторович МАСЛОВ,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики
ФГКВОУ ВПО «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации»
E-mail: igormaslof@rambler.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс
12.00.11 — Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УПРАВЛЕНИЕ

Аннотация. Системные связи в уголовном судопроизводстве, влияние законов управления на принятие процессуальных решений, преемственность досудебного и судебного производства, причины профанации процессуальной компетенции официальными участниками.

Ключевые слова: процессуальные функции следователя, прокурора и его помощника, система органов правоохраны

Igor Viktorovich MASLOV,
Candidate of Legal Sciences, Senior lecturer in criminalistics
FGKVOU VPO «Military University
Ministry of Defence of the Russian Federation»
E-mail: igormaslof@rambler.ru

Scientivic specialty: 12.00.12 — Criminal process
12.00.11 — Judicial activity, prosecutorial activities, human rights and law enforcement

CRIMINAL PROCESS AND MANAGEMENT

Annotation. A communication system in criminal proceedings, the impact of legislation on the management decision-making process, the continuity of pre-trial and court proceedings, reasons of procedural competence profanity official members

Keywords: procedural functions of the investigator, prosecutor and his assistant, the system of law enforcement

Под дефиницией «уголовный процесс» могут пониматься близкие, но не тождественные понятия: наука, учебная дисциплина и непосредственное правоприменение – «живой уголовный процесс».

Наука и учебная дисциплина уголовного процесса, как правило, не употребляют управленческих дефиниций и не рассматривают управленческих вопросов. Единственным исключением является руководитель (начальник) следственного органа, чьи правомочия, как правило, комбинируются из административных (управленческих) и процессуальных составляющих[1].

Вместе с тем многие исследователи указывают на то, что «живой процесс» — судопроизводство является системой – целым, состоящим из структурных элементов. Если мы говорим об антропогенной системе[2], выстроенной на основе централизации и вертикальной иерархии, то следует говорить об управлении одних процессуальных субъектов другими и подчинении последних первым.

Рассматривая вопросы соотношения процессуальных и управленческих отношений при реализации функции отправления правосудия, И.Б. Михайловская указала на их тесную связь[3]. В настоя-

[1] См.: *Комментарий* к УПК РСФСР / Под ред. А.М. Рекункова, А.М. Орлова. М.: Юрид. лит., 1981. С. 174; *Научно-практический* комментарий к УПК РСФСР / Под ред. В.М. Лебедева и В.П. Божьева. М.: Спарк, 1998. С. 244, 174; *Комментарий* к УПК РФ / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2002. С. 82; *Борисов А.Б.* Комментарий к УПК РФ. 4 изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2008. С. 67.

[2] Антропогенные системы — созданные благодаря осознанной волевой и целенаправленной деятельности человека; см.: *Черноухов С.А.* Антропогенные системы и человек: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. СПб., 2010. С. 8 // http://history. spbu.ru/userfiles/aspir/autorefs/Chernouhov.pdf. (дата посещения: 5 апреля 2013).

[3] См.: *Михайловская И.Б.* Соотношение процессуальных и управленческих отношений в уголовном судопроизводстве // Гос. и право. 2011. № 7. С. 27.

щее время проблематика влияния управленческих законов на принятие процессуальных решений судьи разрабатывается Ю.А. Цветковым[4]. В отличие от судебных стадий в ходе досудебного производства процессуально значимые решения принимаются в условиях тактического риска, являющегося «закономерным компонентом следственной деятельности»[5], а компетентные субъекты наделяются широчайшей дискрецией. Подобные условия предопределяют, что управленческие и процессуальные функции не просто связываются друг с другом, а имеют характер взаимопроникновения, переплетения и сменяемости. При рассмотрении внутрисистемных связей (следователь — руководитель следственного органа, а также межсистемный прокурор — органы предварительного расследования) на основе конкретного практического примера выделить случаи реализации только процессуальных или исключительно управленческих полномочий практически невозможно.

Если рассмотреть системные связи в досудебном производстве на основе УПК РСФСР (1923) и системное построение органов прокуратуры[6], то следует вывод, что прокурор имел одного помощника – следователя, «помощника прокурора по следствию»[7]. Следователь под процессуальным руководством прокурора осуществлял расследование, на основе выводов которого прокурор поддерживал государственное обвинение в суде. Данной системной конструкцией обеспечивалась процессуальная преемственность досудебного и судебного производства, а между следователем и прокурором не мог возникнуть конфликт интересов в части хода, направления, пределов расследования и оценки его результатов. Прокурор, используя свои процессуальные и управленческие полномочия, указывал следователю, что и как ему следует делать в пределах стратегии для получения необходимого результата в суде, а следователь уже определял тактику, в рамках которой и был процессуально независим.

В последующем, после реформы конца 1950-х годов, прокурор обзавелся и вторым процессуальным помощником, реализующим функцию государственного обвинения в суде[8]. При этом директивные документы Генерального прокурора требовали от прокуроров поддерживать государственное обвинение по наиболее сложным и резонансным делам, не перекладывая реализацию этой функции в полном объеме на помощника. Данной системной конструкцией также обеспечивалась процессуальная преемственность досудебного и судебного производства, но уже не в такой жесткой форме.

В настоящее время системные связи между прокурором, его помощником и следователем имеют совершенно иной характер.

Во-первых, выделением из органов прокуратуры следственных подразделений, расследующих преступления наибольшей общественной опасности и в связи с этим и сложности, разрушена системная связь следователь — прокурор. Тактические риски, которые раньше брали на себя прокуроры, неся ответственность за результативность действий своего помощника по следствию, в современных условиях переложены на следственные органы. Это предопределяет столкновение следственных и прокурорских интересов при оценке следственной работы. Именно поэтому прокуроры оценивают качество дознания выше, чем качество следствия, а тем более следствия в Следственном комитете[9].

Особо выделим, что по отдельным категориям преступлений, отнесенных к подследственности дознания, расследование из творческой деятельности превратилось в технологический процесс: в уголовных делах изменяются только фамилии участников, время и место совершения преступления, все остальное, включая не только постановления, но и протоколы следственных действий, производится путем копирования компьютерных файлов. Расследование оценивается на «отлично», когда имеется прямое доказательство, подкрепленное хотя бы одним косвенным и увенчанное признанием виновного. Когда прямых доказательств нет, а собраны только косвенные, обвиняемый отри-

[4] См.: *Цветков Ю.А.* Игры в правосудие: как увеличить выигрыш // Уголовный процесс. 2015. № 12. С. 13—17.

[5] *Криминалистика*: Учебник / Под ред. Е.П. Ищенко. М.: Юрист, 2000 // http://www. bibliotekar.ru/criminalistika-1/139.htm (дата посещения: 31 мая 2015).

[6] См.: *Положение* о Прокуратуре Союза ССР Утверждено постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 17 декабря 1933 rhttp://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381148 (дата посещения: 19 сентября 2015).

[7] То, что прокурор хозяин расследования, а следователь его помощник по следствию концепция А.Я. Вышинского, сформулированная в конце 20-х годов прошлого века. См.: *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013. С. 52.

[8] Данный вывод сделан на основе системного анализа норм УПК РСФСР (1960) и Закона «О прокуратуре СССР» от 30 ноября 1979 г. См.: *Ведомости* Верховного Совета ССР. 1979. № 49. Ст. 935 // http://www. zaki.ru/pagesnew.php? id=1793&page=1 (дата посещения: 19 сентября 2015).

[9] См.: *Синельщиков Ю.П.* Перспективы развития законодательства о прокуратуре в сфере досудебного производства // Законность. 2015. № 10. С. 6—9.

цает причастность к преступлению, мотивы и цели которого вариативны, то проще отказаться от утверждения обвинительного заключения. Чем хуже работает следователь и чем больше в его работе не только ошибок, но и огрехов и недочетов, порой мелочных, что на них не обращают внимания даже защитники, тем лучше показатели работы органов прокуратуры. Равно как и наоборот, если следователь сработал «идеально» и нет оснований для принятия мер прокурорского реагирования, то тем хуже показатели работы прокурора.

Во-вторых, системная связь между досудебным и судебным производством полностью утрачена. Прокурор полностью переложил на своих помощников реализацию процессуальной функции, став только руководителем органа прокуратуры как системы. Особо ярко это проявляется в крупных прокуратурах, где существует полное разделение труда между помощниками прокурора. Надзор за расследованием осуществляет один помощник, в заседаниях при осуществлении судом контрольных функций (жалобы, меры пресечения, санкционирование следственных действий) участвует другой, государственное обвинение поддерживает третий. И у каждого из них свои показатели работы и соответственно системные интересы.

Все вышеперечисленное приводит к психологическому конфликту, возникающему в воле и сознании лиц, реализующих уголовно-процессуальные функции, в связи с противоречием процессуальных и системных интересов. В практическом воплощении решения, принимаемые как в условиях тактического риска, так и в благоприятной обстановке, формально направлены на достижение целей уголовного судопроизводства, но реально являются не чем иным, как ходом в игре, имеющим скрытую мотивацию, так как предполагается достижение не процессуальных, а системных целей. Судопроизводство становится игрой официальных участников судопроизводства, преследующих разные системные цели. Игра идет не по правилам процессуальной процедуры, а по правилам управленческих начал, содержащихся в системной отчетности. «Объективно у прокурора и органа следствия в силу различия их статуса и роли в уголовном процессе различны и ... целевые установки, у каждого из них свой, условно выражаясь, процессуальный интерес»[10].

Иными словами, разные системные интересы следователя и прокурора вытекают не из того, что они реализуют одну процессуальную функцию, а из того, что у них разная системная отчетность. Данное утверждение нельзя оценивать иначе как подмену и вытеснение процессуального интереса, вытекающего из компетенции и являющегося инструментарием достижения судопроизводственной цели, интересом системным, профанацией процессуальных прав и обязанностей в угоду достижения системных целей.

Следует предположить, что законы управления основаны на объективных законах человеческой психологии, в свою очередь, законы природы лишь проявляется через человеческую психологию. Поэтому законы управления непосредственно действуют не только при наличии процессуальных деклараций, но и даже императивных запретов или предписаний, противоречащих им. Профанация процессуальных прав и обязанностей является следствием антагонизма между законом управления и законом процессуальным.

Уголовный процесс как наука не сможет дать ответа на вопрос: почему орган дознания, на который возложена обязанность исполнения поручений следователя о производстве розыскных и следственных действий, зачастую игнорирует их? В лучшем случае следователь может добиться рапорта оперуполномоченного с формулировкой «не представилось возможным»? И почему обязанность прокурора вручать утвержденное обвинительное заключение обвиняемому охотно берет на себя следователь? Но данную проблему легко объяснит теория управления.

Если процессуальная самостоятельность следователя является необходимостью для достижения цели уголовного судопроизводства, то недостаточно прописать в законе: «следователь процессуально самостоятелен». Гарантировав ее декларацией о недопустимости вмешательства в его деятельность. При конструировании компетенции следователя, как и компетенции иных официальных участников, следует учитывать и управленческие начала.

В настоящее время дискутируется вопрос о необходимости разработки нового уголовно-процессуального кодекса. Представляется, что при законотворчестве необходимо учитывать и управленческие вопросы, проникающие в уголовный процесс через организацию органов правоохраны, включением того или иного субъекта процессуальной деятельности в ту или иную ветвь государственной власти, согласованностью их «внутренних» процессуальных прав и обязанностей. Только в этом случае официальные участники судопроизводства, принимая значимые решения, будут руководствоваться правилами игры, записанными в Уголовно-процессуальном кодексе.

[10] *Горюнов В., Левин И.* Законность уголовного судопроизводства на досудебной стадии // Законность. 2013. № 9. С. 11—14.

УДК 343.1
ББК 67.411

Надежда Валерьевна ОСМАНОВА,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: osmanovanadegda@gmail.com

Александр Михайлович НОВИКОВ,
заведующий кафедрой уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
полковник юстиции
E-mail: alexandernovikov2011@yandex.ru

РОЛЬ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОГО АППАРАТА

Аннотация. Статья посвящена процессуальным и организационным вопросам построения современной модели следственного аппарата и роли становления института подследственности в ее формировании.

Ключевые слова: подследственность, модели организации следственного аппарата, органы предварительного расследования, следственный судья

Nadegda Valer'evna OSMANOVA,
senior lecturer of the department of criminal process of
the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, candidate of juridical science
E-mail: osmanovanadegda@gmail.com

Alexander Mikhailovich NOVIKOV,
Head of the Chair of criminal procedure FGKOU
in the Academy of the investigative Committee
of the Russian Federation,
colonel of Justice
E-mail: alexandernovikov2011@yandex.ru,

THE ROLE OF THE FORMATION OF THE JURISDICTION'S INSTITUTE IN THE FORMATION OF THE MODERN MODEL OF ORGANIZATION OF THE INVESTIGATIVE UNIT

Annotation. the article is devoted to procedural and organizational issues of building modern models of the investigative unit and role of the formation of jurisdiction in its formation.

Keywords: the jurisdiction, models of organization of the investigative units, agencies of preliminary investigation, the investigative judge

Внесенные за последние 15 лет более тысячи поправок в уголовно-процессуальное законодательство существенно изменили формы досудебного производства, институт подследственности[1], прокурорский надзор, ведомственный контроль за осуществлением предварительного следствия и дознания, оказавшие закономерное влияние на формирование современной модели следственного аппарата.

В настоящее время Уголовный кодекс насчитывает более 700 преступных деяний, по нашей оценке, как минимум по 85% из которых осуществляется предварительное следствие. По результатам проведенного исследования определенная в ст. 151 УПК РФ подследственность следователя СК России в разы превышает количество составов преступлений, относящихся к подследственности следователей других ведомств (ФСБ, МВД,

[1] См.: *Османова Н.В.* Деятельность законодателя в построении института подследственности уголовных дел: психологические аспекты // Юридическая психология. 2014. № 3. С. 12—15.

ФСКН). Так, по состоянию на 2013 г. следователь СК России имел право расследовать уголовные дела о 343 различных составах преступлений независимо от категорий тяжести (особо тяжких — 53, тяжких — 82, средней тяжести — 87, небольшой тяжести — 121). В свою очередь, в производстве следователя МВД России могли находиться уголовные дела о 216 различных преступлениях (особо тяжких — 32, тяжких — 92, средней тяжести — 58, небольшой тяжести — 34). В настоящее время указанная ситуация не претерпела значительных изменений и остается по сути аналогичной. К подследственности следователей СК России законодателем отнесены уголовные дела о преступлениях, совершенных членами Совета Федерации и депутатами Государственной Думы, судьями, прокурорами, следователями, должностными лицами ФСБ, СВР, ОВД и др., а также о преступлениях, отнесенных к категориям тяжких, особо тяжких, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних. К данным категориям тяжести преступлений в настоящее время законодателем отнесено более 260 составов преступлений.

На протяжении всего исторического становления института подследственности расследование уголовных дел в отношении несовершеннолетних периодически относилось законодателем к компетенции то следователей прокуратуры, то органов внутренних дел. При этом была и остается проблемой нередко возникающая на практике ситуация, когда уголовное дело по тяжкому, особо тяжкому преступлению возбуждается в отношении неустановленного лица и расследуется следователем другого ведомства. Расследование в подобных случаях на начальной стадии осуществляется в зависимости от предметного признака подследственности, а впоследствии, когда лицо, совершившее преступление, установлено и им оказывается несовершеннолетний, уголовное дело для производства дальнейшего расследования передается по подследственности в СК России.

Вместе с тем столь широкая подследственность уголовных дел следователей СК России вполне объяснима с точки зрения постепенного ее наращивания с последующей перспективой передачи всех уголовных дел в подследственность единого органа расследования.

Подобный анализ можно продолжить и расширить с учетом персональной подследственности, определенной п. «б», «в» ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а также уголовных дел, по которым следователями СК России проводится расследование в форме дознания (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ) или по которым подследственность была определена прокурором в порядке п. 12 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 150 УПК РФ.

Таким образом, к подследственности следователя СК России относится расследование уголовных дел, по нашей оценке, не менее чем по 600 составам преступлений[2], что позволяет утверждать об универсальности данного субъекта уголовного судопроизводства, способного проводить расследование по преступлениям, совершаемым в кардинально противоположных сферах деятельности (преступления против личности, государственной власти, в экономической сфере и др.).

Проведенный анализ целенаправленного постепенного наращивания подследственности СК России позволяет утверждать в основном о достаточно высоком качестве проводимого следователями расследования, что подтверждается как статистическими показателями направленных уголовных дел в суд, низким процентом возвращаемых дел в порядке ст. 221, 237 УПК РФ, числом вынесенных оправдательных приговоров и др., так и социологическими опросами ВЦИОМ, свидетельствующими о том, что жители страны позитивно оценивают деятельность СК России, видят в нем государственный орган, реально защищающий их права[3].

Исследование исторического пути становления и реформирования следственного аппарата в российских органах, позволяет определить СК России как вневедомственный следственный орган, по сути являющийся преемником «майорских» следственных канцелярий 1717 г.

Наряду с *вневедомственной моделью* организации следственных аппаратов в различные периоды их становления и развития можно выделить и другие формы структурной принадлежности, последовательно сменяющие и дополняющие друг друга: следственный аппарат при органах правосудия (*судебная модель*) — например, должность судебного следователя, народных следователей при народных судах; следственный аппарат органов прокуратуры (*прокурорская модель*) — следователь прокуратуры; следственный аппарат органов исполнительной власти (*административная модель*) — следователь органов внутренних дел.

Обращаясь к истории образования следственных органов и формирования СК России как ведомства, обладающего весьма широкой самостоятельностью и независимостью (по сравнению с

[2] Для сравнения: фактическая численность следователей СК России по различным экспертным оценкам в два-три раза меньше, чем в МВД России.

[3] *А.И. Бастрыкин* выступил на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. URL: http://www. sledcom.ru/news/item/886789/ (дата обращения: 05.02.2015).

существовавшей по ранее действующему законодательству принадлежностью к органам прокуратуры), следует отметить, что немаловажную роль в его становлении сыграли увеличение количества деяний, относимых законодателем к преступным, «набирающая обороты» подследственность, а также необходимость повышения объективности прокурорского надзора.

Становление института подследственности связано с принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства, в положениях которого прямо прослеживалась взаимосвязь между подследственностью органов следствия и подсудностью уголовных дел.

В дальнейшем после революции 1917 г., согласно декрету СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 г. № 1[4], подследственность органов предварительного следствия в целом продолжала определяться подсудностью соответствующего звена судебной системы, зависимостью следственной и судебной деятельности (за исключением расследования по делам о контрреволюционных и воинских преступлениях, производство по которым осуществлялось образованным в 1918 г. единым Следственным отделом ВЧК).

Первые шаги на отделение следственной деятельности от судебной были сделаны с принятием декретов СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г.[5], «О суде» от 7 марта 1918 г. № 2[6] и «О суде» от 13 июля 1918 г. № 3[7], положивших начало развитию персональной подследственности: уголовные дела об общественно опасных деяниях несовершеннолетних в возрасте до 17 лет были изъяты из подсудности судов и переданы в ведение комиссий для несовершеннолетних, расследовавших дела указанной категории.

Следующий, по нашему мнению, значительный этап становления института подследственности и формирования независимого от судебной власти органа следствия связан с принятием первого УПК РСФСР 1922 г., созданием системы органов дознания и необходимостью разграничения форм предварительного расследования.

Появление дознания — новой независимой от судебной власти формы предварительного расследования — повлияло и на отделение следователей от судебного ведомства, организационная принадлежность к которому прослеживалась как по УУС 1864 г., так и по УПК РСФСР 1922 г. При этом процессуальное руководство по советскому уголовно-процессуальному законодательству 1922 г. предварительным следствием осуществлялось прокурором: он мог давать следователю обязательные для него указания о направлении хода расследования, руководить им (ст. 121 УПК РСФСР).

Необходимо отметить, что начиная с 1918 г. вопрос определения места следственного аппарата в системе государственных органов возникал неоднократно и был теснейшим образом связан с разрешением вопроса о возможном наделении органов внутренних дел функцией расследования уголовных дел в форме дознания.

Принятый в 1923 г. УПК РСФСР еще более расширил полномочия прокурора, закрепив за ним право разрешения споров о подследственности и передав в организационное подчинение органов прокуратуры в следственный аппарат. Однако к существовавшему перечню следственных должностей были добавлены следователи военных и военно-транспортных трибуналов, относившиеся к судебному ведомству, при этом производство предварительного следствия существенных изменений не претерпело.

Таким образом, в начале 1920-х годов наметился переход от судебной модели к прокурорской и, как отмечается учеными, «на пути советских судебных следователей встала прокуратура ... судебной модели построения следственного аппарата суждено было просуществовать совсем недолго»[8].

Окончательный переход к прокурорской модели состоялся в 1929 г., когда военные следователи перешли в подчинение органов военной прокуратуры, и начавшаяся в 1860 г. история российских судебных следователей закончилась.

Необходимость снижения постепенно нарастающей на следственный аппарат прокуратуры нагрузки по расследованию уголовных дел обусловила внесение изменений в институт подследственности за счет уголовных дел о преступлениях, не представляющих в доказывании особой сложности. Начиная с 1925 г.[9] из подследственности следователей неоднократно исключали отдельные виды преступлений с дальнейшей их передачей органам дознания.

[4] *Декрет* СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

[5] *Декрет* ВЦИК от 14.01.1918 «О комиссиях для несовершеннолетних» // СУ РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

[6] *Декрет* ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

[7] *Декрет* ВЦИК от 13.07.1918 № 3 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

[8] *История* органов следствия России: Хрестоматия. М., 2015. С. 11.

[9] *Декрет* ВЦИК и СНК РСФСР от 27.07.1925 «Об изменении статьи 108 УПК РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 55. Ст. 417.

Последующее реформирование системы органов расследования было обусловлено в целом указанными обстоятельствами, а также тем, что, как отмечают ученые[10], немногочисленный следственный аппарат, находящийся в распоряжении прокуратуры, не всегда справлялся с расследованием уголовных дел, отнесенных к их подследственности.

В связи с этим следователь получил право[11] с разрешения прокурора передавать органам дознания для расследования любое уголовное дело о преступлениях, по которым требовалось производство предварительного следствия, изменяя тем самым подследственность уголовных дел, закрепленную в УПК РСФСР 1923 г.

Указанные обстоятельства повлияли, как указывает З.Ф. Коврига[12], на то, что высокая загруженность следователей прокуратуры снижала качество и быстроту расследования преступлений, а само расследование фактически производили органы дознания.

Создание в конце 1930-х годов следственных подразделений (в органах госбезопасности и милиции) Наркомата НКВД (в последующем НКГБ–МГБ), заменивших, по мнению М.С. Строговича, органы прокуратуры[13], обусловило начало перехода к административной модели и в значительной мере ускорило создание следственного аппарата в системе Министерства охраны общественного порядка (в настоящее время — МВД России)[14].

Изложенное свидетельствует о том, что всегда, когда отмечались значительные нагрузки по расследованию уголовных дел в следственном аппарате одних органов, вставал вопрос о создании новых органов расследования преступлений.

В связи с этим подследственность следователей органов внутренних дел была установлена в первую очередь за счет значительного сокращения перечня уголовных дел, расследуемых органами дознания, и путем передачи расследования по отдельным категориям уголовных дел от следователей прокуратуры следователям органов внутренних дел. Так, в 1965 г. к ведению следственных подразделений МООП РСФСР отнесены наиболее сложные дела о хозяйственных преступлениях[15], в 1978 г. — о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и с их участием[16], а с 1 января 1997 г. — о преступлениях, совершенных в экономической сфере[17].

С момента создания следственного аппарата в системе МООП РСФСР начала формироваться научная позиция[18] о целесообразности перехода к вневедомственной модели построения следственного аппарата и создания Следственного комитета. Указанные идеи впоследствии нашли свое отражение и в ряде законопроектов 1990 г.: «О Следственном комитете РСФСР», «О статусе следователя», «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» и др., в которых содержались соответствующие разъяснения и представлен механизм формирования вневедомственного Следственного комитета, подотчетного непосредственно Верховному Совету РСФСР в качестве конституционного органа.

К сожалению, разработанные предложения нашли свою практическую реализацию лишь через 20 лет, в ходе реформы 2007—2011 гг., закончившейся созданием Следственного комитета Российской Федерации[19].

Появление нового следственного органа закономерно повлекло за собой отнесение к его подследственности сначала экономических преступлений, затем налоговых и впоследствии тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении них, при сохранении возможности расследования преступле-

---

[10] См.: *Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И.* Розыск, дознание, следствие. Л., 1984. С. 157.

[11] *Постановление* ВЦИК, СНК РСФСР от 20.10.1929 «Об изменениях УПК РСФСР» // СУ РСФСР. 1929. № 78. Ст. 756.

[12] См.: *Коврига З.Ф.* Дознание в органах милиции. Воронеж, 1964. С. 32.

[13] См.: *Строгович М.С.* Вопросы уголовного процесса и новая Конституция // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 40—46.

[14] *Указ* Президиума Верховного Совета СССР от 06.04.1963 № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка»// Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 16. Ст. 181.

[15] *Указ* Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.12.1965 «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://base. consultant.ru

[16] *Указ* Президиума Верховного Совета РСФСР от 04.04.1978 «О внесении изменений в статью 126 УПК РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://base. consultant.ru

[17] *Федеральный* закон от 21.12.1996 № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР и ИТК РСФСР в связи с принятием УК РФ» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5881.

[18] См.: *Стремовский В.А.* Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов н/Д. 1966. С. 52—72; *Трубин Н.С.* Прокуратура должна заниматься своим делом // Социалистическая законность. 1991. № 3. С. 8.

[19] *Указ* Президента РФ от 27.09.2010 № 1182 «Вопросы Следственного комитета Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 40. Ст. 5043.

ний небольшой и средней тяжести органами предварительного следствия и дознания иных ведомств.

К компетенции СК России отнесено также расследование преступных деяний, совершаемых представителями законодательной, исполнительной, судебной властей, что создает условия для обеспечения конституционного правопорядка и пресечения попыток оказания давления одной из ветвей государственной власти на другую. Теоретические основы конституционно-правового положения СК России позволяют утверждать, что реализуемая в настоящее время следственная власть является элементом президентской власти, а само ведомство выполняет роль противовеса при реализации концепции разделения властей.

Как отмечалось Председателем СК России А.И. Бастрыкиным[20] в декабре 2014 г. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ, СК России не только не входит в структуру какого-либо органа государственной власти, но и не относится ни к одной из ветвей государственной власти, а подчинен непосредственно Президенту РФ и обладает особым конституционно-правовым статусом.

Наличие самостоятельного вневедомственного следственного аппарата, функционирующего вне системы прокурорского ведомства, позволило создать необходимые условия для организационной самостоятельности следственных органов, эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, повышения его объективности и беспристрастности, усиления взаимодействия следственных органов с органами прокуратуры. Данная реорганизация положительно сказалась на состоянии законности в сфере уголовного судопроизводства и обеспечении прав и свобод его участников.

Таким образом, на протяжении всей истории становления и формирования института подследственности прослеживается закономерная деятельность законодателя по поиску оптимальной модели построения следственных аппаратов. При этом в различные периоды, как и в настоящее время, может наблюдаться существование одновременно нескольких моделей: судебной и прокурорской, прокурорской и административной, сейчас — вневедомственной и административной.

К наименее изученным из представленных относятся модели судебного[21] и вневедомственного построения следственных аппаратов. Последняя нашла свою практическую реализацию и весьма неплохо себя зарекомендовала, отстояв право на дальнейшее свое существование. Вместе с тем стремление к реформаторской деятельности, изменению действующего уголовно-процессуального законодательства и возвращению к судебной системе второй половины XIX в. все чаще находит свое отражение в научных разработках[22], касающихся полного перехода к судебной модели построения следственных аппаратов с сокращением соответствующих органов в системе исполнительной власти, созданием корпуса следственных судей из числа наиболее квалифицированных сотрудников СК России и трансформацией ведомства в Судебно-следственный комитет.

Вместе с тем представленный в статье анализ

(1) становления института подследственности, его трансформации;
(2) качества расследуемых следователями СК России уголовных дел, их количества, уровня доверия к работе ведомства со стороны граждан;
(3) распределения между ведомствами полномочий по расследованию преступных деяний;
(4) причин создания новых форм предварительного расследования;
(5) процесса реорганизации органов предварительного расследования, а также обоснование особого конституционно-правового статуса СК России, отсутствия его принадлежности к какой-либо ветви государственной власти или органа, не имеющего своим первоочередным назначением расследование преступлений,

позволяет отстаивать нашу позицию о необходимости сохранения существующей вневедомственной модели построения следственных аппаратов в виде СК России и дальнейшего обеспечения реальных условий самостоятельности и независимости ведомства.

Единственное в настоящее время адекватное организационное предложение построения систе-

[20] *А.И. Бастрыкин* выступил на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. URL: http://www. sledcom.ru/news/item/886789/ (дата обращения: 05.02.2015).

[21] См.: *Серов Д.О.* Судебные следователи Крыма (1861—1917 гг.) // Российский следователь. 2014. № 10. С. 51.

[22] См.: *Смирнов А.В.* Российский уголовный процесс: необходима новая модель // РАПСИ [сайт]. URL: http://www. rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения: 05.02.2015).

мы следственных аппаратов, основанное на тщательнейшем изучении разграничения между органами предварительного расследования подследственности уголовных дел одновременно с анализом нагрузки, имеющей место быть в следственных подразделениях СК России, должно быть основано, по нашему мнению, на увеличении его штатной численности, что благоприятно отразится как на качестве проводимого расследования, так и на соблюдении трудовых прав следователей и дальнейшем совершенствовании вневедомственной модели организации следственных органов.

Список литературы

1. *История* органов следствия России: Хрестоматия. М., 2015.

2. *Коврига З.Ф.* Дознание в органах милиции. Воронеж, 1964.

3. *Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И.* Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.

4. *Османова Н.В.* Деятельность законодателя в построении института подследственности уголовных дел: психологические аспекты // Юридическая психология. 2014. № 3.

5. *Серов Д.О.* Судебные следователи Крыма (1861—1917 гг.) // Российский следователь. 2014. № 10.

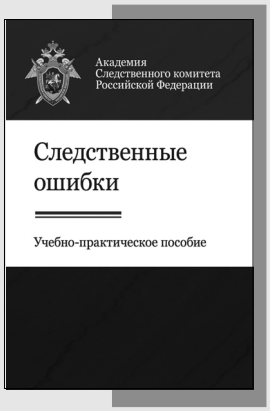
6. *Смирнов А.В.* Российский уголовный процесс: необходима новая модель // РАПСИ [сайт]. URL: http://www. rapsinews.ru/judicial_analyst/ 20150122/273010035. html (дата обращения: 05.02.2015).

7. *Стремовский В.А.* Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов н/Д, 1966.

8. *Строгович М.С.* Вопросы уголовного процесса и новая Конституция // Социалистическая законность. 1936. № 7.

9. *Трубин Н.С.* Прокуратура должна заниматься своим делом // Социалистическая законность. 1991. № 3.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ!



Следственные ошибки: Учеб.-практ. пособие / Под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 159 с.

В пособии рассматриваются ошибки, допускаемые следователями при квалификации преступлений, а также на различных стадиях досудебного производства по уголовным делам.

Пособие предназначено для следователей, руководителей следственных органов и сотрудников подразделений процессуального контроля Следственного комитета Российской Федерации. Материал может представлять научный и профессиональный интерес для иных правоприменителей, а также студентов и аспирантов юридических специальностей.

УДК 343.98
ББК 67.99(2)94

Алексей Александрович БЕССОНОВ,
первый заместитель руководителя следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Республике Калмыкия,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Астраханского филиала
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук, полковник юстиции
E-mail: bestallv@mail.ru,

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «ЭЛЕКТРОННЫЙ ПАСПОРТ УГОЛОВНОГО ДЕЛА»

Аннотация. Криминалистическая характеристика преступлений выступает информационной основой формирования частных криминалистических методик. В настоящее время в деятельности ряда региональных следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации успешно используется информационная система «Электронный паспорт уголовного дела». Содержащиеся в этой информационной системе криминалистически значимые признаки того или иного вида преступлений могут использоваться для формирования криминалистических характеристик этих преступных деяний.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, методика расследования преступлений, преступление, расследование преступлений, частные криминалистические методики, электронный паспорт уголовного дела

Aleksey Aleksandrovich BESSONOV,
First Deputy Head of the Investigation Department of the Investigation Committee
of the Russian Federation in the Republic of Kalmykia, Docent lecturer of the criminal law
of the Astrakhan branch of the «Saratov State Academy of Law», Candidate of Law, Colonel of Justice
E-mail: bestallv@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.12 — Criminology; forensic activities; operatively-search activity

THE PROSPECTS OF FORMING CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES ON THE BASIS OF INFORMATION SYSTEM «ELECTRONIC PASSPORT OF THE CRIMINAL CASE»

Annotation. Criminalistic characteristics of crimes are the information basis for the formation of crime investigation techniques. Currently, a some of regional Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation has been successfully used information system «Electronic passport of the criminal case». Contained in the information system of criminalistics significant features of a particular type of crime can be used to form the criminalistic characteristics of these criminal acts.

Keywords: criminalistic characteristics of crimes, crime investigation techniques, the crime, investigation of crimes, the method of crime investigation, electronic passport of the criminal case

Как известно, частные криминалистические методики, представляющие собой обобщенный и научно осмысленный опыт раскрытия и расследования преступлений, своими источниками имеют право, практику и науку[1].

Такие источники, как уголовное и уголовно-процессуальное право, нормы которого наполняют сво-

[1] *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003. С. 688—692; *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 342—354; *Криминалистика*: Учебник для студентов вузов / Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 559—560; *Яблоков Н.П.* Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. С. 274; и др.

им содержанием общую формулу предмета доказывания применительно к видам преступлений, самым тесным образом связаны с криминалистической характеристикой преступлений. Предмет доказывания в рассматриваемом аспекте определяет:

- форму основных элементов криминалистической характеристики преступлений определенных видов, содержание которых наполняется криминалистически значимой информацией;
- одну из целей уголовного процесса, а криминалистическая характеристика преступлений, помимо прочего, помогает найти конкретные пути и способы ее достижения[2].

Исходя из этого, своеобразным связующим звеном права как источника частных криминалистических методик с составляющими последние комплексами криминалистических рекомендаций выступает именно криминалистическая характеристика преступлений, имеющая в своем содержании отражение криминалистической сущности преступлений определенного вида. Криминалистическая характеристика преступлений является своего рода «информационным мостиком», позволяющим раскрывать криминалистическую сущность предмета доказывания применительно к различным видам преступлений для целей частных криминалистических методик.

Следует отметить, что с давних времен криминалистами предпринимались попытки создать некий универсальный метод раскрытия и расследования преступлений, который не зависел бы от особенностей конкретных преступлений, что вполне естественно до настоящего времени так и не увенчалось успехом[3]. Причина этого кроется в необходимости учета при разработке методик раскрытия и расследования преступных деяний того или иного вида индивидуальности каждого преступления независимо от уровня их обобщения (род, вид, группа и пр.). Исходя из этого, как информационный источник, отражающий сущность преступлений определенного вида, их криминалистическая характеристика прежде всего и придает каждой частной криминалистической методике индивидуальность.

Исходными положениями, лежащими в основе частных криминалистических методик, являются:

- изучение, анализ и обобщение практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;
- видовые криминалистические характеристики преступлений[4].

В практической деятельности по своему конкретному содержанию расследование и раскрытие преступлений приобретают специфический и индивидуальный характер в зависимости от особенностей конкретного преступления. Эта специфика раскрытия и расследования находит свое отражение в научном знании при обобщении практики такого вида деятельности как первого исходного положения частных криминалистических методик, а особенности сущности преступления — в видовой криминалистической характеристике преступлений как второго исходного положения этих методик.

Методики расследования преступлений тех или иных видов формируются с учетом комплексного исследования системы научных положений криминалистики: криминалистической тактики, изучающей вопросы организации и планирования расследования, тактических особенностей производства следственных действий, взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; криминалистической техники, исследующей средства, приемы и методы работы со следами, вопросы использования специальных познаний[5].

Однако научные знания перечисленных разделов криминалистики в видовых частных криминалистических методиках преломляются сквозь призму соответствующей криминалистической характеристики преступлений. К примеру, предлагаются криминалистические рекомендации по использованию не просто разработанных криминалистической техникой криминалистических в целом средств для обнаружения, изъятия и фиксации следов преступления, а именно тех из последних, которые являются типичными для данного вида преступлений. Применительно к тактике производства отдельных следственных действий в рекомендации включаются не все известные тактические приемы, разработанные криминалисти-

---

[2] См.: *Хмыров А.А.* Криминалистическая характеристика преступления и предмет доказывания // Криминалистическая характеристика преступлений: Сб. науч. тр. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 54.

[3] *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Указ. соч. С. 685.

[4] *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Указ. соч. С. 690—692.

[5] *Баев О.Я.* Основы криминалистики: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2003. С. 194—254; *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М.: Юрид. лит., 1987. С. 136—248; *Возгрин И.А.* Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 223—336; и др.

ческой тактикой, а только те, которые наиболее эффективны, исходя из криминалистических особенностей преступлений того или иного вида.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений выступает связующим звеном всех трех источников частных криминалистических методик.

Формирование частных криминалистических методик без учета криминалистической характеристики преступлений либо на основе некачественно составленной либо устаревшей характеристики приводит к низкому их качеству, отсутствию в их содержании действительно новых научных знаний, несоответствию требованиям практики.

Под криминалистической характеристикой преступлений мы понимаем информационную модель, которая отражает криминалистическую сущность преступлений определенного вида, заключающуюся в сведениях о его криминалистически значимых признаках и их закономерных связях между собой, построенную на основе анализа и обобщения практики их раскрытия, расследования и судебного рассмотрения и имеющую значение для формирования частных методик расследования и решения задач криминалистической деятельности.

Таким образом, сущность этой научной категории заключается в том, что она раскрывает криминалистическую сущность преступлений того или иного вида, поскольку содержит в себе криминалистически значимую информацию о них и сведения о закономерных связях их элементов как системы, полученную на основе анализа и обобщения реальной практики их раскрытия, расследования и судебного рассмотрения, и в этой связи может использоваться как для познания преступления в качестве объекта криминалистической науки и формирования частных криминалистических методик, так и в практической деятельности при раскрытии и расследовании преступных деяний. Ибо, как верно указал Р.С. Белкин, «следственная практика — и источник методических рекомендаций, и критерий их истинности, эффективности (это положение в криминалистической методике играет роль основополагающей аксиомы)»[6].

Таким образом, сущность преступлений того или иного вида в криминалистике познается сквозь призму их криминалистической характеристики через изучение нашедших отражение в практической деятельности их криминалистически значимых признаков. Следовательно, эмпирической базой для формирования криминалистической характеристики преступлений должны являться:

- данные официальной статистики о состоянии преступности;
- материалы об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям;
- материалы уголовных дел и результаты их судебного рассмотрения, а также в некоторых случаях дела о нераскрытых преступлениях;
- материалы оперативно-розыскной деятельности и судебно-экспертной деятельности;
- данные ведомственного анализа и обобщения следственно-судебной практики;
- результаты оперативных совещаний органов дознания и следствия, межведомственные информационные письма, в которых изложена практика раскрытия и расследования преступлений;
- сведения, полученные при опросе практических работников органов дознания, следствия и суда, а в некоторых случаях — органов власти и контроля;
- отдельные данные типовых криминалистических характеристик, смежных с исследуемыми преступлениями (например, некоторые элементы криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, могут использоваться для создания типовых криминалистических характеристик преступлений, предусмотренных ст. 159.1—159.6 УК РФ);
- международный опыт раскрытия и расследования преступлений определенных видов;
- личный практический опыт криминалистической деятельности составителя криминалистической характеристики преступлений при его наличии.

Указанный эмпирический массив при создании той или иной видовой криминалистической характеристики преступлений может использоваться в своей полной совокупности, что обеспечит большую научную достоверность полученных результатов, их объективность. Вместе с тем могут быть применены и некоторые из приведенных источников эмпирической базы, основными из которых выступают материалы уголовных дел с обвинительными приговорами либо решением о прекращении по нереабилитирующим основаниям.

Возможно отметить следующие способы накопления эмпирического массива, на основе которого целесообразно формировать криминалис-

[6] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. С. 349.

тические характеристики тех или иных видов преступлений:

- изучение ученым-криминалистом уголовных дел лично с выездом по месту нахождения следственных органов и судов;
- сбор копий необходимых материалов уголовных дел путем их запроса (например, для Академии Следственного комитета Российской Федерации) в соответствующих следственных органах и судах;
- изучение данных, содержащихся в информационной системе «Электронный паспорт уголовного дела».

Наиболее перспективным с точки зрения эффективности, экономичности и рациональности представляется последний путь. Так, в деятельность следственных органов системы Следственного комитета России, входящих в Северо-Кавказский и Южный федеральные округа, распоряжением заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации Б.М. Карнаухова от 09.04.2014 № 27/108р «О введении в действие информационной системы «Электронный паспорт уголовного дела» и совершенствовании процессуального контроля по уголовным делам» введена информационная система, в которой учитываются основные сведения по находящимся в производстве уголовным делам: номер, дата возбуждения, краткая фабула, сведения об изъятых предметах и подозреваемых, о проведении следственных и иных процессуальных действий, о планировании расследования пр.

Некоторые графы и формы информационной системы «Электронный паспорт уголовного дела» предусматривают загрузку электронных файлов процессуальных документов, касающихся, в частности, осмотра места происшествия и назначения судебных экспертиз.

Основной задачей, которой служит эта информационная система, является усиление процессуального контроля следственной деятельности и повышение качества предварительного расследования.

Вместе с тем думается, что загрузка в эту информационную систему по каждому уголовному делу дополнительно копий протоколов таких следственных действий, как осмотр трупа, предметов и документов, допросы подозреваемых, обвиняемых и свидетелей-очевидцев, проверка показаний на месте, заключения судебных экспертиз, а также копий постановлений о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, обвинительного заключения (обвинительного акта) и приговора суда, позволит формировать информационный массив криминалистически значимой информации по каждому расследованному преступлению.

В таком случае рассматриваемая информационная система будет содержать в себе сведения о криминалистически значимых признаках преступлений, представляющих собой те, которые по своим свойствам, как правило находящим отражение в материальной обстановке объективной реальности, позволят решать задачи раскрытия и расследования преступлений, а также их профилактики, поскольку перечисленные процессуальные документы материалов уголовных дел содержат в себе данные о криминалистически значимых признаках преступлений, касающихся характеристики:

(1) обстановки преступления (место, время, другие элементы);
(2) способа преступления;
(3) следов преступления и мест их нахождения;
(4) предмета преступного посягательства и (или) личности потерпевшего;
(5) личности обвиняемого.

Эту информацию вполне будет возможно применять для создания качественных видовых криминалистических характеристик преступлений.

Таким образом, действующую информационную систему «Электронный паспорт уголовного дела» при условии ее некоторого усовершенствования возможно использовать для решения задач криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, прежде всего с позиции укрепления теоретических и научно-методических основ. Для этого же целесообразно информационную систему «Электронный паспорт уголовного дела» внедрить в деятельность всех следственных органов системы Следственного комитета РФ, а также Академии Следственного комитета РФ, научные работники которой смогут использовать ее эмпирический массив в научных целях, прежде всего для формирования видовых криминалистических характеристик преступлений.

УДК 343.1
ББК 67

Антон Евгеньевич БЕСХМЕЛЬНИЦЫН,
руководитель третьего следственного отдела
второго управления по расследованию особо важных дел
(о преступлениях против государственной власти
и в сфере экономики) Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу
E-mail: so3.urovd2.gsuskspb@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ЗАКАЗЧИКОМ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОНТРАКТАМ

Аннотация. В настоящее время, когда борьба с коррупцией и с хищениями бюджетных денежных средств вышла на первый план, необходимо повышать квалификацию следователей в целях выявления и расследования преступлений в одной из наиболее коррупционно емких сфер — в области капитального строительства.

Ключевые слова: государственный контракт, хищение, мошенничество, строительство

Anton Evgenievich BESKHMELNITSYN,
head of the 3rd investigation unit
the 2nd investigation department for special criminal case
(against State and economic sphere) Central Investigation department
of Investigation Committee of Russian Federation in St Petersburg
E-mail: so3.urovd2.gsuskspb@yandex.ru

CRIMINAL CASE INVESTIGATION AGAINST COMMERCIAL FRAUD IN CAPITAL CONSTRUCTION FOR BUDGETARY FUNDS

Annotation. Nowadays, when counteraction for corruption is proclaimed as one of the main State target, it is necessary to improve the skills of investigators to deal successfully with criminal cases based on commercial fraud in capital construction for budgetary funds.

Keywords: state contract, commercial fraud, capital construction

Прежде всего, необходимо отметить, что проблема борьбы с правонарушениями в сфере государственных закупок товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд относится к числу проблем, требующих повышенного внимания и координации всех заинтересованных структур.

Указанные преступления представляют крайне серьезную угрозу. Они приводят к краже бюджетных средств на многомиллиардные суммы, подрывают честную конкуренцию, ведут к снижению привлекательности инвестиционного климата, вселяют в преступников чувство вседозволенности и безнаказанности, а в обывателей — чувство незащищенности, а также бессилия власти в сфере борьбы с коррупцией.

Немаловажен и следующий аспект. Кража бюджетных средств, выделенных на оплату государственных и муниципальных контрактов, с неизбежностью приводит к ухудшению качества выполняемых работ и предоставляемых услуг, что создает прямую опасность для жизни и здоровья простых ввиду возможных техногенных катастроф, особенно в сфере строительных работ.

Эти преступления крайне латентны, облекаются в личину законных правоотношений, безусловно, связаны с коррупционными проявлениями. Их выявление представляет значительную трудность, поскольку так называемая «система откатов» зачастую выгодна как заказчику, так и подрядчику, и соответственно ни одна из сторон не стремится к преданию гласности таких отношений.

В настоящей статье я хотел бы оставить за скобками оценку системы размещения государственного заказа и сконцентрировать внимание на исполнении сторонами договора строительного подряда для государственных нужд.

Такая сфера, как строительные работы, очень привлекательна для преступников, намеренных недобросовестно выполнять контракт и похитить государственные средства, так как строительные работы достаточно дорогостоящи (сумма по государственным контрактам зачастую превышает десятки, а то и сотни миллионов рублей) и достаточно сложны, что позволяет максимально скрыть совершенное хищение. В связи с этим необходимо прежде всего отметить, что проведение проверки по материалам и расследование уголовных дел по хищению бюджетных денежных средств при производстве строительных работ для государственных и муниципальных нужд следует поручать наиболее опытным следователям. Нужно быть готовым подробно разбираться и в гражданском законодательстве, и в строительно-технических вопросах. Пытаться «переложить» весь объем работы на плечи привлеченных экспертов, скорее всего, не получится, так как оценка одних и тех же обстоятельств строителем и следователем будет отличаться.

С юридической точки зрения государственный контракт на выполнение строительных работ является разновидностью гражданско-правовой сделки со всеми присущими ей элементами и регулируется в первую очередь Гражданским кодексом РФ и Градостроительным кодексом РФ (касательно нового строительства и реконструкции).

Согласно ст. 743 Гражданского кодекса РФ строительные работы выполняются подрядчиком в соответствии с «технической документацией, определяющей объем, содержание работ и другие предъявляемые к ним требования, и со сметой, определяющей цену работ».

Таким образом, давая оценку действиям государственного заказчика и (или) подрядчика в ходе проверки или расследования, необходимо отталкиваться от той самой «технической документации». В том случае, если речь идет о ремонтных работах, обычно «технической документацией» является так называемое техническое задание — некий документ, являющийся обычно приложением к государственному контракту и содержащий в себе перечень работ, объем необходимых материалов, а также их стоимость. Сложнее обстоит дело с новым строительством и реконструкцией — в данном случае необходим полноценный проект строительства (реконструкции), разработанный уполномоченной организацией и прошедший экспертизу (в необходимых случаях). Данная процедура описана в Градостроительном кодексе РФ, поэтому подробно на ней останавливаться не буду.

Проектно-сметная документация (либо техзадание) — это первое, на что надо обратить внимание при проведении проверки либо расследовании уголовного дела, так как, во-первых, проектно-сметная документация необходима для проведения строительно-технической экспертизы объекта, а во-вторых, она сама по себе может содержать доказательства совершенного преступления.

Фактически хищение денежных средств при осуществлении строительных работ — это безвозмездное обращение в свою пользу подрядчиком денежных средств заказчика без предусмотренного возмездной сделкой встречного представления в виде выполненных работ, примененных материалов. Форма совершаемого хищения — мошенничество, так как подрядчик вводит заказчика в заблуждение относительно объема и качества выполняемых работ, предоставляя документы, свидетельствующие о надлежащем исполнении контрактных обязательств.

Преступление может быть совершено только умышленно.

Основные способы хищения:

(1) полное невыполнение одной или нескольких позиций работ и/или неприменение материалов с последующим включением стоимости этих работ и/или материалов в акты выполненных работ и получением оплаты за них;

(2) частичное невыполнение работ и/или неприменение материалов с последующим включением полной стоимости этих работ и/или материалов в акты выполненных работ и получением оплаты за них;

(3) применение более дешевых и менее качественных материалов при производстве работ с последующей оплатой по цене более качественных;

(4) явное завышение стоимости выполняемых работ и/или применяемых материалов.

В первых трех случаях механизм выявления и доказывания примерно одинаков. Следователь на начальной стадии изымает проектно-сметную документацию, исполнительную документацию по объекту, а также документацию по приемке выполненных работ (известные многим унифицированные формы КС-2, КС-3, КС-6 и др.), после чего назначает строительно-техническую экспертизу.

В строительных работах заказчику и подрядчику необходимо добиться в идеале полной тождественности проекта, фактически построенного объекта, а также исполнительной и приемочной

документации. Таким образом, основной задачей экспертизы и будет поиск тождественности или расхождения этих объектов. Исходя из этого, можно сформулировать следующие вопросы для экспертного исследования:

- определить соответствие фактически выполненных объемов работ и примененных материалов на объекте в рамках государственного контракта требованиям технических регламентов, проектной и исполнительной документации, а также фактически оплаченным работам (материалам) по формам КС-2 и КС-3;
- определить объем необоснованно оплаченных денежных средств заказчиком подрядчику как в случае несоответствия фактически выполненных работ фактически оплаченным работам, так и в случае несоответствия фактически выполненных работ требованиям технических регламентов, проектной, исполнительной документации, нормативным документам в строительстве.

В данном случае эксперту необходимо оценить соответствие проектно-сметной документации исполнительной и приемочной документации, после чего, выйдя на объект, проверить (насколько это возможно, конечно) соответствие построенного объекта запроектированному и принятому оконченным строительством. Таким образом и выявляются факты хищения денежных средств подрядчиком, варианты которых весьма многочисленны и изобретательны. К примеру, полностью невыполненные работы — покраска неоштукатуренных стен, отсутствие протянутых слаботочных сетей и т.п., притом что подобные работы есть в проекте и включены в оплату. Представляется, что суммой вменяемого хищения будет стоимость этих невыполненных работ (включая стоимость не примененных, однако выставленных к оплате материалов). Однако чаще встречается хищение «частичное», когда работа выполняется, но не в полном объеме. Так, например, частичное оштукатуривание стен, уменьшение величины подстилающих слоев уличных (дорожных) покрытий и т.д. В данном случае размер хищения исчисляется в процентном отношении выполненных/невыполненных работ.

Третий способ — удешевление применяемых материалов с понижением их качества — также выявляется при фактическом обследовании помещений. Так, например, в проекте и приемочной документации прописаны противопожарные двери, способные сдерживать распространение пожара (что особенно важно, например, в образовательных и медицинских учреждениях), а по факту установлены простые, которые могут быть в разы дешевле (кстати, в данном и подобных ему случаях, помимо хищения, необходимо ставить вопрос о квалификации действий виновных лиц по ст. 238 УК РФ).

В данном случае необходимо отграничивать хищение от экономии подрядчика (ст. 710 Гражданского кодекса РФ) — в том случае, если подрядчик затратил меньшие средства на производство работ, он имеет законное право получить полную оплату по контракту, если удешевление произошло без уменьшения качества работ. При хищении же удешевление достигается именно за счет ухудшения качества осуществляемых работ и применяемых материалов.

Сложности, с которыми приходится сталкиваться следователю и эксперту при выявлении подобных способов хищения, — наличие достаточно большого объема скрытых работ и отсутствие достоверных и простых (прежде всего, неразрушающих) способов их определения, ведь госзаказчик вряд ли будет рад тому, что в ходе экспертного обследования помещений будут вскрываться покрытия полов и стен, производиться врезки в бетон перекрытий и наноситься иной ущерб зданию либо иному сооружению, которое так или иначе еще предстоит эксплуатировать.

В перечисленных выше трех способах хищения существует ряд проблемных вопросов квалификации действий подрядчика как совершенного преступления.

Прежде всего, защитной версией подрядчика и позицией ряда теоретиков является то, что в соответствии с гражданским законодательством срок обнаружения недостатков по строительным работам составляет пять лет, при этом гарантийный срок может быть увеличен по соглашению сторон, и выявленные следователем и экспертом нарушения при строительстве объекта являются не хищением, а «недостатками», которые могут быть устранены в течение гарантийного срока.

Такая позиция представляется необоснованной.

Под «недостатками», выявленными заказчиком в ходе эксплуатации объекта строительства, надлежит понимать отступления от качества, допущенные неумышленно, которые не могли быть с очевидностью выявлены при минимально допустимой проверке качества используемых материалов и работ (например, дефект сварного шва металлоконструкции, пустоты при заливке монолитных конструкций бетоном). При этом, возвращаясь к ранее приведенному примеру, закупка и установка простых МДФ-дверей вместо запроектированных противопожарных никак не может быть

расценена как неумышленное нарушение с учетом того, что результат работы предъявляется к оплате заказчику по стоимости запроектированных противопожарных дверей.

Также несостоятельным представляется утверждение, что привлечь виновное лицо к уголовной ответственности за хищение при строительстве возможно только по истечении гарантийного срока по работам на объекте.

В ситуации с моментом окончания хищения необходимо принять во внимание два юридически значимых аспекта.

С одной стороны, в данном случае имеет место мошенничество, совершаемое путем (в абсолютном большинстве случаев) безналичных расчетов, т.е. должно считаться оконченным (в соответствии с позицией, изложенной в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате») с момента зачисления денежных средств на банковский счет организации, с которого виновное лицо вправе этими денежными средствами свободно распорядиться. Однако при производстве строительных работ оплата их обычно растянута во времени — работы сдаются заказчику и оплачиваются поэтапно на протяжении всего периода строительства. Насколько обоснованно хищение будет считаться оконченным в момент оплаты конкретной позиции невыполненных либо ненадлежащее выполненных работ? Полагаю, что не совсем обоснованным — до момента сдачи заказчику оконченного строительством (ремонтом, реконструкцией) объекта подрядчик имеет физическую и юридическую возможность внести изменения в произведенные работы, самостоятельно выявив и устранив нарушения, поэтому признавать мошенничество оконченным надлежит, с моей точки зрения, с момента либо подписания акта сдачи-приемки объекта заказчику, либо с момента последней оплаты заказчиком подрядчику по договору, в зависимости от того, какое событие наступит позднее.

Еще один аспект, осложняющий квалификацию, — так как называемая замена работ, т.е. ситуация, в которой на объекте не сделана часть работ, предусмотренных проектом, однако выполнены работы, проектом не предусмотренные, т.е. подрядчик утверждает, что денежные средства им не похищены — они вложены в объект.

Единого решения данной проблемы на настоящий момент нет.

Градостроительный кодекс РФ (ст. 52, 55), а также Гражданский кодекс РФ (ст. 743) предусматривают обязанность подрядчика осуществлять строительство в соответствии с техзаданием либо проектом, и отклонения от проекта без внесения в него изменений запрещаются. Более того, Градостроительный кодекс РФ запрещает ввод объекта в эксплуатацию при отклонении фактических параметров объекта от проектных. К сожалению, закон не дает четких критериев этого отклонения от параметров, категория эта оценочная. Вместе с тем необходимо проводить экспертную оценку затрат на непроектные работы — насколько они соответствуют стоимости невыполненных проектных работ. Но даже если стоимость их совпадает — возможно квалифицировать действия подрядчика по ст. 165 УК РФ, как причинение имущественного ущерба без признаков хищения, так как формально вследствие несоблюдения подрядчиком при строительстве требований проекта заказчик может быть вынужден нести расходы на последующее приведение объекта в соответствие с проектом.

В заключение вернемся к четвертому способу хищения — путем явного завышения стоимости выполняемых работ и/или применяемых материалов.

Этот способ применяется подрядчиком в том случае, если на него также возлагается обязанность по разработке проекта строительства либо он может влиять на разработку этого проекта. Чаще всего в этом случае подрядчик действует в сговоре с заказчиком в целях последующего распределения похищенных денежных средств. В проект включаются материалы и работы по явно завышенным ценам (или, к примеру, явно не обоснованно применяются специальные повышающие коэффициенты при расчете стоимости работ), а также работы, производство которых не является необходимым. Данное хищение может быть выявлено экспертом даже без выхода на объект, основываясь на сборнике средних сметных цен (СССЦ).

Конечно, в небольшой статье невозможно охватить все аспекты такой глобальной темы, стоящей на пересечении уголовного и гражданского права, включающей в себя градостроительные тонкости, однако прежде всего мне хотелось бы развеять совершенно беспочвенные опасения многих следователей и их руководителей перед рассмотрением материалов проверки и расследованием уголовных дел по хищениям бюджетных денежных средств в сфере строительства — эти преступления можно и нужно успешно расследовать, привлекая к уголовной ответственности виновных лиц.

Иногда объем взяток в данной сфере просто поражает.

Так, в текущем году направлены в суд уголовные дела в отношении инженера отдела капиталь-

ного строительства Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский научный центр радиологии и хирургических технологий» Министерства здравоохранения Российской Федерации Лавренова и заместителя директора данного учреждения Ломакова, которые систематически получали от директора ООО «РСУ-15» Бибовой взятки за подписание ими актов приема выполненных работ по заключенным государственным контрактам. Лавренов в общей сложности получил взяток на сумму 1 млн 100 руб., а Ломаков — на сумму 20 млн.

К сожалению, высокая латентность преступлений в сфере закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд не позволяет поставить их выявление на системную основу.

Так, в период с 2009 г. по настоящее время в суд было направлено 15 уголовных дел данной категории, что, конечно, не соответствует масштабам проблемы.

Исходя из этого, Главное следственное управление видит одним из основных резервов повышения эффективности противодействия преступности в сфере государственных закупок усиление межведомственного взаимодействия.

Так, например, одним из таких межведомственных механизмов является введенный в 2014 г. в действие Регламент взаимодействия Главного следственного управления и ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области при выявлении фактов хищений бюджетных средств, выделяемых на модернизацию и развитие системы ЖКХ, рассмотрения сообщений и расследования уголовных дел о преступлениях данного вида. Проводится координационная работа и в рамках соответствующих рабочих групп.

Тем не менее основным элементом системной борьбы с преступностью в сфере государственных закупок Главное следственное управление видит выработку эффективных механизмов профилактики таких преступлений, когда совершать такие преступления заинтересованным лицам будет крайне затруднительно, если не невозможно вовсе.

Какие же меры предлагаются Главным следственным управлением?

Во-первых, нуждается в пересмотре система контроля за выполнением государственных и муниципальных заказов.

Так, например, в настоящее время органы государственного строительного контроля крайне малочисленны и чисто физически не могут охватить все строящиеся по государственным заказам объекты. Фирмы-подрядчики в этом случае имеют право привлечь для осуществления контроля коммерческие организации, которые хотя и обладают соответствующими лицензиями, зачастую являются аффилированными лицами, могут вступить в сговор с недобросовестными подрядчиками, да и нередко и сами недобросовестно относятся к своим обязанностям.

Привлечь же к ответственности таких недобросовестных контролеров в рамках действующего законодательства практически не представляется возможным, поскольку должностными лицами сотрудники таких коммерческих организаций не являются и, например, за халатность ответственности не несут, а доказать наличие сговора с подрядчиком крайне сложно.

Исходя из этого, представляется необходимой законодательная проработка механизмов привлечения таких организаций к ответственности за недобросовестное осуществление контроля, а также мер ответственности подрядчиков за привлечение к деятельности организаций-контролеров, не обеспечивших эффективного контроля.

Нормы действующего законодательства по проведению конкурсов по выбору подрядчиков для выполнения работ и предоставления услуг по государственным и муниципальным контрактам в настоящее время исходят практически из одного — из цены контракта. Чем она меньше, тем лучше. На саму фирму — ее состоятельность, финансовое положение, способность выполнить контракт эффективно и в срок и.т.п. — внимание практически не обращается. Нередки случаи, когда фирмы предоставляют заведомо недостоверные сведения о себе, а еще чаще впоследствии заключают договоры субподряда, привлекая к выполнению работ лиц с более низкой квалификацией.

Это ведет к тому, что бюджетные деньги расхищаются, качество и сроки выполнения работ не обеспечиваются. В практике Главного следственного управления имелось уголовное дело, когда фирма заключала многомиллионные контракты на ремонт кровель практически во всех районах города, предоставляя сведения том, что ее штат укомплектован высокопрофессиональными кровельщиками. На самом же деле в фирме работали низкоквалифицированные гастрабайтеры, не владевшие даже русским языком, а директор фирмы не смог ответить на вопрос, сколько же людей у него работает.

Представляется, что эффективным заслоном таким злоупотреблениям может служить механизм установления банковской гарантии по государственному или муниципальному контракту, а также механизм страховки исполнения контракта.

Если банк по значительному по сумме государственному контракту будет гарантировать состоятельность подрядчика и впоследствии выплачивать

убытки в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения государственного контракта, то у недобросовестного подрядчика будет мало шансов на различного рода ухищрения. То же самое возможно сказать, если будет установлен механизм страховки исполнения государственного контракта в зависимости от его суммы.

Одним из самых распространенных методов хищений при исполнении государственных контрактов является замена материалов на более дешевые, чем предусмотрено в смете, а также неисполнение работ, указанных в смете. Зачастую этот способ применяют при так называемых скрытых работах, когда установить, выполнена ли работа и с каким качеством она выполнена, при простом визуальном осмотре или путем взятия образцов невозможно, поскольку это повлечет разрушение или значительное повреждение всего объекта. Такая преступная схема в основном используется в строительстве.

Для предупреждения подобных фактов по крупным контрактам предлагается ввести обязательную видеофиксацию скрытых работ с предоставлением соответствующих отчетов в государственные органы.

Одной из проблем исполнения государственных и муниципальных контрактов является проблема авансирования, когда деньги ввиду закрытия финансового года перечисляются подрядчику без фактического выполнения заявленных работ с учетом того, что работы будут выполнены после. То есть деньги подрядчику перечисляются, акты приема работ подписываются, а сами работы на объекте продолжаются.

В этом случае если работы к моменту проверки будут завершены, то в уголовно-правовом смысле невозможно говорить о наступивших общественно опасных последствиях таких действий. И это несмотря на то, что деньги были перечислены за невыполненные (на момент оплаты) работы, сроки самой работы после получения оплаты и подписания акта приемки не оговариваются и могут достигать многих месяцев, что явно нарушает интересы государства и права простых граждан.

Тем не менее, если данные нарушения не выявлены своевременно, привлечь чиновника, подписавшего акт приемки работ, без их фактического выполнения невозможно. К сожалению, следственная практика показывает, что в этих случаях необходимо принимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела.

Предпосылками к недопущению данной ситуации могло бы быть:

(1) введение штрафных санкций, за просрочку выполнения работ;

(2) опять же совершенствование системы контроля за расходованием бюджетных средств;

(3) усиление личной роли руководителей органов осуществляющих приемку выполненных работ.

Обеспечение прозрачности государственных и муниципальных контрактов, эффективность их исполнения — неотъемлемые элементы обеспечения экономической безопасности государства.

В настоящее время государство тратит на оплату государственных контрактов миллиарды и миллиарды рублей. Строятся дороги, мосты, стадионы, объекты социальной инфраструктуры. Обеспечение государственных контрактов — это кровеносная система социальной стабильности в государстве, и ее нужно охранять всеми доступными мерами.

Один из самых эффективных способов защиты государственных интересов — осуществление оперативно-розыскной деятельности. Почему бы не закрепить следующий постулат: работы по каждому крупному объекту (от определенной суммы) по государственному контракту должны в обязательном порядке сопровождаться органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность с использованием всех методов (в том числе и оперативно-технических) ее осуществления и документирования.

Представляется, что при этом шансы как недобросовестных чиновников, так и недобросовестных подрядчиков на выкачивание денег из кармана государства резко упадут.

В целом же только координация всех заинтересованных органов на данном направлении, целеустремленность и выработка нестандартных подходов к профилактике и выявлению преступлений в данной сфере приведут к положительным результатам.

Со своей стороны заверяем о готовности и в дальнейшем работать в тесном взаимодействии со всеми заинтересованными структурами в целях обеспечения эффективного исполнения государственных и муниципальных контрактов.

УДК 343.9
ББК 67.408

Виталий Борисович ВЕХОВ,
профессор кафедры юриспруденции,
интеллектуальной собственности и судебной экспертизы
Московского государственного технического
университета им. Н.Э. Баумана, доктор юридических наук, профессор,
E-mail: ipf. bmstu@gmail.com

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. С позиций изменившихся уголовного и уголовно-процессуального законодательств в статье исследуются проблемные вопросы, связанные с определением понятия электронных доказательств и их места в классификационной системе. Рассматривается криминалистические признаки и сущность фиксации этих доказательств в протоколах следственных действий.

Ключевые слова: электронные доказательства, компьютерная информация, электронный документ, электронные следы

Vitaly Borisovich VEKHOV,
Professor of the Department of Law,
intellectual property and forensics
Moscow State Technical University Bauman Bauman,
Doctor of Law, Professor,
E-mail: ipf. bmstu@gmail.com

Scientific specialty: 12.00.12 — Criminology; forensic activities; operatively-search activity

CONCEPT, TYPES AND FEATURES OF FIXING ELECTRONIC EVIDENCE

Annotation. From the standpoint of changing the criminal and criminal procedural law in the article explores the problematic issues related to the definition of electronic evidence and their place in the classification system. We consider the forensic characteristics and essence of fixation of the evidence in the records of the investigation.

Keywords: electronic evidence, computer information, electronic document, electronic traces

Известно, что природа информации, носителями которой выступают объекты следообразования, различна. Следообразующий объект выступает носителем непосредственной, первичной информации, выражающейся в совокупности присущих ему индивидуальных и устойчивых свойств и признаков. Следовоспринимающий объект – это носитель отраженной, производной от первого объекта информации, возникшей вследствие их контакта. В результате устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с расследуемым событием.

Но следовоспринимающий объект несет информацию не только об отражаемом объекте. Он является также носителем информации о механизме следообразования, т.е. о действиях с отражаемым объектом или самого отражаемого объекта. Эта информация передается от системы к системе при помощи каких-либо материальных носителей в виде сигнала, который является отображением сообщения и средством переноса информации в пространстве и во времени.

Сигнал может иметь самую различную физическую природу, в том числе электромагнитную. Он включает в себя содержание информации и форму информации. Отображение определенных свойств объекта или события составляет содержание сигнала. Материальная же его основа как средство отображения, хранения и перемещения служит его формой.

Следы, образующиеся при использовании преступником в качестве средства и (или) предмета преступления компьютерной информации, есть отдельная составная часть системы материально фиксированных следов. Они являются объектом поиска, фиксации, изъятия, предварительного и судебно-экспертного исследования по уголовным делам о преступлениях различных видов, а также источником собираемой и используемой в уголовном судопроизводстве доказательственной информации[1].

Применительно к рассматриваемой нами проблематике отметим следующее.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 272 Уголовного кодекса РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Общие криминалистические признаки компьютерной информации:

(1) является одной из объективных форм существования информации – электронной формой;

(2) всегда опосредована через материальный носитель, вне которого физически не может существовать;

(3) доступ к компьютерной информации могут одновременно иметь несколько лиц;

(4) достаточно просто и быстро преобразуется из неэлектронных форм в электронную и обратно, например, при сканировании документа с бумажного носителя и последующей распечатки на бумаге его электронного образа;

(5) копируется на различные виды электронных носителей и пересылается на любые расстояния, ограниченные только радиусом действия современных средств электросвязи;

(6) собирается, исследуется и используется в целях уголовного судопроизводства только с помощью специальных научно-технических средств – средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования.

Представляется целесообразным классифицировать компьютерную информацию по следующим основаниям.

1. По *юридическому положению*: на недокументированную и документированную. Недокументированная компьютерная информация – это данные, управляющие команды и сигналы, образующиеся и (или) используемые в процессе обработки информации и не обладающие признаками документа, например, логин и пароль доступа к сети Интернет или ее ресурсу, сетевой адрес, доменное имя, ключ электронной подписи. В соответствии с п. 11 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) документированную компьютерную информацию определим как сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, зафиксированные на материальном носителе путем документирования с реквизитами, позволяющими определить их или в установленных законодательством Российской Федерации случаях их материальный носитель.

2. По *режиму уголовно-правовой охраны*: на информацию общего пользования и охраняемую законом. Охраняемая законом компьютерная информация – это сведения, отнесенные законодательством Российской Федерации к различным видам тайн (государственной, служебной, коммерческой, банковской, связи и др.), а также персональные данные, представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

3. По *форме представления*:

- сетевой адрес – идентификатор в сети передачи данных, определяющий при оказании телематических услуг связи абонентский терминал или иные средства связи, входящие в информационную систему (п. 16 ст. 2 Закона об информации);
- доменное имя – обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети Интернет (п. 15 ст. 2 Закона об информации);
- файл – поименованная область записей на машинном носителе, где в закодированном виде хранится строго определенная информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать;
- электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию (п. 1 ст. 2 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»);

[1] О понятии электронных следов и механизме их образования см.: *Вехов В.Б.* Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: Монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 81—95.

- электронное сообщение – информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети (п. 10 ст. 2 Закона об информации);
- электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п. 11.1 ст. 2 Закона об информации);
- программа для ЭВМ (компьютерная программа) – это представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе ее разработки, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения (ст. 1261 ГК РФ);
- база данных – это представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ (абз. 2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ);
- информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (п. 3 ст. 2 Закона об информации);
- сайт в сети Интернет – совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет (п. 13 ст. 2 Закона об информации);
- страница сайта в сети Интернет – часть сайта в сети Интернет, доступ к которой осуществляется по указателю, состоящему из доменного имени и символов, определенных владельцем сайта в сети Интернет (п. 14 ст. 2 Закона об информации).

Данные разновидности компьютерной информации являются объектами следообразования.

К отдельному виду компьютерной информации как предмету и средству совершения преступления относится вредоносная компьютерная программа – компьютерная программа либо иная компьютерная информация, заведомо предназначенная для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты (ч. 1 ст. 273 УК РФ). Она является разновидностью информационного оружия – информационно-программным оружием – оружием, которое основано на применении разрушающего программного воздействия на аппаратное, программно-математическое обеспечение, компьютерную информацию, в том числе на средства ее защиты, информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети. Фактически рассматриваемая категория компьютерных программ представляет собой программные автоматы – самодействующие в электронной среде виртуальные устройства, производящие работу по заданной преступником программе без его непосредственного участия[2].

Следует отметить, что в отличие от обычных предметов материального мира, компьютерная информация физически не может существовать без материальных носителей.

Материальный носитель – след-предмет или часть следа-предмета целесообразно определить как техническое устройство или технологическую систему, которые предназначены для фиксации, хранения, накопления, преобразования и (или) передачи компьютерной информации. Условно их можно классифицировать на следующие группы:

1) электронные носители информации (машинные носители информации, интегральные микросхемы, микроконтроллеры, электронные вычислительные машины, комбинированные носители информации);

2) информационно-телекоммуникационные сети[3].

Сущность фиксации компьютерной информации как доказательства будет заключаться в следующем:

(1) производится перекодировка доказательственной компьютерной информации, содержащейся на оригинальном материаль-

[2] Подробнее см.: *Вехов В.Б.* Вредоносные компьютерные программы как предмет и средство совершения преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сб. науч.-практ. тр. М.: Акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2015. № 2. С. 43—46.

[3] Информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (п. 4 ст. 2 Закона об информации).

ном носителе, в форму, доступную для восприятия ее участниками процесса, например, она отображается на мониторе компьютерного устройства или распечатывается на бумажном носителе;

(2) компьютерная информация изымается вместе с ее оригинальным электронным носителем либо копируется на отличный от оригинала носитель, когда его изъятие невозможно или нецелесообразно;

(3) обеспечивается хранение доказательственной компьютерной информации и ее электронного носителя для неоднократного использования в процессе доказывания;

(4) запечатлевается не только сама доказательственная компьютерная информация, но и информация о путях, способах ее получения как необходимое условие признания ее допустимости по делу как доказательства.

Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном данным Кодексом порядке устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Данные сведения могут быть зафиксированы на любом материальном носителе как человеком – являться продуктом мысленной деятельности конкретного лица, так и автоматом (без участия человека по установленному алгоритму) – быть результатом работы компьютерной программы.

Анализ ч. 2 ст. 74 УПК РФ и смежных статей показывает, что документированная компьютерная информация допускается в качестве доказательств лишь как вещественное доказательство (ст. 81 УПК РФ) и иной документ (ст. 84 УПК РФ). Таким образом, она будет признаваться доказательством по уголовному делу при наличии хотя бы одного из следующих условий, а именно если:

- использовалась в качестве орудия преступления;
- сохранила на себе следы преступления;
- является предметом преступления;
- может служить средством для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела;
- содержащиеся в ней сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу[4].

В современном уголовно-процессуальном законодательстве указанные положения реализуются с помощью соответствующих следственных действий, например следственного осмотра, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, получения письменного заключения специалиста в сфере компьютерной информации и ее защиты, назначения судебной компьютерно-технической экспертизы, показаний специалиста и эксперта в рассматриваемой области знаний, обыска, выемки и др. Вопросам тактики их подготовки, производства и оценки результатов было уделено определенное внимание в отечественной юридической литературе[5].

Вместе с тем особенности механизма правонарушений, предметом и (или) средством совершения которых является компьютерная информация, специфичность следовых картин, высокая динамика их развития и изменения, недостаточное правовое урегулирование общественных отношений в рассматриваемой сфере, противоречивость национального законодательства и соответствующего терминологического аппарата негативным образом сказываются на криминогенной обстановке и препятствуют эффективной борьбе с ними. Правоприменительная практика по-прежнему испытывает недостаток в актуальных, научно обоснованных методических рекомендациях по совершенствованию работы с электронными доказательствами.

По нашему мнению, одним из вариантов выхода из сложившейся негативной ситуации является систематизация имеющихся знаний по данной проблематике в науках юридического цикла, установление науковедческих связей между существующими теориями (учениями) и выработка общих точек зрения на один и тот же предмет в целях комплексного решения проблем, связанных с электронными доказательствами. Одной из таких гипотез может стать «Теория электронных доказательств» либо «Цифровая криминалистика»[6].

---

[4] Об этом мы писали ранее, например, см.: *Вехов В.Б.* Электронные доказательства: новеллы уголовно-процессуального законодательства // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26 октября 2012 г.). М.: Буки Веди, 2012. С. 89—94.

[5] См., например: *Вехов В.Б.* Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22—24; *Он же.* Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. Вып. 1 (20) 2012: Науч.-метод. журн. Волгоград: ВА МВД РФ, 2012. С. 79—82; *Он же.* Осмотр документа на машинном носителе // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 60—64; *Он же.* Особенности организации и тактика осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Российский следователь, 2004. № 7. С. 2—5.

[6] Название предложено доктором юридических наук, профессором В.А. Мещеряковым; см.: *Мещеряков В.А.* Цифровая криминалистика // Вестн. криминалистики. 2014. № 4. С. 231—241.

УДК 343.13
ББК 67.411

Валентина Олеговна ЗАХАРОВА,
доцент кафедры управления следственными органами
и организации правоохранительной деятельности
Академии Следственного комитета
Российской Федерации, подполковник юстиции, кандидат юридических наук
E-mail: vaza907@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

О ДОПРОСЕ ЭКСПЕРТА НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Автором рассмотрена дефиниция допроса, его место в системе следственных действий. Исследованы особенности допроса эксперта. Даны уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные рекомендации по производству допроса эксперта.

Ключевые слова: следователь, следственные действия, допрос эксперта, уголовное дело

Valentina Olegovna ZAKHAROVA,
associate professor of management Department investigative agencies and law enforcement initiatives,
the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, colonel
of justice, candidate of juridical sciences
E-mail: vaza907@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.09 — Criminal process

ABOUT THE INTERROGATION OF AN EXPERT IN THE PRETRIAL STAGE: CRIMINAL PROCEDURE, FORENSIC AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Annotation. The author considers the definition of interrogation, his place in the system of investigative actions. The peculiarities of interrogation of the expert. Given criminal procedure, forensic and organizational recommendations for the questioning of the expert.

Keywords: the investigator, investigation; interrogation, criminal case

Можно представить себе расследование уголовного дела без производства выемки, обыска, назначения судебных экспертиз, но без производства допроса — нельзя. Однако не все виды допроса, за исключением допроса свидетеля, производятся по каждому уголовному делу.

Несмотря на то что дефиниции допроса эксперта, так же как и допроса в целом, в уголовно-процессуальном законе не содержится, различные определения допроса даны в научных трудах ученых — криминалистов и процессуалистов. Вот как, например, определял допрос Р.С. Белкин: это «процессуальное (следственное или судебное) действие, заключающееся в получении показаний (информации) о событии, ставшем предметом уголовного судопроизводства, лицах, проходящих по делу, причинах и условиях, способствовавших совершению и сокрытию преступления»[1].

Любая деятельность, в том числе и следственная, полностью безошибочной быть не может[2]. Как справедливо пишет А.М. Багмет, «ошибки есть везде, где есть труд человеческий»[3]. Допрос эксперта — это достаточно редко производимое следственное действие, направленное на разъяснение

[1] *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 62.

[2] См., например: *Боруленков Ю.П.* Правовые ошибки: постановка проблемы // Рос. следователь. 2014. №. 7. С. 46—51.

[3] *Багмет А.М.* Следователь – судья на досудебной стадии // Рос. следователь. 2014. № 14. С. 9.

или дополнение заключения, один из способов его проверки и оценки. В ходе его производства следователями могут быть допущены следующие типичные ошибки:

(1) производством допроса эксперта зачастую подменяются назначение и производство судебных экспертиз (как первоначальных, так и дополнительных и повторных);

(2) следователи не пользуются своим правом на допрос эксперта для выяснения, уточнения отдельных обстоятельств, а без особой необходимости назначают дополнительные и повторные судебные экспертизы;

(3) при допросе эксперту задаются наводящие вопросы;

(4) протокол допроса эксперта не предъявляется для ознакомления потерпевшему, его представителю, подозреваемому, обвиняемому, его защитнику;

(5) протокол допроса эксперта предъявляется свидетелю по уголовному делу.

Эти и некоторые другие следственные ошибки[4] совершают и молодые, и уже опытные следователи. Так, например, согласно ч. 2 ст. 189 УПК РФ, запрещая задавать наводящие вопросы, законодатель разрешает в остальном следователю быть свободным в выборе тактики допроса. Мы согласны с мнением С.А. Шейфера, что вопрос о свободе выбора тактики допроса заслуживает более детального освещения. Решая его, следует исходить из недопустимости применения при допросе насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создания опасности для жизни и здоровья допрашиваемого. Кроме того, представляется, что любой тактический прием допроса не должен содержать сообщение допрашиваемому ложной информации. Также следователь не вправе склонять допрашиваемого к подтверждению определенного факта обещанием каких-либо благ и послаблений[5].

К сожалению, неверных представлений о допросе эксперта придерживаются и некоторые ученые. Так, например, В.Н. Абрамин писал: «Допрос экспертов... вызывается неполнотой или неясностью заключения эксперта, противоречиями в заключениях экспертов по одним и тем же вопросам, появлением новых фактов, требующих своего разъяснения, и по другим обстоятельствам»[6].

В данном вопросе мы полностью поддерживаем мнение Н.И. Порубова и А.Н. Порубова, что в случае неполноты, неясности или противоречий в заключении эксперта должна быть назначена повторная или дополнительная экспертиза; эти недостатки заключения эксперта восполнить его допросом нельзя[7].

Солидарна с нами и А.В. Хмелева, которая аргументированно дает следующие рекомендации:

- допрос эксперта производится следователем в случае возникновения определенных трудностей у следователей при необходимости устранения недостатков из-за неясности, неполноты, необоснованности заключения или при наличии сомнений в достоверности выводов эксперта;
- в ходе допроса эксперт может дать пояснения об избранной им методике исследования, использованных научно-технических средствах, отдельных терминах и формулировках, содержащихся в заключении;
- допрос проводится, если для ответа на возникшие вопросы не требуется проведения дополнительных исследований (так как в соответствии со ст. 207 УПК РФ при недостаточной ясности и полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела должна быть назначена дополнительная судебная экспертиза);
- трудно согласится с мнением, что основанием для допроса эксперта может быть расхождение между выводами и исследовательской частью заключения[8]; представляется, что этот недостаток должен устраняться путем назначения повторной судебной экспертизы;
- допрос эксперта не может заменить собой производство экспертизы. Так, в кассационном определении Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 22-О04-9[9] подчеркивалась неправомерность действий суда первой инстанции, который не удовлетворил ходатайство стороны защиты о проведении повтор-

[4] См. об этом, например: *Дегтярев С.В.* Криминалистическая тактика (через призму следственных ошибок): Курс лекций. Н. Новгород, 2009. С. 131—132.

[5] См.: *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 91—95.

[6] *Абрамин В.Н.* Допрос на предварительном следствии в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. С. 15.

[7] См.: *Порубов Н.И., Порубов А.Н.* Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты. М., 2013. С. 196.

[8] См.: *Щерба С.П.* Комментарий к главе 27 УПК РФ // Научно-практический комментарий к УПК РФ (постатейный) / Под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. М., 2010. С. 626.

[9] См.: *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2004 № 22-О04-9 // СПС «КонсультантПлюс».

ной экспертизы и заменил назначение экспертизы допросом эксперта[10].

Предметом допроса эксперта, исходя из положений ст. 205 и 282 УПК РФ, могут быть только выводы эксперта по поставленным перед ним вопросам и методика проведения экспертного исследования.

В ходе допроса эксперта, согласно ч. 2 ст. 80 УПК РФ, у него могут быть выяснены только сведения, разъясняющие или уточняющие данное им заключение.

Целью допроса эксперта, исходя из положений ч. 2 ст. 80, ч. 1 ст. 86, ст. 87 и 88 УПК РФ, являются получение новых доказательств в виде показаний эксперта, а также проверка и оценка достоверности, относимости и допустимости данного ранее экспертом заключения и иных имеющихся в уголовном деле доказательств.

Так, например, первым заместителем руководителя СУ СК России по Чувашской Республике 23.05.2013 отменено постановление следователя о прекращении уголовного дела по факту обнаружения в гараже трупа С. с огнестрельным ранением в области сердца, по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Основанием принятия данного решения послужило установление следователем обстоятельств совершения С. самоубийства из обреза охотничьего ружья 16-го калибра.

Между тем изучение уголовного дела показало, что весь комплекс следственных действий, направленных на установление значимых обстоятельств произошедшего, в полном объеме не проведен. Так, согласно заключению судебной баллистической экспертизы № 28, дробь и пыж, обнаруженные в черепе С., относятся к компонентам снаряжения патрона к гладкоствольному огнестрельному оружию 12-го калибра. Из заключения судебной баллистической экспертизы № 50 следует, что изъятое из-под тела С. оружие является обрезом охотничьего ружья 16-го калибра, изготовленным самодельным способом путем укорачивания ствола и ложи. Гильза, изъятая из патронника правового ствола обреза, является компонентом стреляного патрона 16-го калибра. В целях устранения указанных противоречий следователю необходимо назначить повторную судебную баллистическую экспертизу.

Кроме того, из заключения судебной баллистической экспертизы № 152 следует, что на марлевых тампонах со смывами с левой руки С. и височной области головы справа обнаружены следы сгорания бездымного пороха. На марлевом тампоне со смывами с правой руки трупа С. следов пороха не обнаружено. Из показаний допрошенной дочери С. следует, что ее отец был правшой и все активные действия выполнял правой рукой. Поэтому необходимо допросить судебного эксперта — баллиста, чтобы выяснить механизм отложения следов бездымного пороха на поверхностях рук; установить механизм выброса отработанных газов и соответственно пороха при стрельбе из обреза охотничьего гладкоствольного ружья, т.е. из изъятого обреза, с учетом особенностей его изготовления; выяснить вопрос о возможности оставления следов пороха на открытых поверхностях рук при стрельбе из обнаруженного обреза, установить возможный механизм отложения таких следов одновременно на левой височной области головы умершего и его правой руке.

Приведем еще один пример. Шуйский межрайонный прокурор Ивановской области 06.05.2013 отменил постановление следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по факту обнаружения с телесными повреждениями трупов К. и Г. после тушения пожара по месту их проживания на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Установлено, что при принятии решения о прекращении уголовного дела следователем не дана надлежащая оценка выводу комиссии экспертов о том, что прижизненное повреждение, имевшееся у К. и Г. в виде отравления окисью углерода, не имеет отношения к причине их смерти. Следовательно, смерть К. и Г. наступила по иной причине, не связанной с отравлением окисью углерода. В ходе предварительного следствия следователем не приняты в полном объеме меры, в том числе допрос экспертов, для установления реальной возможности наступления смерти в очаге пожара от иных причин ранее, чем от отравления угарным газом[11].

Допрос эксперта должен быть произведен с соблюдением общих правил производства следственных действий, предусмотренных ст. 164, 166—167 УПК РФ, и общих правил допроса, предусмотренных ст. 187—190 УПК РФ. Наряду с этим должны быть соблюдены процессуальные нормы, определяющие предмет, цели и особенности допроса эксперта, а также сущность, содержание и значение показаний эксперта.

[10] См. подробнее: *Хмелева А.В.* Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 23—25.

[11] См. об этом подробнее: *Следственные* ошибки: Учеб.-практ. пособие / Авт.-сост. А.М. Багмет, А.Б. Гранкина, В.О. Захарова, Ю.А. Цветков / Под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2016. С. 147—148, 151.

В соответствии с общими правилами производства следственных действий, предусмотренными ст. 164 УПК РФ, допрос эксперта не может быть произведен в ночное время, которым, согласно п. 21 ст. 5 УПК РФ, является промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени. При этом исключение из данного правила, предусмотренное в ч. 3 ст. 164 УПК РФ, на допрос эксперта распространено быть не может, поскольку данное следственное действие к числу неотложных не относится.

При допросе эксперта, так же как иных следственных действий, согласно ч. 4 ст. 164 УПК РФ, недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для его жизни и здоровья.

Перед началом допроса следователь в соответствии с ч. 5 ст. 164 УПК РФ удостоверяется в личности эксперта, разъясняет ему его права, ответственность, а также порядок производства допроса. Эксперт предупреждается об ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 Уголовного кодекса РФ, за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

При допросе эксперта, как и иных участников уголовного судопроизводства, согласно ч. 6 ст. 164 УПК РФ, могут применяться технические средства фиксации показаний эксперта, о чем следователь должен предупредить его перед началом допроса.

В ходе допроса эксперта, как и производства любого иного следственного действия, исходя из положений ч. 8 ст. 164 УПК РФ, ведется протокол в соответствии со ст. 166 УПК РФ.

В случае отказа эксперта подписать протокол допроса следователь в соответствии со ст. 167 УПК РФ вносит в него соответствующую запись, которая удостоверяется подписью следователя. При этом эксперту, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол.

На допрос эксперта распространяются все процессуальные правила, касающиеся места и времени допроса, порядка вызова на допрос, предусмотренные соответственно ст. 187 и 188 УПК РФ, а также общие правила проведения допроса, включая запрет задавать допрашиваемому наводящие вопросы, право допрашиваемого лица пользоваться документами и записями, проведение по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемка, предусмотренные ст. 189 УПК РФ. При составлении протокола допроса эксперта должны быть соблюдены и требования к протоколу допроса, закрепленные в ст. 190 УПК РФ.

Процессуальные особенности допроса эксперта определены в нормах, посвященных как показаниям эксперта, так и непосредственно правилам допроса эксперта.

Показания эксперта, согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, являются доказательствами по уголовному делу. В ч. 2 ст. 80 УПК РФ они определяются как сведения, сообщенные экспертом на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями ст. 205 и 282 УПК РФ.

Процессуальные нормы, содержащиеся в ст. 205 и 282, так же как и в ст. 166, 167 и 206 УПК РФ, конкретизируют правила производства допроса эксперта. В них:

(1) указано на право (а не обязанность) следователя по собственной инициативе либо по ходатайству лиц, указанных в ч. 1 ст. 206 УПК РФ (потерпевшего, его представителя, подозреваемого, обвиняемого, его защитника), допросить эксперта для разъяснения данного им заключения; при этом допрос эксперта до представления им заключения не допускается;

(2) установлен запрет на допрос эксперта по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы;

(3) содержится требование составлять протокол допроса эксперта в соответствии с общими правилами изготовления протоколов в досудебном производстве, регламентированными в ст. 166 и 167 УПК РФ.

При производстве допроса эксперта необходимо учитывать также положения процессуальных норм, определяющих и разграничивающих понятие и полномочия эксперта и специалиста, поскольку они наделены отдельными сходными признаками и полномочиями, оба они могут быть подвергнуты допросу и показания обоих являются доказательствами.

В соответствии со ст. 57 УПК РФ эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт, как и все иные участники уголовного судопроизводства, наделен законом определенными правами и обязанностями, которые должны быть учтены следователем при его допросе.

В частности, он *вправе*:

- знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающего его права;
- отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения (отказ от заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа).

На эксперта законом возложены и определенные обязанности. В частности, ему *запрещено*:

- без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;
- самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования;
- проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида основных свойств;
- давать заведомо ложное заключение;
- разглашать данные предварительного расследования, ставшие известные ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в порядке ст. 161 УПК РФ;
- уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

При производстве допроса эксперта наряду с процессуальными правилами необходимо соблюдение и ряда выработанных криминалистикой и апробированных на практике рекомендаций, а именно:

- в зависимости от конкретной ситуации выбрать один из способов вызова эксперта на допрос к следователю, а именно повесткой, телефонограммой, телеграммой, через руководителя экспертного учреждения;
- определить место допроса эксперта: либо это место производства предварительного следствия (как правило, служебный кабинет следователя), либо по местонахождению эксперта (его рабочее место, в исключительных случаях — по месту проживания эксперта либо на нейтральной территории);
- допрос эксперта не должен производиться в ночное время (промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени), так как это не неотложное следственное действие;
- тщательно планировать данное следственное действие, готовиться к его проведению;
- удовлетворять инициативу эксперта о приложении к протоколу допроса копий своих дипломов, сертификатов и т.п., а также разрешать (и даже приветствовать) изготовление экспертом в ходе допроса схем, чертежей, рисунков, диаграмм;
- при необходимости в ходе производства допроса эксперта может проводиться аудио- и (или) видеозапись, а также могут (как это ни странно звучит) присутствовать понятые;
- к участию в допросе эксперта при необходимости (а при наличии заключения эксперта по высокотехнологичным видам судебных экспертиз — компьютерно-технических и т.п. — желательно) привлекать специалиста[12].

Еще одной особенностью допроса эксперта является обязательное указание в первой части протокола допроса таких специфических данных о его личности, как образование, наличие ученой степени (ученого звания), прохождение повышения квалификации, место работы и должность, стаж работы (в том числе экспертной), наличие (отсутствие) оснований для отвода.

Процедура допроса также отличается от обычной: эксперт, как правило, излагает свои показа-

[12] См., например: *Власов В.В.* Привлечение защитником специалиста для оценки заключения эксперта // Вестн. криминалистики. 2012. № 1 (41). С. 81—84; *Шайдуллин Ф.Т.* Участие специалиста в производстве по уголовным делам // Рос. следователь. 2012. № 15. С. 16—17.

ния не в произвольной форме, а отвечает на вопросы следователя.

Не рекомендуется предлагать эксперту собственноручно излагать свои показания в протоколе допроса (кроме как после дачи устных показаний и прочтения протокола — в качестве дополнительной, уточняющей информации).

Основная цель производства допроса эксперта — это уточнение компетенции эксперта и его отношения к данному уголовному делу, а также разъяснение заключения. В своих показаниях эксперт:

- объясняет сущность специальных терминов и формулировок;
- обосновывает необходимость использования выбранной методики исследования, приборов и оборудования;
- объясняет, как выявленные диагностические и идентификационные признаки позволили ему сделать те или иные выводы; в какой мере выводы основаны на материалах уголовного дела.

Если члены комиссии экспертов пришли к разным выводам, в ходе допроса выясняются причины этих расхождений.

Показания эксперта могут послужить основанием для назначения дополнительной (может быть назначена тому же эксперту) и повторной (может быть назначена только другому эксперту) судебных экспертиз.

Если в ходе допроса эксперта выявлена возможность получения новой доказательственной информации путем исследования объектов, в отношении которых экспертиза еще вообще не проводилась, назначается первичная экспертиза, которая может быть поручена тому же эксперту[13].

[13] См. об этом подробнее: *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2011. С. 290—301.

УДК 343.9
ББК 67

Николай Васильевич КАРЕПАНОВ,
доцент кафедры криминалистики
Уральского государственного
юридического университета, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: karepanovvv@gmail.com

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы коррупции в России. Проводится исследование свойств типичных следов при расследовании преступлений коррупционной направленности, указывается связь с конкретными способами преступления.

Ключевые слова: способы преступления, следы, признаки, документы, подделка, фальсификация

Nikolaj Vasilyevich KAREPANOV,
Cand. Sc. (Law), associate professor,
reader in criminology of the Urals State University of Law
E-mail: karepanovvv@gmail.com

Scientific specialty: 12.00.12 — Criminology; forensic activities; operatively-search activity

TYPICAL TRACES IN INVESTIGATION OF CRIMES OF CORRUPTION CHARACTER

Annotation. The article deals with the problematic issues of corruption in Russia. Research of properties of typical traces in investigation of crimes of corruption character, communication with concrete ways of crimes is specified.

Keywords: ways of crimes, traces, signs, documents, fake, falsification

Коррупция в конкретном своем проявлении выражается, с одной стороны, в возможности использования служащим своего статуса для получения незаконных преимуществ, с другой — в возможности предоставления этих преимуществ заинтересованным физическим и юридическим лицам в корыстных целях.

В преступлениях данного вида имеется специфический объект — должностное лицо. Это приводит к необходимости изучения самого понятия должностного лица, определения составных элементов его деятельности, которые имеют криминалистическое значение, выявления особенностей деятельности.

В число элементов структуры преступления входит и та система, в которой действует должностное лицо. При совершении преступления используется (или учитывается) организационная структура. Поэтому нельзя разрабатывать конкретную методику, не изучив систему, в которой осуществляет свою деятельность субъект преступления (тем более что система является в большинстве случаев и объектом посягательства).

Одной из особенностей деятельности любого должностного лица (независимо от того, какие функции оно выполняет) является то, что это лицо всегда имеет правовой статус, установленный законом.

Статус взяткополучателя, его фактические действия непременно фиксируются в ряде документов:

- приказе о приеме на работу должностного лица;
- приказе о назначении на должность;
- трудовой книжке или послужном списке;
- должностной инструкции, положении о должности или положении об органе, контракте;
- лицевом счете;

- карточке вещевого или денежного довольствия (для военнослужащих и сотрудников некоторых правоохранительных органов);
- табеле рабочего времени;
- справке о заработной плате;
- декларации;
- личном деле.

Кроме того, обстановка совершения преступления отражается в документах:

- характеризующих деятельность организации или органа;
- устанавливающих компетентность должностного лица;
- регламентирующих порядок прохождения документов и принятия решений;
- связанных с совершением должностным лицом аналогичного действия за взятку;
- свидетельствующих об изыскании средств на взятку и о маскировке незаконности этих действий;
- свидетельствующих об использовании средств коммерческой организации взяткодателя;
- свидетельствующих о получении средств преступным путем;
- свидетельствующих о приобретении предмета взятки и о маскировке ее приема — передачи;
- свидетельствующих о заинтересованности взяткодателя в совершении должностным лицом действий, за которые дана взятка;
- связанных с использованием взяткодателем результатов действий должностного лица, выполненных за взятку;
- характеризующих личность, времяпрепровождение, образ жизни, состояние здоровья взяточников и пр.

Для коррумпированных чиновников характерно настойчивое стремление к новым должностям, раскрывающим еще более широкие «перспективы». Часть «заработанных» денег они готовы тратить на оплату успеха своей карьеры.

Показательным является приговор Московского городского суда по уголовному делу о взятках в Министерстве экономического развития и торговли РФ. Приговором суда осуждены начальник управления кадров министерства, его заместитель и три сотрудника. Денежные средства за решение «кадровых вопросов» им передавали сотрудники Территориального управления Росимущества по Тюменской области[1].

Действия непосредственно по передаче взятки могут совершаться в период личного контакта взяткодателя или без такового. В последнем случае взятка передается через посредников, пересылается по почте, деньги вносятся на счет, указанный взяткополучателем, приобретается ценное имущество, нередко на подставных лиц. Известно огромное количество сложных способов передачи взятки: пересылка взятки с использованием услуг «ВестернЮнион»; открытие счетов на имя взяткополучателя в зарубежных банках, особенно в офшорных зонах; оплата обучения родных или близких взяткополучателя в российских или зарубежных образовательных учреждениях; передача расчетных (дебетовых) карт на сумму взятки или предоставление корпоративной пластиковой карты с оплатой определенных услуг или товаров на сумму взятки; финансирование партий, движений, кандидатов на выборные должности; передача акций или иных ценных бумаг и т.п.[2]

Встречаются случаи оказания взаимных услуг одновременно и взяткодателем, и взяткополучателем.

В тех случаях, когда деятельность субъектов взяточничества носит длящийся или продолжающийся характер, способы совершения преступлений могут варьироваться. Чаще всего они повторяются в своих основных признаках.

Такой элемент способа взяточничества, как сокрытие, включает, прежде всего, действия по маскировке планируемого или совершаемого деяния. Приемы маскировки заключаются в использовании благоприятной обстановки для передачи взятки. Субъекты стремятся использовать такие условия, при которых о совершенном деянии не станет известно органам расследования или лицам, могущим сообщить о преступлении. Для этого скрываются контакты взяткодателей, взяткополучателей и посредников. Их встречи проводятся без свидетелей или в кругу надежных лиц. Иногда маскируется цель встречи или ее стремятся представить как случайную либо вполне правомерную.

В ситуациях, когда названные действия носят явно незаконный характер, они совершаются в обход лиц, которые могут установить противоправность выполняемой операции. При этом взяткополучатель сам выполняет какие-то действия либо поручает их менее принципиальным сослуживцам. В некоторых случаях, особенно при необходимости выполнения действий явно противоправного характера, взяткополучатели при-

[1] *Тараненко А.С.* Опыт расследования коррупционных преступлений на территории Уральского федерального округа // Российское право. Екатеринбург, 2009. № 2 (55). С. 35.

[2] *Посохина И.В.* Определение пределов доказывания по уголовному делу о взяточничестве // Юридическая мысль. СПб., 2005. № 2 (27). С. 66.

бегают к фальсификации документов, отражающих незаконные операции. Подобные документы нередко хранятся с нарушением правил, уничтожаются раньше сроков или изымаются из архивов и хранятся в тайниках.

В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению в получении взятки начальника таможенного поста «Лианозовский» Московской восточной таможни П. Пользуясь своим должностным положением, он распорядился о перемещении бланков паспортов транспортных средств (ПТС) вместе с журналом их учета и регистрации для хранения в сейф своего служебного кабинета. Используя это обстоятельство, под угрозой создания препятствий в выдаче этих бланков при таможенном оформлении автомашин он стал требовать от участников внешнеэкономической деятельности ежемесячно определенную сумму денег за каждый полученный на таможенном посту ПТС[3].

Существуют также организованные группы взяткодателей с четким распределением ролей. Чаще всего это субъекты, занимающиеся преступной деятельностью. Иногда такая деятельность вообще невозможна без организации передач взяток на постоянной основе (контрабанда, наркобизнес, организованная преступность и т.п.).

Так, Федеральной службой безопасности Республики Мордовия осужден высокопоставленный чиновник правоохранительных органов К. за участие в преступном сообществе с использованием служебного положения, злоупотребление должностными полномочиями, получение взятки в крупном размере, разглашение государственной тайны руководителю банды, который в течение десяти лет находился в федеральном и международном розыске за организацию банды, совершение убийств, в том числе убийство полковника милиции в отставке[4].

Иногда устойчивые группы взяткодателей формируются в коммерческих учреждениях из работающих в должности снабженцев, работников, специализирующихся на оформлении документов, заключении и осуществлении сделок[5].

Кроме описанной группы, существуют преступные объединения взяточников без ярко выраженного разделения функций. В таких случаях одни и те же субъекты выступают в одних эпизодах в качестве вымогателей и получателей взяток, в других — как посредники взяточничества. Отношения соучастников в подобных ситуациях также могут строиться на основе равенства или подчиненности одному или нескольким членам преступной организации[6].

Знание особенностей следообразования при совершении преступлений коррупционной направленности приобретает важное значение для своевременного профессионально грамотного выявления таких деликтов, применения эффективного механизма защиты от них правоохранительными органами.

Борьба с коррупцией имеет не только уголовно-правовые проблемы правоприменения, но и организационные, финансово-экономические аспекты. Как видится, для эффективной борьбы с этим злом необходима прозрачность и доходов, и расходов должностных лиц. Расходы на недвижимость и дорогие движимые приобретения должны подтверждаться в налоговых органах соответствующими документами о наличии ссуды, кредита, займа, ипотеки и т.д. Вместе с тем эти обстоятельства уже сегодня могут быть использованы правоохранительными органами для успешного расследования коррупционных преступлений, поскольку необоснованные, подозрительно завышенные расходы — это следы совершенного преступления.

[3] *Уголовное* дело № 2-143/02// Архив Московского городского суда. 2002; *Туркова В.Н.* Особенности изобличения во взяточничестве начальника таможенного поста // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. С. 465.

[4] Архив Верховного Суда Республики Мордовия. Дело № 21724, № 2 к-17/2010, №2-1/2001; *Мартышкин В.Н.* Противодействие коррупции: теоретические и практические аспекты // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. Екатеринбург, 2011. № 1 (5). С. 114.

[5] *Бредихина М.В.* Раскрытие и расследование коррупционных связей в теневой экономике // Теневая экономика: проблемы диагностики и нейтрализации: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2004. С. 272.

[6] См.: *Криминалистика* / Под ред. И.Ф. Герасимова. М., 1994. С. 409.

УДК 343.9
ББК 67

Константин Игоревич КИТАЙКИН,
эксперт экспертно-криминалистического отдела
УК ГСУ СК РФ по г. Санкт-Петербургу
E-mail: koolpa@mail.ru

Марина Александровна ГУДКОВА,
старший эксперт экспертно-
криминалистического отдела УК ГСУ СК РФ
по г. Санкт-Петербургу
E-mail: mgudkova.w@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ СВЕДЕНИЙ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АБОНЕНТОВ НА БАЗЕ ПЛАТФОРМ ANDROID И IOS В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. Наиболее распространенные в настоящее время мобильные устройства на основе операционных систем Android и iOS накапливают в процессе функционирования и хранят в памяти сведения о собственных географических координатах, зачастую имеющих большое значение для расследования преступных деяний. Криминалистическая значимость указанных сведений определяет необходимость их использования в ходе раскрытия и расследования уголовных дел.

Ключевые слова: Android, iOS, геолокация, геометки, сервис локации, Wi-Fi-сети, GPS-координаты, широта, долгота

Konstantin Igorevich KITAYKIN,
expert of Criminalistics Department
Main Investigations Directorate in St.-Petersburg
The Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: koolpa@mail.ru

Marina Alexandrovna GUDKOVA,
senior expert of Criminalistics Department
Main Investigations Directorate in St.-Petersburg
The Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: mgudkova.w@gmail.com

USE OF INFORMATION ON THE WHEREABOUTS OF THE SUBSCRIBER, GAINED BY THE STUDY OF MOBILE DEVICES BASED PLATFORMS ANDROID AND IOS, DURING DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

Annotation. The most common currently mobile devices, based on the operating system «Android and «iOS, accumulate during operation and stored in the memory of information about their own geographical coordinates, which frequently have great importance for the investigation of criminal offenses. Forensic significance of these data defines the need for their use in the detection and investigation of criminal cases.

Keywords: Android, iOS, geolocation, geo-tagging, location service, Wi-Fi-networks, GPS-coordinates, latitude, longitude

Бурное развитие сферы информационных технологий привело к тому, что в настоящее время практически каждый член общества, от детей дошкольного возраста до людей старшего поколения, является обладателем как минимум одного электронного устройства, в том числе обладающего функцией связи, и, как следствие, источником образования не только ма-

териальных, но и информационных следов. Часто единственной надеждой следствия в ходе расследования преступлений является мобильное устройство — мобильный телефон. Молчаливый свидетель. Но таким ли молчаливым он является?

Полагаем, что затронутая далее тема обнаружения, получения и путей использования одной из разновидностей цифровых следов, а именно сведений о географических координатах (далее — геоданные), будет интересна не только следователям-криминалистам, но и следователям, непосредственно проводящим расследования.

Широко используемые в настоящее время мобильные устройства на базе платформ Android и iOS не только весьма эффективно вычисляют текущие географические координаты владельца по сигналам от ближайших станций сотовой связи или точек доступа WiFi-сетей, но и с большой скрупулезностью ведут учет этих координат. Получение доступа к данной информации имеет зачастую большое значение для следствия, так как информация о местонахождениях устройства (абонента) позволяет, например, подтвердить или опровергнуть сведения, полученные следственным путем (например, алиби лица, подозреваемого в совершении преступления).

Так, с обнаружением в устройствах Apple практически недокументированного в настоящее время и весьма специфического сервиса Location Service [1], который отвечает за функцию геолокации, у правоохранительных органов появились новые возможности при расследовании и раскрытии преступлений различного рода, в которых в качестве вещественных доказательств фигурируют указанные устройства.

Начиная с операционной системы iOS 4, в Apple iPhone, благодаря сервису Location Service, ведется информационная база данных с именем consolidated. Данная информационная база представляет собой файл с названием consolidated.db формата SQLite, который размещается в памяти устройства по адресу: /private/var/Library/Caches/location/ [2]. Указанная база данных содержит в своем составе служебные таблицы, в том числе — таблицы WifiLocation и CellLocation. В данных таблицах, при регистрации Apple iPhone в соответствующей сети, могут регистрироваться данные о местоположении телефона Apple iPhone, а также о местоположении точек доступа сетей Wi-Fi. Записи в этих таблицах соответствуют отметкам геолокации, которые автоматически генерируются телефоном с использованием службы Location Service на основе данных, получаемых от ближайших беспроводных сетей соответствующих стандартов. Так, в таблицах с именами CellLocation и WifiLocation регистрируются следующие сведения: GPS-координаты в абсолютных величинах (поле Latitude — значение широты и поле Longitude — значение долготы); значения времени в формате timestamp (количество времени в секундах, начиная с 1 января 2001 г., поле timestamp); значения MAC-адреса точек доступа Wi-Fi. Данные сведения, генерируемые службой Location Service, могут в значительной степени повысить возможности следственных органов в расследовании и раскрытии преступлений.

Кроме того, в таблицах с именами CellLocation и WifiLocation имеются дополнительные поля, предназначенные для регистрации таких параметров, как высота над уровнем моря, скорость перемещения, точность геолокации по горизонтали и точность геолокации по вертикали и другие (пока менее значимые) сведения. В зависимости от версии операционной системы устройства Apple, состав таблиц информационной базы данных с названием consolidated может изменяться.

Отметим, что сведения о геоданных могут храниться и в иных файлах, в том числе пользовательских. Так, например, при создании пользователем файла, содержащего фотоизображение в формате *.jpg, или файла, содержащего видеоизображение в формате *.MOV (формат компании Apple, в котором содержится мультимедийный контент в один или несколько потоков), служба сервиса Location Service благополучно записывает GPS-координаты места съемки в тело файла, указывая при этом время, модель устройства, с использованием которого был получен файл, а также версию операционной системы.

Кроме того, наряду с приложениями, входящими в состав операционной системы, сведениями службы сервиса Location Service используют также и приложения, устанавливаемые пользователем самостоятельно. Так, например, приложение Speedtest записывает сведения в SQLite-базу с именем speedtest. sqlite, которая размещается в памяти устройства по адресу: \Applications\com. ookla. speedtest\Documents\. В указанной базе данных содержатся сведения о дате и времени, GPS-координатах места тестирования (широта, долгота), об IP-адресе сервера, об IP-адресе устройства, об имени сервера, об имени провайдера, о типе сетевого соединения, а также о значении SSID точки доступа.

Аналогичная служба геолокации с именем Location Service используется и в мобильных устройствах на основе операционной системы Android. Принципы работы данного сервиса схожи с работой аналогичного сервиса iOS, описан-

ного выше. Информационные базы данных ОС Android, в которых регистрируются сведения о географических координатах, также имеющие формат SQLite, как и базы данных iOS, в то же время имеют свою специфику.

Сервисы Google, установленные в ОС Android, находясь в активном состоянии могут осуществлять передачу идентификационной информации (IMEI, номера телефона, GPS-координаты, полученные в ходе работы сервиса Location Service, и т.д.) на соответствующие серверы Google. Кроме того, сведения об определенных в ходе работы Location Service географических координатах регистрируются в памяти устройства в специализированной информационной базе данных с именем CachedGeoposition.db. Информационные базы данных с именами CachedGeo-position.db и GeolocationPermissions.db размещаются на носителе информации устройства по адресу: /data/data/com. android. browser/app_geolocation/ [3]. База данных CachedGeo-position.db имеет в своем составе служебную таблицу CachedPosition, содержащую поля: latitude (значение широты в абсолютных величинах), longitude (значение долготы в абсолютных величинах), altitude (высота над уровнем моря), accuracy (точность), altitudeAccuracy (уточненная высота), heading (направление), speed (скорость перемещения), timestamp (время в формате UNIX time). Записи в этой таблице соответствуют отметкам геолокации, которые автоматически генерируются ПО устройства на основе данных, получаемых от ближайших беспроводных сетей соответствующих стандартов.

Некоторые приложения Google (в частности, приложение Google Maps) также могут сохранять сведения о местоположении устройства в базах данных, зарегистрированных в каталоге для размещения служебных файлов указанного приложения. Например, в ходе исследования различных мобильных устройств с ОС Android различных версий с установленным приложением Google Maps, в каталоге /data/data/com. google. android. apps. maps/databases/ авторами были обнаружены файлы с именем da_destination_ history, содержащие информационную базу данных, являющиеся служебными файлами приложения Google Maps. При этом информационная база данных da_destination_history имеет в своем составе служебные таблицы с именами: android_metadata и destination_history. Служебная таблица android_metadata содержит сведения о локализации (поле locale), таблица destination_history — поля time (время в формате UNIX time), dest_lat (значение широты пункта назначения), dest_lng (значение долготы пункта назначения), dest_title (название пункта назначения), dest_address (адрес пункта назначения), dest_token (идентификатор пункта назначения), source_lat (значение широты начального местонахождения), source_lng (значение долготы начального местонахождения), day_of_week (номер дня недели, от 1 до 7, первый день недели — воскресенье), hour_of_day (значение времени в формате час, для данного региона).

Дополнительно отметим, что сведения о геоданных могут быть также обнаружены как при исследовании файлов служебных информационных баз данных иных, не указанных в данной статье, приложений, в том числе не входящих в состав операционной системы, имеющих функции определения, передачи, сохранения и отслеживания местоположения устройства, так и (по аналогии с устройствами на базе операционной системы iOS) в файлах, содержащих фотоизображения и видеозаписи, созданных пользователем.

Таким образом, современные мобильные устройства не только обладают широкими возможностями по регистрации геоданных, но и по умолчанию данные возможности широко реализуют, что открывает перед следственным аппаратом значительные возможности по извлечению и исследованию соответствующих информационных объектов, содержимое которых может быть использовано для решения задач, возникающих в ходе предварительного расследования уголовных дел, наряду с иными доказательствами. Таким информационным объектом может быть, например, содержимое полученных из устройств указанного типа соответствующих баз данных со сведениями о местоположениях устройства (абонента), о маршруте движения абонента, а также о возможных местах подключения к сети Интернет с использованием различных протоколов передачи данных на всем маршруте движения абонента. Эти и другие сведения могут быть использованы органами следствия как в качестве основной доказательной базы в расследовании преступлений, позволяя полно и всесторонне изобличить лицо (или группу лиц) в совершенном преступлении, так и в качестве проверки соответствующих сведений, полученных ранее из иных источников информации в ходе расследования преступления. Так, к примеру, сведения указанного характера могут оказать значительную помощь в проверке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых, в поиске возможных свидетелей преступления, возможных мест сокрытия улик и т.д.

Отметим, что в настоящее время на этапе предварительного расследования указанные данные могут быть получены следствием в значительной степени как в результате следственных действий, так и экспертным путем с использованием имеющихся в настоящее время на вооружении в экспертных отделах, отделах и управлениях криминалистики Следственного комитета технических средств для извлечения и анализа информации из мобильных устройств (специализированные аппаратно-программные комплексы CELLEBRITE UFED, Мобильный криминалист, XRY и т.п.). Однако, учитывая специфику рассматриваемых данных, способов их хранения, а также не всегда исчерпывающую поддержку автоматической интерпретации извлеченных данных соответствующих устройств специализированными аппаратно-программными комплексами, отметим целесообразность экспертного пути получения следствием сведений о геоданных, хотя и более длительного по продолжительности, но позволяющего на более высоком уровне извлечь, интерпретировать и провести всесторонний анализ полученных сведений по сравнению с результатами проведения следственных действий, которые обычно по объективным причинам ограничены по времени проведения и доступным техническим средствам, используемым для анализа.

Подводя итог данной статьи, отметим значительный объем геоданных, хранимых в настоящее время мобильными устройствами на базе операционных систем iOS и Android, а также тенденцию к увеличению количества программных средств для мобильных устройств на указанных платформах, использующих при функционировании сведения указанного характера. Данная тенденция свидетельствует о перспективе значительного расширения следовой картины, которая может быть получена следствием при анализе содержимого соответствующих мобильных устройств. В связи с этим владение следственным аппаратом сведениями о наличии возможностей различных мобильных устройств по фиксации геоданных, а также о средствах и способах, позволяющих их обнаружить, извлечь и провести полноценный анализ, позволит расширить спектр возможностей предварительного следствия, так как в сочетании с иными сведениями, имеющимися в распоряжении следственных органов, это может дать полную картину развития преступления, дополнительно выявить криминалистически значимые следы, позволит полно и всесторонне изобличить лицо (или группу лиц) в совершенном преступлении и соответственно облегчить установление истины по делу.

Список литературы

1. *Sean Morrissey*. iOS Forensic Analysis for iPhone, iPad, and iPod touch, Copyright © 2010 by Sean Morrissey;

2. A*ndrew Hoog,* Katie Strzempka, Technical Editor Robert Maxwell,. iPhone and iOS Forensics Investigation, Analysis and Mobile Security for Apple iPhone, iPad, and iOS Devices, Elsevier Inc., 2011.

3. *Andrew Hoog*. Android Forensics: Investigation, Analysis and Mobile Security for Google Android. Syngress, Elsevier Inc., 2011.

УДК 343.98
ББК 67

Роман Александрович КОКОРЕВ,
соискатель кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России (старший инспектор отделения
планирования и контроля качества учебного процесса и практики учебного отдела
Московского областного филиала МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: kokorev_roman@mail.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность
Научный руководитель: А.М Кустов, доктор юридических наук, профессор
Научный консультант: С.С. Самищенко, доктор юридических наук, профессор
Рецензент: **М.И. Пилякин**, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Одним из перспективных направлений развития криминалистики является внедрение медицинских знаний в практическую деятельность раскрытия и расследования преступлений. В статье рассматривается применение медицинских знаний в расследовании преступлений против личности, даны рекомендации следователю по взаимодействию со специалистом (экспертом) в области судебной медицины.

Автор приводит данные, полученные в результате опроса сотрудников правоохранительных органов по вопросам использования медицинских знаний, в ходе проверки заявлений о преступлениях против личности. Проанализирована практическая деятельность следователя по применению медицинских знаний в расследовании преступлений против личности. При расследовании преступлений против личности помощь экспертов (специалистов), обладающих специальными знаниями в области медицины, обеспечивает надежность получаемых результатов, сокращает время сбора криминалистически значимой информации, необходимой для фиксации преступной деятельности, и способствует быстрому и эффективному расследованию рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: медицинские знания, судебная медицина, специальные знания, специальные медицинские знания, судебно-медицинский эксперт, расследование, преступления против личности

Roman Aleksandrovich KOKOREV,
applicant, Department of management bodies crime investigation
Management Academy of MIA Russia (senior inspector of the Department of planning and quality control of the educational process and practice the training division of the Moscow regional ISCU branch of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot)
E-mail: kokorev_roman@mail.ru

Scientific specialty: 12.00.12 — Criminology; forensic activities; operatively-search activity
Supervisor: A.M. Kustov, Doctor of Law, Professor
Scientific Consultant: S.S. Samischenko, Doctor of Law, Professor
Reviewer: M.I. Pilyakin, PhD

TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF MEDICAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST THE PERSON

Annotation. One of the promising areas of criminology is the introduction of medical knowledge in the practice of disclosing and investigating crimes. The article deals with the application of medical knowledge in the investigation of crimes against the person, recommendations investigator for interaction with specialists (experts) in the field of forensic medicine.

The author cites data from a survey of law enforcement officers in the use of medical knowledge during check allegations of crimes against the person. Analyzed the practical activities of the investigator on the application of medical knowledge in the investigation of crimes against the person. The investigation of crimes against the person, expert assistance (experts) with expertise in the field of medicine, provides the reliability of the results, reduces the collection forensically relevant information necessary to fix the criminal activity and promotes rapid and effective investigation of the crimes.

Keywords: medical knowledge, forensic medicine, special knowledge, special medical knowledge, medical examiner, the investigation of crimes against the person

Анализ юридической литературы позволяет утверждать, что одним из перспективных направлений развития криминалистики является внедрение медицинских знаний в практическую деятельность раскрытия и расследования преступлений против личности. Раскрываемость данных преступлений в среднем по стране составляет немного более 50%, а около 30% уголовных дел не доходят до суда[1].

Российская судебная медицина имеет большой научный и практический потенциал, который позволяет ей на достойном уровне помогать правоохранительным органам в решении проблем, возникающих перед ними в ходе раскрытия и расследования преступлений, в том числе против личности[2]. Разделяя мнения ряда ученых, полагаем, что судебно-медицинская экспертиза является одним из важнейших способов получения объективной доказательственной информации по делу в рамках уголовного судопроизводства[3].

Наиболее ярким примером этому положению служит судебная экспертиза живых лиц по поводу тяжести вреда, причиненного их здоровью. В таких случаях судебно-медицинский эксперт на основании изучения характера повреждений или иных последствий воздействия на человека внешних факторов решает вопрос о степени тяжести причиненного вреда. Установив наличие тех или иных последствий, следователь фактически определяет объем предъявляемого обвинения.

Судебная медицина оказывает существенное влияние на установление обстоятельств, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений. Например, выявление признаков скрытых преступлений путем исследования объектов. В первую очередь к таким объектам относятся трупы людей, умерших скоропостижно в условиях неочевидности, без внешних признаков насильственной смерти. При этом задачей судебно-медицинского эксперта будет являться не только установление категории смерти (насильственная или ненасильственная), но и вида смерти, т.е. определение конкретного фактора, приведшего к смерти, что, бесспорно, способствует правильной квалификации преступления. Полагаем, что устанавливая механизм причинения повреждений, судебно-медицинский эксперт может исключить с той или иной степенью достоверности возможность случайного причинения повреждений, тем самым окажет помощь следователю в установлении умысла в действиях преступника[4].

Некоторые результаты судебно-медицинских исследований позволяют органам предварительного расследования и оперативным подразделениям получить достаточно индивидуальные диагностические характеристики лица, совершившего преступление, уже на этапе проверки сообщения о преступлении. Так, по биологическим объектам, происходящим от преступника, можно установить его половую и групповую принадлежность, а в некоторых случаях и более индивидуальные характеристики.

Согласно опросу сотрудников правоохранительных органов, результаты использования медицинских знаний в ходе проверки заявлений о преступлениях против личности способствуют своевременному возбуждению уголовного дела — 52 % случаев, а также быстрому раскрытию и эффектив-

[1] *Состояние* преступности в России Архивные данные; Состояние преступности в России – январь—октябрь 2015 г. // Официальный сайт МВД РФ. Режим доступа: http // www.mvd.ru (дата обращения: 06.10.2015).

[2] *Самищенко С.С.* Судебная медицина: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2013. С. 16.

[3] *Стеценко В.Ю.* Использование специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4.

[4] *Кустов А.М., Самищенко С.С.* Судебная медицина в расследовании преступлений. М., 2002. С. 59.

ному расследованию рассматриваемых преступлений — 47 % случаев[5].

К тому же путем комплексного судебно-медицинского и экспертно-криминалистического анализа обстановки места происшествия, данных исследования трупа и результатов криминалистических экспертиз могут быть получены характеризующие преступника сведения. Именно в совокупности с другими данными медицинские знания чаще всего используются для розыска скрывшегося преступника, позволяют с той или иной степенью достоверности характеризовать его, в частности установить основные биологические параметры личности, составить описание внешности, обнаружить и зафиксировать индивидуализирующие характеристики человека и др.

Анализ проведенного исследования позволяет утверждать, что при расследовании преступлений против личности судебно-медицинский эксперт решает вопросы о времени и причинах наступления смерти, использованном орудии преступления, последовательности причинения телесных повреждений и др. При назначении судебной экспертизы специалист, дает рекомендации относительно необходимости:

- времени назначения и вида экспертизы;
- вещественных доказательств и образцов, подлежащих направлению на судебную экспертизу;
- круга выносимых вопросов и конкретных материалов уголовного дела, достаточных для производства судебной экспертизы.

Необходимо отметить, что специалисту целесообразно участвовать при получении образцов для сравнительного исследования, необходимых для многих видов судебных экспертиз, например: трасологических, одорологических, фоноскопических и др., чтобы оказать следователю содействие в подготовке условий и средств к их получению, в оценке образцов с точки зрения их пригодности для производства необходимой судебной экспертизы.

В свою очередь, в расследования преступлений против личности помощь специалиста-медика при производстве отдельных следственных действий продолжает использоваться недостаточно (52% случаев). К сожалению, на практике имеют место случаи неэффективного руководства деятельностью специалистов (8% случаев). В силу слабых профессиональных качеств (6% случаев) следователи не всегда правильно квалифицируют преступное деяние, не могут своевременно и качественно собрать все необходимые доказательства, установить круг подозреваемых лиц, назначить проведение своевременных судебно-медицинских экспертиз или применить знания специалистов-медиков (6% случаев). Так, поверхностный, беглый осмотр трупа и места происшествия крайне негативно влияет и на получение исходных данных для дальнейших судебных экспертиз и в конечном итоге на весь ход и результаты расследования.

Важно также подчеркнуть и проблемы качественности вынесения следователем постановлений о назначении судебно-медицинской экспертизы. Зачастую в данных постановлениях недостаточно полно приводятся обстоятельства совершения преступления, относящиеся к механизму возникновения следов биологического происхождения, условиям и особенностям места нахождения трупа[6]. Следователи не допрашивают медицинских работников, не проводят в необходимых случаях следственных экспериментов с участием специалистов, не подробно осматривают относящиеся к уголовному делу медицинские документы и др.

Необходимо отметить, что небрежно оформленное постановление о назначении судебной экспертизы становится причиной неполного, зачастую не имеющего доказательственного значения экспертного заключения. Помимо этого, используемая в заключении эксперта сложная медицинская терминология приводит следователя к неверному толкованию изложенного.

На первоначальном этапе расследования следователи не привлекают специалистов к совместному составлению планов следственных действий. В свою очередь, мнение специалиста по

[5] В рамках научного исследования с апреля 2015 по июль 2015 г. проанкетировано 72 сотрудника ОМВД, ГУВД по шести регионам субъектов Федерации, непосредственно принимавших участие в раскрытии и расследовании преступлений против личности.

[6] См.: *Стеценко В.Ю.* Указ. соч.; *Кустов А.М., Самищенко С.С.* Указ. соч.; *Кондрашова Н.П.* Использование специальных познаний в области судебной медицины при расследовании преступлений против жизни и здоровья: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; и др.

комплексному использованию имеющейся следовой информации может оказаться полезным для восстановления произошедшего события и установления виновных. Такие ситуации, как правило, возникают в связи с малой степенью информированности следователей относительно возможностей судебной медицины в целом и того или иного экспертного учреждения в частности (29% случаев).

Разделяя мнение ряда ученых, полагаем, что это обусловливает необходимость проведения комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональной подготовки в области судебно-медицинских знаний лиц, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений (Н.П. Майлис, С.С. Самищенко, В.Ю. Стеценко и др.).

Несмотря на внешне очевидный взаимообусловленный характер совместной деятельности следователя и специалиста, эффективный порядок такой совместной деятельности, к сожалению, не имеет широкого научного освещения. Указанное обстоятельство в практической деятельности приводит к организационно-тактическим ошибкам в процессе комплексной реализации технических и тактических приемов. Поэтому необходимо сформировать результативный механизм взаимодействия следователей с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений и разработать новые рекомендаций, способствующие повышению качества их совместной деятельности в ходе расследования преступлений против личности.

В заключение необходимо отметить, что медицинские знания в расследовании рассматриваемых преступлений имеют важное практическое значение, так как оказывают существенное влияние на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Влияние судебной медицины в той или иной степени распространяется на решение практически всех задач, стоящих перед правоохранительными органами при раскрытии и расследовании преступлений против личности.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА»

предлагает комплекс услуг по изданию учебников, учебных пособий, авторских монографий

Тематика:

естественные науки, гуманитарные науки, общественные науки,
широкая тематика, искусствоведение, история, политология, юриспруденция

Труды, вышедшие в свет в нашем издательстве, получают импакт-фактор РИНЦ.

В стоимость издания входят:

- редакционно-издательские услуги;
- печать тиража;
- передача 16 экземпляров в Книжную палату (ИТАР ТАСС).

Рукопись измеряется из расчета:
TNR 14 шрифт, 1,5 интервал, направляется в файле WORD.

Весь комплекс услуг занимает от двух до трех недель.

Издательство оказывает эффективное содействие в продвижении издания на книжные рынки России и других стран.

Адрес издательства: 123298, Москва, ул. Ирины Левченко, 1; **Тел.: 8-499-740-60-15.**
Тел./факс: 8-499-740-60-14; unity@unity-dana.ru; www.unity-dana.ru

УДК 343.985.7
ББК 67.52

Анатолий Михайлович КУСТОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления
органами расследования преступления
Академии управления МВД России
E-mail:amkustov@bk.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Рецензент: Б.Я. Гаврилов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

ТИПИЧНАЯ МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Анализ материалов уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности позволил автору определить и описать типичную модель данных преступлений. Описание модели осуществлялось поэтапно, как и формировался на практике механизм преступления: начальный, основной и завершающий этапы, с описанием действий всех участников криминального события.

Ключевые слова: коррупция, преступления коррупционной направленности, механизм преступления, криминальное событие, преступники, косвенные участники криминального события

Anatoly KUSTOV,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Management
authorities investigate the crime
Academy of Management MIA Russia
E-mail: amkustov@bk.ru bodies

Scientific specialty: 12.00.12 — Criminology, forensic activity, operatively-search activity

Reviewer: B.Ya. Gavrilov, Doctor of Law, Professor Head of the department of management authorities investigating crimes Academy of Management MIA Russia

A TYPICAL MODEL OF THE MECHANISM OF CORRUPTION CRIMES

Annotation. Criminal case materials on corruption allowed the author to define and describe a typical model of these crimes. Description of the model was carried out in stages: initial, main and final stages, with a description of the actions of all participants in criminal events.

Keywords: corruption, corruption crimes, mechanism of crimes, criminal event, criminals, indirect participants in criminal events

Основными элементами типичной модели механизма преступлений коррупционной направленности считаются:

- деятельность (реже — отдельные действия и движения) субъекта преступного события (преступной группы, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества с учетом свойств, навыков и умений их членов);
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений потерпевшего (жертвы преступления — с учетом ее свойств и признаков);
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием;
- отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события, и предмет преступного посягательства.

Основными признаками, позволяющими отнести то или иное деяние к преступлениям коррупционной направленности, являются:

(1) специальный субъект преступления, в роли которого выступает должностное лицо;

(2) факт использования указанным в предыдущем пункте субъектом своего должностного положения, социального статуса или личных связей в ущерб интересам осуществляемой им государственной службы;

(3) корыстная мотивация указанных в предыдущем пункте действий, предполагающая преследование личных имущественных или неимущественных интересов (в последнем случае это может быть продвижение по службе, месть, реализация различных духовных потребностей и т.д.), а также интересов иных лиц или организаций.

Механизм данных преступлений формируется (складывается) из трех этапов: начального, основного и завершающего. Все эти этапы — звенья единой цепи. В то же время каждый из них может рассматриваться в качестве целостного, относительно самостоятельного процесса, в известной мере автономного вида целенаправленной человеческой деятельности, сочетающей организационные, познавательные и конструктивные моменты.

Начальный этап. Механизм преступлений коррупционной направленности формируется следующими действиями.

1. *Действия будущих преступников*: преступник — это, как правило, специальный субъект (например, указанный в диспозиции ст. 315 УК РФ) — представитель власти, государственный служащий, служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации. К ним примыкают лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации.

В конкретном составе преступления (например, предусмотренного ст. 290 УК РФ) признаки субъекта преступления конкретизируются указанием, что это может быть и такое должностное лицо, которое хотя и не обладало полномочиями для совершения действия (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, но в силу своего должностного положения могло способствовать исполнению такого действия (бездействия) другим должностным лицом либо получило взятку за общее покровительство или попустительство по службе.

Согласно уголовному закону, приготовлением к преступлению (*начальный этап формирования механизма преступления*) признается приискание или приспособление средств или иное умышленное создание условий для будущего совершения преступления.

В криминалистическом плане соответствующий этап интересен в плане системы действий и последствий, отобразившихся на носителях информации. В частности, на начальном этапе в определенных ситуациях (в 26,5% случаев по делам, где имелись подготовительные действия) происходит устное информирование субъектом других лиц о желании совершить действие в пользу заинтересованного лица, хотя преступник еще не приступает к осуществлению запланированных преступных действий. Умысел может проявляться также в совершении некриминальных действий, но направленных на подготовку к преступлению.

При приготовлении к преступлению обычно совершается одно действие или несколько действий. Приготовление к преступлению выражается в совершении активных действий, направленных на обеспечение возможности выполнения задуманного преступления. Уголовный кодекс расширил перечень условий, создаваемых для совершения преступления и характеризующих приготовление. Помимо приспособления средств совершения преступления приготовление может также выражаться в приискании соучастников, в сговоре на совершение преступления, что свидетельствует о более тщательной подготовке к преступлению.

2. *Действия будущего потерпевшего.* Потерпевшими по уголовному делу о коррупции могут быть как юридические, так и физические лица.

В регламентирующих документах, подготовленных руководителями организаций (учреждений), могут быть допущены неточности, искажения или пробелы, которые в последующем станут основой для коррупции. Анализ практики показал, что в последние годы в принимаемые нормативные правовые акты вносятся такие положения, которые в последующем провоцируют или обеспечивают совершение преступлений коррупционной направленности.

Юридические лица (учреждения, организации, предприятия и т.д.) в своей производственной или организационно-управленческой деятельности допускают дефекты или пробелы, которые изучаются будущим преступником и в дальнейшем учитываются при подготовке и совершении преступления. Дефекты могут быть самыми разнообразными: в системе организации и управления, в системе учета и контроля, в организации охраны

объектов и их технического обеспечения, в технологических процессах, в организации и реализации документооборота и т.д.

На начальном этапе формирования механизма преступления значима и роль потерпевшего — физического лица. Действия будущего потерпевшего бывают целенаправленными (провокационными, рискованными) и нецеленаправленными (неосторожными, неосмысленными).

3. *Косвенные участники криминального события*. Со стороны других лиц, случайно втянутых в преступное событие, на начальном этапе формирования механизма преступления могут быть совершены действия по приготовлению или сокрытию преступления, например дача специальных консультаций по организационным и правовым вопросам, предоставление во временное пользование средства транспорта и связи, денежные суммы, материалы по документации, бланки документов и других предметов и услуг (это случаи, когда вышеуказанные лица не являлись соучастниками преступления, не знали о преступной деятельности виновного).

Основной этап. Наиболее существенным признаком, отражающим коррупционную направленность преступлений, является, как видно из вышеизложенного, использование лицом для совершения этих преступлений своего служебного положения и связанных с ним полномочий.

1. *Действия преступников.* Главный отличительный признак всех действий преступника состоит в том, что они совершаются вопреки интересам службы, но с использованием при этом полномочий, которыми должностное лицо или служащий наделены в связи с занимаемой должностью, и при наступлении последствий, указанных в законе (например, существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства). Основной этап формирования механизма преступления имеет особенности. Все действия преступника совершаются компактно, они не «разорваны» во времени.

Способы коррумпированных преступлений бесконечно разнообразны: от примитивных и явных в виде получения взяток до сложных и завуалированных в виде участия должностных лиц, их родственников и близких самолично или через доверенных лиц в различных сферах предпринимательской деятельности, а коррумпированности должностных лиц высшего уровня, участвующих в законотворчестве, — в виде лоббирования законов за вознаграждение и т.д.

С учетом разнообразия способов совершения коррупционных преступлений успех расследования будет обеспечен тогда, когда следователь не ограничится доказыванием только самого факта дачи-получения взятки, но и тщательным образом исследует обстоятельства, которые предшествовали указанному факту, а также действия преступников, направленные на распоряжение полученной выгодой, сокрытие (завуалирование) следов деяния.

Так, для должностных преступлений характерно:

(1) временное заимствование или использование государственных или общественных денежных средств не по назначению, в том числе нецелевое использование бюджетных средств, прокручивание их в коммерческих банках, использование не предусмотренных правовыми актами преимуществ в получении кредитов, ссуд, приобретении ценных бумаг, недвижимости, иного имущества;

(2) оказание содействия и поддержки в создании при федеральных и муниципальных предприятиях коммерческих структур в целях «перекачивания» средств этих предприятий на счета определенных фирм;

(3) передача федеральной и муниципальной собственности по заниженным ценам предпринимательским структурам, минуя продажу через аукционы;

(4) заключение контрактов, убыточных для государства;

(5) необоснованное использование преимуществ для себя и своих близких, в том числе использование в личных или групповых целях предоставленных для служебной деятельности помещений, средств транспорта и связи, электронно-вычислительной техники, денежных средств и другого государственного или муниципального имущества, в частности незаконная сдача в аренду за низкую оплату;

(6) незаконное использование служебного положения в процессе приватизации государственных или муниципальных предприятий в целях приобретения их в частную собственность или завладения значительным числом акций самим чиновником, близкими ему лицами или иными частными лицами, в чьих интересах действует должностное лицо;

(7) участие в деятельности коммерческих предприятий в качестве учредителей, руководителей, оказание, таким образом, протекции при решении производственных проблем;

(8) предоставление необоснованных льгот и преимуществ материального характера (премий, надбавок, повышенных ставок оплаты труда и т.п.) отдельным сотрудникам;

(9) эксплуатация труда подчиненных в личных интересах (например, на ремонте или строительстве квартиры, дома, дачи и т.д.);

(10) присвоение результатов труда подчиненных;

(11) принятие необоснованных решений, издание незаконных актов, применение необоснованных мер дисциплинарной, административной, материальной ответственности к физическим или юридическим лицам (например, неоднократное издание приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности с целью избавиться от неугодного сотрудника, издание приказов о сокращении штатов с нарушением установленного порядка и др.);

(12) непринятие мер к нарушителям, что порождает в коллективе атмосферу вседозволенности и совершение еще более грубых нарушений;

(13) попустительство, содействие, непринятие мер к правонарушителям: консультирование работниками налоговых инспекций, правоохранительных органов по вопросам уклонения от уплаты налогов и банковского контроля, предоставление служебной информации банков, бирж, инвестиционных фондов, налоговой инспекции, прокуратуры, полиции, фальсификация материалов документальных ревизий или аудиторских проверок, удостоверение фальсифицированных налоговых деклараций, инструктаж по поводу поведения в правоохранительных органах, разработка систем защиты от обвинения и мер противодействия следствию;

(14) отказ в регистрации конкурентов заинтересованных лиц, в выдаче им лицензий на право заниматься определенной деятельностью, предоставление коррумпировавшей государственного служащего структуре монопольного права торговли, например, газовым оружием, нефтепродуктами, редкоземельными элементами и т.д.;

(15) содействие методам недобросовестной конкуренции на потребительском рынке, выражающееся в юридическом и экономическом подавлении конкурентов лиц, подкупивших должностное лицо (налоговое, арбитражное, следственно-судебное подавление).

Указанный перечень способов совершения преступлений не является исчерпывающим. На конкретные способы совершения коррупционных преступлений существенное влияние оказывает совокупность социально-экономических и иных условий деятельности предприятий, учреждений, организаций.

Анализ представленной прокуратурами субъектов РФ информации показал, что предметом преступлений коррупционной направленности, совершаемых должностными лицами органов исполнительной власти и местного самоуправления, как правило, являются сферы распределения бюджетных средств, земельных правоотношений, недвижимости, оказания услуг с использованием своего служебного положения.

Субъекты сами выбирают время, место, способ совершения преступления, но в то же время они ограничены обстановкой, которая либо создает объективную возможность для совершения преступления, либо затрудняет или даже делает невозможной преступную деятельность.

В процессе совершения преступления и после него преступник, как правило, осуществляет *действия по сокрытию преступного события* (по мнению следователей, согласно результату их опроса, преступники осуществляли действия по сокрытию последствий и самого преступления в 40,7% случаев, а другие участники события — в 38,6%, причем, по мнению осужденных, они применяли приемы сокрытия лишь в 29,5% случаев): уничтожает (полностью или частично) материальные улики — различные материальные следы и другие вещественных доказательства; маскирует свои действия, т.е. изменяет представление о способе подготовки или совершения преступления, а также о своей личности или источниках информации; фальсифицирует документы и факты, создает ложную информацию; последовательно сменяет действия или средства в различных местах и в разное время; инсценирует другое преступление и т.д.

2. *Действия потерпевшего.* Потерпевший (физическое лицо) во время указанных действий оказывает противодействие или пассивен к действиям преступника, а также после психического воздействия со стороны преступника может совер-

шать действия, облегчающие виновному реализовать свой преступный замысел. Одним из опасных способов сокрытия преступления, применяемых потерпевшим, является недонесение, несообщение им о фактах преступного посягательства на его права и законные интересы в правоохранительные органы.

3. *Косвенные участники преступления*. Отдельные из перечисленных действий в период основного этапа формирования механизма преступления могут совершать лица, случайно втянутые в преступное событие и не предполагающие, что являются его косвенными участниками. Так, опрос осужденных показал, что им посторонние лица помогали тем или иным образом в 15,2% случаев.

Завершающий этап. Этот этап формирования механизма преступления в большинстве случаев характеризуется наступлением преступного результата, возникновением материального и иного ущерба и действиями по сокрытию (в случаях, когда действия по совершению и сокрытию охватываются единым замыслом) не только последствий, но и самого события преступления (в материальных преступлениях), причем действия по совершению преступления и по его сокрытию охватываются единым преступным замыслом.

В основном действия преступников направлены на распоряжение полученной выгодой, сокрытие (завуалирование) следов своей криминальной деятельности. Наступившие последствия преступления характеризуются следующим образом:

(а) преступник извлек выгоду от результатов преступления;

(б) произошли внешние или структурные изменения в организации деятельности ведомства (учреждения), технологии производства, в праве на собственность или иные последствия;

(в) произошли изменения в структуре юридического лица: в системах организации и управления, учета и контроля, в технологических или экономических показателях, в документообороте и бухгалтерском учете и т.д.

В отдельных случаях названный этап может отсутствовать, например в ситуациях, когда преступная деятельность субъекта пресечена или прекращена на предыдущих этапах формирования и реализации механизма преступления. Так, опрос осужденных показал, что преступный замысел был реализован ими только в 56,7% случаев, в 23% случаев — не был реализован.

Типичная модель механизма преступления, на наш взгляд, поможет следователю, дознавателю, эксперту, прокурору, судье решить следующие задачи:

- объяснить факты, происшедшие явления, обладающие признаками преступления;
- дать уголовно-правовую оценку исследуемому событию и соответственно правильно квалифицировать деяния правонарушителя; установить и объяснить пространственно-временные и причинно-следственные связи в исследуемом событии;
- установить такие связи между действиями участников события и теми изменениями, которые произошли в материальной обстановке;
- установить и объяснить механизм следообразования;
- определить направление поиска неизвестных материальных последствий, а по систематизированной криминалистически значимой информации — преступника, неустановленных свидетелей и косвенных участников преступного события или потерпевшего;
- определить направление поиска похищенного имущества, вещественных доказательств и иных носителей криминалистически значимой информации о самом преступлении и его участниках;
- определить программу дополнительного исследования и тактику судебного следствия; и т.д.

УДК 343.98
ББК 67.73

Ирина Викторовна МАКОГОН,
доцент кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

Людмила Викторовна КОСАРЕВА,
ведущий советник Управления делами Президента
Российской Федерации
E-mail: kosa55@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика, судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность
Рецензент: **В.А. Сухинин,** доктор юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Коррупцию нельзя победить только мерами уголовно-правового характера, раскрытием и расследованием преступлений коррупционной направленности. Однако своевременное, быстрое и полное их расследование и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности является одним и средств их предупреждения. Для достижения этой цели необходима эффективная организация предварительного расследования и судебного разбирательства.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, организация, формы, уровни, особенности расследования, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, предупреждение

MAKOGON Irina Viktorovna,
associate Professor of the
Department of preliminary investigation
The ESC for SS in Department of
internal Affairs, Volgograd Academy
of the Ministry of internal Affairs of Russia,
candidate of legal Sciences.

Lyudmila Viktorovna KOSAREVA,
senior Advisor to the office of the President
E-mail: kosa55@yandex.ru

Scientific specialty: 12.00.12 — Criminology, forensic activities; operatively-search activity
Reviewer: **V.A. Sukhinin,** LL.D.

SOME FEATURES OF THE ORGANIZATION OF THE INVESTIGATION CORRUPTION

Annotation. Corruption cannot be fought only by measures of criminal-legal nature, detecting and investigating crimes of corruption. However timely, would have the building and complete their investigation and bring the guilty persons to Hugolowney responsibility is one of their warning of. To achieve this goal requires effective organization of the preliminary investigation and trial.

Keywords: corruption, organization, forms, levels, features of the investigation, the investigation and action, investigative activity, prevention

В последние годы, как утверждают ученые, коррупция в России приобрела системный и масштабный характер, выражающийся в следующем:

- государство и коррупция — это огромный спрут, тело одно, а коррупционными щупальцами пронизано все общество;
- сущность коррупции заключается в том, что она разрушает (растлевает) законодательные и нравственные устои государства и общества;
- государственная политика и процесс принятия решений в области государственного управления находятся под влиянием частных интересов и лиц, находящихся либо непосредственно у власти, либо связанных с ней;
- доходы от «административной ренты», т.е. доходы, связанные с получением дополнительных неформальных платежей за выполнение государственных функций, составляют основную часть дохода чиновников;
- исполнительная власть активно вмешивается в деятельность субъектов предпринимательской деятельности и извлекает из такого вмешательства значительные дополнительные внебюджетные доходы (поборы);
- решение многих вопросов граждан невозможно без протекционизма и взяточничества;
- коррупционное поведение не встречает общественного порицания и считается допустимым и приемлемым (общество смирилось с коррупцией);
- государственная политика в сфере борьбы с коррупции пока не отвечает запросам общества[1].

Все эти системные элементы проявились в организованной преступной группе главы Республики Коми Вячеслава Гайзера и других преступлениях организованной и коррупционной направленности.

Результаты статистического анализа позволяют говорить о том, что правоохранительные органы при сохранении прежнего уровня организации своей работы стремятся улучшить показатели преимущественно путем манипуляций с уголовной статистикой. Высшие органы государственной власти в рамках заданного курса уголовной политики требуют от них большей наступательности в вопросах противодействия коррупции. Органы прокуратуры, в свою очередь, препятствуют созданию видимости выполнения поставленных задач, надзирая за правильностью формирования показателей и вынуждая предпринимать реальные меры к совершенствованию оперативно-служебной деятельности по выявлению и расследованию преступлений коррупционной направленности. Для ученых, равно как и для практических работников системы уголовной юстиции, не является секретом, что показатели противодействия преступности в России искажаются в угоду формированию благополучной картины. Однако показатели борьбы с коррупцией невысокие и снижаются каждый год. Эффективность работы правоохранительных органов на сегодняшний день увязана с количеством выявляемых и расследуемых преступлений коррупционной направленности[2]. Поэтому коррупция имеет постоянную тенденцию роста и представляет собой острейшую проблему для нашего государства[3].

На заседании коллегии СК, посвященной борьбе с коррупцией, глава Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин особо подчеркнул: «Считаю, что наиболее важным направлением взаимодействия на современном этапе является борьба с коррупцией в органах государственной власти, где ее проявления наиболее опасны»[4].

Тенденция роста преступлений коррупционной направленности в нашей стране, безусловно, требует четкой организации взаимодействия органов власти и правоохранительных органов. Практика борьбы с указанным негативным социальным явлением свидетельствует, что наряду с другими факторами эффективность правоохранительной деятельности находится в прямой зависимости от используемых при раскрытии и расследовании

---

[1] *Римский В.Л.* Системность российской коррупции и возможности противодействия ей // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: Материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 6 июня 2007 г.) // Научный эксперт. 2007. С. 177—189; *Коррупция*: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / Под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 361.

[2] *Шиханов В.Н.* О чем говорит статистика о борьбе с преступлениями коррупционной направленности в России // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. С. 68.

[3] *Состояние* преступности в России за январь-июнь 2015 года. М., 2015.

[4] *Российская* газета. Столичный вып. № 5897 (224).

[5] *Мачинский В.М.* О состоянии работы и эффективности принимаемых мер по усилению борьбы с коррупцией в Южном Федеральном округе...// Борьба с коррупцией: новые подходы и векторы современного развития: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 2011. С. 4—5.

преступлений современных форм и методов организации и взаимодействия[5].

Сложность и многогранность деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений коррупционной направленности требуют согласованных и скоординированных действий органов и подразделений, осуществляющих борьбу с такими общественно опасными деяниями, путем рационального сочетания сил и средств, форм и методов работы, присущих этим органам и подразделениям, при четком разграничении полномочий каждого из них. Это, в свою очередь, позволяет исключить дублирование и подмену друг друга, достичь конкретной цели, оперативно и с наименьшими затратами сил и средств за счет рационального и комплексного использования разных по характеру мер и добиться высокой эффективности в работе[6].

Важно признать, что раскрыть преступление коррупционной направленности только процессуальным путем невозможно и для успешного расследования необходимо четко налаженное и согласованное взаимодействие органов предварительного расследования и органов дознания, сочетание процессуальных и оперативно-розыскных форм получения доказательств и установления истины по делу. Эффективность обеспечения безопасности граждан, охраны их прав от преступных посягательств во многом определяется согласованной деятельностью правоохранительных органов при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений[7].

На современном этапе борьба с преступлениями коррупционной направленности требует не только максимального использования всех сил государственных и правоохранительных органов, научно обоснованных действий, но и четкой организации и координации усилий всех служб и подразделений правоохранительных органов. Выявление, раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности объективно и с неизбежностью предполагают совершенствование правового регулирования и организации взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов[8].

Межведомственные следственно-оперативные группы (МСОГ) являются одной из главных форм взаимодействия при расследовании преступлений коррупционной направленности[9]. Они позволяет ликвидировать разобщенность следователей и сотрудников оперативных служб ОВД и ФСБ, организовать работу по единому плану, упростить оформление поручений следователя оперативным службам о проведении следственных и розыскных действий, облегчить обмен информацией, более активно использовать в расследовании оперативно-розыскные возможности и негласные методы работы[10].

Руководитель МСОГ, помимо участия в производстве следственных действий, определяет направление расследования и осуществляет его планирование во взаимодействии с членами группы, распределяет работу между ними, контролирует и координирует их действия, знакомится с относящимися к делу материалами оперативно-розыскной деятельности и лично несет ответственность за надлежащее использование тех из них, которые предоставлены в установленном порядке органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

МСОГ обеспечивают комплексное использование сил и средств подразделений следствия, оперативных работников, экспертно-криминалистических подразделений, участковых уполномоченных, дежурной части и других служб под руководством следователя. Взаимодействие следователя и оперативных работников в МСОГ происходит несколькими путями:

(1) на основе согласованных планов проведения оперативно-розыскных и следственных действий;

(2) путем комбинированных форм взаимодействия, когда оперативный работник, входящий в МСОГ, проводит оперативно-розыскные, а также (по отдельным поручениям следователя) некоторые следственные действия (обыски, выемки, осмотры);

(3) при подготовке и проведении следственных действий (розыске и вызове свидетелей, помощи в проверке показаний на месте и т.д.).

---

[6] *Погосян Г.А.* Процессуальные и криминалистические аспекты взаимодействия следователя и оперативного сотрудника службы криминальной милиции // Научный электронный журнал КубГАУ. 2003. № 02(2); *Зуев С.В.* Организация применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств противодействия организованной преступности // Рос. следователь. 2008. № 1. С. 22.

[7] *Паутова Т.А.* Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 3.

[8] *Аменицкая Н.А.* Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 3.

[9] Приказ МВД РФ от 29.04.2015 г. № 495 «Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел».

[10] *Хамгоков М.М.* Производство предварительного следствия следственной группой: Науч.-практ. пособие. Нальчик, 2008. С. 157.

Вопрос о создании МСОГ решается как при возбуждении уголовного дела по оперативно-розыскным материалам, с момента осмотра места происшествия, так и тогда, когда выясняется групповой характер совершенного преступления, его многоэпизодность, необходимость выявления всех соучастников и обстоятельств дела оперативно-розыскным путем.

Результаты работы МСОГ зависят от эффективности как совместной деятельности, так и деятельности каждого ее участника. Задачей оперативных сотрудников является постоянное оперативное обеспечение расследования путем сбора информации о возможных источниках получения доказательств. Задачей следователя является сбор доказательств по делу, поэтому работу МСОГ целесообразно строить с учетом профессиональной подготовки и опыта следователей. Более опытным следователям необходимо поручать работу по отдельным эпизодам преступления, а менее опытным – выполнение отдельных следственных действий.

В УПК РФ необходимо детально определить порядок создания и функционирования межведомственных следственно-оперативных групп, установить права и обязанности. Такие группы сейчас работают по уголовному делу Вячеслава Гайзера. Фигурантами уголовного дела являются девятнадцать высокопоставленных чиновников организованной преступной группы, длительное время совершающих преступления коррупционной направленности в государственном и негосударственном секторах экономики. Негосударственный сектор экономики в настоящее время представляет собой огромный потенциал для преступной деятельности[11]. Поэтому преступники и сосредотачивают свои усилия в большей степени в сфере бизнеса негосударственного сектора.

Особую роль при расследовании преступлений коррупционной направленности играет организация. Организация в современном понимании означает внутреннюю упорядоченность, согласованность, взаимодействие более или менее дифференцированных и автономных частей целого.

Для правильного понимания организации расследования преступлений коррупционной направленности необходимо различать уровни данной деятельности:

(1) первый (высший) уровень организации расследования имеет своим объектом расследование как специфическую форму деятельности всех компетентных государственных органов, т.е. органов предварительного следствия и дознания всех ведомств. На этом уровне организацию расследования можно определить как систему мер, обеспечивающих эффективность функционирования элементов системы и достижение поставленных перед ними целей;

(2) второй уровень организации предполагает рассмотрение организации как основной функции Следственного комитета[12]. На этом уровне организация расследования реализуется посредством комплекса мер, направленных на обеспечение оптимальной структуры органов, осуществляющих деятельность по раскрытию (выявлению), расследованию и предупреждению преступлений коррупционной направленности;

(3) третий уровень включает комплекс мер по созданию оптимальных условий для применения наиболее эффективных и целесообразных в конкретной ситуации рекомендаций криминалистики в целях достижения оптимальных результатов при расследовании конкретных преступлений;

(4) четвертый уровень определяет организацию и планирование проведения отдельного следственного действия. Он предполагает подготовку к производству следственного действия и решение связанных с этим организационных и оперативно-розыскных вопросов.

Формы организации деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений коррупционной направленности избираются не произвольно, они обусловлены социальными, экономическими, правовыми и техническими факторами. Данные факторы могут быть связаны с условиями функционирования следственных подразделений в регионе, населенном пункте, наличием кадрового потенциала, традиционными формами организации деятельности, сложившимися на практике в связи с наличием определенных условий, сил и средств.

Выбор той или иной формы организации криминалистической деятельности определяется конкретным анализом нужд и запросов следствия с учетом обстановки борьбы с преступностью, подготовленности кадров и эффективной методики расследования. При выборе оптимальной формы организации расследования необходимо учиты-

[11] *Сухаревский В.И., Сухаревский А.В.* Противодействие коррупции в концепции региональной безопасности. Государство и право // Социогуманитарный вестник. 2013. № 2 (11). С. 62—67.

[12] Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

вать достижение определенных задач, таких как создание эффективных условий для быстрого, полного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений при наиболее оптимальной затрате сил и средств, а также обеспечение согласованности, упорядоченности и целенаправленности действий органов и лиц, при решении стоящих перед ними задач[13].

Анализ уголовных дел показал, что на первоначальном этапе расследования следователи всегда составляют план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Это свидетельствует о понимании следователями как значимости именно планомерной деятельности, так и необходимости привлечения подразделений, наделенных полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Однако лишь по каждому третьему уголовному делу планирование носит согласованный характер (составлялся согласованный план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий). Представляется, что само использование помощи оперативных подразделений будет возможно лишь в том случае, если исполнители (в лице руководителя оперативного подразделения) будут осведомлены о факте привлечения к расследованию преступления до его завершения. В противном случае планирование носит формальный характер и не способствует достижению главной цели — комплексному использованию сил и средств при расследовании преступлений коррупционной направленности[14].

Оперативно-розыскные меры планируются отдельно оперативным сотрудником. Рекомендуется уделять особое внимание согласованности планируемых оперативных мероприятий и следственных действий по времени, месту, срокам окончания, участникам. Необходимо исключить практику отказа в возбуждении уголовных дел по надуманным основаниям, фиктивные выделения материалов, отсутствие реальной (незадокументированной) оперативно-розыскной работы[15]. При этом особо важен своевременный обмен информацией о состоянии и результатах работы. В обмене информацией между следователем и сотрудником оперативных служб выражается двусторонний характер их помощи. Взаимное информирование необходимо для корректировки и согласованности планов проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. При планировании оперативно-тактической комбинации (операции) успех полностью зависит от того, точно ли выдерживают ее участники намеченные сроки и очередность выполнения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Особенно важны согласованность и своевременная корректировка планов начального этапа расследования, когда от этого зависит успешность раскрытия преступления по свежим следам, захват с поличным, розыск и задержание преступников. Проблемы, связанные с расследованием преступлений коррупционной направленности, носят, как правило, системный характер и обусловлены объективными и субъективными факторами правоохранительных органов, общества и государства. Поэтому для раскрытия и расследования таких преступлений необходимо создать в структуре Следственного комитета на первом уровне организации межведомственный отдел по борьбе с коррупцией и взяточничеством (МОБКВ).

Анализ сложившейся практики противодействия коррупционным преступлениям показывает, что для сохранения и развития демократического общества необходимо проводить постоянную комплексную программно-целевую антикоррупционную политику, ибо отдельные выявления и расследование преступлений коррупционной направленности, совершаемых высокопоставленными должностными лицами в той или иной сфере экономики и управления, не приносят положительных результатов и, как правило, укрепляют коррупцию, особенно на федеральном уровне.

[13] *Сидоров В.Е.* Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М., 1992. С. 23—48; *Кругликов А.П.* Следователь и начальник органа дознания: проблемы правового положения и взаимодействия // Рос. юстиция. 2006. № 6. С. 24.

[14] *Пропастин С.* Типичные недостатки организации взаимодействия следователя и оперативных подразделений по делам об убийствах // Законность. 2009. № 3. С. 23.

[15] *Макогон И.В.* Контролируемая поставка наркотиков как оперативно-розыскное мероприятие // Современная юридическая наука и правоприменение. Саратов, 2011. С. 78—82.

УДК 343.9
ББК 67

Илья Владимирович МАТОЛЫГИН,
следователь по особо важным делам
первого следственного отдела второго управления
по расследованию особо важных дел
Главного следственного управления
Следственного комитета РФ
по г. Санкт-Петербургу, полковник юстиции

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТАВЕ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ

Аннотация. Практические рекомендации для следователей при расследовании преступлений, направленных на незаконный сбыт наркотических средств, совершенных в составе преступного сообщества. Тактика расследования конкретного преступления данной категории.

Ключевые слова: незаконный сбыт наркотических средств, организованная преступная группа, преступное сообщество

Ilya Vladimirovich MATOLYGIN,
An investigator for particularly important cases
first investigative division second department
for investigation of particularly important cases of the Main Investigation Department
of the Investigative Committee of the Russian Federation for the city of St. Petersburg,
colonel of justice

INVESTIGATION OF CRIMES CONNECTED WITH ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS, COMMITTED AS PART OF CRIMINAL ORGANIZATIONS

Annotation. Practical recommendations for investigators in the investigation of crimes, aimed at illegal sale of narcotics, committed as part of criminal community. Tactics of investigation of specific crimes in this category.

Keywords: illegal sale of drugs, organized criminal group, criminal community

В конце 2009 г. в СУ СКП РФ по г. Санкт-Петербургу поступило заявление Иванова А.В., который сообщал, что он входил в состав организованного преступного сообщества, созданного под руководством сотрудника 24-го отдела милиции Лукьянчикова С.В., по прозвищу Лукас, которое занималось сбытом героина и кокаина в особо крупных размерах на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. По показаниям Иванова А.В., незаконный оборот наркотических средств составлял более 10 млн руб. в месяц.

Для проверки данной информации была создана следственно-оперативная группа из числа следователей СУ СКП РФ по г. Санкт-Петербургу и оперативных сотрудников УФСБ и УФСКН РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Под руководством следователей оперативные сотрудники стали проверять данную информацию, и она стала получать подтверждение. Стало известно, что на территории Невского района Санкт-Петербурга под руководством Лукьянчикова С.В. действует несколько организованных преступных групп. Первым за приготовление к сбыту героина 25.12.09 был задержан Цацурин К.Н., в результате чего было возбуждено уголовное дело № 804864. Было установлено, что Цацурин К.Н. приобретал для дальнейшей реализации героин у члена своей преступной группы Константинова Б.В., а тому поставлял героин руководитель данной ОПГ бывший сотрудник милиции Петров А.И. В отношении Петрова А.И. стали проводиться оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление и изобличение всех лиц, входящих в ОПГ под руководством Петрова А.И. Было установлено, что, помимо Невского района Санкт-Петербурга, группа Петрова А.И. занимается сбытом героина на территории Ленинградской области.

В октябре 2010 г. было установлено, что сбыт героина, полученного от Петрова А.И., на территории г. Шлиссельбурга Ленинградской области осуществляет Чернявский П.В. Были установлены номера действующих мобильных телефонов Петрова А.И. и Чернявского П.В. В октябре 2010 г. проводились оперативно-розыскные мероприятия «прослушивание телефонных переговоров». В результате было установлено, что Петров А.И. утром 16.10.10 передал 100 г героина Чернявскому П.В., а тот начал реализовывать героин в г. Шлиссельбурге наркозависимым лицам и успел продать несколько граммов. Но затем ему сообщили, что героин очень плохого качества. Чернявский П.В. по телефону сообщил об этом Петрову А.И. и они приняли совместно решение вернуть наркотик и обменять его на героин хорошего качества. 16.10.2010 г. Чернявский П.В. на автомашине поехал к Петрову А.И., возвращать героин. Оперативные сотрудники в целях задержания Чернявского П.В. с поличным договорились с сотрудниками ГИБДД, остановили автомашину Чернявского П.В. и провели досмотр автомобиля. Во время досмотра автомашины под передним пассажирским сиденьем был обнаружен пакетик с комплиментарной застежкой, в котором находился героин. По факту сбыта героина Чернявским П.В. было возбуждено уголовное дело № 281902, которое было соединено с уголовным делом № 804864.

Одновременно с разработкой преступной группы под руководством Петрова А.И. следствие разрабатывало другую организованную преступную группу под названием «стрелка», входящую в организованное преступное сообщество под руководством Лукьянчикова С.В. Название «стрелка» произошло от сленговых слов «стрела», «забить стрелку», означающих договориться с кем-либо о месте и времени встречи (в данном случае для приобретения героина). Данная схема была организована в начале 2000-х годов преступным авторитетом Клименко В.В., по прозвищу Клим. Кроме того, в сбыте героина Климу помогал Ильин И.В., по прозвищу Дядя. Все проблемные вопросы с другими преступными группировками и сотрудниками правоохранительных органов решал лично Клим, в том числе он регулярно платил деньги и Лукьянчикову С.В. за то, чтобы тот не задерживал людей торгующих по схеме «стрелка». Затем в 2007 г. Клим умер и Лукьянчиков С.В. «прибрал стрелку к рукам» и стал полностью контролировать ее деятельность, назначив ее руководителем Ильина И.В. Схема работы «стрелки» была такова: имелся склад наркотиков (офис), а также люди, которые разносили наркотики. Наркоманы звонили в офис и узнавали, где и когда будет «стрелка» (продажа героина). В офисе находились «старшие», которые работали посменно, по двое. В обязанности «старших» входило отвечать на звонки клиентов-наркоманов, сообщать, где будет «стрелка» и расфасовка героина в маленькие пакетики из полимерного материала по 1 г, 0,5 г, 0,3 г и 0,4 г «Старшие» подчинялись Климу и Дяде и выполняли их указания. Передача наркотического средства клиентам-наркоманам происходила следующим образом. По указанию Клима, чтобы снизить риск задержания сотрудниками милиции и обезопасить себя, были найдены посредники, которые передавали клиентам-наркоманам героин и получали у них деньги. Такие посредники работали также по двое. При поступлении заказа на наркотическое средство от клиента-наркомана по телефону в офисе ему сообщали место и время встречи («стрелки»). После этого один из посредников встречался с наркоманами и получал у них денежные средства, необходимые для покупки героина, о чем сообщал в офис по телефону, и ему сообщали, куда надо направить клиента для получения героина. После этого в другом месте происходила встреча, в ходе которой второй посредник передавал клиенту наркотическое средство. Весной 2010 г. было найдено лицо, желающее изобличить данных лиц, и с его помощью было проведено оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка». Данный гражданин был засекречен и оформлен в оперативных материалах под псевдонимом «Дима-капюшон» (т.е. под именем настоящего клиента-наркомана). Он звонил в офис, договаривался со «старшими» о приобретении героина, сдавал деньги на героин вместе с другими наркоманами, а потом ему из офиса выносили героин, а он впоследствии выдавал его оперативным сотрудникам. Причем оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» проводилось с использованием скрытой видеозаписи с помощью закамуфлированных микрофонов и закамуфлированных видеокамер, что в дальнейшем очень помогло при рассмотрении дела в суде присяжных.

Одновременно продолжалось проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе прослушивание телефонных переговоров, в отношении Петрова А.И. Было установлено, что, помимо сбыта героина, Петров А.И. организовал сбыт и кокаина. Сбыт кокаина он осуществлял через своего соучастника и друга Чекушкина К.В. То есть он привозил в квартиру Чекушкина К.В. крупную партию кокаина, а Чекушкин К.В. расфасовывал его на мелкие дозы и сбывал лицам, непосредственно его употребляющим, причем в основном это были сотрудники милиции УВД по Невскому району Санкт-Петербурга.

В ночь с 30.10.10 на 31.10.10 были проведены мероприятия, направленные на задержание лиц, входящих в организованную преступную группу под руководством Петрова А.И., входящую в ОПС под руководством Лукьянчикова С.В. Были проведены обыска более чем по 10 адресам. Практически в каждом адресе были обнаружены предметы, свидетельствующие об употреблении и расфасовке наркотических средств (шприцы, чайные ложки, весы, полимерные пакетики с комплиментарной застежкой и т.д.). По адресу проживания родителей сожительницы Петрова А.И. был обнаружен пакет с 80 г кокаина, на котором впоследствии был обнаружен отпечаток пальца руки Петрова А.И. На квартире по месту проживания Петрова А.И. было обнаружено наркотическое средство «кокаин», упакованное в пачку из-под сигарет, и чайная ложка со следами кокаина (так как он сам употреблял кокаин). В квартире Чекушкина К.В. были обнаружены кокаин и записи, свидетельствующие о торговле кокаином. В квартире Константинова Б.В. были обнаружены гашиш и марихуана.

В отношении вышеуказанных лиц были избраны меры пресечения в виде заключения под стражу, и продолжались проводиться оперативно-розыскные мероприятия в отношении других членов ОПС под руководством Лукьянчикова С.В.

Так было установлено, что Лукьянчиков С.В. организовал еще одну преступную группу. В данной преступной группе основным элементом конспирации являлось то, что передача героина между соучастниками для последующего незаконного сбыта происходила не из рук в руки, а путем так называемых «закладок», т.е. героин для последующего сбыта оставлялся в оговоренных тайниках, о месте нахождения которых соучастники сообщали друг другу по определенному номеру мобильного телефона. Члены ОПГ Байдин В.В. и Афанасьев В.В. расфасовывали в специально для этого снимаемых квартирах крупные партии героина на более мелкие партии, после чего Афанасьев В.В. на специально приобретенном для этой цели автомобиле развозил героин и раздавал его остальным членам ОПГ путем «закладок». На момент января 2011 г. имелось около десяти таких точек сбыта героина. В ночь с 20.01.11 на 21.01.11 были проведены обыски и в квартире одного из соучастников был обнаружен и изъят героин. По результату обнаружения героина было возбуждено уголовное дело, которое также было присоединено к уголовному делу № 804864. Необходимо отметить, что в данной группе в отличие от группы Петрова А.И. из соображений безопасности оплата за героин происходила не из рук в руки, а посредством банкоматов. Ведением банковских операций через Интернет занимался Дянин С.В., по прозвищу Хакер. В квартире Дянина С.В. был проведен обыск и было обнаружено множество предметов, подтверждающих его незаконную деятельность в сфере сбыта героина посредством Интернета (компьютер, симкарты, записи расчетов и т.д.).

В результате всех проведенных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий Главным следственным управлением Следственного комитета РФ по г. Санкт-Петербургу 02.02.11 было возбуждено уголовное дело по ст. 210 УК РФ, которое было соединено с уголовным делом № 804864.

Лукьянчиков С.В. и Ильин И.В., узнав, что в отношении них возбуждено уголовное дело по ст. 210 УК РФ, уволились с работы и стали скрываться от следствия, но все равно были задержаны.

Такими образом, на период 2009—2010 гг. под руководством Лукьянчикова С.В. было сформировано и функционировало несколько организованных преступных групп – группа под названием «стрелка» под руководством сначала Клименко В.В. (Клим), а после его смерти — под руководством Ильина И.В. (Дядя); группа под руководством Петрова А.И., группа под руководством Сухова С.В. и другие группы и отдельные лица. Каждая группа самостоятельно занималась поиском поставщиков героина и кокаина, поиском покупателей-наркоманов. Однако руководство деятельностью каждой группы и всем сообществом осуществлял Лукьянчиков С.В. Также именно он осуществлял безопасность существования своего преступного сообщества. Во избежание установления данных о личности членов преступного сообщества Лукьянчиковым С.В. было рекомендовано регистрировать абонентские номера используемых мобильных телефонов на посторонних лиц, оставлять расфасованный героин в оговоренных тайниках, о месте нахождения которых сообщать лицу, осуществляющему незаконный сбыт наркотических средств по определенному номеру мобильного телефона, постоянно менять места расфасовки и сбыта наркотических средств. Осуществляя контроль за деятельностью созданного им преступного сообщества, Лукьянчиков С.В. лично встречался только с руководителями организованных преступных групп и только от руководителей получал отчеты о суммах денежных средств, полученных от незаконного сбыта наркотических средств, причем отчеты в целях конспирации происходили исключительно в устной форме. Сам Лукьянчиков С.В. знал всех участников преступного сообщества, и постоянных и временных, так как по специфике своей работы постоянно общался со всеми лицами, связанными с торговлей и употребле-

нием героина на территории 24-го отдела милиции. Лукьянчиков С.В., в целях непривлечения внимания к организованному им преступному сообществу и его членам категорически запрещал последним приобретать дорогостоящие автомобили, квартиры, мобильные телефоны и другие ценные вещи. Кроме того, в целях конспирации Лукьянчиков С.В. и Ильин И.Н. сами лично никогда не перевозили наркотики, используя для этих целей других лиц.

Необходимо отметить, что оперуполномоченный Лукьянчиков С.В. был у своего руководства на очень хорошем счету, так как он постоянно проводил оперативно-розыскные мероприятия «проверочная закупка» и задерживал наркосбытчиков с поличным, но циничность ситуации заключается в том, что его результативность была вызвана тем, что таким образом он просто избавлялся от наркосбытчиков-конкурентов, которые не входили в его ОПС и не хотели платить ему деньги за возможность торговать героином на подведомственной ему территории 24-го отдела полиции.

24.04.14 вынесен обвинительный вердикт присяжных, согласно которому Лукьянчиков С.В. был признан виновным в руководстве организованного преступного сообщества, члены которого совершили ряд особо тяжких преступлений, направленных на незаконный сбыт наркотических средств в крупном и особо крупном размерах на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Также виновными в совершении сбыта и хранении наркотических средств были признаны еще 12 лиц. Все лица осуждены к различным срокам лишения свободы. Приговор был обжалован подсудимыми и их защитниками, кассационные жалобы оставлены без удовлетворения.

Необходимо отметить, что в связи с вышеуказанными мерами конспирации Лукьянчиков С.В. и Ильин И.Н. были абсолютно уверены, что их не удастся привлечь к уголовной ответственности, о чем они и их адвокаты напрямую заявляли следователям. Каково же было их изумление, когда присяжные признали их виновными практически по всем эпизодам преступной деятельности, а Ильин И.Н. был признан не заслуживающим снисхождения.

Хотелось бы отметить следующие моменты, на которых необходимо сделать акцент следователям при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных в составе преступных сообществ.

1. Убедительными доказательствами для суда и для присяжных по делам данной категории являются видеоматериалы проводимых оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка», на которых запечатлены лица наркоторговцев и моменты непосредственной передачи наркотических средств в обмен на полученные денежные средства.

2. Убедительными доказательствами являются показания лиц, непосредственно употребляющих наркотические средства, рассказывающих об обстоятельствах приобретения ими наркотиков (где приобретали, когда, у кого, как наркотики попадают к лицам, занимающимся их сбытом, кто обеспечивает безопасность наркоторговцев, кто является организатором). Такие показания приобретают основное значение именно в суде, так как судья или присяжные не очень доверяют письменным показаниям таких лиц, опасаясь, что они могли давать показания под давлением оперативных сотрудников и следователей. Допросы таких лиц именно в судебном заседании позволяют убедить присяжных, что данные лица дают полные и правдивые показания, особенно если таких лиц много.

3. Целесообразно заключать соглашения о сотрудничестве с лицами, желающими сотрудничать со следствием и дать подробные показания о деятельности преступного сообщества взамен на менее строгое наказание.

4. Необходимо проверять имущественное положение обвиняемых (наличие квартир, автомашин, денежных средств на счетах), особенно руководителей организованных преступных групп, входящих в организованное преступной сообщество. Так, например, наличие у Лукьянчикова С.В. нескольких миллионов рублей в банке при небольшой заработной плате позволило убедить присяжных, что данные денежные средства получены преступным путем.

5. Установить и доказать признаки конспирации в деятельности ОПС, такие как постоянная смена используемых мобильных телефонов и их оформление на посторонних лиц, постоянная смена места расфасовки и места сбыта наркотических средств, смена автомобилей и т.д.

6. Установить и доказать факт наличия единого руководителя у всех ОПГ, входящих в состав ОПС (доказывается, помимо признательных показаний членов ОПС, показаниями свидетелей, протоколами телефонных соединений, изъятыми мобильными телефонами и записями, в которых имеются данные соучастников).

7. В целях эффективного расследования и рассмотрения данных дел в судах следователям следует осуществлять плотное взаимодействие с сотрудниками оперативных подразделений, начиная со стадии сбора оперативной информации и вплоть до вынесения приговора, давая грамотные советы при оформлении документов оперативно-розыскной деятельности и предоставлении их следствию.

8. Взаимодействовать с государственным обвинителем в целях предоставления суду и присяжным имеющихся в деле доказательств, так как это максимально удобно для восприятия присяжными.

УДК 343.9
ББК 67

Георгий Игоревич САФОНОВ,
адъюнкт кафедры криминалистики Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: gi. safonov@yandex.ru

Научная специальности: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

КЛАССИФИКАЦИЯ СУДЕБНОЙ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье автор определяет классификацию судебной автотехнической экспертизы, отмечая значимость данной классификации, при назначении данной экспертизы исходя из параметров и необходимости рассматриваемого происшествия.

Ключевые слова: судебная автотехническая экспертиза, эксперт-автотехник, специальные знания

George I. SAFONOV,
Associate of the Department of Criminology Mohs Russian
Interior Ministry named V.Ya. Kikot
E-mail: gi. safonov@yandex.ru

Scientific specialty: 12.00.12 — Criminology; forensic activities; operatively-search activity

CLASSIFICATION OF FORENSIC EXAMINATION AUTOTECHNICAL

Annotation. In the article an author determines classification of judicial autotechnical expertise, marking meaningfulness of this classification, at setting of this examination coming from parameters and necessity of the examined incident.

Keywords: judicial autotechnical expertise, expert-autotechnician, expertise

Автотехническая экспертиза относится к классу технических экспертиз и является родовой экспертизой, подразделяющейся на несколько видов.

Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина в работе «Настольная книга судьи: судебная экспертиза» выделяют следующие виды автотехнической экспертизы:

(1) судебная экспертиза технического состояния транспортных средств (автотехническая экспертиза);
(2) судебная экспертиза механизма ДТП;
(3) судебная автодорожная экспертиза (технического состояния дороги, дорожных обустройств и внешних условий на участке ДТП);
(4) судебная инженерная экспертиза психофизиологического состояния водителя[1].

Отдельно ими выделяется транспортно-трасологическая экспертиза, относящаяся к роду криминалистических экспертиз[2].

Несколько иначе виды автотехнической экспертизы определяются в нормативных документах. Так, приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» определены следующие виды автотехнической экспертизы:

- исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия;
- исследование технического состояния транспортных средств;
- исследование следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трасологическая диагностика);
- исследование транспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки;

[1] *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2011. С. 127.
[2] *Судебная* экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина, В.В. Голикова, Е.Н. Дмитриев и др. / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 41.

- исследование технического состояния дороги, дорожных условий на месте дорожно-транспортного происшествия[3].

В экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации проводят следующие виды автотехнической экспертизы:

- исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия;
- исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств;
- исследование следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия (транспортно-трасологическая диагностика);
- исследование маркировочных обозначений транспортных средств[4].

Сравнивая приведенные документы и мнения ученых, можно придти к следующим выводам.

1. К компетенции эксперта-автотехника, как нами уже ранее было отмечено, действительно относится исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия и технического состояния транспортных средств.

2. Отнесение транспортно-трасологической диагностики к роду автотехнических экспертиз вызывает определенные сомнения. Некоторые авторы относят данный вид экспертизы к нетрадиционным видам. Так, Д.П. Песенкова в статье «Криминалистическая характеристика и ее взаимосвязь со следственными ситуациями в методике расследования дорожно-транспортных происшествий» отмечает, что при сомнении следователя, кто мог управлять транспортным средством, он назначает нетрадиционный вид экспертизы — транспортно-трасологическую[5]. В приказе Минтранса РФ №14, Минюста РФ № 24, МВД РФ № 58 от 28.01.2009 «Об утверждении Требований к образовательным программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации экспертов-техников» определены методы транспортно-трасологической экспертизы: классификация дорожно-транспортных происшествий и установление причин повреждения транспортного средства. В то же время среди трасологических экспертиз всегда выделялась трасологическая экспертиза следов транспортных средств. В качестве следов транспортных средств рассматриваются: следы-отображения, передающие внешнее строение различных частей транспортного средства); следы-предметы (узлы, детали, их фрагменты, отделившиеся от транспортного средства); следы-вещества (частицы лакокрасочного покрытия, ГСМ и др.)[6]. Учитывая, что в нормативных документах МВД России и Минюста России речь идет об «исследовании следов на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия», то можно утверждать, что транспортно-трасологическая диагностика относится к криминалистическим (трасологическим) экспертизам и не может быть видом автотехнической экспертизы.

3. Исследование транспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки. Как справедливо отмечают Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина в работе «Настольная книга судьи: судебная экспертиза», судебные автотехнические экспертизы часто смешивают с оценкой повреждений транспортных средств и стоимости восстановительного ремонта. Однако это далеко не одно и то же. Эта путаница обусловлена тем обстоятельством, что многие фирмы, производящие оценку, именуются независимой экспертизой. Однако судебная экспертиза обладает рядом отличительных признаков[7]. Оценка повреждений производится в соответствии с Федеральным законом «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»[8]. Оценка производится вне связи с процессуальной процедурой и оформляется отчетом или актом за подписью руководителя организации, производящей оценку. Этот документ может быть приобщен к делу в качестве письменного доказательства, но никак не в качестве заключения эксперта. В то же время в соответствии с должностными обязанностями эксперт-автотехник на основе изучения отечественной и зарубежной специальной литературы, а так-

[3] Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237

[4] Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511.

[5] *Общество* и право. 2011. № 2. С. 264—269.

[6] *Криминалистика*: Учебник / О.В. Волохова, Н.Н. Егоров, М.В. Жижина и др. / Под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2011. С. 49; *Топорков А.А.* Криминалистика: Учебник. М.: Контракт, Инфра-М, 2012. С. 71; *Криминалистика* для дознавателей: Учебник / Под общ. ред. А. Г. Филиппова и В. В. Агафонова. М.: ДГСК МВД России, 2011. С. 86.

[7] *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И.* Указ. соч. С. 127.

[8] Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016)

же компьютерных баз данных проводит исследования и дает рекомендации по обоснованности исковых требований, правильности расчетов восстановительной стоимости ремонта транспортных средств, определению размера имущественного ущерба, причиненного в дорожно-транспортном происшествии[9]. Таким образом, эксперт-автотехник не исследует транспортное средство в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки, однако, в случае сомнения в стоимости ремонта, указанного в акте организации, которая произвела данную оценку, ему может быть назначена автотехническая экспертиза в целях определения правильности расчетов восстановительного стоимости ремонта транспортного средства.

4. Исследование маркировочных обозначений транспортных средств. Как отмечает М.В. Кардашевская в учебнике «Криминалистика для дознавателей», при расследовании подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства может назначаться автотехническая экспертиза для установления подлинности маркировочных обозначений автотранспортных средств. В круг объектов исследования входят маркировочные обозначения, наносимые на транспортное средство, которые служат как для производственной идентификации (в целях сервисного обслуживания и ремонта), так и для криминалистической идентификации (в целях установления законного владельца)[10]. В должностных обязанностях эксперта-автотехника указано, что он выполняет работу по установлению принадлежности прав собственника на объекты автотехнической экспертизы[11]. Таким образом, исследование маркировочных обозначений транспортных средств является видом автотехнической экспертизы.

На основании изложенного, можно выделить следующие виды автотехнической экспертизы:

(1) исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия;
(2) исследование технического состояния транспортных средств;
(3) определение правильности расчетов восстановительного стоимости ремонта транспортного средства;
(4) исследование маркировочных обозначений транспортных средств.

Представляется, что в приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 и приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 должны быть внесены соответствующие изменения и транспортно-трасологическая диагностика должна быть отнесена к трасологическим экспертизам.

Анализ судебно-следственной практики показал, что практические работники в рамках автотехнической экспертизы по исследованию обстоятельств ДТП выделяют две разновидности этой экспертизы, условно их называя «расчетная» и «ситуационная». Под *расчетной* экспертизой понимается традиционная автотехническая экспертиза, когда эксперту-автотехнику предоставляются все материалы уголовного дела и он на основе проведенных в ходе осмотра места происшествия замеров отвечает на вопросы следователя. *Ситуационная* экспертиза назначается в случае изъятия видеозаписи, на которой зафиксирован факт ДТП. Следует отметить, что в последние годы многие автомобилисты используют в своих транспортных средствах видеофиксатор, информация с которого может стать доказательством по уголовному делу. Назначение автотехнической экспертизы, на которую представлен видеофиксатор, имеет свою специфику, обусловливающую и специфику проведения самого исследования. Как отмечает Ф.Г. Аминев в статье «Актуальные проблемы ситуационного моделирования в судебно-экспертной деятельности», в результате ситуационного моделирования экспертного исследования объектов, связанных с расследуемым событием, можно установить:

- свойства и состояние использованных при совершении преступлений материальных объектов и действовавших при этом лиц;
- свойства и условия формирования факторов обстановки события преступления (пространственных, временных, ситуационных);
- механизм возникновения и протекания отдельных этапов, процессов преступления и их взаимодействие между собой и различного рода объектами[12].

[9] О внесении дополнений в Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих: Постановление Минтруда РФ от 21.01.2000 N 7

[10] *Кардашевская М.В.* Методика расследования подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства // Криминалистика для дознавателей: Учебник / Под общ. ред. А. Г. Филиппова и В.В. Агафонова. М.: ДГСК МВД России, 2011. С. 508.

[11] О внесении дополнений в Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих: Постановление Минтруда РФ от 21.01.2000 № 7.

[12] *Аминев Ф.Г.* Актуальные проблемы ситуационного моделирования в судебно-экспертной деятельности // Эксперт-криминалист. 2013. № 3. С. 12—14.

Таким образом, определение автотехнической экспертизы, на которую представлен видеофиксатор, как ситуационной является верным. Таким образом, в рамках автотехнической экспертизы по исследованию обстоятельств ДТП можно выделить два подвида — традиционную и ситуационную экспертизы.

В криминалистике экспертизы, кроме классификации по отраслям знаний, выделяют классификацию по составу используемых знаний – однородные и комплексные экспертизы[13]. Автотехническая экспертиза является однородной экспертизой, но в то же время с участием эксперта-автотехника могут проводиться и комплексные экспертизы, например судебная медико-автотехническая, автотехническая с участием эксперта-металловеда, комплексная транспортно-трасологическая и автотехническая. Результаты анализа судебно-следственной практики показал, что последний вид комплексной экспертизы, как правило, проводится одним экспертом, обладающим специальными знаниями в области трасологии и автотехники.

Таким образом, автотехническую экспертизу можно классифицировать в зависимости от целей исследования на следующие виды:

- исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия (традиционное и ситуационное);
- исследование технического состояния транспортных средств;
- определение правильности расчетов восстановительной стоимости ремонта транспортного средства;
- исследование маркировочных обозначений транспортных средств.

[13] *Филиппов А.Г.* Тактика назначения и порядок производства судебных экспертиз. Помощь специалистов в расследовании // Криминалистика для дознавателей: Учебник / Под общ. ред. А.Г. Филиппова, В.В. Агафонова. М.: ДГСК МВД России, 2011. С. 275.

УДК 343.98
ББК 67.52

Андрей Анатольевич СТРЕЛКОВ,
старший инспектор отдела материально-технического обеспечения Главного управления обеспечения деятельности Следственного комитета Российской Федерации,
полковник юстиции
E-mail: 65strelkov@mail.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИН ДЕТСКОЙ СМЕРТИ МЕТОДОМ ВИРТУАЛЬНОЙ АУТОПСИИ

Аннотация. В статье дается анализ проблем, возникающих при установлении причин детской смерти при производстве доследственных проверок и расследовании уголовных дел. Рассматривается возможность их разрешения при использовании в судебно-медицинской практике инновационной научно-практической методики неинвазивных (без применения полостного вскрытия тела) способов посмертного вскрытия — «виртуальная» аутопсия, проводимая с применением рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ) и 3D-технологий.

Ключевые слова: инновационные методики, рентгенологический метод, судебно-медицинская экспертиза, спиральная компьютерная томография, предварительные криминалистические исследования, «виртуальная» аутопсия

Andrei Anatolevich STRELKOV,
colonel of Justice, senior inspector of the management to ensure the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: 65strelkov@mail.ru

DETERMINATION OF THE CAUSES OF CHILD DEATH BY A «VIRTUAL» AUTOPSY

Annotation. In the article the analysis problems encountered in establishing the causes of infant death in the manufacture of pre-investigation checks and criminal investigations. The possibility of their resolution when used in forensic practice innovative scientific-practical methods of non-invasive (without the use of abdominal dissection of the body) ways autopsy — "virtual autopsy conducted with the use of x-ray method of computed tomography (CT) and 3-D technologies.

Keywords: Innovative techniques; x-ray method; forensic examination; spiral CT; preliminary forensic investigations; «virtual» autopsy

Потеря ребенка – большое горе для родителей, и установление истины, свидетельствующей о том, что же именно явилось причиной смерти — наступила она в силу каких-то непреодолимых причин или же вследствие профессиональных упущений, — задача не только врачей, но следственных работников. Решение ее связано с использованием следователями специальных познаний, а также максимально возможных достижений научно-технического прогресса в области клинической медицины, криминалистики и судебно-медицинской экспертизы.

Наиболее объективным и точным способом определения патологии и причины детской смерти является аутопсия – инвазивное секционное вскрытие.

Согласно Федеральному закону № 323 от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» патологоанатомическое исследование проводится во всех случаях мертворождения и смерти детей в первые 28 дней жизни, на основании результатов аутопсии оформляют медицинское свидетельство о смерти, в котором указывают основные заболевания и состояние ребенка, явившиеся причиной смерти в перинатальном периоде.

К сожалению, нередки ситуации, когда родственники из религиозных или этических побуждений не соглашаются на проведения аутопсии трупа ребенка. В таких случаях патологоанатомическое вскрытие детей, умерших после 28 дней жизни, может быть отменено, что лишает как врачей, так и следователей возможности установления точного диагноза и истинной причины смерти.

Медицинская статистика убедительно доказывает, что показатель общего процента расхождения диагнозов (клинического и патологоанатомического) в специализированных лечебных учреж-

дениях, в том числе и в родильных домах, в среднем колеблется от 15 до 20% [1]. Еще больше этот процент возрастает при анализе смерти человека на дому. Если говорить о перинатальной смертности, то, по данным литературы, в 25—30% наблюдений результаты вскрытий умерших новорожденных дополняют клинический диагноз, а в 10—40% случаев выявляются совершенно иные причины смерти [9—11].

Как показывает следственная практика, поводом к проведению доследственных проверок, а при наличии оснований и к расследованию уголовного дела чаще всего служат жалобы родственников умерших, утверждающих, что неблагоприятные последствия (смерть) стали результатом неправильного лечения или недостаточного внимания со стороны медицинского персонала. При возникновении вопросов со стороны следствия или иных участников уголовного судопроизводства подтверждение обоснованности полученных выводов из «Заключения судебно-медицинского эксперта» по исследованию трупа нередко вызывает большие сложности, прежде всего по объективным обстоятельствам. Известно, что исследование трупа после эксгумации осложнено различными его естественными изменениями (гниением). В связи с этим назначение и проведение повторных, дополнительных или комиссионных экспертиз приводят порой к необоснованному затягиванию сроков расследования.

В связи с этим заслуживает внимания использование инновационных методов исследования трупов (особенно младенцев), в основе которых лежат такие визуализационные технологии, как компьютерная томография (КТ) и мультиспиральная компьютерная томография (МСКТ), характеризующиеся высокой разрешающей способностью и возможностью последующего анализа полученных изображений. Так как КТ является неинвазивным методом диагностики, отпадает необходимость рассечения кожных покровов, извлечения внутренних органов и т.д. Очень важно, что при этом не нарушаются топографические и анатомические соотношения и особенности органов и тканей. Крайне важным в таких случаях является деликатное решение этических вопросов, поскольку удается избежать нанесения дополнительной психической травмы родственникам умершего ребенка.

Авторским коллективом, сотрудниками Следственного комитета России и Тверского медицинского университета, в инициативном порядке осуществляются работы по изучению возможностей использования метода неинвазивного посмертного исследования трупа с применением КТ и МСКТ, а также 3D-технологий (рабочее название – «виртуальная» аутопсия), без использования инвазивной аутопсии в криминалистике и судебной медицине [3—7].

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что выполнение посмертного КТ-исследования повышает диагностические возможности обычного судебно-медицинского или патологоанатомического вскрытия. Более того, в ряде случаев оно может служить ему разумной альтернативой.

Так, например, в ряде областей Японии, не имеющих высококвалифицированных специалистов-патологов, но хорошо оснащенных компьютерными томографами, в начале нынешнего века была налажена система проведения посмертных КТ-исследований для установления причины смерти погибших людей [13].

Собственные исследования, а также анализ зарубежной литературы позволяют высказать обоснованное мнение, что посмертное КТ-исследование решает три основные задачи:

(1) это исследование непосредственных причин смерти, поскольку позволяет установить ряд смертельных осложнений;
(2) в случае выявления во время КТ каких-либо изменений, отсутствующих в истории болезни, дается рекомендация о необходимости проведения классического патологоанатомического или судебно-медицинского исследования;
(3) появляется возможность использования данных КТ для более полноценного выявления патологии во время классической аутопсии (если к ней будут соответствующие показания).

Сделанные нами выводы о возможностях и перспективах применения КТ для установления причин смерти детей, в свою очередь также подтверждаются результатами исследований, проводимых специалистами Научного центра акушерства, гинекологии и перинатологии им. акад. В.И. Кулакова, по теме посмертной КТ мертворожденных [2].

На наш взгляд, внедрение в практику «виртуальной» аутопсии в нашей стране сдерживается основным фактором – отсутствием соответствующей материально-технической базы государственных судебно-медицинских экспертных учреждений.

Имеющиеся компьютерные томографы находятся и применяются практически только в лечебно-диагностических учреждениях и, согласно санитарно-эпидемиологических нормам, не могут быть использованы для исследования трупов, в том числе и детей.

Тем не менее необходимость решения проблемы оперативного и качественного установления причин смерти детей, опираясь на результаты проведенных исследований, позволяют высказать предложение о возможности применения неинва-

зивного посмертного КТ-исследования, в целях установления причины смерти ребенка уже в настоящее время.

В этом случае учитывается, что какие-либо правовые акты или ведомственные организационно-распорядительные документы, запрещающие проводить исследование мертвого тела методом рентгеновской компьютерной томографии, в медицинском учреждении в настоящее время отсутствуют, а ограничения в проведении таких исследований регламентированы только санитарно-эпидемиологическими нормами и правилами.

Таким образом, в исключительных случаях (а смерть ребенка, по нашему мнению, и является как раз таким чрезвычайным и исключительным случаем) считаем возможным проведение исследования мертвого тела – «виртуальной» аутопсии, методом рентгеновской компьютерной томографии в медицинском учреждении в рамках уже существующего правового поля.

Дополнительная научно-исследовательская работа в данном направлении и привлечение известных в данной области отечественных специалистов позволяют нам создать научно обоснованную методику исследовании тела человека, умершего в стационарном лечебном учреждении, с соблюдением санитарно-эпидемиологических норм. Здесь просматривается целый ряд подходов, таких как помещение трупа в герметически закрытую емкость, специальный пластиковый пакет и т.д.

Учитывая, что проблеме детской и подростковой смертности в РФ, в том числе младенческой, уделяется повышенное внимание как соответствующими медицинскими специалистами, так и обществом в целом, использование «виртуальной» аутопсии для установления причин смертности можно считать одним из значимых и действенных шагов к решению данной проблемы. И, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, данный метод может сыграть не последнюю роль в значительном повышении продолжительности жизни населения нашей страны.

Список литературы

1. *Нефёдов В.П. Абашев А.Р., Абдрашитов К.М., Сердюк И.Л.* Структура летальности и частота расхождений между клиническими и патологоанатомическими диагнозами // Казанский медицинский журнал. 2010. № 4.

2. *Туманова У.Н., Федосеева В.К., Ляпин В.М.* и др. Посмертная компьютерная томография мертворожденных с костной патологией // Медицинская визуализация. 2013. № 5.

3. *Дадабаев В.К., Стрелков А.А.* Виртуальная аутопсия за рубежом и перспективы ее развития в Российской Федерации // Эксперт-криминалист. 2015. № 1.

4. *Дадабаев В.К., Стрелков А.А. З*аконодательная основа производства судебно-медицинской экспертизы и возможности применения рентгеновского метода компьютерной томографии (скт) в исследовании трупа // Библиотека криминалиста. Науч. журн. 2014. № 6.

5. *Дадабаев В.К., Стрелков А.А.* «Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности // Библиотека криминалиста. Науч. журн. 2014 . № 4.

6. *Стрелков А.А., Дадабаев В.К.* Новые научные методы как путь достижения объективной истины при расследовании преступлений против личности: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовный процесс: от прошлого к будущему». ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации». М., 2014. Ч. 2.

7. *Стрелков А.А., Дадабаев В.К.* Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз и возможности их решения при использовании рентгеновского метода компьютерной томографии (СКТ) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сб. науч.-практ. тр. ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации». М., 2014. Вып. 4.

8. *Стрелков А.А., Дадабаев В.К.* Возможности криминалистического исследования трупа методом рентгеновской компьютерной томографии // Вестн. Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 2.

9. *Gordijn S.J., Erwich J.J., Khong T.*Y. Value of the perinatalautopsy: critique. Pediatr. Dev. Pathol. 2002; 5.

10. *Amini H., Antonsson P., Papadogiannakis N.* et al. Comparison of ultrasound and autopsy findings in pregnancies terminated due to fetal anomalies. Acta Obstet. Gynecol. Scand. 2006; 85.

11. *Sankar V.H., Phadke S.R.* Clinical utility of fetal autopsyand comparison with prenatal ultrasound findings.J. Perinatol. 2006; 26.

12. *Akgun H., Basbug M., Ozgun M.T.* et al. Correlationbetween prenatal ultrasound and fetal autopsy findings in fetal anomalies terminated in the second trimester. Prenat. Diagn. 2007; 27.

13. *Ezawa H., Shiotani S., Uchigasaki S.* Autopsy imaging inJapan. Rechtsmedizin. 2007; 17.

14. *Федеральный* закон № 323 от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. *Приказ* Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК
ББК

Андрей Бореславович ЯНИШЕВСКИЙ,
кандидат юридических наук, докторант,
генерал-майор полиции

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ РЫНОК — ОБЪЕКТ ПОВЫШЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ВНИМАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье нами излагаются факторы, обусловливающие необходимость осуществления оперативного контроля за производством и оборотом лекарственных средств, с тем чтобы не допустить обращения на фармацевтическом рынке поддельных лекарств.

Ключевые слова: оперативно-профилактическое мероприятие, подразделения ЭБиПК, сфера производства и оборота лекарственных средств, экономические преступления, нелегальное производство, фальсифицированные лекарства

Andrey Boreslavovich JANISZEWSKI,
Candidate of Legal Sciences, doctoral student,
Police Major General

THE PHARMACEUTICAL MARKET – OBJECT INCREASED OPERATIONAL FOCUS

Annotation. In this article, we set out the factors causing the need for the implementation of operational control over the production and trafficking of drugs in order to prevent the circulation in the pharmaceutical market of counterfeit medicines.

Keywords: preventive operation; EBiPK units; the production and trafficking of drugs; economic crimes; illegal production; counterfeit medicines

Фармацевтический рынок — один из важнейших секторов экономики, обеспечивающий производство и оборот лекарственных средств и препаратов. На фоне социально-экономических трудностей в стране организованные преступные группы всячески предпринимают попытки, чтобы рассматриваемый сектор наряду с другими прибыльными отраслями экономики также находился бы под их влиянием. Ими, несмотря на принимаемые со стороны правоохранительных органов меры, совершаются преступления, связанные с незаконным производством и оборотом фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств и биологически активных добавок к пище.

Как известно, фармацевтика и медицина[1] наряду с другими отраслями относятся к числу *системообразующих*. Несмотря на финансовые затруднения, эти отрасли в полном объеме получают из бюджета денежные средства для их нормального функционирования, поскольку они, как известно, одновременно являются социально значимыми. Учитывая данное обстоятельство, выделенные средства на объектах здравоохранения[2] должны расходоваться не только эффективно, но совсем недопустимо, чтобы они стали предметом преступного посягательства (хищений и нецелевого расходования). Президент РФ и Председатель Правительства РФ неоднократно обращали на это внимание правоохранительных и иных государственных органов страны.

По мнению авторов настоящей статьи, между тем существует проблема, связанная с выявлением и пресечением экономических и коррупционных преступлений на объектах производства и реализации лекарственных средств и биологически

[1] *Медицина* — совокупность наук о здоровье и болезнях, о лечении и предупреждении болезней, а также практическая деятельность, направленная на сохранение и укрепление здоровья людей, предупреждение и лечение болезней. См.: *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 348.

[2] *Здравоохранение* — охрана здоровья населения, предупреждение и лечение болезней, поддержание общественной гигиены и санитарии. См. об этом: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Указ. раб. С. 228.

активных добавок к пище, *суть которой заключается в разрешении противоречий между объективной потребностью в повышении эффективности ОРД ОВД и их подразделений ЭБиПК по борьбе с указанными видами преступлений на указанных объектах и неполнотой современных научно обоснованных представлений по оперативно-розыскному обеспечению решения названной задачи.*

Подразделения ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне совместно с заинтересованными органами исполнительной власти субъектов РФ регулярно в рамках оперативно-профилактического мероприятия (ОПМ) «Контрафакт» проводят комплекс мероприятий, направленных на выявление и пресечение фактов производства и реализации фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств и биологически активных добавок к пище. Так, в 2014 г. ими было проверено 136 предприятий — производителей лекарственных средств и биологически активных добавок к пище. При этом было выявлено 1023 единицы фальсифицированной, недоброкачественной лекарственной продукции и биологически активных добавок к пище на общую сумму более 2,8 млн руб.

Совершаемые преступления связаны с незаконным производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств и биологически активных добавок к пище. Размер причиненного материального ущерба по уголовным делам, предметом преступной деятельности по которым являлись фальсифицированные и недоброкачественные лекарства, продолжает расти.

Многолетняя практика показывает, что одним из каналов сбыта такого рода лекарств продолжает оставаться сеть Интернет. Не случайно практикуется проведение международной операции «Пангея». Такая операция проводится совместно с Генеральным секретариатом Интерпола.

Данное обстоятельство настораживает на фоне дефицита недорогих лекарств, входящих в перечень жизненно необходимых и важнейших. В настоящее время в этом перечне 646 лекарств. Фармкомпании сокращают и даже приостанавливают производство препаратов стоимостью до 50 руб. за упаковку, ибо их производство становится убыточным (нерентабельным). Как известно, недорогие отечественные лекарства «производятся из импортируемых субстанций (основной компонент любой таблетки — действующее вещество). Но стоимость сырья при его закупке «привязана» к курсу доллара. К биржевому курсу привязана и цена фольги для расфасовки, и стоимость ампульного стекла. Но окончательная отпускная цена на таблетки по жизненно важным лекарствам фиксируется государством»[3].

Руководители подразделений ЭБиПК, учитывая складывающуюся на фармацевтическом рынке обстановку, должны проводить глубокий мониторинг состояния криминогенной ситуации и на этой основе определить возможное ее развитие. Можно предположить, что в условиях дефицита недорогих отечественных лекарств большая вероятность появления подпольных цехов по производству фальсифицированных препаратов. Для этого дельцы теневого бизнеса, скорее всего, начнут приобретать оборудование, арендовать помещения, привлекать рабочую силу из числа нелегальных мигрантов.

МВД России своевременное выявление и предупреждение преступлений в сфере фармацевтической деятельности, а также пресечение оборота фальсифицированных, недоброкачественных и незаконно ввезенных на территорию Российской Федерации лекарственных средств и биологически активных добавок к пище рассматривает одним из приоритетных направлений деятельности территориальных ОВД и их подразделений ЭБиПК.

Руководители названных подразделений, организуя оперативное обслуживание фармацевтического рынка со всей его инфраструктурой, должны принимать во внимание многие факторы, оказывающие в первую очередь влияние на уровень и режим обслуживания.

По мнению экономистов, фармацевтический рынок на сегодня является одним из наиболее динамичных и быстро развивающихся экономических социально значимых рынков, его рост в последние пять лет составлял 20—30% ежегодно и, по прогнозам, продолжится в ближайшее десятилетие в среднем не менее 10—12% в год. В результате, по разным оценкам, его объем к 2020 г. достигнет 25—35 млрд долл. США.

Рост объема отечественного фармацевтического рынка и высокая доходность, получаемая от этой деятельности, делают сферу обращения лекарственных средств привлекательной для российских и международных преступных групп. Одним их основных видов преступной деятельности в фармацевтической отрасли выступают производство и продажа фальсифицированных лекарственных средств, что является серьезнейшей проблемой не только для России, но и практически для всех стран мира. Эксперты Всемирной организации здравоохранения считают, что каждый двад-

[3] *Невинная И.* Таблетки на вес золота // Российская газета. 2016. № 24 (6892). 5 февраля. С. 1.

цатый препарат на мировом рынке, а в развивающихся странах — каждый третий является фальсифицированным. По их мнению, убытки фармацевтических компаний мира от действий правонарушителей за один календарный год составляют более 50 млрд долл. США.

Давайте представим ситуацию: если только в Московской области в прошлом году по линии здравоохранения было выявлено 75 (АППГ[4] 69) преступлений, тяжких и особо тяжких — 49 (АППГ 17), в крупном и особо крупном размерах — 4 (АППГ 7), выявлено преступлений, лица по которым установлены — 65 (АППГ 69), в том числе избрана мера пресечения: в порядке ст. 91, 92 УПК задержано — 0 (АППГ 2), арест — 0 (АППГ 2), домашний арест — 0 (АППГ 0), подписка о невыезде — 48 (АППГ 51), было расследовано преступлений — 54 (АППГ 78), направлено в суд — 31 (АППГ 72), привлечено лиц к уголовной ответственности — 22 (АППГ 19), по тяжким и особо тяжким — 19 (АППГ 13), сумма причиненного ущерба — 48 256 тыс. руб., (АППГ 8 094 тыс. руб.), сумма возмещенного ущерба — 45 698 тыс. руб. (АППГ 1188 тыс. руб.), то нетрудно понять, какие средства могли оказаться в распоряжении дельцов теневого бизнеса, орудующих в сфере здравоохранения, включая фармацевтический рынок. Вот еще один показатель, характеризующий работу подразделений ЭБиПК: в рамках государственной программы Московской области «Здравоохранение Подмосковье» на 2014—2020 гг. было выявлено 23 преступления.

Так, сотрудниками подразделений ЭБиПК Московской области в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий была пресечена деятельность международной преступной группы, состоявшей из граждан РФ и стран СНГ, осуществлявшей в промышленных масштабах производство и сбыт фальсифицированных лекарственных средств. В результате принятых мер им удалось установить организатора преступной группы — ранее судимого, а также четырех активных членов ОПГ. В подпольном цехе было изъято производственное и упаковочное оборудование, более 37 тыс. готовых к реализации препаратов, более 1 млн нерасфасованных таблеток различных наименований, 300 кг фармацевтической субстанции, более 50 тыс. заготовок упаковки к лекарственным средствам.

При проведении неотложных следственных действий — обысков в местах жительства фигурантов, незаконного производства и в типографиях — изъяты предметы и документы, являющиеся доказательствами преступной деятельности членов ОПГ.

Или другой пример. Сотрудниками подразделений ЭБиПК МВД по Кабардино-Балкарской Республике и ГУ МВД России по Ростовской области была пресечена деятельность группы лиц, организовавших в промышленных масштабах подпольное производство и сбыт поддельных лекарственных средств с незаконным использованием товарных знаков. В результате преступных действий данных лиц правообладателям причинен ущерб в сумме более 600 млн руб.

Лекарственные средства преступная группа распространяла через аптечные сети г. Москвы и Московской области, Кабардино-Балкарской республики, Воронежской и Ростовской областей.

В ходе оперативной проверки были получены доказательства, что члены преступной группы действовали совместно и согласованно, в рамках отведенных каждому ролей, в составе четырех самостоятельных подразделений преступного сообщества (ПС) на территории указанных субъектов Российской Федерации.

Участники преступного сообщества были заведомо осведомлены о противоправных действиях других участников ОПС, преступная деятельность осуществлялась с соблюдением мер строгой конспирации. Руководителем ОПС были разработаны специальные меры безопасности, позволявшие длительное время избегать разоблачения преступной деятельности членов сообщества правоохранительными органами.

Проведенный анализ криминогенной ситуации в сфере оборота лекарственных средств и биологически активных добавок к пище показывает, что имеются системные проблемы, связанные с развитием фармацевтической отрасли и зависимостью внутреннего рынка от импорта.

К сожалению, отечественные фармацевтические предприятия обеспечивают потребности внутреннего рынка в лекарствах лишь на 40% в количественном выражении. А если учесть зависимость отечественных производителей (фармкомпаний) от поставок фармацевтического сырья, то приведенная цифра окажется намного меньше. Лекарства производятся из импортируемых субстанций, стоимость которых при их закупке «привязана» к курсу доллара.

В настоящее время в России действуют более 500 производителей лекарственных средств (из них около 150 активно работающих), 2,5 тыс. организаций оптовой торговли лекарственными средствами и более 90 тыс. организаций розничной торговли лекарственными средствами (аптек, аптечных пунктов, киосков).

[4] Здесь и далее приведены показатели по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

Для поддержания системы здравоохранения в целом (субсидирования фармкомпаний) государство ежегодно производит большие финансовые вливания. Так, например, в настоящее время на территории Московской области реализуется государственная программа Московской области «Здравоохранение Подмосковье» на 2014—2020 гг. с объемом финансирования в 2016 г. 118 047 625,4 тыс. руб. В связи с этим задача по защите бюджетных средств от преступных посягательств, предотвращению случаев нецелевого их расходования во всех субъектах Российской Федерации выходит на первый план.

Уже небольшой перечень факторов, непосредственно влияющих на организацию оперативного обслуживания, свидетельствует о том, что сфера производства и оборота лекарственных средств и биологически активных добавок к пище в силу повышенного уровня ее криминогенности продолжает оставаться в числе объектов первоочередной оперативной заинтересованности.

Оперативно-розыскная работа на объектах сферы производства и оборота лекарственных средств и биологически активных добавок к пище, как показывает выборочное изучение, проводится по четырем основным направлениям:

- выявлению криминогенных факторов на основе осуществления мониторинга ситуации и принятию мер по их нейтрализации (локализации);
- установлению источников и каналов поступления на российский фармацевтический рынок фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств и биологически активных добавок к пище. Нелегальное их производство возможно и на легальных фармацевтических предприятиях страны;
- своевременному пресечению фактов сращивания организованных преступных групп (сфера влияния которых фармацевтический рынок) с коррупционерами из числа лиц, уполномоченных осуществлять контрольно-надзорные функции в рассматриваемой сфере;
- документированию преступлений, предусмотренных ст. 235.1, 238.1 и 327.2 УК РФ, посредством разработки и проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий с использованием сил, средств и методов ОРД. Чтобы создать необходимые предпосылки для доказывания, уже на этапе доследственной оперативной проверки целесообразно закрепить умысел дельцов на производство и реализацию поддельных медикаментов путем проведения в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» специальных технических мероприятий.

Так, например, при документировании фактов незаконного использования чужого товарного знака инициатору проверки следует твердо уяснить, что производство поддельных медикаментов заключается в изготовлении лекарственных препаратов путем незаконного нанесения на них и их упаковку средств индивидуализации (товарных знаков, фирменных наименований, наименования мест происхождения товаров) фирм известных зарубежных производителей. Примерно 40% фальсификатов — отечественного происхождения, до 10% поступают из стран СНГ и Балтии, около 50% — из стран дальнего зарубежья: Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии (экспертные оценки доли фальсифицированных лекарственных средств различаются в зависимости от методики подсчета: по стоимости и видам лекарственных средств, по количеству упаковок, по количеству и объему серий и т.д.).

Важно учесть, что отечественные производители изготавливают фальсифицированные лекарственные средства следующими способами: изготовление и реализация лекарства путем незаконного использования товарного знака (часто фальсифицируются фестал, трихопол, ношпа и др.). Отличие этого способа состоит в том, что лекарство зарубежного производителя изготавливается в виде точной копии, т.е. почти тот же состав веществ, то же название лекарства и в такой же упаковке. Современное полиграфическое оборудование позволяет изготовить упаковку лекарственных средств, в точности соответствующую оригинальной, в связи с чем невозможно по упаковке и даже по внешнему виду и маркировке лекарственных средств определить качество препарата и сделать вывод о его подделке. В связи с этим большинство фальсифицированных лекарственных средств невозможно выявить.

Следует отметить, что наиболее опасным признается фальсификация лекарств на легальных фармацевтических предприятиях, производимая отечественными предпринимателями, в руках которых находятся технологические возможности по изготовлению фальшивых лекарств и логистические возможности по их распространению. Благодаря различным способам маскировки преступной деятельности по производству и реализации фальсифицированных лекарственных средств такое предприятие может существовать длительное вре-

мя, выпуская большое количество подделок разнообразного ассортимента.

Л.В. Ерохина (Казанский юридический институт МВД России), изучая причины латентности преступлений, связанных с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств, приходит к выводу, что за последние годы в динамике преступности в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств наиболее очевидна тенденция к последовательному снижению общего числа зарегистрированных преступлений. Далее автор отмечает, что отмеченная тенденция на первый взгляд как бы связана с повышением эффективности борьбы с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств. Однако она, скорее, отражает не реальное положение вещей, а лишь высокий уровень латентности этих преступлений. Кроме того, оценивая официальную статистику, следует иметь в виду, что в ряде случаев оборот фальсифицированных лекарственных средств (до 100 упаковок) практическими сотрудниками не относится к числу уголовных деяний и влечет за собой применение административных санкций. Поэтому можно сделать вывод, что абсолютные данные официальной статистики не являются достаточно надежными показателями результативности работы органов внутренних дел. О реальных масштабах фальсификации лекарственных средств могут свидетельствовать такие показатели, как рост выявления на фармацевтическом рынке страны фактов подделки под известные бренды различного рода медикаментов; существенное расхождение объемов продаж легальной фармацевтической продукции с количеством приобретаемых потребителями аналогичной группы медикаментов; увеличение числа сообщений в СМИ о фактах производства и распространения поддельной лекарственной продукции, а также данные социологических опросов и др.

Разделяя отчасти мнение Л.В. Ерохиной, хотим подчеркнуть то обстоятельство, что при изучении и анализе криминогенной ситуации на фармацевтическом рынке руководители ОВД и их подразделений ЭБиПК должны принимать во внимание как гласные, так и конфиденциальные источники информации о производстве и реализации фальсифицированных лекарств.

В заключение считаем важным отметить следующее.

1. В настоящей статье из-за ограниченности ее объема нам не удалось осветить многие положения, связанные с оперативным обслуживанием фармацевтического рынка.

2. Нельзя не отметить то обстоятельство, что оперативное обеспечение декриминализации фармацевтического рынка — комплексная проблема, предполагающая объединение усилий всех органов, правомочных осуществлять ОРД, а также правоохранительных и контрольно-надзорных органов, с тем чтобы своевременно выявлять и пресекать факты обращения на этом рынке фальсифицированных лекарственных средств и медицинских препаратов.

3. Разработка научно обоснованных критериев отнесения структурных звеньев рассматриваемого рынка к числу объектов повышенного оперативного внимания (объектов первоочередной оперативной заинтересованности) исходя из сложившейся криминогенной ситуации, ограниченности штатной численности оперативных работников, например тех же подразделений ЭБиПК, — не менее важная задача. Такая задача, на наш взгляд, должна быть поставлена перед научно-исследовательскими учреждениями правоохранительной направленности.

4. Мы отдаем себе отчет в том, что не все высказанные нами положения в настоящей статье бесспорны. Отдельные из них требуют углубленного изучения и могут быть предметом для дальнейших дискуссий.